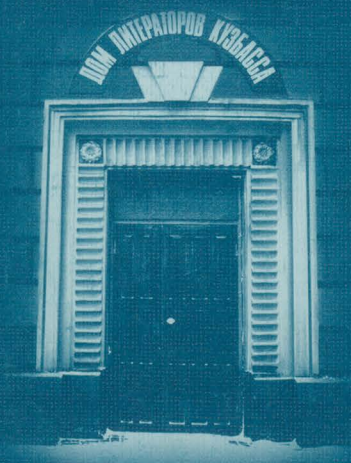
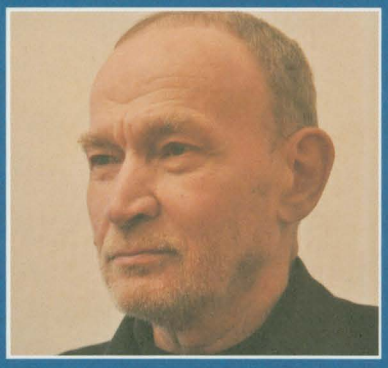
Огни Кузбасса

№ 1 / 2012

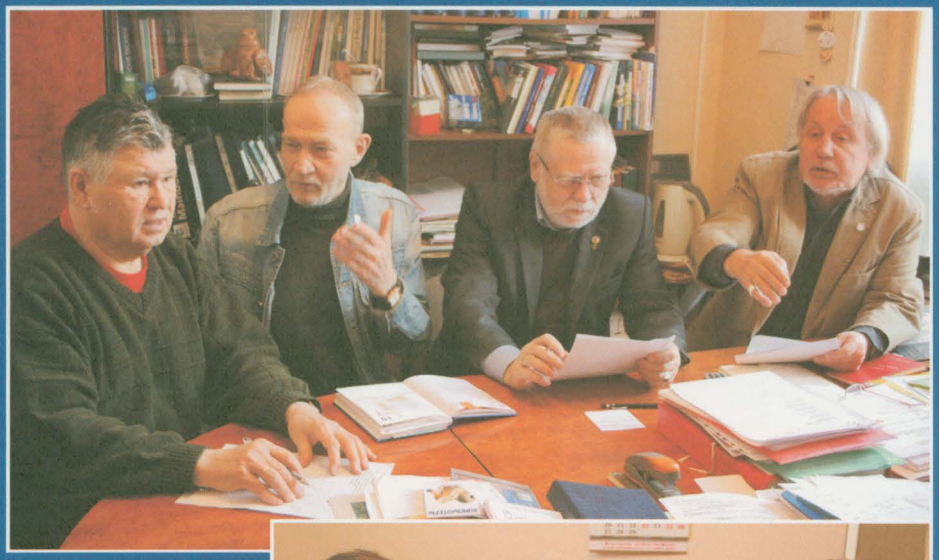

26 декабря на Губернаторском приёме награждены областными литературными премиями за 2010–2011 годы поэт ВАЛЕРИЙ ЗУБАРЕВ (за поэтические произведения – премия им. В. Д. Фёдорова) и писательница ЛЮБОВЬ СКОРИК (за прозаические произведения – премия им. А. Н. Волошина).

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПИСАТЕЛЕЙ В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Материалы круглого стола читайте на стр. 3–6.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров, Кемерово, Председатель общественного совета

В. Н. Ганичев, Москва, Председатель Союза писателей России

Л. Т. Зауэрвайн, Кемерово, начальник департамента культуры и национальной политики Кемеровской области

С. Ю. Куняев, Москва

В. И. Лихоносов, Краснодар

М. И. Найдов, Кемерово, директор Кемеровского областного общественного фонда «Шахтёрская память», им. В. П. Романова

Г. Л. Немченко, Москва

В. И. Носырев, Кемерово, заместитель председателя совета директоров ОАО «Кемсоцинбанк»

В. А. Плющев, Кемерово, начальник отдела по связям с общественностью ОАО «Кузбассэнерго»

И. Ф. Фёдорова, Кемерово, заместитель Главы города по социальным вопросам

С. В. Филатов, Бийск

В. И. Шемшученко, Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 1 / 2012
ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

Литературный журнал выходит благодаря поддержке администрации Кемеровской области, администрации города Кемерово, ОАО «Кемсоцинбанк» и издательства «Кузбассвузиздат»

Главный редактор
Сергей ДОНБАЙ

Редколлегия:
Виктор АРНАУТОВ,
Валерий ЗУБАРЕВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Владимир МАЗАЕВ,
Дмитрий МУРЗИН (ответ. секретарь),
Любовь НИКОНОВА,
Марина ЧЕРТОГОВА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Адрес редакции:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

739566
ГБУК КемОНБ им. В.Д.Фёдорова
Газетно-журнальный фонд

Содержание

Исторический выбор. (Круглый стол писателей) 3

ПРОЗА

Татьяна Ильдимирова. Чужие квартиры. Повесть 11

Анна-Нина Коваленко. Пять Ступенек к Воскресению (Стася) 34

Михаил Анохин. Новая сказка про Иванушку-дурачка 116

Людмила Куликова. Один день Натки Семидолькиной 130

ПОЭЗИЯ

Марина Струкова. Богатырский пост 7

Валерий Зубарев. Запредельное нас окрыляет 28

Андрей Фролов. Над туманом сад плывёт 113

Елена Елистратова. Фрагменты городской мозаики 126

Поэтическая почта: **Андрей Шендаков, Юрий Матвеев, Нелли Ермакова, Валерий Ухандеев, Анатолий Валентинов, Надежда Кудрявцева-Кузнецова** 133

ОЧЕРК

Борис Дюкин. Дорога на Лесную Поляну. Записки инженера путей сообщения 137

ПУБЛИЦИСТИКА

Анатолий Ярмолюк. Бои на последнем рубеже 150

ИСКУССТВО

Зоя Естамонова. «Отчего так в России березы шумят?» 154

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Юрий Першин. Хомутовские пороги 164

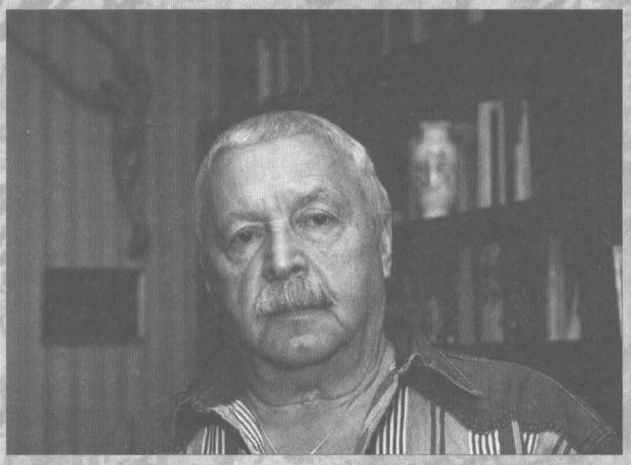
КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валерий Плющев. К прозе меня привела любовь... 168

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовила **Н. Мурзина** 170

ЮРИЮ ЛЕВИТАНСКОМУ – 90 ЛЕТ

(1922–1996)

ДИАЛОГ У НОВОГОДНЕЙ ЕЛКИ

— Что происходит на свете?— А просто зима.
— Просто зима, полагаете вы?— Полагаю.
Я ведь и сам, как умею, следы пролагаю
в ваши уснувшие ранней порою дома.

— Что же за всем этим будет?— А будет январь.
— Будет январь, вы считаете?— Да, я считаю.
Я ведь давно эту белую книгу читаю,
этот, с картинками вьюги, старинный букварь.

— Чем же все это окончится?— Будет апрель.
— Будет апрель, вы уверены?— Да, я уверен.
Я уже слышал, и слух этот мною проверен,
будто бы в роще сегодня звенела свирель.

— Что же из этого следует?— Следует жить,
шить сарафаны и легкие платья из ситца.
— Вы полагаете, все это будет носиться?
— Я полагаю,что все это следует шить.

— Следует шить, ибо сколько вьюге ни кружить,
недолговечны ее кабала и опала.
— Так разрешите же в честь новогоднего бала
руку на танец, сударыня, вам предложить!

— Месяц — серебряный шар со свечою внутри,
и карнавальные маски — по кругу, по кругу!
— Вальс начинается. Дайте ж, сударыня, руку,
и — раз-два-три,
раз-два-три,
раз-два-три,
раз-два-три!..

Ю. Левитанский

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР

В редакции журнала 11 января 2012 года состоялся круглый стол, на котором писатели высказали свои тревоги и надежды о судьбе страны, связанные с предстоящими выборами Президента России в марте этого года.

Борис Бурмистров. Мы собрались за столом нашего писательского сообщества, чтобы обсудить вопросы, которые волнуют сегодня миллионы сограждан. Воистину исторический момент в нашей всенародной судьбе. Выборы Президента России – это выбор не только того или иного претендента. Это выбор пути России. Выбор, который должен сделать народ, думая и о сегодняшнем дне, и о будущем своих детей.

Претендентов на пост главы государства предостаточно. Но рассматривать их надо не только по их программам, то есть по словам. Но и по делам. Надо видеть и верить в реальность исполнения этих программ.

Мы, писатели, можем многое. К слову праведному, честному люди прислушиваются. Ведь давно укрепилось в народе понятие, что поэт – это в какой-то степени провидец. Если взглянуть на нашу историю, то многие пророческие слова наших классиков сбывались. И сегодня, ведя разговор об историческом пути, о месте России в современной эпохе, мы должны отдавать себе отчет в правильности наших мыслей и помыслов. Слово, подкрепленное уже свершившимися событиями, делами, – весомо и значимо для наших земляков.

К таким значимым свершившимся делам я бы отнес дела В. В. Путина и на посту главы государства, и на посту главы правительства.

Вспомним его приход в 2000 году. После ельцинского разгульно-загульного словоблудия народ увидел лицо трезвомыслящего человека. Человека, который, несмотря на все трудности, сумел повернуть страну на путь созидания.

Да, не все получилось. На это были и есть объективные причины. Но то, что пришло время «собирать камни», стало ясно и очевидно. В. В. Путин для меня – человек государственного масштаба, человек – личность. На таких личностях всегда держалась Россия.

Россия, и только она, противостоит злу, античеловеческим попыткам править миром. Поэтому во главе России должен быть человек державный, самостоятельный, уверенный в правоте своего дела, наделенный внутренними душевными полномочиями на это! Он обладает такой харизмой, как я уже говорил, и внутренней, и внешней. И еще, что очень важно для Кузбасса, связка: Путин – Тулеев – наилучший вариант, уже проверенный и временем, и делами. И в будущем это – динамичное движение нашей области в экономическом и социальном развитии. Ведь то, что сделано нашим губернатором при поддержке и внимании В. В. Путина к нашему региону, заслуживает самых высоких оценок.

Мы это все чувствуем на себе. Видим, знаем. Вот об этом наш сегодняшний разговор за круглым столом.

Владимир Иванов. Что характерно для последнего десятилетия? Положение стабилизировалось. Вот что главное! Жизнь вошла в колею. Не надо запасаться сахаром, крупами. Зарплаты не стали задерживать. Жизнь стала в основном предсказуемой. Машин стало! Особенно в последние годы. Личные автомашины теперь не предмет роскоши, как раньше, а предмет необходимости.

Социальная направленность государственной политики, можно сказать, налицо. Неоднократные перерасчеты пенсии. Надо бы больше и чаще, но... Вот сестра моя работает педагогом в школе, а зять – пенсионер. Офицер, летчик, воевал в Афгане. И сестра как бюджетник, и зять как военный пенсионер на себе ощущают эту социальную направленность государственной политики. Да и мы, творческие работники, тоже. Нам, писателям со стажем, артистам, художникам ежемесячно выплачиваются государственные пособия – хоть небольшая, но ощутимая прибавка к пенсии.

Есть одно сомнение. Еще не выветрились из памяти жаркие дебаты во время декабрьских выборов в Госдуму по российскому телеканалу. В одной из передач секретарь Союза писателей России Лариса Баранова-Гонченко спросила лидера партии «Справедливая Россия» Сергея Миронова, почему его партия пообещала, но так и не добилась принятия закона о творческих союзах. На что Миронов ответил, что лично вручал Владимиру Владимировичу проект закона, но Путин ответил, что такой закон приниматься не будет. Будем надеяться, что это подтасовка фактов в пылу политической конкуренции. Поживем – увидим.

Мне представляется, Путин для большинства россиян – наиболее предпочтительный лидер из всех претендентов.

После развала СССР Россия скатывалась в пропасть. Сейчас остановились. Но надо и вперед двигаться! Жизнь, конечно, вошла в колею, но колея-то пока ухабистая. Прочь ухабы, вперед, Россия! Вот этого все ждут от нового лидера, нового президента. Ясно, что надо поднимать экономику на основе модернизации. Как это сделать, какими путями и способами? Конкретного ответа на эти вопросы я и жду от кандидата в президенты. В том числе и решительных мер по борьбе с коррупцией, о которой говорится постоянно на всех уровнях. Как добиться, чтобы неповадно было? Коррупционер не боится изобличения и тюрьмы. Знает, что в камере долго не просидит, отку-

пится по коррупционной же схеме. Или. Его объявляют в международный розыск, а он ходит бок о бок с теми, кто его разыскивает. Как сделать так, чтобы ему неповадно и стыдно было? Может, соорудить всеобщую российскую Доску позора по аналогии с Доской почета? Может, огласка страшнее тюрьмы? Ведь огласка он подставляет, позорит семью, детей, родню. Устыдится? Вряд ли. Свалит за бугор, как прокурор Игнатенко. Как конкретно бороться с коррупцией, или она в принципе как метастаза? Сплошные вопросы, на которые должен дать ответ лидер страны. И самое главное, чтобы последовали конкретные действия. По всем пунктам предвыборной программы.

Александр Катков. Отличительная черта Владимира Путина как политика – державность мышления, то, чего не хватало его предшественникам и тем, кто окружает его сейчас.

Всем памятна его «мюнхенская речь» во времена первого президентского срока. Тогда политическая элита Запада впала в состояние паники, ступора, когда он ясно и чётко обозначил приоритеты России во внешней политике. Нет, это не была хрущёвская «кузькина мать», но прежде всего недвусмысленное заявление о том, что наша страна больше не намерена поступаться национальными интересами, как это было во времена Козырева и Шеварнадзе. Тогда, как мы помним, беспрецедентные уступки этих министров иностранных дел нанесли непоправимый урон целостности нашего государства (чего стоит одно подписание о сдаче прибрежного шельфа на востоке России у берегов Аляски). Тогда всё это прошло незаметно, равно как и подписание в прошлом году действующим президентом Медведевым соглашения с Норвегией о разделе Баренцева моря для добычи рыбы в строго отведённой акватории, что стало для нашей страны невыгодным. Так об этом робко заявляли специалисты в СМИ.

Если говорить о перспективе, то Путина, если он станет президентом, ждут нелёгкие времена. Времена «перезагрузки», объявленные нашими заклятыми друзьями на берегах Потомака, проходят, и боюсь, настанут другие.

В этом году США тоже предстоят президентские выборы, и не факт, что Обама будет переизбран. Зато, согласно праймериз, от республиканцев к власти рвётся мультимиллионер Ромни, который ненавидит Россию и не скрывает этого.

А тут ещё и нерешённый вопрос с ПРО в Западной Европе.

Это значит, что будущему президенту предстоит сделать очень много для обеспечения безопасности нашей страны. Возможности остальных претендентов вызывают больше вопросов, чем ответов.

Иосиф Куралов. В 2012 году президентом России, скорее всего, станет Владимир Путин. Сказал, «скорее всего», учитывая долю процента каких-то сверхнепредвиденных обстоятельств. Если воспринимать ситуацию спокойно, трезво, взвешенно, то Путин для сегодняшней России – правильный выбор.

Мне совершенно непонятно, кого вместо Путина могут предложить его противники справа и слева? Немцова? Чубайса? Прохорова? Каспарова? Лимонова? Сержанта Серегу Миронова (как он назвал себя в рекламном ролике)? Жириновского? Зюганова? Ну, кого?

Никто из них сегодня не является реальным оппозиционером. И силы, которые они в той или иной мере представляют, оппозицией, по сути, не являются. Все они только играют роль оппозиции. Причем за очень хорошую зарплату. Они – очень высокооплачиваемые, хотя и не очень талантливые артисты политического театра. Никто из перечисленных не в состоянии взвалить на себя реальную ответственность за страну. Лицедействовать умеют. Руководить – нет.

Это доказал Зюганов, которого, по многочисленным свидетельствам, уже выбирали президентом в 1996 году. Сдрейфил. Поздравил с победой Ельцина. На этом Зюганов как кандидат в президенты закончился. И более того, закончилась вся его «коммунистическая» партия, которая существует только за счет беспредельного доверия людей старшего поколения, к которым иногда подключаются протестно голосующие люди помоложе.

Жириновский? При дворах многих правителей были шуты. Но чтобы шут стал правителем... Такого, по-моему, не было нигде.

Сержант Серега? Он хорошо смотрится в камуфляже. Но без команды и шага не сделает. Скомандуют выставить кандидатуру, чтобы кандидатов было побольше – выставит. Скомандуют отставить – отставит.

Чубайс? Мне кажется, народ скорее проголосует за сатану, чем за него.

Прохоров? Несостоявшееся воплощение Чубайса. Одно только его предложение узаконить 12-часовой рабочий день навсегда отвернуло от него электорат. За него голосовать могут только сумасшедшие и богатеи.

Немцов, Каспаров, Лимонов... Лимонов – писатель. Каспаров – шахматист. Немцов вообще никто. Все вместе взятые – политики никакие. И народ про это знает. Ни левая, ни правая оппозиция сегодня не имеет в своих рядах ни одного политика, который мог бы всерьез претендовать на должность президента России.

Кто еще? Совсем уже немыслимые плоды фантазий политических спекулянтов или реальные, но никому неизвестные, персонажи московской или питерской политической тусовки – Ваня Петров, Маша Иванова? Несерьезно все это.

Прекраснодушные рядовые либералы и коммунисты, видимо, мечтают, что Путин отдаст власть сам. И страшно злятся, что не отдает. И обличают его во всех мыслимых и немыслимых грехах, неустанно сочиняя новые и выкладывая в интернет.

А кому отдавать? Вот этим перечисленным вашим картонным лидерам, которые и сами побоятся ее взять? Которым привычнее и надежнее выходить на сцену и кричать: кушать, подано! За такие-то бабки всего два слова! Поэтому и рвутся сегодня в оппозиционеры те, кто в «Единую Россию» не пробился.

В минувшем году Путин выступил за создание Евразийского Союза. Это, конечно, не Советский Союз, но Союз со своими родными веками проверенными народами-братьями. Этот Союз, кроме прочего, может стать пространством коллективной ответственности государств за стабильное развитие входящих в него народов.

Именно стабильное развитие всем нам более всего необходимо.

Николай Ничик (г. Новокузнецк). Что касается развития угольной промышленности и металлургии, а я много лет работал в этой сфере, то можно сказать, что, несмотря на экономический кризис 2008 года, Кузбасс не стоял на месте, развивался, наращивая производственные мощности, уделял первостепенное внимание социальной сфере. В это время не был заморожен ни один региональный проект, наоборот, с каждым годом это направление работы расширялось, увеличивалось количество льгот и разных пособий для кузбассовцев.

В период известного экономического кризиса в Кузбасс за опытом приезжали руководители регионов со всей Сибири. В культурном центре Запсибметкомбината, например, несколько дней работало выездное правительство во главе с В. В. Путиным.

Жители региона уже забыли о катастрофическом снижении промышленного производства, уменьшении зарплат и сокращении штатов.

С мая 2011 года горняки, отработавшие 20 лет по основным профессиям или 25 лет по профессиям с подземным стажем, а также по профессиям, отнесенным к первому льготному списку, стали получать дополнительное пенсионное обеспечение. Таких льготников в угольной промышленности страны – 31,7 тысячи.

Мы знаем, как нелегко принималось это Постановление по дополнительной пенсионной доплате для пенсионеров угольной промышленности. Было много разных разговоров-обещаний на самых высоких правительственных уровнях, но проблему удалось решить. Тут особо хочется отметить взвешенную и последовательную работу губернатора Кемеровской области Амана Гумировича Тулеева, директора Кемеровского областного фонда «Шахтерская память» имени В. П. Романова Михаила Ивановича Найдова, профсоюзных руководителей.

Не один год в области действуют дополнительные социальные льготы работникам культуры: надбавка за выслугу лет, доплаты артистам губернских коллективов, молодым специалистам, педагогическим работникам, удостоенным почетных званий; льготы на получение жилья.

Учреждено сто губернаторских премий в области культуры и искусства (по 10 тысяч каждая) для поддержки молодых деятелей культуры и искусства в возрасте от 17 до 30 лет. Два раза в год 4 503 студента учреждений среднего профобразования в сфере культуры получают губернаторские премии за отличную учебу.

Для молодых специалистов, решивших после учебных заведений работать в сельских учреждениях культуры, выплачиваются единовременные подъемные по 27 300 рублей.

Помимо 95 стипендий членам всероссийских творческих союзов писателей, художников и театральных деятелей, внесших значительный личный вклад в развитие культуры и искусства, также выплачивается пособие десяти вдовам (вдовцам) членов всероссийских творческих союзов, находящимся на пенсии либо оказавшимся в трудной жизненной ситуации, – по пять тысяч рублей ежемесячно.

Такое внимательное отношение к культуре в Кузбассе возникло в середине 90-х годов прошлого века, когда регион возглавил Аман Гумирович Тулеев.

Анатолий Иленко. С твёрдой убеждённостью буду голосовать за В. Путина, и вот почему. У меня очень свежа в памяти та внешняя и внутренняя ситуация, что была в нашей России, когда он пришёл к руководству государством в 2000 году. Прежде всего – Чечня. Там, наверное, до сих пор бы шла открытая гражданская война, направляемая и финансируемая из-за рубежа, с вполне понятными и далеко идущими целями, если бы Путин не поступил смело, решительно и мудро. А вспомним надвигающийся с неотвратимой силой раскол, точнее сказать, распад России на несколько удельных (ох как желательный для зарубежных заправил), легко поддающихся влиянию княжеств. В. Путин и здесь проявил себя как ответственный государственник-державник. Немедля ввёл округа во главе со своими полномочными представителями и отменил выборность губернаторов, чем лишил их воздуха «вседозволенности и свободы».

А гибель атомной субмарины «Курск». Сейчас, да и тогда было доподлинно известно, что её торпедировала американская подлодка. Что Путину было делать? Вся экономика страны разграблена и разрушена «младореформаторами», армия обескровлена и дезорганизована, авторитет России на международной арене нулевой. Как прикажете поступить

ему? Полезть в драку с Америкой? Исход ясен как дважды два. Путин проглотил эту горькую пилюлю и стал поднимать страну с колен, вытаскивать обломки экономики из разрухи, вселять в души россиян уверенность в своих силах и надежду. Последовали сложные, трудные, полные драматизма годы. А вокруг яростный, алчный мир с загребущими руками. Но становилось опасно не считаться с Россией. И опять не откажешь Путину в мудрости: он не дал втянуть страну ни в один военный конфликт.

Иосиф Куралов. Далее я кратко сформулирую свои доводы в пользу того, что России нужен Путин.

Первое. Путин уже доказал, что может руководить Россией.

Второе. Путин получил страну в тот момент, когда ей грозил развал, и сумел этот развал остановить.

Третье. Путин остановил развязанную при Ельцине войну на Кавказе. И, хотя действия боевиков полностью не остановлены, горячая стадия войны преодолена. И сегодня там не гибнет столько людей, сколько погибало при Ельцине.

Четвертое. Путин отстранил олигархов от возможности влиять на принятие политических решений. Вспомните, какую роль при дворе Ельцина играл Березовский.

Пятое. При Путине правоохранительные органы начали расследовать преступления олигархов. Некоторые дела доведены до суда. Нарушители закона наказаны. Например, Ходорковский.

Шестое. Путин стал поворачивать государство лицом к социально незащищенным слоям населения, к бюджетникам и пенсионерам, к обездоленным детям и старикам. Нельзя сказать, что он смог решить все проблемы в этом направлении. Но безусловно то, что этим слоям и народу в целом при Путине стало жить легче.

Седьмое. Путин показал Западу его место во взаимоотношениях с Россией.

Восьмое. Путин доказал свое уважение к Конституции. Он не стал изменять Конституцию под себя, чтобы переизбраться на третий президентский срок. А мог бы сделать это легко. Его на это толкали едва ли не все значимые политические и общественные силы. Ему оставалось только согласиться. Но он не согласился. И этим показал, что считает Закон выше политической целесообразности и личных интересов. Личных – в шкурном смысле этого слова. А в высоком смысле, естественно, как русский государственный деятель он лично был заинтересован в соблюдении Закона. И не отступил от него.

Девятое. Путин всегда искренен на публике и никогда не играет роль большого начальника, барина, чем страдают практически все, даже мелкие провинциальные руководители, к месту и не к месту надувающие щеки, пафосно, зачастую перед телекамерами, дающие нагоняй подчиненным и выглядящие при этом – глупей не придумаешь. Это смешное и глупое щеконадувательство наших начальников я назвал бы внешним проявлением комплекса завышенной самооценки. Так вот у Путина нет ни одного признака этого комплекса. А я думаю, что нет у него не только признаков, но и самого этого комплекса. Его отсутствием он выгодно отличается от большинства бывших советских и российских руководителей и от многих зарубежных лидеров.

Десятое. Путин добился того, чтобы у России остался тот же Гимн, который был у Советского Союза. Поменялся текст, отразивший исторические перемены. Но в тексте Гимна – буква, а Дух – в Музыке. Музыка Гимна та же, с которой мы жили в Советском Союзе. И в каком-то смысле продолжаем в нем жить. Благодаря нашему Гимну. Благодаря Владимиру Путину. Наш Гимн дает нам надежду на больший поворот государства в сторону социальной справедливости. Эти надежды многие люди связывают с Путиным. России нужен Владимир Путин.

Валерий Зубарев. Без преувеличения можно сказать, что мы живём в канун **выбора исторической судьбы**. Предстоящее событие куда важнее недавнего голосования за новую Госдуму. Потому что многое в нашей стране зависит от личности главы государства. Достаточно вспомнить отцов исторгнутой ими сообща причудливой химеры с человеческим лицом и волчьим оскалом капитализма.

Из всех кандидатов в президенты лишь одному дано было без словоизвержений о чудодейственных программах доказать конкретными делами, на что он годен как государственник. Он сумел собрать воедино страну, отброшенную к феодализму, расчленённую на удельные княжества с пожарами междоусобиц, рабским трудом, нерегулярными зарплатами, пенсиями и стипендиями.

Он поддержал на российском уровне многие ценные инициативы, первоначально рождённые в Кузбассе на благо простого народа, преодоления материального и духовного обнищания.

Его соперники богаты другим опытом – многолетним руководством оппозиционных партий и фракций, многолетней оппозиционной деятельностью, когда критиковать можно смело всех и вся, ни за что не отвечая. Вот пусть и занимаются тем, что у них так хорошо получается и за что они получают солидное бюджетное довольствие: исполняют роль щуки, чтобы карась не дремал.

Так думают писатели, участвовавшие в круглом столе журнала. Приблизительно в это же время и на эту же тему сказал своё слово в интервью на телевидении наш Святейший Патриарх Кирилл. Сказал о том, что лимит революций Россия исчерпала. Настало время спокойных преобразований на основе государственных законов в социальной, экономической, культурной, политической и других сферах.

Марина СТРУКОВА

БОГАТЫРСКИЙ ПОСТ

* * *

Высокий берег, медленный поток,
вишневый сад до самого обрыва,
и облака туманный завиток,
и вспышка грозового перелива...

Здесь гром, и рок, и колокол, и Блок,
мне открывая бесконечность жизни
на Юг и Север, Запад и Восток,
сказали о свободе и отчизне.

Здесь голос крови нас на битву звал,
а после к миру вёл по Божьей воле.
Кто хлеб растил, кто с немцем воевал,
а кто-то и учительствовал в школе.

Я скрою всё, что дома не на лад,
всё расскажу, что сладилось на славу.
От древних книг и дедовских наград –
заветы предков, строивших Державу.

Здесь наш очаг – негаснущий цветок,
семь поколений предков помнит глина,
высокий берег, медленный поток,
в ржаной пыли великая равнина.

ПЕСНИ НАРОДНЫЕ

Красные ягоды, листья узорные,
белые хаты и пашенки черные,
реки бескрайние и полноводные...
Здесь и рождаются песни народные.

В них богатырская удаль былинная,
и каторжанская вольность звериная,
и скоморошья насмешка простецкая,
девичья грусть, похвальба молодецкая.

...Вечером звезды горят небывалые,
люди сидят на крылечках усталые,
и с подголосками и переливами
песня плывет над осенними нивами.

Падают вниз на дороженьки сорные
красные ягоды, листья узорные.
Скоро придут холода неминучие,
поразгуляются вьюги колючие.

Ах, до чего же ты, песня, печальная!
Невесела была Русь изначальная,
да и сегодня терзается, плачется,
песню придумает, в песне упрячется,
словно в бездолии и непогодине
Родины нет, кроме песни о Родине.

СТРУКОВА Марина Васильевна *родилась в пгт Романовка Саратовской области. Окончила Университет искусств (факультет станковой живописи), МЭГУ (факультет литературы и русского языка). Выпустила три поэтических сборника: «Чертополох», «Солнце войны», «Серебряная пуля». Публиковалась в изданиях: «Наш современник», «НГ-Exlibris» «Роман-журнал XXI век», «Аврора», «Завтра», «День литературы» и других. Дважды лауреат журнала «Наш современник», лауреат конкурса «Прекрасные порывы-2010», дипломант конкурсов им. С. Есенина, «Эврика», «Нонконформизм-2010». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.*

* * *

Одна страна крепка купцами,
другой милы ее волхвы…
А третья славится бойцами,
что век не склонят головы,

не ждут хвалы и царской платы
и топчут травы, не ковры,
любые рассекают латы
наточенные топоры.

А кони, быстрые, как птицы,
на Млечном пойманы пути,
презрев преграды и границы,
готовы всадников нести.

Купцы на торг сдадут державу.
Волхвы уйдут в свои мечты.
Одни бойцы не примут права
клинки отбросить и щиты.

…Здесь мыслят просто и свирепо,
и вера твердая в очах,
что если даже рухнет небо,
его поднимут на плечах.

* * *

Дома забитые в лебеде,
полей загубленных клочья.
Мой край поведал бы о беде,
но волк умирает молча!
А было дело, через жнивье
другие носили флаги.
И продотрядовское шпаньё
в степные ползло овраги.
Восславим пращуров имена
и встанем, в борьбе едины.
Вскричат, что Русь не обречена,
винтовки и карабины.
Проснись, Отчизна, вокруг ни зги,
но память тоска не стерла.
Еще узнают твои враги,
как волк разрывает горло!

* * *

Я люблю тебя, степь,
словно жизнь, словно смерть,
золотая и знойная твердь.
Ты мне мать, ты мне дом,
и курган со крестом,
и рубеж с богатырским постом.
Нету кроме тебя
ни друзей, ни родни,
вся родня – над полями огни.
И никто не поможет,
никто не спасет,
только ветер тоску разнесет.
Я пойду далеко, я пойду высоко,
расступайся, туман-молоко.
Вот и солнце встает,
и пичуга поет,
и душа до небес достает.
Помолись ты, мой свет,
буйным ветром побед,
переливами молний вослед,
чтоб летел надо мной
только ангел степной.
И не нужен мне спутник иной.

* * *

Шли бойцы встречь восходу
и противнику встречь,
и седой воевода
вел с товарищем речь:
Что-то сердце томится,
видно, к смерти спешу,
коль погибнуть случится,
об одном попрошу:
жил я честно и смело,
и на ясной заре
ты сожги мое тело
на высоком костре.
Чтоб дубы вековые
занялись до звезды,
чтоб друзья боевые
ударяли в щиты,
чтоб высокое пламя
озаряло века,
чтоб склоненное знамя
колыхало шелка…

Не искал я богатства,
только славу одну,
верил в ратное братство
и родную страну.
Мед пролейте из чаши
вы в костер не спеша,
чтоб за здравие ваше
там хлебнула душа.
Долго, други, живите,
крепко бейте врага,
красных девок любите
да косите луга,

стройте грады, станицы,
чтоб не взять нипочем,
и родные границы
раздвигайте мечом.

ВНЕЗЕМНАЯ ОХРАНА

За кого-то свеча среди храма,
за кого-то друзья без души.
У одних – внеземная охрана,
у других – выкидные ножи,
у других – своя наглость шальная,
покупного закона стена.
А сильна ли моя, внеземная,
если Русь на земле не сильна?
Если долю мою разделили,
не заметив, настолько мала,
если дом мой – сияние пыли,
что рассеяна ветром была?
Всякий выскажет низкую волю
и ударит последним в бою…
Предал Бог, если русские боле
не хозяева в отчем краю!
Но душе оскорбленной известно
перед битвой Звезды и Креста:
если мы – против армии Бездны,
значит, Небо за нас! Как всегда.
Не могучая песня бурана…
Не высокие зори во мгле…
То идет внеземная охрана
правду править на Русской земле.

ВЫПИЛИ И ВСПОМНИЛИ

Стол накрыли в тесной комнате,
май пришёл – святые дни.
Люди выпили и вспомнили
то, что русские они.

По столу стаканы стукали,
словно пули по броне.
Говорили деды с внуками
о судьбе и о стране.

Было к правящим презрение,
боль за правду велика,
озаряло всех прозрение,
пробирала всех тоска.

Ошалев от спирта чистого,
славя давнюю весну,
хор нестройный грянул истово
про священную войну.

И сквозь горе нетверёзое,
сквозь забывшееся зло
что-то верное и грозное
просияло…
И ушло.

* * *

Не отрекусь от горечи былого –
развалин храма, смуты и огня.
И если Богом снова станет Слово,
то мой народ не обвинит меня.

Не устыжусь за мятежи и войны,
оправдывать стыдливо не начну
тех предков, что прожили недостойно,
но всё же не оставили страну.

Им – память да могильная ограда.
А мне – их злые, честные слова.
Пускай опять сомнительна награда
за простоту, что хуже воровства.

Я на престол кладу мечи и цепи,
туда же, где терновые венцы.
Вина отцов нам неподсудна, дети.
Так неподсудны беженцам бойцы.

* * *

Себя ли обманывать стану,
когда на осколки броня.
Ни стаи, ни стана, ни клана...
лишь Родина есть у меня.
Ни храма, ни дома, ни дота...
разрушены все рубежи.
Не знаем искусство расчёта,
не вывели формулу лжи.
Но я не уйду недостойно,
и ты не уйдёшь из страны
туда, где сожгли бы спокойно
мы путеводитель войны.
Пускай только выси и дали
оставлены нам на земле,
над степью гореть не устали
знамения в облачной мгле.
И не изменились, как странно,
от бед ни сердца, ни умы...
Ни стаи, ни стана, ни клана.
Народом останемся мы!

* * *

Ввысь идет дорога Вечности
ослепительным лучом.
Охраняй меня от нечисти,
Воин с огненным мечом.

Сердце яростью расколото,
ничего уже не жаль.
Охраняй меня от золота,
по отважным плачет сталь.

Охраняй меня от радости –
с нею песен не сложить.
Охраняй меня от старости,
чтоб любви не пережить.

Солнце черное снижается,
дым над Русью бьет ключом…
За меня всегда сражается
Воин с огненным мечом!

* * *

Немногим высокая тайна известна,
рассеяна светом во мгле.
За милую Родину – звёздную бездну
сражаемся мы на земле.

Распахнуты окна в России широко
туда, где ни края, ни дна.
Мятежное Солнце – горящее око
куда ни посмотрит – война.

И я воевала и в небо смотрела,
великую волю любя,
за смерть – против жизни,
за дух – против тела,
за ангела – против тебя.

Прощай, удаляйся без лишнего спора
на запад покорного дня,
туда, где спокойны леса и озера,
где враг не заметит огня.

Ведь здесь только ветер
на каменном блюде
гоняет песок и века.
Ломаются церкви, ломаются люди,
обломки уносит река.

* * *

Вот ветра повели лесостепью
заговорщицкий шёпот и свист,
посбивали петляющей плетью
вырезной изузоренный лист,

заплели пожелтевшие травы,
словно сети, по гнёздам грибниц.
Проводили, как русскую славу,
в дальний рай опечаленных птиц

Затуманило инеем крыши,
первый снег начинает кружить.
Разве можно здесь жить ещё тише
и ещё безнадёжнее жить?

Вроде, не было боя и смуты,
но напомнят о добром былом
и комбайнов заржавленных груды,
и развалины ферм за селом.

Оттого безнадёжно и тихо,
что боится покорный народ
потревожить упрёками лихо...
А оно-то давно у ворот.

Татьяна ИЛЬДИМИРОВА

ЧУЖИЕ КВАРТИРЫ

Повесть

Квартирная хозяйка приходила собирать дань по первым числам. Не забыла и в этот раз, притащилась в седьмом часу, невзирая на февральский мороз и темноту за окнами. Дверной звонок по обыкновению откликнулся на прикосновение ее пальца резким пронзительным звуком, от какого на долю мгновения неприятно ёкает в области диафрагмы, хотя причин для беспокойства вроде бы и нет.

Грузно, как командор, она прошагала по квартире, внимательно осмотрела небогатые свои владения, полная предвкушения, выискивая хоть малейший намек на бардак. Возможно, и был в этом свой резон – всякое случалось, за примером не надо далеко ходить: на прошлой квартире Анюта расколотила раковину, на которую неловко облокотилась (никто не поверил, что в хозяйственных целях и на трезвую голову, и правильно не поверил). Сегодня везде царил порядок, честный, без заталкивания лишнего под диван. Но в присутствии хозяйки все же ощущалась неловкость, как будто она была хозяйкой не только квартиры.

– Ну что, девочки, учитесь? – привычно спросила она, хотя из девочек дома была одна Вера.

– Учимся, АнМихална.

– Света много, смотрю, жжете.... И там горит, и тут.

Она благосклонно приняла конверт, прищурившись, пересчитала купюры, улыбнулась, пряча их в своей котомке. Ее лицо ненадолго стало почти приятным. Она еще раз оглядела все вокруг, недоверчиво покосилась на стопку словарей на столе, погладила пианино, занимающее своей глянцевой чернотой треть и без того небольшой комнаты, взглянула на кончики пальцев – нет ли пыли. Затем по-хозяйски прошла на кухню, где уронила тяжелый взгляд на плиту, которую после прошлых квартирантов невозможно было отмыть, как ни старайся, и спросила:

– А где твоя беленькая подружка? Все гуляет по ночам?

– Она еще в универе. Еще же и восьми нет, время детское.

Вера посмотрела на часы и забеспокоилась: не опоздать бы. Назначая встречу на вечер, совсем забыла про первое число и вспомнила, лишь когда хозяйка позвонила в дверь.

– Да в окно-то посмотрите. Ночь и есть ночь… – она тяжело выдохнула свое нежелание идти по темной улице домой и нравоучительно продолжила: – Это самое, вы мне сюда гостей, главное, не водите.

– Да, конечно, мы же обещали, – как обычно, сказала Вера.

ИЛЬДИМИРОВА Татьяна Никоноровна *родилась в 1981 году в Кемерове. Работает в Управлении Федеральной службы по Кемеровской области. Повести и рассказы публиковались в журналах «После 12», «Литературный Кузбасс», «Огни Кузбасса» (Кемерово), «День и ночь» (Красноярск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Молодой Петербург» (Санкт-Петербург). Автор книги прозы «Солнце». Участвовала в форумах молодых писателей России (г. Москва).*

Живёт в Кемерове.

– Вот и не водите, знаю я ваши обещания, все равно соседи мне расскажут.

Вере захотелось выскочить на пару секунд на балкон, впустить в себя живительную порцию сладкого, от мороза колкого воздуха, сжать ладонью снежок.

На город со всей дури навалился постылый и стылый февраль. С утра до ночи окна, будто сломанный телевизор, показывали одну и ту же унылую картину – истосковавшиеся по теплу палки берез в маленьком сквере, грязную белизну снега и серые-сырые подштанники неба.

Эта квартира еще не успела стать почти своей, как это было с прошлым жилищем (всего-то четыре месяца как снята, Вера до сих пор натыкалась ночью на мебель, если не включала свет), но запах, не аромат, посторонней женщины в квартире уже был ощутим и казался ей чужеродным.

Хозяйка наконец-то ушла, прищемив дверью свой густой шлейф усталости. Вера открыла форточку нараспашку и, глядя на грязные следы, оставшиеся от сапог хозяйки в прихожей, подавила в себе желание, обычно ей не свойственное, позвонить маме и слегка пожаловаться на жизнь. Вместо этого она стала поспешно собираться на первый урок с семиклассницей Кариной.

Сегодняшний день начался отлично. Стоило утром Вере выскочить на остановку, как сразу пришел троллейбус, полупустой и с подогревом. Вера сидела у окна, задумчиво поглядывая в дырочку, которую продышал кто-то словно специально для нее. Троллейбус медленно, словно батискаф, спускался с горы и погружался в центральные улицы города. Воздух по ту сторону от холода казался стеклянным и седым. Прохожие одинаковыми жестами прикрывали варежками насморочные носы и занемевшие губы.

В глубине сумки зазвенел телефон.

– Вас зовут Вера? – едва слышно уточнил незнакомый мужской голос.

– Да.

– Вы – репетитор по английскому?

– Да, – ответила Вера, – английский и французский для школьников.

– Я видел ваше объявление в газете. Знаете, вот у меня дочь, седьмой класс. Плавает.

– Плавает? – переспросила Вера.

– С английским плохо. Сильно отстала от класса. Скажите, сколько вы берете в час?

Вера назвала цену. За уроки она брала скромно, меньше, чем было принято у студентов. Голос в трубке, не раздумывая, предложил встретиться вечером, после восьми. Назвал адрес – дом, к большой радости Веры, оказался соседним. Его дочь звали Кариной, а самого владельца голоса – Олегом Павловичем.

Весь день Вера думала о предстоящей вечерней встрече и своей новой ученице. Было не то чтобы страшно, но волнительно, как бывает, когда особенно нужно себя показать. Продемонстрировать. Понравиться.

Дверь ей открыла сама семиклассница Карина.

Короткой пикировки взглядами было достаточно, чтобы взаимно обнаружить друг в друге несимпатичные, даже отталкивающие черты.

– Отца нет, он на работе, – буркнула Карина, разглядывая Веру из-под накрашенных ресниц.

Вера ожидала увидеть девочку-школьницу, но не предполагала, что эта девочка будет смотреть на нее свысока. В буквальном смысле свысока – Карина была чуть выше Веры ростом и гораздо фигуристее ее, хотя родилась восемью годами позже. Когда у девочки так рано появляется грудь, подумала Вера (которая еще кукол в том возрасте обшивала), немудрено, что интерес к учебе пропорционально сдувается, уступая место совсем другим мыслям.

«Откажусь», – сразу решила Вера, но для приличия спросила:

– А мама дома?

– Она здесь не живет. А вы к нам вообще зачем? – спросила она, уже закрыв наполовину перед Вериным лицом железную дверь.

– Я по поводу английского, – начала объяснять Вера.

Карина недовольно перебила:

– Из школы что ли?

– Нет, – Вера сглотнула и попыталась объяснить, пока дверь не закрылась. – Ваш отец звонил мне насчет репетиторства. Сказал, что есть проблемы с языком. Он скоро будет? Он попросил меня прийти к семи, обещал быть дома…

– С языком у меня проблем нет, – сказала Карина и не удержалась, хихикнула. – Только не с языком.

Утратив интерес к разговору, Карина захлопнула дверь.

Вера постояла минуту под дверью, зачем-то прислушиваясь к скрежету замка и наступив-

шей тишине, и ушла домой. Ловить здесь было нечего.

Вернувшись от Карины, Вера разложила диван и забралась под одеяло с учебником. Хозяйка не позволила купить обогреватель, опасаясь пожара, поэтому из-за холода и гуляющих сквозняков удавалось уснуть только в носках и теплой пижаме.

Когда спали вдвоем, было теплее и спокойнее. Но Аня редко ночевала дома. Еще в конце первого курса у предприимчивой подруги завелся мужчина, совсем обычный Леша, зато с квартирой. Познакомились они в магазине во время рекламной акции, когда Аня, наряженная во фривольный костюмчик, предлагала всем желающим попробовать новый клубничный йогурт. Закрутился роман.

Теперь Аня постоянно возвращалась под утро, переодевалась, долго красила глаза, комично разделяя иголкой слипшиеся ресницы, вливала в себя кружку сладкого растворимого кофе, и они с Верой ехали на пары. Бывало и так, что на занятия уходила одна Вера, а Аня отсыпалась после утомительного ночного загула, развалившись по диагонали разложенного дивана, растолкать ее не удавалось. В последнее же время Аня могла не появляться дома несколько дней: половина ее гардероба незаметно переместилась к Леше, и Вера понимала, что скоро там окажутся и оставшиеся Анины вещи заодно со своей владелицей.

Иногда Вера скучала по прежним временам, ведь с десятого класса были они с Анюткой подругами не разлей вода, так прикипели друг к другу, что им удалось пережить даже первую любовь к одному и тому же мальчику. Мальчик, как и полагается по законам жанра, об этом не знал. Правда, не догадывалась и Аня.

В соседних квартирах звучала бурная жизнь. У соседей слева играла музыка, громко и глухо одновременно: слов не разобрать, от басов пульсировало в ушах. У соседей справа плакал, требуя внимания, ребенок. Эти звуки не мешали, стали привычным вечерним фоном.

Было еще не поздно, но холод действовал усыпляюще. Страница учебника поделена на две колонки: справа английские слова, слева – русские. Вера смотрела на эту страницу до тех пор, пока слова не лишились своего смысла и не принялись плавно покачиваться у нее перед глазами.

«Я немного полежу с закрытыми глазами, – подумала Вера, – а потом обязательно дочитаю».

Свернувшись в позе эмбриона, заложив нужную страницу в учебнике пальцем вместо закладки, Вера погрузилась в полудрему, наполненную отголосками панк-рока из-за стены и шелестом запертых в учебнике иностранных слов. Проснулась в середине ночи, спихнула с дивана ненужный учебник и проспала до утреннего звонка будильника.

* * *

Следующим вечером, несмотря на данный себе зарок, Вера снова стояла у дверей этой квартиры.

Весь недолгий путь она подгоняла себя и бранила за слабость характера и неумение вовремя произнести такое простое и короткое слово «нет». Лучше бы открыто сказала «нет», когда сегодня утром ей позвонил отец Карины с ворохом извинений: задержался на работе, виноват, должен был предупредить, но совсем замотался, перенесем на сегодняшний вечер, хорошо?

На сей раз дома не оказалось Карины.

– Усвистала, – развел руками ее отец.

– Вчера мне показалось, что я ей не понравилась, – предупредила Вера.

– Да ей никто поначалу не нравится! Возраст такой, противный! Все не по ней! Рановато фокусы начались, я-то думал, года через два это время придет. Новое поколение, куда деваться. Я сам в пятнадцать лет из дома убегал, эта уже в одиннадцать начала хвостом крутить.

Он был заметно раздосадован, хотя пытался отвлечься и скрыть это за мелкими хлопотами: достал чашки, поставил чайник на плиту, поколдовал над чаем, насыпал конфеты в вазочку.

– Или вы хотите кофе, Вера? Я даже вас не спросил.

– Спасибо, я люблю чай, – она обхватила ладонями чашку, приятно горячую после уличного холода, наклонила лицо поближе к жасминному пару.

– Вот я все думаю, когда эти морозы наконец закончатся! Берите конфеты, Вера.

На кухне неожиданно оказалось так по-домашнему, так хорошо! Пахло зеленым чаем и лимонной цедрой. Взамен привычной лампы под потолком по периметру кухонных стен были закреплены три небольших бра, и от их мягкого

света вечерняя темнота, плотно приставшая к окну, казалась бархатной, а не ледяной.

– Где ее носит? Каждый день нервы мне мотает. Так и хочется иногда по шее дать! – разошелся он. – Подождите, сейчас я вам тетради ее покажу. Сами увидите это безобразие.

– Может, не надо, – стало неловко, как если бы это ее тетради показывали постороннему человеку. – Придет, сама покажет. Это все-таки личное.

– Да не покажет она! Раскричится только. Вот, – он протянул тетрадь, – эта как раз по английскому.

Вера отметила красивый почерк Карины и ее увлеченность цветными гелиевыми ручками. Карина любила выделять заголовки и рисовать на полях абстрактные каракули. С английским, и правда, была беда: ни одно упражнение Карина не доделала до конца, а некоторые записи состояли только из даты.

– Мне кажется, ей просто скучно на уроках, – предположила Вера.

– Ей скучно, а мне стыдно в школе появляться. Учителя жалуются, уже домой звонят. А с английским в этом году совсем плохо: из двоек не вылезает. Я-то сам немецкий в школе учил, не могу ни помочь, ни подсказать, даже проверить и то не могу толком.

Из тетради спланировал ей на колени листок, с обеих сторон исписанный аккуратными, буква к букве, разноцветными предложениями: «Е. В. – дура». Карина нашла себе развлечение на скучных уроках! Вера сделала вид, что ничего не заметила, и потихоньку вернула листок на место в тетрадь.

Этим вечером она так и не дождалась Карину. Допила чай, вежливо отказалась от второй чашки и распрощалась до субботы. Для начала решили проводить занятия один раз в неделю, в выходные, когда Олег Павлович дома.

Вернувшись к себе, Вера обнаружила в квартире веселую Аню и пиво. Вечер закончился женскими посиделками, что означало грызть копченую рыбку и внимать увлеченным рассказам о Леше. Урвав минутку, Вера коротко рассказала Ане про Карину и ее отца. Аня назвала Карину малолеткой и легко посоветовала не обращать на нее внимания, а Олег Павлович заинтересовал ее куда больше.

– Он симпатичный?

– Спокойный, приветливый дядька, – честно ответила Вера. – Такой приятный, умеет к себе расположить. Живет вроде как вдвоем с дочерью.

– Отец-одиночка?

– Не знаю, – Вера пожала плечами. – Это совсем не мое дело.

– Ну мало ли что… Не старый? – игриво намекнула Аня.

– Под сороковник, совсем не мой типаж.

– Вера-Вера, ты подумай, тебе же его не варить…

Смутившись, Вера поспешно свернула разговор на безопасную тему Леши.

Перед сном, укрывшись от холода под двумя одеялами, Вера по привычке вспоминала все хорошее, что случилось за день: звонок отца из дома, похвалу от преподавателя за последний перевод, интересную книгу Ремарка, которую она читала между парами…

Засыпалось ей медленно, с трудом – Аня вырубилась, как только оказалась в постели, но беспокойно пиналась во сне, поэтому Вера успела мысленно пережить заново чаепитие в уютной квартире Олега Павловича, так похожей на нормальный человеческий дом.

* * *

После первого занятия с Кариной Вера почти плакала. По дороге домой она с переменным успехом пыталась размеренным дыханием и счетом от ста до одного сдержать подступившие совсем близко слезы. Несколько раз останавливалась и разглядывала хитрое сплетение ветвей на белом небе, так похожее на иероглифы. Всем известно: если запрокинуть голову и сделать глубокий вдох, слезы сами собой вольются внутрь.

Весь бесконечный час урока Карина сидела к ней почти спиной, на грани вежливости, и по ее спине ясно, как буквы «Ш» и «Б» на плакате окулиста, читались неприязнь и усталость, вплоть до невысказанного «Чего приперлась?». Под конец Вера с трудом напрягала лицевые мышцы, дабы удержать-таки маску безразличия и не сменить ее на искреннее выражение обиды.

Не зная, что еще можно придумать с такой ученицей, Вера взяла учебник и принялась без выражения читать последние заданные тексты: предложение на английском, перевод на русском, чувствуя, как непрофессионально и даже глупо выглядит она сейчас со стороны.

Карина выразительно, талантливо молчала и не спешила с ответом, когда Вера прерыва-

лась и спрашивала, все ли ей понятно. Она едва кивала Вере, когда ее отец из кресла, где он устроился с детективом, направлял в ее сторону строгий взгляд.

С каждой минутой, проведенной в одной комнате с Кариной, Вере становилось все сложнее поддерживать дружелюбный тон. Настроение ее быстро скисало, как молоко, оставленное в тепле.

Под конец Карина жалобно протянула: «Па-а, у нее такое произношение отвратительное, я вообще не понимаю, чего она говорит». Вера, растерявшись, начала спотыкаться на самых простых словах, через пень-колоду дочитала незамысловатый текст про дружную американскую семью и решила, что в эту квартиру она больше ни ногой.

– Ну вот видите, – сказала она на пороге Олегу Павловичу.

– Ничего, Вера, все хорошо будет. Первый блин. Не вы первая, – проговорился он.

– И не я последняя.

Это был намек.

– Не расстраивайтесь, Вера. Нет причин для огорчения.

От этих слов, сказанных с такой непринужденной добротой в голосе, у Веры перехватило дыхание. Конверт она взяла, уже не глядя на Олега Павловича и слабо осознавая, что берет деньги, шепотом попрощалась и скорее сбежала по лестнице, но успела услышать нарочито громкие слова Карины за закрытой дверью: «Па-а, а ты видел ее туфли? Правда, как у старушки?»

Деньги, всунутые Вере в руку, казались ей незаслуженными, неуместными. Ноги сами устремились в сторону магазина, где Вера легко избавилась от всей суммы, кидая в корзину для покупок первую попавшуюся шоколадку, йогурт, пачку чая, крем для обуви, еще какую-то мелочевку. Как только выбросила в урну опустошенный и скомканный конверт из-под денег, почувствовала небольшое, но облегчение.

По дороге к дому она неожиданно увидела в сквере Олега Павловича. Он прогуливался, засунув руки в карманы, издали похожий на крупную нахохлившуюся птицу. И настроения говорить с ним не было, и просто обогнать нельзя – невежливо. В замешательстве Вера закашлялась.

– А, Вера! – он обернулся. Показалось, что с радостью. – Я тут вышел проветриться, ноги размять.

– Я тоже, – сказала Вера.

Он медленно шел в сторону дома. Вера постаралась пристроиться рядом, хотя было неудобно – она то и дело отступала с недостаточно широкой тропы и едва не проваливалась ногой в сугроб. Олег Павлович заметил и пропустил ее вперед.

После долгих морозов наконец-то потеплело настолько, что уже можно было дышать не через шарф. Соседских мальчишек выпустили гулять, и они увлеченно лепили в сквере что-то вроде снежной баррикады вокруг торчащей из сугроба спинки скамейки.

– Вера, вы на каком курсе, на четвертом? – спросил Олег Павлович.

– На третьем еще.

– А работаете давно?

– С первого курса. Мы квартиру снимаем, поэтому приходится вот, – объяснила Вера.

– С парнем снимаете?

– Нет, с подругой.

– Ну и как, уживаетесь? – вежливо спрашивал он.

– Пока да. Аня редко ночует дома, поэтому ссориться мы просто не успеваем.

Мимо рысью пробежал молодой мужчина, запряженный в сани, на которых взвизгивал от восторга мальчишка. На втором круге мужчина перешел на галоп.

– Никого из соседей еще толком не знаю, – снова заговорил Олег Павлович. – Мы всего месяц назад сюда переехали. Непривычно еще. Вера, вы по дому не скучаете?

– Скучаю, конечно. Обязательно поеду в следующие выходные, месяц там не была. Пока морозы стояли, не ездила.

– А разве вы к нам в следующую субботу не придете?

Вдох-выдох. Самое удачное время. Скажи ему сейчас, Вера, это просто, скажи, и все закончится.

– Вы же там были, Олег Павлович. Думаете, в следующую субботу что-нибудь изменится?

– Вера… Если откровенно, я уверен, что ничего не изменится. Но послушайте меня!

Он остановился и открыто заглянул ей в лицо:

– Это же временно! Я ничуть не сомневаюсь, что вы обязательно найдете к ней подход. Вы же так молоды, вы ненамного старше Карины! Вы должны помнить себя в ее возрасте, вам гораздо проще понять ее, чем мне. Поэтому я и говорю вам, что все у нас получится!

«У нас», – отметила Вера. Он так искренне верил во все, что сказал. Собирая разбежавшиеся мысли, она попыталась спорить:

– Я же репетитор по английскому, не психолог. Вам нужен, наверное, опытный педагог. Не я… Знаете, я никогда не была такой в ее возрасте. Я не скажу, что была лучше, не скажу, что родителям со мной было проще, но я не могу узнать себя в Карине, – и добавила: – Она же не хочет заниматься. Толку не будет. И потом, я ей не нравлюсь.

– Но ведь и она вам не нравится.

Ловко он отбил пас.

– Я от вас не жду немедленного решения, подумайте.

Вера в задумчивости обвела глазами стальной прямоугольник неба, аккуратно обрезанный со всех сторон заметенными крышами домов. Каркнув очень похоже на кашель, взвилась с дерева и устремилась в небо ворона. Вера провожала ее взглядом, пока та не превратилась в жирную точку на небе.

– Я могу платить вам в два раза больше, – сказал Олег Павлович.

– Дело-то не в этом.

– Карина сообразительная. Раньше отличницей была. Ей бы сейчас только пробелы восполнить да стимул дать на будущее. А так-то она не дурочка. Я думаю, ей будет полезно пообщаться с такой красивой, серьезной, скромной девушкой, как вы. Хороший пример для подражания.

– Я-то ей никакой не пример, – объяснила польщенная Вера. – У нее уж точно совсем другие авторитеты. Лучше скажите ей, что если она будет хорошо знать английский, то выйдет замуж за американца, уедет жить в Калифорнию, все ее бывшие одноклассницы лопнут от зависти, а парни будут жалеть, что такую девчонку упустили.

– Дельный совет, – он довольно засмеялся. – Так я позвоню вам на следующей неделе. Решим, что делать дальше.

Всю следующую неделю, проходя мимо соседнего дома, Вера всякий раз невзначай поглядывала на окна Олега Павловича – есть ли свет. Каждый вечер окна обманчиво мерцали оранжевым светом, от которого Вера ощущала мимолетное прикосновение к душе чего-то легчайшего и теплого.

В среду Вера случайно увидела Карину. Та ждала кого-то у входа в магазин с подругой. У обеих девочек был одинаковый фуксийный цвет помады. Подруга, на вид не старше Карины, курила, Карина рядом переминалась с ноги на ногу в нетерпении, как жеребенок. На долю секунды Вера и Карина столкнулись взглядами, неприятными для обеих: Вера отвернулась и ускорила шаг, Карина от неожиданности рассмеялась так громко, что Вера вздрогнула и в очередной раз твердо решила отказаться от этих нелепых занятий.

А Олега Павловича она в пятницу увидела в театре!

Сама Вера оказалась там совершенно случайно – подруга отдала ей лишний билет буквально за час до спектакля. Олег Павлович был без Карины, стоял в фойе в большой компании мужчин и женщин. Вера, никак не ожидавшая встретить его здесь, не сразу сообразила, что это именно он. А когда она обернулась, его уже не было видно. Людей всасывал в себя зрительный зал.

Хотя ее место было на балконе, она спустилась в партер (как делала, впрочем, всегда) и заняла первое попавшееся свободное кресло. Спектакль был по Бернарду Шоу, неплох, но большую его часть, как и весь антракт, глаза Веры обыскивали зал в поисках знакомого лица или затылка. Она хотела посмотреть, с кем он пришел, какая она, его женщина, красива ли, как одета.

Жгучее женское любопытство так и осталось неудовлетворенным – Вера так и не смогла его найти. Как сквозь землю провалился.

В субботу она долго собиралась с духом, успела за час передумать трижды, за пять минут до выхода переоделась в домашнее и вытащила учебник из сумки. Но все же пришла.

Олег Павлович ей обрадовался, чего нельзя сказать о Карине. На сей раз Вера дала ей письменное задание, и та неприязненно, но покорно исписала два листа бумаги на смеси английского, русского и тарабарского под прицельно-строгим отцовским взглядом.

Вера Андреевна могла бы поспорить, что следующий скучный урок Карина посвятит старательному выписыванию фраз «В. А. – дура».

* * *

Каждый раз, когда Вера приезжала домой, на нее наваливалась и захватывала в плен странная усталость, сковывающая движения и отбивающая все нормальные человеческие же-

лания: поесть, принять душ, попить кофе, позвонить кому-нибудь из старых приятелей – все это прекрасно, но не в первые сутки, которые своенравно прибирал к рукам сон. Едва присев на свою старую кровать и прислонив голову к подушке, Вера засыпала; мир, в котором она обитала, отступал на безопасное расстояние и становился совсем неважным. Сон на собственной кровати скрадывал досадные заусенцы обид и сомнений, стирал болезненные неудачи, привезенные автобусом. На второй день Вера выходила из сумрака, чувствуя себя отдохнувшей, легкой и здоровой.

Хотя она очень любила на несколько дней приезжать в родной город, но меньше всего ей хотелось бы вернуться сюда жить. Как она мечтала в старших классах уехать отсюда! Еще тогда этот город казался ей мелким, больше ей не по размеру, и каким-то безнадежно устаревшим, застрявшим во времени – примерно в конце восьмидесятых.

Когда она с замиранием сердца нашла свою фамилию в списке поступивших, радости ее не было предела, а каждое августовское утро начиналось с торжественного зачеркивания в календаре еще одного дня. Это был в ее жизни единственный год, когда Вера с нетерпением ждала окончания лета.

Единственное, чего по-настоящему недоставало Вере в ее новой жизни, так это ощущения дома как места, где можно всегда надежно укрыться.

Пообедав с родителями, в красках расписав им все хорошее и скрыв неурядицы, не стоящие упоминания, Вера ушла прогуляться по городу. Несмотря на воскресный день, на улицах было мало людей и еще меньше машин. Ноги несли ее сами. Вера перебежала через дорогу в неположенном месте и, продолжив привычный маршрут дворами, пролезла в дыру школьной ограды. Здесь она училась десять лет. Мало что изменилось. Даже в дыру в заборе она проникла без лишних усилий.

Вера быстрым шагом, будто гнался за ней кто-то, шла через заснеженный стадион с покосившимися воротами,

мимо полосы препятствий (вспомнила, как в третьем классе они с подругой Ритой сидели в подземном тоннеле и боялись атомной бомбы, до того себя накручивали, что сами верили – из всей школы остались в живых только они),

мимо перевернутых и заметенных снегом бадей, в которых мыли уличную обувь те несчастные, кто забыл сменку,

мимо крыльца, с которого на праздничных линейках вещали когда-то о Ленине и Родине, причем так торжественно, что хотелось смеяться,

мимо турника, с которого на физре упал Вадик и сломал ключицу, а его матушка примчалась в школу и пыталась отходить физрука скакалкой,

мимо школьной теплицы с разбитыми стеклами, где их с Ритой впервые угостили сигаретами, Рита пристрастилась, а Вера на всю жизнь пропиталась отвращением к куреву.

Рита, любимая с первого класса и верная подруга Рита. К седьмому классу ее будто подменили. Рита стремительно превращалась в кривляку (правда, сама она думала, что в очаровательную кокетку).

Бывают девочки, которые, минуя этап робкого девичества, сразу превращаются в женщин (иногда и вовсе – в теток). Это читается во взгляде – несомненное осознание себя женщиной, даже если женщине всего тринадцать лет. Зачастую добавляется неуместный в юном возрасте цинизм, выросший не от рубцов собственного разочарования в любви, а скопированный у взрослых. Такой женщиной к восьмому классу стала Маргарита и с головой погрузилась во взрослые отношения с парнями не из школы. Все меньше и меньше общего оставалось у нее с Верой.

В девятом классе в Рите вдобавок проснулось что-то злое, она пристрастилась забавы ради травить двух невзрачных девочек из их класса, которые провинились тем, что «еще не», а одна была к тому же толстушкой. После этого Рита стала почти противна Вере, и дружба прекратилась вслед за уважением. Точка была поставлена в день, когда Вера услышала, как Рита с новыми подругами посмеивается над ней за ее спиной. После этого дня она больше ни слова не сказала Рите, разве что «привет». Ей стало незачем разговаривать с ней. Незачем держать такого человека рядом даже в роли приятельницы.

Сейчас Вере подумалось, что ей так неприятна Карина, потому что она очень похожа на тогдашнюю Риту. Дружба прекратилась совсем не безболезненно, долго не отпускали разочарование и ощущение ее, Вериной, душевной неполноты: как будто потерялась одна важная де-

таль из мозаики, без которой картинка не складывается. Вера в школу шла одна, домой одна, сидела за партой с толстушкой Анютой, с которой села из чувства противоречия (тогда Аня еще была полной и не успела стать подругой), а по вечерам ей часто звонила Ритина мама и спрашивала, не у Веры ли в гостях задержалась ее дочь. Во всем этом была огромная неправильность, тоска такая, что первое время возвращалась из школы домой, ложилась и плакала в щель дивана.

На обратном пути, сидя в автобусе, скучающая Вера вдруг поймала себя на желании поговорить с Олегом Павловичем. О Карине, об уроках английского или просто поболтать о неважном. Она постаралась отогнать от себя это неразумное желание, явно выпирающее за обычные рамки отношений «репетитор – родитель», для этого позвонила Ане и потратила все деньги на телефоне на ничего не значащий разговор. Но все же ей было чуточку грустно понимать, что до следующей субботы еще целых пять дней.

* * *

В понедельник Олег Павлович сам позвонил ей и радостно сообщил, что Карина получила четверку по английскому за тот текст, по которому в прошлый раз занималась с ней Вера. Предупредил, чтобы Вера не пугалась при следующей встрече: Карина ничтоже сумняшеся выкрасила челку в розовый цвет и уверяет, что теперь она наконец-то стала красивой и не как все. Вера посмеялась и рассказала, как в этом же возрасте она копила деньги на ринопластику, но к счастью, так и не накопила.

По вторникам Вера посещала Лидию Ивановну, разведенную медсестру чуть за сорок, которая вела переписку с иностранцами. Таковых было пока четверо: два американца, один другого толще, швед, так и не приславший фотографию (на него возлагались особые надежды), и дедушка-грек, который уверял, что для своих лет здоров и крепок. Лидия Ивановна твердо вознамерилась выйти замуж за одного из кандидатов. На фотографии, выставленной на сайте знакомств, красовалась Лидия Ивановна минус двадцать лет и один муж. Вера переводила письма женихов и под диктовку строчила однотипные ответы. При сочинении ответных писем лицо Лидии Ивановны было таким одухотворенным и по-настоящему женским, что Вера порой завидовала ей и чувствовала себя ответственной за чужое счастье.

В среду Вера занималась с двумя братьями-близнецами. Ребята были забавные и смышленые, еще не ходили в школу, но родители решили учить их языку как можно раньше. Мальчишки, недетсадовские и еще не вымуштрованные «учительницей первой моей», никак не могли усидеть на месте, комната вместе с ними ходила ходуном. Вера про себя называла их Чук и Гек. После того как Вере удавалось отловить кого-нибудь из них (иногда одного и того же дважды) и услышать несколько английских слов с произношением, достойным срочного посещения логопеда, мама мальчиков звала ее на кухню почаевничать и во всех красках расписывала, какая это мука – близнецы, они галдят так, что у нее не перестает болеть голова, Вера, никогда не рожайте двойню, пожалейте себя. Папу мальчиков Вера ни разу не видела. Похоже, что он предпочитал прятаться от семьи на работе, где вкалывал как папа Карло.

Четверг был для Веры самым нелюбимым днем. Во-первых, требовалось рано встать и непременно присутствовать на всех четырех парах в институте. Во-вторых, по четвергам Вера давала уроки девочке Ирочке. Сама Ира была понятливой и послушной, но вот поладить с ее мамой и бабушкой было нелегко.

Они относились к породе людей, вечно недовольных всем и вся и без всякого стеснения выражающих свое неудовольствие. Если мама Ирочки еще могла выдавить приветливую, пусть и неестественную улыбку, то на бабушкином лице прожитые в постоянном недовольстве годы закрепили несмываемое выражение с нахмуренной переносицей и тонкими поджатыми губами. Бабушка не так давно открыла для себя радость написания многостраничных жалоб власть имущим и увлеченно строчила свои манускрипты, в ожидании похвалы и поддержки зачитывая их всем, кто попался под руку.

При общении с этой семьей Вера никак не могла избавиться от перманентного чувства вины: на две минуты опоздала, пришла на пять минут раньше (Ирочка не успела допить кефир), пришла в слишком короткой юбке (ладонь выше колена) – плохой пример для Ирочки, с помадой на губах – пример еще хуже, наконец, берет за занятия плату, да как она вообще посмела. Даже когда ей ничего не говорили вслух, Вера все равно чувствовала себя виноватой – молчаливые

упреки были едва ли не заметнее высказанных вслух. Особенно было неприятно, когда ее без единого слова оглядывали с ног до головы, словно проверяли вещь перед покупкой на наличие дефектов.

Наконец, это была единственная семья, которая считала нормальным не предупреждать Веру об отмене урока, и не раз случалось такое, что Вера, приехав с другого конца города, упиралась в запертую и безответную дверь. Вера давно бы отказалась от этих уроков, но люди были не с улицы, за них просила Верина мама.

В четверг Вера услышала с порога этой квартиры:

– Верочка, вы ничего не хотите нам сказать?

Вера не хотела. Вера вообще хотела оказаться сейчас дома, не видеть и не слышать Ирочкину маму, а лучше и совсем ее не знать. Но она ответила со всей вежливостью, на которую была способна:

– Я не понимаю, что вы имеете в виду.

– Как же, не понимаете. Я о том, что случилось на прошлой неделе, – Ирочкина мама с поджатыми губами вопросительно уставилась на нее.

«Гусыня в помаде», – с тоской подумала Вера.

– Елена Петровна, о чем вы говорите?

– О чем это я? Верочка, я о кошельке, который в прошлый четверг после вашего визита исчез из моей сумки. Странно, что вы об этом не помните.

– Конечно, не помнит! Конечно, не брала! А ты думала, она признается? – театрально воскликнула Ирочкина бабушка. Она оказалась в своей стихии и была практически счастлива.

Все дальнейшее Вера помнила очень сумбурно. Она не плакала, хотя ее глаза стали болезненно сухими, и почти не оправдывалась, потому что никакие слова, кроме глупого детского «Честное слово, это не я», не шли ей на ум. Ее трясло так, что поднять голову и посмотреть в наглые, обвиняющие ее глаза было невозможно. Никогда еще о ней не говорили ничего подобного. Мысли путались, она едва сдерживала тошноту.

Они сулили ей все возможные кары: позвонить ее маме, написать жалобу в институт и письмо в газету, обратиться в милицию, если завтра кошелек с деньгами не будет возвращен. Вера, оглушенная, даже не поняла, сколько денег было в злополучном кошельке, – под конец она перестала слышать. Но стоять под давящим молчанием было так же тяжело, как и быть мишенью для жалящих слов. Вера поняла, что ее выгоняют, только после недвусмысленного толчка в спину в сторону открытой двери.

Позднее Вера вспоминала этот четверг как постоянный бег и бесконечный стыд. Она не помнила, как добралась до дома, троллейбусом или пешком. Скорее, пешком, потому что позднее, разуваясь, она увидела, что ее сапоги полны снега. В висках пульсировала алая боль, стыдом горело лицо, через пальто пекло то место на спине, где до нее дотронулась старуха, толкая ее к двери. Она потеряла перчатки и не сразу это заметила. А вокруг по-прежнему стояла такая тишина, как будто не было вокруг ни души. Хотя вечерний час пик и улицы должны быть полны народу.

Она была почти у своего дома, когда с разбега неожиданно уткнулась лицом прямо в черное пальто Олега Павловича.

– Вера, что случилось? – испугался он.

Не отрывая лица от его пальто, Вера задохнулась, захлебнулась коротким рыданием и затихла, потому что все случившееся невозможно было описать простыми человеческими словами.

– Вера, у вас кто-то умер?

– Я, – только и смогла произнести Вера.

Не говоря ни слова, он под локоть привел ее к себе домой, помог снять пальто и сапоги, сам размотал ее шарф. Карины, к счастью, не было дома – гуляла с подружками. Вера забилась в угол кухни и сквозь туманную пелену в глазах наблюдала, как Олег Павлович варит в турке кофе и достает из шкафа бутылку коньяка.

– Я не пью такое крепкое, – тихо сказала она, – не надо.

– Сегодня – надо. Я в кофе добавлю, немного. Выпейте.

Зажмурившись, Вера послушно сделала большой глоток крепкого, обжигающего язык напитка. Еще один глоток. Кофе, породнившись с несколькими ложками коньяка, приятным жаром обволакивал горло и грудь.

– Ты мне расскажешь?

Она заговорила быстро-быстро, чтобы только не расплакаться на середине своей истории. Оттаявшие слова выскакивали в беспорядке, скомканные и совсем не те, но Олег Павлович, не дослушав, все прекрасно понял и выронил одно-единственное, но тяжелое слово:

– Сука.

– Да я же правда не…

– Я знаю, что ты не. Это очевидно.

Вера молчала, растирала ледяные, покрасневшие руки и никак не могла решиться и посмотреть на него. Ее мир сузился до размера кухонного стола. Она разглядывала трещинки на дереве, блюдце, чуть отбитое с краю, сахарницу с символикой Новгорода, банку джема и прислоненную к ней чайную ложку с остатками джема – судя по цвету, из смородины.

Она еще не осознавала, что этот человек, почти ее не знающий, так вот просто ей поверил, но кофе с алкогольным привкусом и кухонное тепло постепенно позволили ей вспомнить правду: она на самом деле не брала кошелек. И не взяла бы никогда. Вдох-выдох. Постепенно уходило изматывающее чувство стыда. Становилось проще дышать.

– Скажи мне их телефон, – попросил Олег Павлович.

Вера испугалась:

– Да не надо звонить, это такие люди, не надо…

– И все-таки я позвоню.

Она нашла номер в памяти своего телефона. Два гудка спустя на другом конце города Ирочкина мама неблагоразумно сняла трубку и услышала чересчур громкий мужской голос, отдающий ледяным металлом:

– Милейшая, вы оскорбили мою подругу…

Слушая его суровую речь, Вера впервые за последние несколько часов смогла поднять глаза и улыбнуться. Он был такой надежный, такой – на ум пришло слово – монолитный…

* * *

Наутро Вера проснулась полностью разбитой и весь день провалялась в постели. Она не поехала на пары, пропустила и день рождения однокурсницы. Тупо щелкала пультом, переключая каналы со скучного на очень скучный, и заставляла себя не думать, не думать, не думать.

Странно, как в нашей памяти растягиваются события, которые на самом деле длились всего несколько секунд. Наверное, в такие моменты время идет не вперед, а вглубь. Похоже на фантастический сюжет, когда герой попадает в другой мир, полный сражений и приключений, хотя в реальном мире никто не замечает его отсутствия.

Когда ее вчера швырнуло к Олегу Павловичу, у нее не то что брони не было, она не была уверена, что у нее осталась кожа, настолько чувствительным было прикосновение. И это прикосновение теперь казалось ей бесконечным, хотя в действительности оно длилось не больше полминуты.

Нежданно-негаданно позвонила Ирочкина мама и пропела, что кошелек нашелся, его взяла поиграть Ирочкина подруга и что в следующий четверг они ждут ее на очередной урок. Вера молча выключила телефон. У нее не было сил возражать, но и соглашаться она не будет. Она все скажет, но потом.

К вечеру у нее заболело горло и поднялась температура. Вере казалось, что она погружается в плотный горячий туман и медленно плывет в нем по течению. Мимо домов, мимо дорог, мимо универа, мимо библиотеки, мимо родного дома и своей старой школы, через подземный туннель, в котором они с Ритой прятались от ядерного взрыва, мимо лагеря, где она провела два месяца после пятого класса, и дальше, дальше, дальше. Ей было спокойно и не хотелось выплывать наружу.

Когда туман начал твердеть и приобретать очертания мебели, Вера проснулась в скомканной постели, ощущая противную сухость во рту и на губах. Она осторожно дошла до кухни (ноги вели себя так, словно забыли, как нужно ходить) и сделала пару глотков воды прямо из носика чайника, неосторожно – вода потекла по майке.

Было совсем рано, судя по темноте окон и отсутствию за ними звуков жизни. Так и есть, пять утра. Суббота. Ну и что, раз суббота? Она послала Олегу Павловичу сообщение о том, что болеет и не сможет прийти. То-то радость для Карины!

Сквозь новый сумбурный сон Вера услышала звонок и по инерции схватила телефон. Телефон молчал, а звонили в дверь. Завернувшись в одеяло, Вера босиком прошлепала в прихожую (злилась: опять Анька забыла ключи), повернула ручку замка, и кровь ударила ей в голову.

На лестничной площадке стоял Олег Павлович, весь навьюченный пакетами.

– Где же Карина? – спросонок пробормотала Вера.

– А что, без Карины ты меня не примешь?

Вера посторонилась, пропуская его в квартиру.

– Ты чего скачешь, давай скорее ложись! Вид у тебя больной…

– Да уже все нормально. Горло вот только. Пройдет через пару дней, зачем вы так беспокоитесь, – Вера суетилась, торопилась расправить скомканные простыни на диване, незаметно сдернуть лифчик со спинки стула. – Вы уж извините, Олег Павлович, здесь не прибрано…

– А подружка твоя где?

– У парня своего. Я ей пока не звонила, – хриплым голосом сказала Вера, только сейчас отметив неожиданный переход на «ты». – А вы как номер квартиры узнали?

– Вычислил. Плевое дело, когда знаешь подъезд и этаж.

– Ага, понятно, – тяжесть в голове так и клонила ее обратно в постель.

– Тебя эта дура больше не донимает?

– Она мне сегодня позвонила. Кошелек-то ведь нашелся, дети заиграли! Вам еще раз спасибо за помощь, здорово вы ее на место поставили.

– Она хоть извинилась?

– Нет. Я думаю, что она не умеет извиняться. Я к ним больше не пойду.

– Надо все-таки начинать учиться самой себя защищать.

– Вы правы, – она запрокинула голову на спинку дивана и прикрыла глаза, не желая продолжать этот разговор. Хотела, чтобы он ушел. Хотела, чтобы он никогда не уходил.

Он положил руку ей на лоб. Рука была прохладная и шершавая, как у отца. От него просто восхитительно пахло. Тонкой смесью зимнего холода, снега, туалетной воды с нотками сандала и табака.

– Мне кажется, у тебя температура, – он принес из прихожей пакеты. – Я все предусмотрел. Смотри, вот это от головы, этим сбивать жар, это пшикалка для горла, лимоны, апельсины, в общем, витамины… Ты выпей лекарство сейчас же, а я чайник поставлю.

– У нас есть только чай в пакетиках.

– Ничего страшного.

– Раньше, когда денег не было, – вдруг вспомнила она, – мы с Аней могли по два дня пить чай из одного пакетика.

– Мы тоже так с ребятами на первом курсе в общаге пили, – он кивнул. – Давно дело было…

Ушел кипятить чайник.

Вера проглотила таблетку от жара и вдруг увидела свое отражение в стеклянном зеркале комода. Она удивилась так, что замерла на месте и даже рукой провела по лицу, глядя на свое отражение, немедленно повторившее это движение. И правда – она.

Дело было не в мешках под глазами, не в покрасневших веках, не в губах, потрескавшихся от мороза, и ничего, что неприбранные волосы свисали, как им заблагорассудилось. Несмотря на болезненный вид, мышиный цвет волос, нос с горбинкой, от которой она всегда мечтала избавиться, Вера была красивой.

Ощущение красоты зарождается в душе. Оно никак не связано с навязанными шаблонами или чужими взглядами. Она красива. Все остальное – неправда. И мамино любимое слово «страшилка», и тот случай, когда бывшая подруга Рита однажды на перемене при всех сострила о том, как хорошо было бы отдать Веру на выставку «Катастрофы человеческих ног», и все засмеялись – все это пустое.

Вера еще раз погладила взглядом свое отражение, любуясь. Даже сейчас, находясь под градусом высокой температуры, она догадывалась, что нужно накрепко запомнить это ощущение собственной красоты, которое уже через минуту может запросто ускользнуть от нее...

– Я посижу с тобой немного, – сказал Олег Павлович, расставляя чашки на столе. Он даже салфетки где-то нашел. – Можем телевизор посмотреть.

– Тут только черно-белый.

– Ничего страшного, – снова сказал он. – Пей свой чай и ложись. Бери лимон!

По первому каналу шло какое-то черно-белое кино (скорее черное), по второму – черно-белые новости (скорее белые), по третьему – диснеевский мультфильм. Другие каналы допотопной антенне были недоступны.

– Давай оставим мультик. Карина любила «Белоснежку» в детстве.

– А я – «Снежную королеву».

Олег Павлович все в этой квартире делал такими простыми и естественными жестами, как будто повторял их именно здесь изо дня в день. Включал телевизор, вертел антенну, ставил чайник, перекладывал подушки на диване, вешал пиджак на спинку стула, резал лимон. Даже на стуле покачивался непринужденно. На долю секунды на Веру сошло наваждение, что она не одна, а дома, в семье. От присутствия второго человека рядом было тепло. Очень хорошо, без внутренней горячки, по-домашнему тепло.

– А вы чем занимаетесь? – спросила она. – Я же про вас совсем ничего не знаю.

– Кручусь понемногу. У одних покупаю, другим продаю.

– Бизнес?

– Так, пара точек. Обувь из Китая. Если что-нибудь понадобится, обращайся, подберем. И подружке своей скажи.

Допив чай, Вера перебралась от стола на диван. Олег Павлович подвинул стул ближе к ней и лениво смотрел на экран, где весело маршировали под музыку черно-белые гномы. Вере вдруг захотелось, чтобы он снова положил руку ей на лоб.

– Кажется, у меня больше нет температуры, – сказала она.

Он коснулся ее лба тыльной стороной ладони. Прикосновение вновь было прохладным и приятным.

– Да, вроде бы получше, – сказал он и потянулся за телефоном, жужжащим в кармане брюк.

Карина, сразу поняла Вера.

– Да… да, это я.

Из его лица ушла мягкость. Появилось удивление. Плохое удивление, прочитала Вера. Вдруг что-то оборвалось в его взгляде, и он сказал неестественно спокойно: «Сейчас приду».

* * *

Следующим вечером он снова пришел к ней с апельсинами и рассказал, что произошло. Как и думала Вера, все дело было в Карине.

– Ей мальчик один очень понравился. Она почему-то вбила себе в голову, что если ей кто-то нравится, значит, он обязан быть с ней, возражения не принимаются. А мальчик тот еще с начальной школы с другой девочкой дружит, они вместе ходят на музыку. Скромный такой мальчик, я удивлен, как это Карина в него влюбилась, и девочка тоже хорошая, Даша, в нашем доме живет. Карина просто места себе не находила, все разговоры только о том, какая та овечка и что слишком много возомнила о себе. На Валентинов день ждала, что он признается ей в любви, но ничего подобного, естественно, не случилось. Карина два дня плакала, все твердила, что ее никто не любит…

Вера, обрадованная его визитом, слушала, кивала, чистила апельсины – воздух на кухне немедленно сделался таким же вкусным, как в детстве в зимние праздники.

– Ну, влюбилась девочка, – сказала она. – С кем не бывает? Это даже здорово.

– Здорово? – он горько усмехнулся. – Вера, это не все. Закончилось тем, что ее подруги втроем подстерегли Дашу в подъезде и побили ее, довольно-таки сильно побили. И унизительно с ней поступили, я не хочу вам рассказывать подробности.

Она не знала, что можно сказать на такое. Подобная ситуация была для нее настолько немыслима, словно речь шла не о девочках тринадцати лет, а о каких-то неведомых ей существах, живущих по другим законам природы. Она читала о таких случаях, видела в новостях, но это был для нее почти параллельный мир. Она не понимала, что творится в мыслях и душе человека, который может так поступить, и ей представлялось, что там что-то ущербно, что-то повреждено.

В ее школе девочки вели себя вполне предсказуемо – обзывались, громко обсуждали за спиной, пускали сплетни, могли спрятать вещи, нарочито хихикать вслед, когда идешь по коридору, поржать над платьем на дискотеке, сочинить любовную записку от имени мальчика – обычные пакости подрастающих женщин, которые не так уж сложно научиться игнорировать. Своеобразная инициация, позволяющая стать сильнее, найти свое место среди людей. Но не такое…

Апельсин выскользнул из Вериных рук и покатился по полу. Вера зачем-то следила за ним взглядом, пока тот не остановился, ударившись о холодильник.

– Я все понимаю, – растерянно продолжал Олег Павлович, – мы тоже дрались в детстве, мне однажды нос сломали, но мы-то парни, это раз, один на один, это два, и без унижений, честная драка. Женская драка – это само по себе что-то противоестественное. А они к тому же все сняли на телефон и выложили в Интернет. Зачем? Мы бы точно до такого не додумались. Ничего не понимаю, откуда это взялось?

Вера видела, что он злится скорее не на Карину, а на самого себя, который где-то ошибся, не уследил, не достучался, вовремя не обратил внимания, не попытался понять. Беспомощное ощущение вины долго копилось в его душе и теперь кипело, бурлило и вырывалось наружу в сбивчивых словах. Но еще сильнее злости было отчаяние от того, какая по его вине с единственным и любимым ребенком случилась беда.

– До милиции дошло, Дашины родители в тот же день написали заявление. Девчонки сразу все свалили на Карину. Сказали, она науськивала, якобы Даша парня у нее увела, и они решили

помочь подруге. Она-то, конечно, теперь твердит, что ни о чем таком никого не просила. Я ей не верю. По-моему, ей даже Дашу не жалко. Непробиваемая просто. Я сразу сказал, что помогать ей не буду! Сама виновата. Пусть выпутывается, как хочет. Видеть ее не могу! Это не ошибка, не шалость, это злой поступок. Запланированный злой поступок. Восемнадцать лет исполнится, сразу выгоню, пусть шагает на все четыре стороны!

Что она могла сказать ему? «Мне очень жаль»? Трудно представить более банальную, отдающую вежливым безразличием фразу.

– У меня есть коньяк, – тихо сказала Вера, – мне недавно подарили.

– Тащите его сюда.

Вера принесла непочатую бутылку, подаренную кем-то из родителей ее учеников на прошедший женский день, и, за неимением стопок, две чайные чашки.

– Вы выпьете со мной?

Она присмотрелась и поняла, что он уже выпил перед визитом к ней.

– Только немного, – согласилась Вера.

Она надеялась, что алкоголь поможет ей найти нужные слова. Вера всегда ненавидела в себе это качество – неумение словесно выразить сочувствие, поддержку, боязнь неуместными или банальными словами потревожить в человеке самое живое и чувствительное.

Залпом выпив свои несколько капель, она начала говорить банальности: нельзя судить Карину по правилам взрослых людей, это еще ребенок, а дети жестоки:

– Мы с подругой в детстве дразнили соседа, некрасивого парня – кричали ему через весь двор: «Мальчик-обезьянка!». Он дружил со старшим братом подруги и не знал, куда от нас деться, – вспоминала она. – А еще в нашем дворе жил мальчик по прозвищу Скелетон – очень худой, просто жуть, мы и над ним тоже смеялись…

Она попыталась вспомнить, как больно взрослеть: сидишь в своей тесной оболочке и чувствуешь, как меняешься, как что-то пока непонятное из тебя прорастает и как тебе становится необходимо прорваться наружу – в не самый дружелюбный мир. Непривычны свои новые черты лица и формы тела, непросто приспособиться к ним. А когда человеку больно и страшно, не каждому удается пережить эти эмоции внутри себя или выплескивать их так осторожно, чтобы не задеть окружающих.

– Мне кажется, – сказала Вера, – что лет через десять Карине будет очень стыдно за свой поступок.

Замолчала. На самом деле она так не думала. Скорее, наоборот. Выросшая Карина представлялась ей неприятной женщиной: самоуверенное выражение лица, походка «женщина на охоте», ленивая учеба, взрослые мужчины, отсутствие близких подруг, два аборта к двадцати годам, если не будет осторожна, глупый брак на первом курсе, глупый развод на третьем курсе. Все, как у Риты. До сих пор Вере было немного грустно вспоминать об их с Ритой дружбе.

Вера напряженно сплетала пальцы, липкие от сочного апельсина.

– Давайте еще выпьем, – сказала она, чтобы убить молчание.

Не дожидаясь ответа, щедро плеснула коньяк по чашкам. Ей начинал нравиться горячий вкус этого напитка. Там, где Олег Павлович бросил пиджак, теперь призывно и назойливо гудел телефон, но на него никто не обращал внимания.

– Я могу сварить сосиски, – предложила Вера, – чтобы не на голодный желудок.

Он безразлично дернул плечом: что хотите, то и делайте.

Вера набрала из-под крана воды, бросила сосиски, но забыла включить газ, и много позже, утром, она с удивлением нашла их в кастрюле, холодных и безучастных.

– Не стойте на сквозняке, – услышала она, и только после этих слов ощутила позвоночником, как сифонит ей в спину изо всех оконных щелей. Олег Павлович подошел и легко коснулся ее предплечья:

– Вера, да у вас уже руки холодные.

От неожиданности она вздрогнула. Ей показалось, что рука его задержалась на ее руке на долю секунды дольше, чем полагается для почти посторонних людей.

– Пойду надену кофту, – сказала Вера, оставив его на кухне одного.

Она оторопело перебирала свои вещи и не могла разобраться, хочет ли она, чтобы он попрощался и ушел наконец в свою жизнь, или совсем наоборот, она мечтает остановить время.

– Куда же вы пропали? – Олег Павлович вышел в комнату и, ссутулившись, сел на диван. – Давайте хотя бы телевизор посмотрим. Я вам не мешаю? – спросил он, заметив ее растерянность. – Вы никого не ждете? Я могу уйти, только скажите.

Вера молча включила телевизор и села в углу дивана, подтянув колени к груди. Они сидели друг от друга на расстоянии чуть дальше вытянутой руки, и это было правильно.

Она глядела на экран и не до конца понимала, что ей показывают. Олег Павлович сказал: «Хороший фильм, давно хотел пересмотреть», – но ей никак не удавалось уследить за сюжетом. Кажется, у нее снова поднималась температура, потому что медленно, но верно по телу расползалась жаркая слабость. Или это все алкоголь? Или что-то еще?

– У меня все в голове не укладывается, как же такое случилось? – спросил он, не глядя на нее.

Ее тело само пододвинулось ближе к нему, ее рука сама погладила его ладонь. В следующее мгновение для Веры все перевернулось: одним движением он уложил ее так, что ее голова оказалась у него на коленях. Стало очень тихо, словно в другом пространстве.

Он медленно погладил ладонями ее лицо, провел рукой по волосам. Вера чувствовала, как пропадает почти все, кроме телесного. Под мягкими прикосновениями его рук стирались все ее принципы и правила, и даже куда более стойкие сомнения и страхи. Эта нежность была лучшим, что она чувствовала когда-либо рядом с мужчиной.

Вера как человек разумный просто исчезала, растворялась, еще чуть-чуть – и от нее останется только молодое голодное тело.

Все прекратилось так же внезапно, как и началось. Он сказал, словно очнулся:

– Дай мне встать.

Вера послушно сползла головой на подушку и, не понимая, наблюдала, как он поднимается с дивана, зачем-то отряхивает джинсы, поправляет ремень и рубашку, постепенно принимает не просто чужой, но отсутствующий вид, проверяет пропущенные звонки в телефоне.

– Меня уже, наверное, ждут, – просто объяснил он.

– Понятно, – ответила Вера, разглядывая свои пальцы.

В том уголке души, где пару минут назад было столько нежности, начала просыпаться досада. Но одновременно – и облегчение. Трудно измерить, какое чувство сильнее.

Он смотрел на нее так, будто в чем-то сомневался. После всплеска нежности это было невыносимо. Вера старательно избегала его взгляда, найдя избавление в экране телевизора. Сделала вид, что ей очень интересен фильм.

– Пойдем, закроешь за мной, – наконец сказал он.

И потом, уже с порога:

– Что-то мы не то делаем с вами, Веруш, совсем не то!

Через день они столкнулись в молочном отделе магазина. Олег Павлович разговаривал с ней так скупо и серо, что Вера ощутила себя совершенно лишней рядом с ним даже здесь. Расплатившись за кефир, она сказала, что сегодня ей в другую сторону, и ушла к остановке, помахивая бутылкой, в ожидании, когда он зайдет в свой подъезд.

А потом снова настала суббота. Вера проснулась в шесть утра и не смогла уснуть. Полистала учебник английского для седьмого класса, выбрала текст для перевода. Она решила выглядеть спокойной и дружелюбной, хотя от волнения все утро крутило живот.

Уже закрывая входную дверь, она вернулась в квартиру и спешно накрасила ресницы: теперь она была полностью готова к встрече.

– Здрасьте, Вер Андреевна, – открыла дверь Карина.

Как обычно, Вера попросила ее говорить с ней на английском:

– Good morning, Karina, speak English, please.

Снимая куртку, она краем глаза с сожалением отметила, что черного пальто Олега Павловича на вешалке нет. Она присела, расшнуровывая ботинки, и не сразу увидела, что ей навстречу вышла женщина – стройная, холеная, со светлыми волосами, стянутыми в тугой хвост, и почти американской улыбкой.

Вера сидела на корточках и смотрела на нее снизу вверх, уже зная ответ на мучительные вопросы последних дней, но по инерции вежливо ей улыбаясь.

– Это моя мама, – гордо сказала Карина.

* * *

На очередные выходные Вера уехала домой и вернулась воскресным вечером. Поднимаясь по лестнице, она случайно увидела в почтовом ящике белеющий конверт. Ящик давно разломали юные вандалы, и было странно, что письмо ждало ее на своем месте, а не на грязном полу подъезда. Прямо там, у ящиков, Вера прочитала письмо.

Оно было от хозяйки квартиры и строго сообщало Вере и Анне о необходимости освобождения квартиры до первого апреля.

Вера поднялась в квартиру. Сумка сделалась почти неподъемной. Вера шире открыла форточку, впуская в комнату весенний воздух, и внимательно перечитала хозяйкино письмо, спотыкаясь глазами на каждой неверно поставленной запятой.

Не то чтобы она была расстроена, скорее, озадачена, и чем больше она думала о предстоящем переезде, мысленно прикидывая план действий, тем больше вопросов оставалось без ответов и наваливалось на нее, принося ощущение взаправдашней физической тяжести.

На следующий день она купила газету с объявлениями, но никак не могла заставить себя позвонить хотя бы по одному из них. Все, что предлагалось, было не то, не так, Вера понимала это даже по коротким строкам объявлений.

Страшил и грядущий сбор вещей. Вера всегда думала, что она не захламляет квартиру и вообще сторонник минимализма, к тому же с ее деньгами не разгуляешься. Но всякий раз, когда дело доходило до сборов, потревоженные вещи выползали из всех углов, напоминали о себе давным-давно забытые и потерянные заколки, носки, чужие конспекты…

Так прошла одна неделя из двух, милостиво отведенных на переезд. Всю эту неделю Вера не видела Олега Павловича. По привычке поглядывала в сторону его окон – не горит ли свет, косилась и на его машину, стоящую у подъезда.

Всю неделю Вера вставала рано, догуливала до института, не торопясь, самой длинной дорогой, пешком. Надевала наушники – и вперед. Всю неделю в плеере играл сборник аргентинского танго, действующий магически: гордый взгляд, подбородок вверх, спину прямо, шаг от бедра, вперед, собирать документы для работы за границей по программе для студентов.

В этом же ритме по городу шествовал март. Теплый, терпкий воздух был на вкус почему-то чуть яблочный, а снег выглядел совсем как подтаявшее мороженое. Аня наконец переехала к Леше. Мама Чука и Гека стала чаще улыбаться, а их отец купил новую машину. Медсестра Лидия Михайловна готовилась к свиданию со шведом, который уже взял билет, и сделала химическую завивку. Счастье привалило даже Ирочкиной бабушке – она попала со своим вопросом на «горячую линию» с президентом.

Все к лучшему, старалась думать Вера. Все к лучшему, иначе и быть не может. Она обязательно переедет на другой конец города и под этим предлогом откажется от тягостных уроков с Кариной. Постепенно забудется тот горючий вечер, когда ее обвинили в краже, затрется в памяти странный, пугающий момент, когда ее к Олегу Павловичу так и бросило, притянуло, словно магнитом, само собой, как будто это было правильно. Забудется та неуверенная нежность, заполонившая душу.

И тем более – субботнее утро, когда с ней приветливо поздоровалась его красавица-жена, а сердце немедленно метнулось, словно перепуганная ласточка – знает ли? точно ли не знает?

Все эти события однажды превратятся в эпизоды с героями второго плана, которые время услужливо вырежет из памяти монтажными ножницами. Или, если нельзя забыть, присыплет сахарной пудрой и украсит марципанами, чтобы вспоминалось без горечи.

У Веры всегда непросто складывалось с мужчинами. Она шутила, что напрасно Купидона изображают в виде трогательного пухлого шалуна, на самом деле это вредное создание, явно любящее выпить и покурить траву, с изощренной фантазией и иногда жестоким юмором.

На первых курсах Вера пережила несколько коротких несерьезных романов и быстро поняла, что далеко не с каждым человеком может быть так же спокойно, хорошо и интересно, как наедине с собой. Рядом с «не тем» человеком было просто-напросто никак – ощущение потерянного времени, вплоть до острого желания развернуться и уйти. Но иногда она завидовала Аниной легкости на подъем и ее любви к ненапряжному флирту.

В одиннадцатом классе Анюта начала встречаться с парнем, в которого давно была тайно влюблена Вера, да не просто влюблена – потоком света нахлынуло, поглотило, едва не снесло, до того доходило, что рядом с ним она забывала, как дышать и говорить. Вера старалась ничем себя не выдать, а мальчика – избегать, Анины восторги по поводу ее первого раза выслушивала, закрывшись изнутри и не впуская смысла слов: сидела, кивала, даже улыбалась, чередовала «ничего себе!», «а ты?» и «а он?». Дружбу с Аней она ставила куда выше, чем иллюзорный шанс на взаимность, а после поступления и переезда новая жизнь затянула, общение с парнем прекратилось само по себе – он

никуда не поступил, ждал повестку. Аня не захотела отношений на расстоянии. Отболело и у Веры. И сейчас отболит. Иначе нельзя.

* * *

– Вера, у меня есть на примете одна квартира, можете там поселиться. Хотите посмотреть? Давайте проедем прямо сейчас. Здесь недалеко.

Они стояли в сквере, где снова случайно встретились.

Однажды она подумала, что сама их встреча и есть большая случайность. Ее объявление в той бесплатной газете было одним из полусотни – далеко не единственным. Человек, который стоит сейчас рядом с ней и ждет ответа, наверняка просто-напросто ткнул пальцем в первое попавшееся объявление среди многих одинаковых предложений репетиторства. Попади он на полсантиметра выше, вышла бы совсем другая история.

– Дорого просят? – спросила Вера о квартире.

– Бесплатно. Но ненадолго, только до лета, потом хозяин вернется. Это мой приятель, сейчас живет за границей, он не будет против. А потом что-нибудь подберем, я все устрою.

– Понимаете, я уже нашла… Я только что ездила смотреть квартиру, меня там почти все устраивает. Думаю согласиться, – выдохнула и призналась: – Да не могу же я жить бесплатно!

– Но ведь вы тоже мне поможете. Вы будете поливать там цветы. Сейчас это делает Карина, но меня, честно говоря, терзают смутные сомнения, что цветы близки к гибели.

Вера смотрела под ноги, рассеянно разглядывала носки обуви – почти чистые ботинки Олега Павловича (видно, что он на машине) и свои – заляпанные грязью после целого дня беготни. Неожиданно ей стало очень жаль себя – прежде всего из-за того, что она боялась принять решение.

Рядом стоял человек, который хотел позаботиться о ней, мог решить ее проблемы. От него исходило ощущение настоящей, ничуть не грубой мужской силы. Хотелось ему довериться, снова упасть ему на грудь, впечататься в него, обнять так крепко, чтобы хотя бы ненадолго стать с ним единым целым. И пусть это желание заперто в ней глубоко внутри, за семью запретами, но так рвется наружу, что страшно смотреть в глаза – прочтет ведь, как пить дать прочтет.

– Вера, даже не сомневайтесь, ничего такого нет, я просто хочу вам помочь. Соглашайтесь!

Она почти сдалась:

– Хорошо, давайте посмотрим.

Квартира с порога поразила ее чистыми белыми стенами, встроенными шкафами и огромной кроватью в половину комнаты (на ней могли бы спать с комфортом не меньше четырех человек). Как и предсказал Олег Павлович, растения в кадках больше походили на икебану и требовали срочной реанимации. Вид из окна седьмого этажа открывался красивый – на реку.

Вере понравилось здесь, но не для жизни, а по-музейному. Она не могла представить себя живущей в этой квартире. Не могла представить даже гостьей – только посетителем. Ей казалось, что здесь невозможно привольно сбрасывать вещи, идти голой из душа, оставляя на полу влажные следы, ставить на стол чашку с горячим кофе. Она обязательно что-нибудь испачкает, что-нибудь сдвинет с места, помнет кровать. Все представлялось ей чужим настолько, что консьержка в подъезде наверняка не захочет впустить ее в этот дом.

– Мне подумать надо, – сказала она.

На обратном пути они угодили в пробку. Машины скучковались вокруг сложного перекрестка, проедешь пять метров – и опять тебе алеет светофор. В воздухе витало такое ощущение коллективной нервозности, что оно проникало и вовнутрь. Вера поймала себя на том, что ей почти радостно сидеть рядом с Олегом Павловичем и раздражаться тем же самым, чем и он. И одновременно ее одолевала грусть: если она скажет ему все правильные слова, то уже больше никогда не сможет так сидеть с ним в машине и смотреть на его сосредоточенный профиль, наслаждаясь ощущением невесомости в грудной клетке.

Он включил магнитолу. Вера сразу же убавила звук и сказала неожиданно для себя самой:

– Я видела вашу жену, когда приходила в прошлую субботу. Она красивая, – и отвернулась, стыдясь себя за сказанное.

– Да. Она красивая. Вы ей тоже понравились.

– Я раньше ее не видела.

– Мы долго жили в разных местах. Многое случилось. Но хватит уже.

Вера настолько не хотела обсуждать его брак, что в ее горле что-то сжалось, словно резиновый мяч, мешая говорить. Но было все понятно и без лишних слов.

«Многое» – много ссор, много обидного непонимания, много злости друг на друга, много гордости, много… любви?

«Хватит уже» – хватит этих разговоров? Или хватит им с женой быть порознь?

А до нее, Веры, он не дотронулся сегодня даже случайно.

И пальто его черное почти неуловимо пахло духами его жены.

Вылезая из машины у своего подъезда, Вера еще раз сказала, что подумает насчет квартиры, зная уже наверняка, что откажется. Завтра. По телефону, так проще.

– Хорошо, созвонимся завтра.

Он медленно дал задний ход. Вера сквозь легкую пелену слез обернулась и увидела Карину. Та стояла невдалеке с батоном в руке и еще непонимающе, но уже расстроенно смотрела на нее так, как будто увидела кого-то совершенно другого.

* * *

Следующим утром, еще спозаранку, Вера проснулась от звонка в дверь. Прошлепала в полусне в прихожую и открыла, как оказалось, соседке.

– Вы видели? Видели? – в радостном возбуждении спросила та.

– Что?

– Там, в подъезде. Про вас написано.

Вера как была, в пижаме и тапочках, вышла на лестничную площадку. На стене рядом с ее квартирой красовалась выведенная черным маркером надпись, гласящая, что в квартире номер тридцать все желающие могут получить интимные услуги за плату. Точнее, там было написано по-другому. Куда более коротко и грубо. Почерк был ей прекрасно известен по школьным тетрадям.

«Это все», – пронеслось в голове у Веры.

Не говоря ни слова любопытной соседке, она вернулась в квартиру, заперла дверь и сползла по ней на пол. Ей казалось, что на нее со страшной скоростью летит потолок, а линолеум был таким родным, поцарапанным, надежным.

Когда она поднялась, с трудом отыскав себя среди обрывков эмоций, в ее голове сам собой сложился четкий план побега.

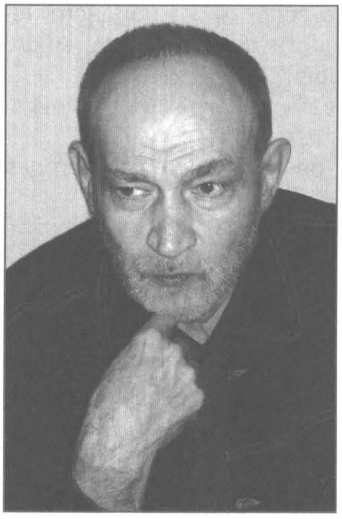
Вера позвонила женщине, к которой ездила смотреть квартиру, и сказала, что согласна и готова вселиться хоть сегодня. Ей повезло, квартиру еще не сняли. Вера отвезла плату за три месяца вперед и забрала ключи. На обратном пути она поменяла номер на мобильном и заскочила в хозяйственный, где по совету продавца приобрела известку и валик для побелки. Денег у нее осталось тридцать рублей, но это было неважно.

Собрала неупакованные вещи, позвонила теперь уже прежней хозяйке и договорилась, что вечером завезет ей ключи. Наконец собралась с силами, набрала домашний номер Олега Павловича и, дождавшись в трубке мелодичного «Алло!» его жены, лихо соврала ей, что на несколько месяцев уезжает работать в Америку и не может продолжать давать уроки, выслушала вежливые поздравления и аккуратно разрезала старую сим-карту на четыре части.

Осталось сделать только одно – побелить подъезд.

Дешевая известка никак не могла справиться с едким маркером. Черные буквы продолжали издевательски просвечивать из-под третьего белесого слоя. Ничего. Еще раз. От запаха побелки щипало в носу.

Вера упрямо сжимала валик, представляя себе, что слой за слоем она закрашивает в своей жизни все лишнее, несбывшееся, чужое.

Валерий ЗУБАРЕВ

ЗАПРЕДЕЛЬНОЕ НАС ОКРЫЛЯЕТ

* * *

Есть особая прихоть у русских,
без которой не жизнь, а тюрьма:
выше пользы – умение рук их,
выше пользы – причуда ума.

Запредельное нас окрыляет.
Нам привычный зенит – не зенит.
Есть Царь-пушка, пускай не стреляет.
Есть Царь-колокол, пусть не звонит.

И меня к запредельному слову
так влечёт… – головой не понять.
Я любую полезную славу
на Царь-книгу готов променять.

И стремлюсь с наважденьем глубоким
подковать легковесность стиха,
чтобы не был он слишком уж бойким,
точно аглицкая блоха.

АНТИКРИМИНАЛЬНОЕ

На улицах жизни суровой
отучен копейки копить...
Тушуется мальчик бескровный
и хлебушка просит купить.

А вот искривленная бабка
бескровную тянет ладонь...
И льнущая к телу рубашка
не глушит саднящий огонь.

Иду как в невидимых путах,
в душе – столкновение сил...
Что толку жалеть бесприютных,
которых не приютил.

Но всё же сказать не могу я,
что дело моё – сторона,
что я ни при чем, не в долгу я,
что я – человек, не страна.

Что многого мне не хватает
для самых-пресамых родных,
что демон наживы витает
над миром стандартов двойных,

где больно, и стыдно, и тошно,
где сам ты убогим под стать,
где все, что ты можешь, – ничтожно:
какую-то мелочь подать.

Творцы криминальных романов,
для вас и для ваших гурманов
сюжетцем стихи опущу:
на всех в закоулках карманов,
как сыщик, вещдоки ищу.

ЗУБАРЕВ Валерий Федорович *родился в 1943 году в селе Кайла Кемеровской области. Учился в Прокопьевском горном техникуме, служил в армии, работал мастером Киселёвского ГПТУ, окончил филфак Новокузнецкого пединститута. Автор многих книг и публикаций в центральной и сибирской печати. Лауреат Первой премии Всероссийского литературно-публицистического конкурса. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей России.*

Живет в Кемерове.

* * *

Сильней люблю тебя, страна,
в минуты горя и печали.
Натянута во мне струна
для песни дерева и стали.

О деревенеющих губах,
когда слова уже наруже,
о плясках на святых гробах
и опозоренном оружье.

Я замолкаю, но она
звенит во мне стальной струною:
и ты стальною стань, страна...
для сердцевины стань стальною!

Хоть сталь такая хороша
не для военного парада,
а деревянная душа –
не для ружейного приклада.

* * *

Щедра у народов фантазия.
Мечты у народов простые:
два легких – Европа и Азия,
единое сердце – Россия.

* * *

В. С. Соловьёву

Разноязычна,
разнолика
Сибирь,
но всех роднит
одно:
«Я – Сибиряк!..» –
хоть имя дико,
но нам
ласкает слух
оно.

* * *

Россия артистична...
Вот проклятье!
Начнет рядить
в этническое платье
ученых,
живописцев
и крестьян,
покамест
«пролетарии всех стран»,
свободой раззудив
язык Эзопу,
спешат назад,
в уютную Европу.

ОБОРОННЫЕ ВИРШИ

У души моей кроткое поведение.
Но когда посягают на ее убеждения,
с болью требует –
сквозь глубину отвращения,
если надо – отпора...
или даже – отмщения.
Заставляет меня
снова стать офицером,
и глаза заменяет
стеклянным прицелом.
Утешает,
нажать заставляя курок:
умирает не мир,
а смертельный мирок.

* * *

Отмечаем даты
под трезвон бутылок.
Даты, как солдаты,
строятся в затылок.

Что о каждой дате
скажут наши дети –
дети в интернате,
дети в интернете?..

ПОКАЯННЫЙ ВЕРЛИБР

Мы пока лишь
болтаем
о стремлении к совершенству...

Мы не то что на Деву Марию –
даже на Магдалину
не тянем...

Ни тем более –
на Христа...

Ни на трижды отрекшегося
Апостола...

И даже
на Иуду...

Потому что предавали
не один раз...
И даже в мыслях
ни разу
не повесились.

* * *

Есть
Божьи законы
и есть
человеческие.

Но мы – не иконы,
не статуи греческие.

* * *

Рисуешься тем,
что безбожник,
а сам,
неподвластно уму,
выходишь под ласковый дождик
и радуешься ему.

И к небу
лицо поднимаешь,
и слышишь внутри голоса...
Но внутренне не понимаешь,
что благодаришь небеса.

* * *

Жил я,
как все, греша,
телом я был
весь.

Но заболела душа.
Понял:
она
есть!

* * *

Еще
в людские страсти
погружаюсь
и с ними изнутри
еще сражаюсь.

Но дух влечет
в заоблачные дали
из тех болот,
что людям тело дали,
чтоб гордый дух
тонул
в его трясине
и снова возвышался
без гордыни.

КРОТКИЕ ВИРШИ

Раньше казалось,
что солнце
в себе я вмещаю.
А теперь, словно свечка,
местечко в себе освещаю.

Я рождался, как будто звезда,
молодым
и, казалось, всемудрым.
А теперь от звезды ни следа
над родным,
над замурзанным утром.

Там мерцают следы
премалюсенького человечка.
И важней
и дороже звезды
освещенное свечкой
местечко.

* * *

Нам страдать и страдать на веку
от вранья о мужицком железе.
Жить без слез тяжело мужику,
а заплачет – еще тяжелее.

С детства
слезы скрывать я привык...
Их глотал, как велела порода,
двухвершковый железный мужик,
ведь душа – она женского рода.

* * *

В полуденном сердце
рождался хорал,
и было тревожно и сладко.
И солнечный зайчик во плоти играл...
Любил я тогда без остатка.

Все было, как прежде,
и кудри трепал
твои ветерок мимолетный.
Но солнечный зайчик
из плоти пропал...
Темно мне,
бродяга бесплотный.

Хоть знаю, что ты
насовсем не угас,
что где-то
поблизости рыщешь,
Приметил
по блеску особому глаз,
что жертв своих солнечных
ищешь.

* * *

Мы в снах своих
сине-зеленых
плескались, как рыбы в реке...
До всхлипа в ладонях влюбленных
рука приникала
к руке.
И время, как птица, летело
над чувством,
над спящим
умом…
И верить хотелось всецело,
что мы
никогда
не умрем.

* * *

Ты в модной кофте бумазейной,
ты – юная, а я музейный.

Бьет наповал видок товарный...
А я почти что антикварный.

Но своевольно нас равняет
и равно лепестки роняет
и недоцветшая любовь,
и неотцветшая любовь...

Кокетливо ломаешь бровь,
и ярко зубками сияешь,
и светотенью осеняешь…

Тебе ли в снах осенних жить
и стариною дорожить?

ЛУННАЯ МАГИЯ

Когда на убыли луна,
душа у женщин тоже тает...
И в состоянье полусна
она полна
судеб и таинств.

Как эта грудь...
была крепка,
а нынче
легче лепестка,
сквозь пальцы
нежно
просквозает...

Луна и Небо исчезают...

...И слышу,
как луна растет,

и прибывают плоть и плод,
и на декабрь
мартом веет…
и снова губы,
снова грудь
неуловимы, словно
ртуть...
И вся подлунная
мертвеет.

Всем правит магия луны.
Но чувства мертвые
нежны.

* * *

Поосторожней с плотскою любовью...
Она мешает кровь с дурною кровью.
Потом, как грядку, кровь твою и плоть
веками будет сам Господь полоть –
сквозь возгласы, мольбы
и заклинанья
и прочие синонимы незнанья.

Когда очистит Он
и плоть и кровь,
когда придет духовная любовь,
ты будешь рад душевному здоровью,
и побежит по жилам жарко кровь,
пребудет жизнь, пребудет жизни новь!.. –

будь осторожней с плотскою
любовью.

* * *

Не раз я свыше получал затрещину:
«Не слушай Еву, чадо дорогое...».
Но, как ребенок, снова верил в женщину,
хотя весь опыт говорил другое.

Ей что Эдем,
что это мироздание..
она мечтает втайне, уж поверьте,
махнуть огрызок нашего познания
на Древо Жизни, на Плоды Бессмертья.

* * *

Что мне внешность!.. Мне нужна душа.
Будь ты раскрасавица – за это
ты не получила б ни гроша
из казны богатого поэта.

Да, богат, от Бога я богат:
травы слышу и миры иные,
блещут ощущения двойные.
Свету я слуга, хотя не свят.

Зря меня от боли берегла...
Все равно, как в сумеречном храме,
сквозь слезу привиделись крыла
с хрупкими обтертыми краями.

* * *

Что мучиться, мучить любимых,
стремясь защитить от плохого?..

Но есть ли в душевных глубинах
хоть капля искусства такого,
чтоб каменным быть и воздушным,
любя, не терзать, не терзаться,
чтоб стать от любви равнодушным...
и в зеркале не отражаться?

* * *

Ты об открытости тоскуешь.
Да и во мне о том же грусть.
Но так при этом ты взыскуешь,
что открываться я боюсь.

От хитроумного допроса
до исповеди далеко...
Поэту с женщиной непросто.
Поэту с Небом так легко.

* * *

Не в духе восточных менял,
Услышав души дуновенье,
я ветреных женщин менял
на ветреное вдохновенье.

На гулкий прерывистый стук
в груди...
и мечтаний отвагу!..
На тот возвышающий звук,
летящий с небес
на бумагу.

* * *

Семья, как сном,
опутала сетями…
И вспомнил Льва,
Толстого Льва,
и о семейной драме
его слова.

...Какое счастье
русским быть поэтом!
Весь белый свет
душою облетать,
страдать при этом,
а телом – нет.

Оно – как черепаха
в милом доме
с душою льва...
Огнем мне начертались
в русской дреме
Слова.

ЭЛЛИНСКИЙ МОТИВ

К женщине плотской
Муза ревнует,
Муза ревнует...

Женщина плотская
к Музе ревнует,
к Музе ревнует...

Что же мне делать,
бедняге поэту,
что же мне делать?..

Вдвое капризней
подруга заклятая их –
Совершенство.

* * *

Душе хорошо на Парнасе,
и все же спускается вниз:
в домишке живом разногласье,
имею в виду организм.

Вот руки, устав не на шутку,
свой мир начинают корить,
пеняют и рту, и желудку:
замучились прорву кормить.

А те еще с большим укором
стыдят их на праздном суде:
мы вас, сиволапые, кормим,
и сердце, и мозг, и т. д.

И врубится серый:
«Не ботать!»
Рассердится сердце слегка:
вы будете, руки, работать,
работать, работать,
пока

мы все и здоровы, и живы,
чтоб общую кровь обновлять…

Тянуть вам набрякшие жилы
и женщин тугих обнимать!

В ЗАЩИТУ ПАРОДИЙ

Пусть ругают: пародист!..
За душою ни шиша,
стихотворный паразит,
по стихам ползет, как вша.

....Пусть поэт почешется,
пусть народ потешится.

* * *

Я в зеркало глянул,
увидел там
мячик!..
И мячик
мне сделал язык...

Я вспомнил себя...
рассмеялся, как мальчик.

И вижу:
смеется старик.

* * *

Сергею Донбаю,
автору книги
«Утренняя дорога»,
другу юности

Над вечерней улочкой
замерцал не вдруг
свет дороги утренней… –
с ним живу сам-друг.

Из постыло-пошлого,
как из темноты,
проступают прошлого
чудные черты:

руки деревянные
снулых рыбаков,
зори разливанные
и щипки мальков…

В прошлом измерении
я твой вечный гость
и, при всём смирении,
твой программный гвоздь.

Зёрна слов не смолоты,
сколько ни мели…
Вы с Валюшей молоды,
а сынки малы.

И моё бесплотное
тело по утрам
детских ножек шлёпанье
воплощает там…

Чтоб нездешне утренний,
не спеша на нет,
шёл я здешней улочкой
на нездешний свет.

Анна-Нина
КОВАЛЕНКО

ПЯТЬ СТУПЕНЕК К ВОСКРЕСЕНИЮ (СТАСЯ)

Если я пойду и долиною смертной тени,
не убоюсь зла, потому что Ты со мною:
Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня.

Псалом 22.4

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Я хочу попросить прощения у всех животных, обиженных мною в жизни, особенно у поросенка, которого однажды, в отрочестве, столкнула с крыльца. Только что вымыла пол в доме, в хате, и также в сенцах; в довершение – деревянные ступеньки крыльца, все... И вот откуда-то взялся этот наглец, частыми шажками взбежал наверх, на самый верх, при этом наследив кусочками-штампиками уличной грязи. Не выпуская из одной руки, правой, выжатой тряпки-поломойки, другой, левой, я резко столкнула его вниз, и он, скатившись по ступенькам, приземлился на спину, вверх животом. В это время, в это самое время – время его приземления – я подумала, что такая поза, вверх животом, должно быть, особенно опасна для жизни поросят. И тогда же, сбежав вниз и заглянув в его невинные фиолетовые глазки с белыми ресничками, дала себе слово: не обижать, никогда не обижать животных. Он вскочил и убежал, я посмотрела ему вслед, потом быстро обернулась к крыльцу...

СТУПЕНЬКА ПЕРВАЯ. СТРАННИКИ

Всех жизненных путей исповедимей
Синусоиды кривая:
Вначале я как майский жук,
Я, слепо следуя велениям инстинктов,
Взлетаю, падаю, взлетаю...

1995–1996

«...Правда, еще какой-то довольно долгий отрезок времени, то есть жизни, моей жизни, могла – со страху – убить змею, предотвращая таким образом возможную ее атаку... Теперь вряд ли могла бы и стала бы...»

Все это я думаю, наблюдая за веселым ритмом красной змейки по кафельному полу зала ожидания, змейки-домочадца большой латиноамериканской семьи. Время от времени мальчик лет десяти вытаскивает змейку-сорванца из-под скамейки либо из угла, куда это подвижное существо уползает, и прижимает бережно к груди...

Заревела невидимая сирена, объявляя готовность прибывшего парома принять пассажиров на борт. Когда откроются ворота... Вот и ворота открылись, разошлись в разные стороны, раздвинулись, и толпа устремилась вперед, туда, внутрь. Тараканами бегут к черному с голубым квадрату Малевича, то есть неба, в стенке Ферри. Посадка. Люди со змейкой растворились в толпе...

КОВАЛЕНКО Анна-Нина *родилась в д. Сидорёнково Кемеровской области. Училась в Москве в Энергетическом институте (3 курса), затем – ВГИК. Киновед. Работала журналистом, художником, была членом Группы Мирных Инициатив «Доверие», подвергалась репрессиям. С 1987 г. – в Нью-Йорке. Член Салона Независимых (Париж). Участвует в галереях во Франции, публиковалась в России – журналы «День и Ночь», «Север», «Дворцовая, 26» (С.-Петербург), альманахах Клуба Русских Писателей, журнале «Черновик» (Н.-Й.). Издала 10 книг.*

...Накануне звонил Витянис, чтобы сказать, что он одинок и не знает, зачем живет.

Я промолчала на это в ответ.

Можно было бы утешить его такими словами: ТЫ НЕ ОДИНОК, У ТЕБЯ ЕСТЬ Я.

Но я у него (как и он у меня) лишь по редким четвергам, иногда, когда у его жены какая-то особая занятость.

Можно было бы сказать: ТЫ НЕ ОДИНОК, У ТЕБЯ ЕСТЬ ЖЕНА.

Но он и без меня это знает.

Я тактично молчу в ответ.

Можно сказать: и я одинока, и скоро три года, как нет никаких вестей от моей дочери.

Но зачем ему это знать? Он не замечает ее отсутствия, как прежде не замечал присутствия.

Так лучше: молчать.

Когда это было сказано мне в первый раз, в самый первый раз, в самый первый четверг, истекая голубизной глаз: «Я одинок и не знаю, зачем живу», – то произвело впечатление сильное, вызвало отклик, сочувствие. (Встретились как бы две сироты и пошли, взявшись за руки, в одном направлении...)

Теперь я привыкла и деликатно, то есть тактично молчу в ответ; кажется, и его жалобы – из области тактики... Либо стратегии.

Он не знает, зачем живет. Но – живет.

Я жду разоблачения в нелюбви, как смертного приговора.

* * *

Сиденья на пароме желтые и синие, на две стороны, можно сесть, чтобы смотреть вперед, можно – назад, против течения, то есть против движения судна – течения здесь никакого нет, так, игра волн. Где-то в сердцевине парома – буфет, оттуда соблазнительно пахнет подгорелым молоком и кукурузными хлопьями, «поп-корн»... Иду в направлении некоей перегородки – стенки с плакатами, впрочем, поближе оказалось – с картинками статен-айлендского транспорта, автобусной картой и картой метро. Сидения желтые и синие. Выбираю самое синее, лицом к стенке. Сажусь. Вот так. Прекрасный вид. Буду смотреть и думать. О своем. О ней. О дочери... Сегодня... Сегодня все выяснится. Эта экстрасенс Анжелика на рисунке-портрете в русской газете. Глаза... Мощь... Живет в Статен-Айленде... Но нет, не тут-то было думать о своем. Почему это лысые люди советуют мне (и другим, надо полагать) изменить прическу, а толстые – прибавить в весе?.. Вот и сейчас: сердобольный толстунчик высмотрел меня – полюбил, подсел поближе, через сиденье справа; вот уже на сиденье справа, и советует побольше есть. О'кэй. Хорошо еще, что не пить мочу. Была же одна такая встреча – еще в России. Не удивлюсь, однако, увидев эту самодовольную госпожу советницу здесь, идущей вразвалочку по парому мимо вкусно пахнущего буфета, так же, как шла она по тропинке, соединяющей Клинскую улицу с Ховринским проездом, в то приятное ласковое летнее утро. (Раскрывали свои золотые головки одуванчики, радуясь восходящему солнышку...) Остановилась, пораженная – я шла навстречу моим непросвещенным обликом; не уступила дороги, а просто взяла за руку и заговорила: «Слушай, милок!.. Делай, как я... По утрям...» Выглядела та рассказчица неважно, хоть и была толста (ну, все же было в ней что-то), но если б не пила она, не потребляла свою мочу, то могла бы выглядеть хуже... Я-таки тогда не восприняла ее советов всерьез – не была готова... А сейчас, разглядывая автобусную карту Статен-Айленда (было бы, может, лучше метрокарту; но в этом случае пришлось бы повернуться больше вправо, а он и без того пытается заглянуть мне в глаза... В глаз, правый... Справа я намного непривлекательней... Останусь так, как есть – с бесполезной автобусной картой носом к носу, тет-а-тет), рассеянно внемлю лекции по наращиванию мяса. Идет перечисление продуктов, содержащих особенно важные для пополнения калории: «...Мясо...». Зачем-то вяло возразила против мяса: «Я люблю животных». – «О, я люблю их тоже! Особенно жареных кошек!» – «Жареных... кошек?» – «Ну да, жареных кошек! А что, разве кошки не животные?» – «Ну-ну, Господь с Вами, я не собираюсь дискриминировать... Продолжайте...»

Продолжает: «Жареные кошки даже вкуснее жареных тараканов». – «Не продолжайте». Продолжает. «Байо»* любителя жареных кошек: родом из Перу, где мало еды, мало «фууд», хоть и была там бобовая ферма, и где был он худой-худой, почти как я. Но теперь, с той поры, как он приехал в Нью-Йорк, где нашел работу, хорошую, в шу-стор**, и где много «фууд», похорошел, пополнел... Задрал штанины, чтобы показать толстые волосатые ножки, восхищается

* Bio – биография.

** Shoe store – обувная лавка.

сам: ах, как хороши! Вторыми в очередь на демонстрацию, вероятно, волосатые ручки-коротышки? Пышно-волосатая грудь?.. Или...? Или...? Если стриптиз пойдет не экспресс, но со всеми остановками... Ведь случалось такое. Однажды. Давно. До Витяниса.

Кофе по-американски. В вагоне трэйна, идущего в Квинс – я направлялась в ПСИ (помещение бывшей публичной школы, используемое под выставки и представления), заговорил со мной – сначала почему-то по-французски, еле удалось ему переключиться на английский, – сосед по сиденью, художник, выдающийся, как выяснилось в разговоре, Густав Фолк.

Вместе отправились в ПСИ, где состоялся концерт светомузыки. Посмотрели-послушали. Возвращались так же трэйном... Я бережно держала в руках подаренный мне Густавом букет белых хризантем. Домой нам было по пути. Он напросился на чашку кофе, зашел ко мне. Дочери дома не было, еще не вернулась из школы... Пока я хлопотала у кофеварки, гость приводил себя в порядок в туалете. Вот кофе готов и разлит по чашкам. Обернулась позвать «Густав», а он уже тут, на кухне, идет ко мне. Вернее, на меня, идет с улыбкой, но без штанов: из-под клетчатой рубашки – едва прикрываемое этой рубашкой вспученное брюхо… Я вежливо попросила его надеть штаны, дабы не простудиться. Он послушался, штаны надел, молча выпил кофе, ушел. Потом звонил, злился на мою занятость и даже требовал вернуть шесть долларов, потраченные на букет белых хризантем. Уж я ему предлагала забрать назад цветы, пока те были свежие, но он хотел деньгами. Так я и осталась должна... С той поры, бывая на выставках, в музеях ли, в галереях, безуспешно (пока) отыскиваю глазами под шедеврами заветную подпись: «Густав Фолк»...

Вообще, надо сказать, будучи в Америке, в Нью-Йорке в частности, следует обращаться осторожнее с термином «кофе». В другой раз один джентльмен предложил мне выпить, или, как здесь принято выражаться, «иметь» кофе вместе, to have coffee together. Взглянув на часы: девять сорок семь вечера – я простодушно заметила: «Ну кто же в такое время суток пьет (имеет) кофе! В это время суток лучше «иметь» чай, причем травяной, ибо малейшая доля кофеина может расстроить с...».

Но он уже не слушал, отошел... Вот что интересно, и также немного грустно: жажда кофе в нем не угасла, я слышала, как он предлагал его (кофе) вместе иметь другой леди... Обо мне забыл. Впрочем, it's OK*.

Отвернувшись влево – справа же просто какой-то деспотизм материи над формой! – как бы заинтересованная дизайном клочковатого серого неба за окнами парома, внимаю вполуха наставлениям соседа. Помимо калорий из мяса и еще из молока («Милк! Ит мэйкс боди гуд!»)**, я, оказывается, должна пользоваться яркого цвета, скарлет, нет, еще ярче, как «менструэйшн», губной помадой, оживляющей, меняющей облик к лучшему. И – щеки, вслед за губами... Слушаю и благодарю рефреном (выйти на площадку, то есть на палубу?.. Не-е, там холодно, ветер...), но еще практически не за что благодарить, еще рано, ибо мой человек слева, то есть справа, употребив слово-термин «менструэйшн» и еще раз «менструасьон» с французской артикуляцией, по реакции моей смущенно-рассеянной понял: тут нужен срочный ликбез, дополнительный семинар... Ну, я тогда пошла мыслями назад, к этой истории с кофе... Ведь могло так быть, что художник (выдающийся) Густав Фолк побоялся тогда облить кофе свои, возможно, единственные штаны. Я-то этих штанов не помню, а для него, быть может, они стоили много больше условностей света... Ведь и я сама когда-то, очень давно, пала жертвой собственной опрятности...

Первый мужчина... Вот пришла я к однокурснику вернуть прочитанную книгу (учебник по диамату, кажется)... Однокурсника дома не было, и принята была его соседом по комнате (действие происходило в студенческом общежитии, сосед был со сценарного факультета). Он пригласил посидеть с ним за столом, разделить его нехитрый ужин: хлеб, помидоры, дешевое вино, а именно портвейн. Я вспомнила, что сегодня день моего рождения, и присела за стол. На мне в ту пору был сатиновый костюмчик, юбка и жакет, обожаемые мною за дизайн ткани: по черному полю – цветы и фрукты, много цветов и много фруктов, разных: виноград, и сливы, и яблоки, и груши. Юбка-шестиклинка, отутюженная по всем швам... Я сидела на стуле, он – через стол – на своей койке. Когда Алексей – его

* Это ничего.

** «Milk! It makes body good!» – из популярной рекламы молока.

звали Алексей – по опустошении бутылки предложил остаться на ночь и с ним, то кровать, на которой он сидел, вернее, теперь уже возлежал, была расположена на пути к выходу. Его серые очи, особенно хорошо видимые, подаваемые благодаря возвышающейся по диагонали над плоскостью стола шее, горели решимостью и волей; представив, какой губительной может оказаться его реакция на мое «нет»: погоня, заламывание за спину рук-ног (моих), самое же ужасное – возможное хватание за полы жакетика и юбки; пятна (вино, помидоры), оторванные рукава... О, только не это!.. В общем, бережно сняла я с себя любимый наряд, аккуратно сложила-повесила на спинку стула и, вспомнив еще раз, между прочим, что мне сегодня исполнилось целых двадцать два, с приветливой улыбкой двинулась в направлении уже разобранной – постели.

...Между тем сосед по парому выложил все свои познания в области косметики да спросил, кстати, откуда я родом. Из России? О, из России! А, из России! Он знает двух девушек из России, они сестры, живут в его районе, в Верхнем Манхаттене, сюда-то, в Статен-Айленд, он едет по делу («Надо же, и я – тоже»); девушкам-сестрам, упомянутым им, по четырнадцать-пятнадцать («Неужто и мне на вид?..»); они хорошо кушают и, соответственно, выглядят. И они же хорошо делают любовь. Что ж, я за девушек, популярных в верхнем районе Верхнего Манхаттена, рада... «Горжусь своими соотечественницами...» – бормочу с едва скрываемой завистью... Итак, мясо, молоко, яркого цвета губная помада – все это так или иначе связывается с важными для... калориями... Еще не приехали?.. Слушаю, должна слушать или делать вид, что слушаю, должна, если хочу быть, а вернее, казаться, умной. Ведь, по определению психиатра Н. Лукка, а может быть, Н. Лука, – забыла количество «к», – умные отличаются от дураков (иногда – глупых) тем, что вечно учатся, в то время как вторые склонны скорее поучать других, нежели учиться... Слушаю...

...К тому же все это бесплатно, что в США особенно приятно... А вообще-то, конечно, смешно было бы рассчитывать встретить на статен-айлендском судне Будду... И тем более смешно было бы тут повстречать Солнечного Духа Мудрости... Ведь египтяне старой, ушедшей цивилизации, я слышала, а вернее, читала, установили: этот умами вожделенный дух так далек от Земли, что человек – мыслящий и ищущий человек – мог бы встретить его лишь после смерти... Вот так.

Уход... Год спустя проснулась, надела изрядно полинявший костюм в цветы-и-фрукты и тихо, на цыпочках вышла вон, бережно прижимая к груди букет розовых роз. Дело в том, что у него в тот день, вечером того дня, было назначено свидание, на сей раз со стюардессой дальнего воздухоплавания, в отношении которой он строил далеко идущие планы – пришла пора жениться (удачно). А девушка эта, «коренная» москвичка, телефон которой был ему дарован другом, тоже сценаристом, уже обрученным с москвичкой-переводчицей, – зарабатывала хорошие деньги, большие деньги, а деньги начинающим сценаристам так нужны! И вот он позвал меня к себе и попросил постричь. Сидел он за столом, на той же кровати и в той же позе (хлеб, помидоры, дешевый портвейн), что и в первый день нашей близости. И сосед был в отбытии. Я, сопереживая, волнуясь за его облик и желая, конечно, произвести наилучшее впечатление на стюардессу дальнего воздухоплавания, взяла поданные ножницы и постригла.

Стрижка, однако, – как назло! – не очень удалась: получилось неровно, лесенкой, знаете, как весеннее поле на картине Ван Гога. Хорошо еще, что он не был трезв настолько, чтобы разглядеть свое отражение в зеркале, как ни тщился...

Утром, в то время как я уже проснулась на соседней койке, он все еще спал на своей, алкогольно расслабившись в преддверии глобальной встречи, и на столе отдыхал стоя букет розовых роз для богатой невесты... Вспомнив про себя, что у меня как раз день рождения, вынула я букет из временной вазы – трехлитровой банки из-под чего-то, вдохнула сладкий розовый аромат и тогда осознала: никогда сюда, в этот пункт, не вернусь. Стоило ли возвращаться туда, где на меня мог обрушиться гнев постриженца в неудачники? (Таковым бы он себя счел, посмотревшись по пробуждении в зеркало и теперь лик свой узрев.) Я-то его немножко знала; он бы сказал или подумал: «Стюардессам не нравятся стрижки лесенкой...». Что-нибудь в этом роде... Через мое правое плечо была перекинута дорожная сумка для отбытия из общежития – прочь, прочь от этого злачного места, haunt of vice* с его похотливыми подлестничными стона-

* Гнездо разврата.

ми, отмечавшими мои вечерние возвращения с постирушками из общественной умывальной, да и института – дома мод и злословия, по которому я устала ходить под насмешки элегантных методисток и студенток, кутая плечи в дырявую шаль... Вперед, в сторону oblivion* в коммуналке на Южинском переулке.

...Лесенка... Лесенкой... Теперь уже, наверное, лысый. Если жив...

Сосед по парому еще не завершил своей натуралистической лекции...

...Я заслужила эти розы. Я была ему преданным другом. Не говоря уже о том, что это был мой день рождения... На следующее утро – первое мое с ним утро – ему предстояли сборы в поездку в Одессу, на съемки фильма, курсового или дипломного, по его сценарию. Сказал, напишет. Сказал: приезжай. Он написал. И я приехала. На зимние каникулы. Ехала день и ночь. Соседи по купе – развеселые одесситы – предложили сыграть в карты с ними, в дурака. Я проигрывала, вызывая остроумные комментарии партнеров. Это была моя вторая в жизни игра в дурака, я имею в виду карты... Первая – тогда я выигрывала – это давно, в зимние же каникулы, когда мама и отчим продали вдруг дальневосточный дом с крыльцом, ступеньки которого я мыла (качели во дворе, сад с малиной – продали тоже), уложили пожитки в большой рыжий чемодан, погрузили его (чемодан) и нас, то есть меня с сестренкой Дашей, в грузовик, идущий в сторону железнодорожной станции, и мы все поехали на мамину биографическую родину... Был последний урок накануне зимних каникул. Кончился урок – за мной пришла мама... Подталкиваемая снизу, подсаживаемая в кузов машины, я молча плакала, самоутешаясь при этом одной лишь мыслью: «Я сюда вернусь».

...Ехали с пересадками – названий не упомнить, много. Взрослые отстаивали очереди на компостирование билетов, я следила за Дашей и поклажей: рыжий чемодан, сумки с едой. Озноб: стояла лютая зима. Закомпостированные ждали на платформе очередного поезда. Жиденькие снежные покровы от холода желтели. Однажды на платформе неподалеку от нас увидела: темноволосый, темноглазый мальчик присматривал за своей семейной поклажей... Потом мы оказались соседями по купе. Имени его не знаю, думаю, мы и не были представлены друг другу, он вообще, по-моему, молчал. С ним, помимо взрослых, которых я не заметила, – впрочем, морская униформа... – была девочка чуть старше нас, «приемная сестра», – так она сказала... Появились карты. Пришел кто-то четвертый, стали играть в дурака. Во время карточного сражения он не сводил с меня глаз (вблизи – серо-зеленых) и все время – заметно умышленно! – проигрывал. Приемная сестра объяснила этот феномен так:

– Он не может выигрывать у красивых девочек.

Все это осталось в памяти, может быть, еще и потому, что услышала я о себе такое, «красивая», в первый раз. (А ведь мама меня накануне постригла – отчекрыжила косы.) Они вышли ночью, когда мы спали. Я спала...

...По пути к Алексею, и тоже зимой, я снова играла в дурака, проигрывая одесситам. Так миновал день. Миновала ночь. Поезд пришел. Были утренние сумерки. Он ждал в конце платформы. Вынув на мгновенье изо рта трубку – так хотелось походить на Хэмингуэя! – взял у меня сумку, взвалил себе на плечо, и мы побрели по просыпающейся Одессе...

Море... Мы сидим на берегу на камнях, наблюдаем за игрой волн (я швыряю гальки, чтобы они «бегали», «прыгали» по поверхности), отпивая между тем из бутылки по очереди «борщ» – терпкое сухое темно-красное вино из смешанных сортов винограда... Для меня снята койка в домике стариков дяди Пети и тети Гали, совсем рядом с его, Алексеевой, гостиницей «Кураж» и рядом с морем... Путь к входной двери дяди-Пети-тети-Гали – через аркады из виноградных лоз, сейчас голых и серых. «Но что будет летом!» – говорит тетя Галя. Одесские каникулы. Сказочные дни...

Infidelity.** Вот я подхожу к «Куражу» – вызвать на вечернюю прогулку. Пахнет морем. Море – десятки шагов вниз по склону, по камешкам, по колючкам... У входа в гостиницу сидит на скамейке, курит, грустит безработный режиссер Файк Гасанов. Внутри, за столом, дежурит, я знаю, пожилая пышнотелая дама. Чтоб ее лишний раз не беспокоить, направляюсь прямо к

* Забвение.

** Неверность, измена (англ.).

освещенному, вернее, светящемуся окну, что на первом этаже. Постучать и позвать на прогу... Через стекло оконное вижу: он возлежит на разобранной койке с юной прикиношной крупной и раздетой блондинкой, которую я видела накануне в обнимку со сценаристом другой киногруппы... Целуются. Отпрянула от картинки в окне... Когда походкой Ниловны миновала скамеечку с Файком, чтобы выйти на освещенную улицу, тот привстал и погладил меня сзади по внезапно образовавшемуся горбику со словами:

– Ты красивая, старуха. Но ведь она – такая молодая...

...Плетусь по колючкам, спускаюсь к морю, с ужасом думая о том, что вот скоро, через семь с половиной месяцев, мне будет двадцать три. Ему, правда, и того больше, но он мужчина, ему можно... Присаживаюсь на камень... Лунная соната морского прибоя... Ближе. Брызжет... Вспомнился силуэт, поджидающий меня в утренних сумерках на платформе... Все-таки что-то в этом было. Осязание нескорой весны. Поход наш в продовольственный магазин: сто грамм сахара, двести маргарина... Суп, приготовленный однажды вместе в «куражской» кухоньке, и как он бросал туда, в кастрюлю, кусочки недоеденной колбасы, а я это терпела. Почти жизнь... Теперь скоро уезжать... Плещутся волны... Черное море не замерзает зимой, лишь кое-где у берегов... А дальше к темному горизонту, если луна – штрихи лунной тропы. По такой, наверное, уходил от нас Иисус... Вечером следующего дня тетя Галя сообщила: «Вон за тобой прыйшла Горылла!» (он ей не нравился, и она его не приглашала войти). Мы вместе отправились к морю. Блондинки той я больше не видела, не встречала даже на экране, расспрашивать же о ней было как-то неудобно.

Летние каникулы. Его болезнь. Тромбофлебит. Он так страдал. Я приехала – он, правда, не приглашал, – остановилась у дяди-Пети-тети-Гали, чему они были страшно рады: «Дывысь, хто до нас прыйихав!» Путь к их двери лежал через аркаду из зелени и гроздьев винограда. Я носила ему виноград, дежурила у его постели либо под окнами больницы... На пожарной лестнице, а он – там, в окне на четвертом этаже. Бросил курить и терпит такие мучительные спиртовые уколы... Все хорошо, ему лучше, и мы гуляем вместе, катаемся на прогулочном катере (я представляю и называю катер – для себя, про себя – кораблем). С нами его новый друг, новый собутыльник, каскадер Леша, тоже Алексей, тезка Алексея. Чтоб было понятно, к кому из них обращаюсь в разговоре, я называю этого, каскадера, просто Леша (про себя – Алексей Второй), в то время как мой (про себя: Алексей Первый) отныне – Ал. Мы стоим на палубе катера («корабля»), несущегося по ночному заливу, по пенящимся, «ощетинивающимся» гребням волн. Стихия.

...Вышли на берег и гуляем по прибрежным, пропахшим акацией улицам... Ал мечтает вслух, под впечатлением от Лешиных рассказов о лошадях, экранизировать один свой сюжет о жизни в колхозе. В центре истории – жеребец-производитель, собственность и гордость колхоза, села, администрации, председателя – гордость всеобщая. И все председатели окрестных селколхозов завидуют и просят председателя-обладателя одолжить красавца. Но тут Леша, кивнув в мою сторону, перебивает (о, милая непосредственность!): «Слушай, а почему бы тебе не сделать фильм об... амазонках? Я бы ее (кивок в мою сторону) подучил сидеть в седле и...». Ал пытается прикурить – опять! – однако соленый ветер гасит спичку за спичкой... Наконец зажег, закурил, раскурил, закрыл спичечный коробок, и мы можем видеть при огоньке трубки: на коробке изображены Белка и Стрелка, две собачки, знаменитые тем, что были запущены в космос прежде Гагарина, прежде Терешковой... Тычет в рисунок, шипит: «...Ее приззвание – коссмосс...». Я молчу, обдумывая про себя и такой вариант трудоустройства. Намедни попыталась было примкнуть к увиденной массовке – влиться, заработать три рубля*. Но тело мое в этой играющей толпу толпе оказалось неординарным настолько, что режиссер заорал в микрофон:

– Девушка, похожая на актрису, вон из кадра!

Хорошо еще, не выгоняют, принимают на овощной базе – перебирать картошку, помидоры... (Суп ведь готовила в «Кураже» из свежих овощей!)

На следующий день, возвращаясь с пляжа – тетя Галя просила помочь в огородике – на углу студии наткнулась на него, целующегося с рыженькой ассистенткой. Был там, видимо, обеденный перерыв...

«...Вейся-извивайся раб Божий Алексей...» Втроем, Алексей Второй, то есть Леша, с нами – ему завтра уезжать, возвращаться в Москву, его

* Речь идет о 60-х годах.

работа закончена, другими словами, кина не будет, ибо режиссер-постановщик проглотил во сне свою вставную челюсть и теперь в госпитале, в руках медиков, борющихся за его жизнь и за извлечение челюсти. Впрочем, мне тоже скоро уезжать, потом и Алу. Сидим в «Кураже». Ребята говорят об этом случае с челюстью, а больше о том, что случилось и что теперь будет с Файком Гасановым, безработным режиссером: возвращаясь прошлой ночью со свидания с хорошей девушкой, попал под трамвай, отрезало ноги... Долго лежал незамеченный на путях... Потерял много крови... В госпитале, без сознания... Прилетела мать из Баку... «Борщ» разлит по стаканам. В одном из них, Аловом (ближе к нему) – приворотное зелье. Чтоб привязать его к себе, присушить, женить на себе – разве я этого не заслужила? Я была и была бы впредь ему хорошим другом. Маме горько знать о моей внебрачной связи (ей написали, тот самый однокурсник, сосед Ала по общежитию). Прочитан про себя, мысленно, наговор. Ставлю на стол нехитрую закуску: хлеб, колбаса. Кто-то снаружи без стука приоткрывает дверь и сообщает: «Файк умер»... (Лето. А он так любил тучные красные пионы.) Я всхлипываю. Ал вскакивает со стула, отходит к окну, смотрит в темноту двора и говорит: «Жаль-жаль. Ведь он мне должен два рубля...» Возвращается к столу, предлагает тост «за нас», мы берем стаканы. Но так получилось, что Ал, Алексей Первый, берет стакан Алексея Второго, а Алексей Второй, Леша – стакан Алексея Первого с зельем и наговором и залпом его выпивает...

...Попутчик по парому продолжает поучать. Он – за увеличение в весе. А ведь бывали, бывают и будут еще случайные собеседники и собеседницы, попутчики и попутчицы, которым хочется похудеть до бесконечно малого веса, иным – до миллиграмма и даже меньше. (Есть и будет шанс выступить с лекцией мне как худой. Но я надеюсь этим шансом не воспользоваться, упорно стремясь казаться умной.)

Однако... Такие люди, так же, как и Солнечные Духи Мудрости, должны быть сейчас где-то вне этого парома. По всему видно, они не соответствуют здешнему эталону достоинств... Как хочется, просто не терпится заснуть, а потом проснуться среди близких, родных людей... Запах гниения: прибыли в Статен-Айленд. Толстяка (красавца) зовут Джимми. Приятно познакомиться. Красиво. Как бывшего президента Картера. Мог бы быть Биллом, как грядущий – уже грянувший – Президент Клинтон. Застегните молнию, Билл... то есть Джимми. Перекидной мостик – железный лист – соединяет с берегом. Прощайте, Джимми, мне теперь направо, благодарю Вас за познания (автобусную карту – тоже). Телефон? Нет, телефона у меня пока нет. Вскидываю сумку на плечо: тяжелая, как обычно (чтиво, зонтик, тапочки, халат – все нужное). А я не люблю тяжести... Ретро-мысль: «Да, Густав просто побоялся измять штаны». Ощупываю карман-кошелек: хватит ли на Анжелику?..

По выходу из-под длиннющего навеса перед взором через дорогу – по-своему величественное здание местной «ратуши», так оно, по-моему, выглядит – ратушей. Мне еще раз направо. Белокурый юноша с баночкой пива в руках – не первой, судя по малиновости румянца, – отхлебнув, спросил: «Помочь?» Не дожидаясь ответа, – видимо, ответом было мученическое выражение «не люблю тяжести» – взял сумку и понес, и донес до самого дома Анжелики: искать, впрочем, пришлось мне самой, так как он здесь ничего не знает, он из Берлина, зовут Диарк, живет пока в отеле и думает снять в Нью-Йорке, а именно в Статен-Айленде, «флат»... Чтоб недалеко от остановки «коача»... Я немножко рассказала ему о порядках, ценах и прочем, начав с того, что «флат», «коач» – выражения британские («бритиш»); американцы же употребляют слова «апартмент», «бас» (квартира, автобус). Тут он заметил, что я, должно быть, недолюбливаю Америку. Я: «О, ну что Вы! С чего это Вы взяли?..»

Панически боюсь разоблачений в недолюбливании.

Анжелика и Пиковый Король... Просторный коридор, уводящий от лифта в царство входных дверей. В проеме одной из них, распахнутой, очертания одетой во все блестящее толстухи с торчащими во все стороны светлыми вихрами. Это... Анжелика? Ну и Анжелика! А как же... «ясновидящая Анжелика...», огромноокая красавица-брюнетка со страниц «Русского базара»? Лезу в карман за картинкой с адресом... Еще ближе вижу: синенькие глазки-пуговички, пунцовый ротик-петелька и пунцовые же щеки-румяна (Джимми бы понравилась). Пальчики-сосиски вцепились в какие-то металлические прутики, держат крепко, стиснуты до побеления.

– Ну, я, што, не видишь, Анжелика. Эй, эй! Не иди так шустро!.. Фу, какая плохая энергия. Чертти-што. Антен мине чуть не сломала.

Крутит железками во все стороны.

Смотрю робко-вопросительно: входить... во флат... можно или нельзя? Эти маленькие глазки-пуговички...

– Заходь, ладна, в апартаминт. Сядь вон тама... Э, нет, сначала постой! Побудь тута, я кой-што проверю.

«Кой-што» проверяемо кручением железками, как если бы некий карапуз-малыш управлял воображаемым автомобилем... самолетом. «Странный акцент, – думаю я, – диалект... Надеюсь, эти мои невольные мысли не расстраивают ее антенн...»

– Одне вампиры сиводни, одне вампиры, – констатирует экстрасенс, – дурная энергия, закрытые чакры, кругом одне вампиры. (*Виновато ежусь.*) Типеря садися. (*Сажусь.*) Ну, што у тибя? Покажь фотку.

Доставая фотографию дочери, озираюсь: по стенам – открыточки с целующимися воркующими парочками. Салфеточки. Пуфики. Над пышной постелью – коврик с оленями-олешками. Напротив олешек – давно не видела (бы) – сервант с бесполезно томящейся под стеклом посудой: изнывающими от неупотреблений графинами и рюмочками, фарфоровыми чашечками, расписанными цветочками, ягодками, ободочками, сердечками, драконами, рыбками разных пород – от мирной камбалы – домохозяйки Дженни Герхард рыбного мира – до драматической акулы (разнорабочей Кармен соответственно)…

Неужели все это – вся эта растительно-рыбная коллекция – привезена из Тибета, где, согласно сообщению в «Русском базаре», хозяйка статен-айлендского «апартаминта» провела многие годы в изучении восточной мудрости?.. Или из Гималаев? Акцент, диалект у нее какой-то... необычный... Вместе с портретом дочери (однажды сфотографировала ее у окошка, и вышла композиция, которую так и назовешь, взглянув: «Девушка у окошка») выдернулась из сумки фотография Витяниса в красной рубашке и с чашкой кофе в руке, на среднем пальце которой нанизан массивный перстень с голубым камнем, а под перстнем примостилось незримо обручальное колечко двадцатилетней давности... Выдернулась и упала бы, да Анжелика подхватила, довольно ловко для своей комплекции:

– Вай, вай, какой мужик! Ну ты што – дура? – еслив думаишь, што такой мужик тибя палюбить? Да ты пасматри на сибе! Да ты жеш иму в матири гадисся! Ты што ат иво хатишь?

– ...Я... уузнать, не женат ли... – мямлю зачем-то вместо того, чтоб честно сказать, что эта фотография не является предметом моего визита.

– Жинатый, жинатый, и детки есть! – однако, перехватив мой недоумевающий взгляд «какие детки?», поправляется: – То исть нету дитев, ошибилася я. («А детей у них, и вправду, нет...»)

...Да ты штой-то худая какая? Сохнишь па мужику, а зазря, милок. («...Раскрывали свои золотые головки одуванчики...»)... У-у-у, етти мужики! У-ух, как я ех нинавижу-у!.. Был у мине мужик. Дэк я иво-о... била, била... У-ух, как я иво била! Он чирис три нидели апосля сватьбы слинял, сбег, значить, ну и шут с им! Да на хрен он мине здалси! – мечтательно: – У-ух, как я иво би-ила!..

Наверно, вежливей было бы спросить: «За что Вы его били?», но я рассказ сей прерываю:

– Анжелика, извините... Вот, взгляните... пожалуйста... на эту девочку на этой фотографии... Она жива?

– Погоди, щас проверю, – достала колоду карт, тусует. Выдергивает из колоды короля пикового, кладет на стол лицом вверх. Теперь колдует с антеннами. – Во. Дочка, што ли? Живая вроди бы, так король говорит. Толька вота... Погоди... Щас… Ну, щас, значить, живая, ничиво... И вообще – в Ивропи она! И тожа – вампир. Сиводни у мине одне вампиры... И ище, ни абижайси, милок, ну... Лисбиянка она вроди... Ну, байсекшуал, значить...

– Аджика, это... (Причем здесь «байсекшуал», чушь какая...)

– Анжелика я!

– Анжелика, это правда? Что жива – правда? Почему не напишет?..

– Ага, живая вроди. Што ей сделаиться? Правда вроди, король говорить. За мужика да за ие по шиздисят доларов, сто дватцать вмести будить. А если оставишь мине карточку еейную да сто доларов, дак я зделаю так, што она (многозначительно поглядев на короля)... тибе напишить...

Манипулирует с антеннами.

Я держусь за карман пиджачка. (Невольная, вампирическая мысль: «Хватило бы на обратный путь...»)

– Да эта фотография – единственная, к сожалению (правда; и еще я привыкла смотреть на нее по утрам и вечерам... Утром, сидя в позе «калачик», желать моей девочке стать «самой счастливой»)... Я Вам лучше пришлю другую... Или – копию с этой...

– Во, во, пришли! И сто доларов, значить. Пришли. Тока кеш, а то у миня с эсисаим* будуть праблемы, – взглянув еще раз на короля: – Адрис знаишь? Ага, значить, знаишь. Тада я зделаю так, што она напишить, – пересчитывает деньги, откусив нижнюю губу. – А чиво ты худая такая? А?.. Модель, говоришь? Для чиво, для старух? Такая-я... старая! (Значит, не выгляжу на четырнадцать. Ну что ж, я так, примерно, и думала…) Страшная! (И не во вкусе экстрасенсов с Тибета.) Дак я таки-их девочик видала, приходили тута: молодинькии, сиськи – во! Попки – во! – Жест вперед, жест назад. – Усе на мести, в модели хочуть, а ни бируть! Говорять, с кем-та там спать нады, а ты-ы... «Модель»! Ну нада жи, што придумала... Ну ты даешь! С мужиком ет-тим... Совсем уш... Я – сенситиф, с инопланетянами общаюсь. Хочишь, кухню тибе мою покажу? А то ты все: мужики, мужики... Вон за ето я заплатила три тысичи. Ты вот что, милок! Слушай! Зачни-ка мочу пить по утрянки – и будишь как я: здаровинькая да харошинькая...

И тут я ее узнала. Это потому узнала не сразу, что ведь тогда, когда-то, она была почти худая, почти как я... (– До свиданья, Анжелика...) МАЙЯ: Раскрывали свои золотые головки одуванчики, радуясь восходящему солнышку... По тропинке шли навстречу друг другу две женщины: одна худая, другая почти худая. Первая, то есть названная первой, шла за хлебом от Клинской улицы к Ховринскому проезду. (Так ей казалось.) Вторая после регулярной дозы мочи на завтрак жадно впитывала синенькими пуговичками красоту и мудрость тибета, то есть Тибета.

* * *

Паром назад (как мне кажется). Сижу внизу. Напротив – явно мать и сын, она лет семидесяти, он – тридцати так пяти, дружно, в унисон пожирают жареный картофель из пакетика и дружно, в унисон обсасывают пальцы... Бывают же счастливые, дружные семьи... Шарю по карманам: нет, на картошку не хватит. Можно вздремнуть, увидеть-вспомнить мамино лицо, как на юношеской-девичьей фотографии. Странно, что это красивое нежное лицо с дугами бровей и мраморным лбом теперь уже не существует на свете... Скрип, скрежет. Паром прибывает в Манхаттен.

Прибыл.

Дома. Одна. Совсем одна.

Ем жидкий суп, боясь стукнуть ложкой. За дверью шумное общение соседей по площадке.

«...See you again!» – «Good night!»**

Теперь можно... Звучно дохлебываю остывшую жижу.

* * *

Инвентаризация... Южинский переулок... Комнатка была половиной, хоть и имела выход в коридор коммуналки. За стеной-перегородкой была точно такая же половина со своим выходом в коридор, и в ней жили (верней, обитали) свекор со своей женой, мачехой мужа... Здесь умещались: шифоньер, стоящий поперек, открывающийся на себя и создающий эффект мини-прихожей, из которой, через щель между стеной и шифоньером, можно было проникнуть в спальню; в спальне той стояла тахта – у северной стенки изголовьем к обратной стене шифоньера – и стол, то есть столик, за которым сидели на тахте (противоположно изголовью). И еще – окно. Окно выходило на улицу и на запад.

Когда Леша возвращался пьяным (а пьяным он возвращался всегда) и плюхался на тахту, я укладывалась на полу между шифоньером, тахтой и стеной. Но нужно было прижиматься к южной стене, потому что он во сне, вернее, в бреду, падал с тахты и мог придавить.

Если же муж укладывался на полу между тахтой и стеной, то мне, лежащей на тахте, нужно было прижиматься к стене северной, к самой стене, ибо во сне-бреду он вскидывал свои длиннющие ноги вверх и потом резко опускал вниз, просто обрушиваясь ими на мое тщедушное тельце... Родился ребенок, моя девочка, и из-за отсутствия места для кроватки так и спала в коляске в проходе... На обе половины был один лицевой счет на имя свекора. Чтобы улучшить жилищные условия, то есть поставить себя на очередь на увеличение жилплощади, нужно было иметь на свою половину отдельный лицевой счет.

* SSI – пособие по нетрудоспособности.

** До встречи! – Доброй ночи! (англ.)

Я стала собирать все бумажки для разделения лицевых счетов. Не стану перечислять всех процедур и всех контор, через которые пролегал путь к лицевому счету... Завершающим был визит в офис у Никитских Ворот, Бюро инвентаризации, где мне выдали справку-схему всей коммуналки и наших комнаток в частности. Комнатки были четыре метра в длину и два метра двадцать четыре сантиметра в ширину. Отнесла все бумажки в Народный суд, назначили день слушания. Приемная свекровь сказала: нет, они (мой муж и я) не имеют права на свой лицевой счет, так как допустимая для этого ширина – два метра двадцать пять сантиметров, а у них (у нас) – только два метра двадцать четыре сантиметра. И суд мне отказал... Это было глупо, это было возмутительно глупо, ведь если измерить как следует (я это сделала), то ширина получалась два метра двадцать четыре с половиной сантиметра, то есть почти допустимая, вообще допустимая ширина. Пошла я по-новому в Бюро инвентаризации, сказала им об этом, заказала измерителей. Пришли два молодых человека с их измерительными приборами: и правда, два метра двадцать четыре с половиной сантиметра! Подала я на пересмотр дела. Но свекор и его жена не пришли. Назначили другой день слушания... Не пришли. Назначили новую дату слушания. Пришли, но приемная свекровь сказала: если ширина вообще, расстояние там, не целое число, а дробь, то округление идет в сторону четного, и в данном случае – два метра двадцать четыре сантиметра. Она была права. Нам отказали.

Я снова пошла в Бюро инвентаризации. Мне там понравилось и запомнилось симпатичное лицо девушки Ирины, хранительницы архитектурных схем и планов жилищных помещений, и я принесла ей коробку конфет, вкусных (дорогих)... Убеждала и убедила-таки исправить «двадцать четыре с половиной сантиметра» на «двадцать пять»... Назначили день слушания. Свекор и его супруга не пришли... Опять назначили день слушания – пришли, но настояли на пересмотре-перемере помещения, теперь в присутствии представителей и суда, и Бюро инвентаризации. Перемерили: два метра двадцать четыре с половиной сантиметра, которые округлялись в сторону четного, т.е. «два метра двадцать четыре сантиметра». Отказали нам снова...

Ночь над Нью-Йорком. С вечера дует и дует, воет и шумит, где-то делая свои разрушения. Почему-то думается, и это, очевидно, так: бессмысленный ветер, бессмысленная, глупая, нежилая погода Нью-Йорка...

Утром придут ремонтные рабочие, разбитные техасцы. Начиная с понедельника, в квартире ремонт перед инспекцией. Все меняется, чинится.

Пришли. Торчу в гостиной, «ливингрум», днями.

Я заметила, что рабочие называют ремонтируемые вещи – окно, трубу, и прочее – «Бетси», считают, что это – ремонтируемая вещь – одушевленное лицо, «she»(«она»), ласково зовут: «Come on, Betcy, be nice tonight!» Или: «Come to papa, Betcy!..»*

И если они спросят меня про холодильник, я скажу им: «That only one guy is normal here». («Здесь только один этот парень и нормальный».)

* * *

Русские (почти семейные) связи. – Хэлло, хэлло! Кукла, это ты? Ты что, спишь? А? Нет? А что у тебя голос такой? А? Что? Не слышу!.. Держи трубку ближе ко рту. Говорят, тебя видели в супермаркете с каким-то... ирландцем... Да нет, не думаю, чтоб ошиблись... А что ты думаешь о Билле?.. Как «о каком», да о Клинтоне, каком же еще, держи трубку ближе ко рту. Ну не дура ли эта баба, как ее... А? Дженнифер!.. Ой, да кому я говорю!.. Чувствую, с моей, блин, добротой. А? Короче...

Звонила Марианна, зовет убрать квартиру в субботу. Ей это доставляет удовольствие: как же, я убираю, я работаю на нее. Потом можно будет обронить в разговоре светском: «Тут мне делает уборку одна... артистка...»

Как хочется отказаться. (Но...)

А назойливый ветер убил-таки кого-то в Upper West Side**. Диктор объясняет, почему был такой ветер. Вчера он тоже объяснял, и так же мог объяснить трехлетний ребенок: встретились два ветра и пошли по одному пути-каналу, очень узкому...

Повествуя о ветрах в канале, о погоде и вообще, он, этот Weather Man***, широко разевает рот, – как же, не пропадать же таким прекрасным

* Иди сюда, Бетси, будь мила сегодня ночью! Иди к папе, Бетси!

** Верхняя Западная Сторона.

*** Погодный мужчина, т. е. метеоролог.

зубам, вернее, столь дорогому дантисту! – и при этом сладко щурится. У меня такое подозрение, что американские дикторы, телеведущие и журналисты дали своего рода клятву «Гиппократа» («лицемера»): сообщив о чьем-либо несчастье, потере ли, смерти, тотчас оскалиться в улыбке и сладко сощурить глаза.

...Пора. К зеркалу, завершить косметические приготовления... Вдруг – за окном песня-музыка на безумной громкости: некий сеньор резко затормозил (так полагаю, на красный свет) свой комбайн: сверху магнитофон, внизу автомобиль, и оглашает окрестности Верхнего Манхэттена требованиями (по-испански) прийти в его объятия. Жившим в Верхнем Манхэттене, а именно в Вашингтон Хайтс, как не понять мучения-искушения Одиссея, внемлющего сиренам... Но, однако, не выходить же к нему с одним лишь накрашенным глазом! (Представилось: там, внизу, выстроилась очередь. Я выглядываю в окно и, прикрывая ненакрашенный глаз рукою, спрашиваю: «Кто крайний?..») Задержали бы его... Арестовали б. Но вот, видно, дали зеленый свет – уехал. Знаю: вернется.

Зеркало: «Это – лицо, которого наполовину коснулась косметика».

Лицо, обращенное к зеркалу: «А теперь – все. И пора на подиум. Выбора нет. Что я могу еще?..»

Зеркало: «Делать уборки».

Лицо, обращенное к зеркалу: «Как хорошо было бы научиться всем самим убирать за собой...»

* * *

Трэйн (поезд). Ноктюрн. Выбрала место поуютней и поуединенней. На следующей остановке вошла и устроилась напротив семейка: Он, Она и спящий в коляске Ребенок. Он лег на скамейку, положил голову Ей на колени. Она принялась давить Ему прыщи на лбу, а надавившись, заиграла на Его голове как на барабане, отбивая цепкими ладонями ритм-такт (я слышу, ритм захватывает): «Ти-ни-да! Ти-ни-даа!..»

(«А если бы молоточком?..») Что ж, придется уйти в другой конец вагона. Слишком все это персонально, интимно. Как ноктюрн, исполняемый кем-то и для единственного кого-то, с поглядыванием вверх, в глаза любимого(ой) и мимикой воздушного поцелуя. Согласитесь, не очень комфортно постороннему, лишнему, каковой я себя почувствовала, и переместилась, пересилилась... Теперь можно закрыть глаза и под легкий, от(у-)даленный ритм «Ти-ни-даа» увидеть короткий дорожный сон: сад с малиной. Качели во дворе...

Моя остановка.

Вечером работала, то есть позировала в классе. Девушка, повязанная косынкой, как комсомолка какого-нибудь двадцать пятого-шестого-седьмого года (из-под косынки – серые, коротко и ровно постриженные кудряшки), делала «подмалевку» на холсте большущей кистью и почему-то густо-зеленой краской.

Учитель молча сидел в углу на стуле, ел что-то, откусывая и заглатывая, минуя процесс пережевывания, потом кладя-ставя «это» на пол, на постеленный кусок бумаги, чтобы запить кофе из бумажного же стаканчика. Обычная сцена для этой нашей Художественной Лиги. Да, пожалуй, и для всего Нью-Йорка. Рядом очкастая дева библиотечного вида, повернувшись лицом к публике, чихала по-псиному: «Ав, ав, ав!..» – разбрызгивая слюну. Подумалось: тут нужен «Манюал», руководство-пособие: как чихать, то есть прикрывая нос, рот и прочее рукой; как есть и обходиться без облизывания пальцев... Аппендикс: как пользоваться кисточками, вообще их назначение; немножко о холсте, о цвете, о тенях и т. д.

* * *

Путь домой. ...Наконец-то пришел скрипучий, грязный, поздний поезд-трэйн. Пришел и взял на борт. Поезд... Впрочем, все равно какой.

Приходилось ли вам видеть городской полет пластикового мешка? Мне – о да, приходилось. Мне приходилось быть свидетелем того, как разорванное, продырявленное чумазое существо неорганического происхождения, появившись откуда-то из-за угла, из-за поворота, а то еще вдруг взмыв с заплеванного асфальта, летело рывками по улице; парило над трассой со снующими автомобилями; мчалось вдоль стен домов, заглядывая в минуемые окна; внезапно приземлялось у ног прохожего, ставя его – столь же внезапно – перед выбором: № 1 – обойти машинально, по выработанному рефлексу самосохранения; № 2 – споткнуться, автоматически безумно-бездумно выругавшись, и потом злобно и так же автоматически обернуться на прощание; или еще № 3 – подцепить приземлившийся объект и волочить за собой на одной ноге, уныло между тем обгладывая с кочана остывшую кукурузу...

Итак, дорога домой. Трэйн... Впрочем, все равно какой. И даже все равно куда. Тот, который, наконец, пришел. В нем люди-пассажиры – мертвецы. Что с того, что шевелятся, выходят каждый на своей остановке, наступая при этом мне на ноги и желая – не мне, а друг другу – доброй ночи (доброго дня...) Кто-то кому-то обещал позвонить и вряд ли позвонит... В углу китаянка, либо кореянка, либо еще какая раскрепощенная женщина Востока зевает, не прикрывая рта, видны металлические коронки. Но ведь глаза ее закрыты, и таким образом никто ее не видит... А вот мужчина с подрисованными бровями, сухой как, жук. Вдруг вижу: по полу движется пушинка. Как движется! Красиво, весело, беззаботно. Она кажется единственно живой, одушевленной среди них... «Come on, come on, Ветсу, be carefull tonight!»*...

Но поздно. Исчезла в пасти металлических коронок. Аминь.

...Выйдя из поезда и шествуя по загаженному туннелю к выходу, продолжаю думать-вспоминать: «Значит, любой кусок материи бывает послушен (как и бывает непослушен) духам движения...» И: «...А если так движется, – не значит ли, что живет?..»

* * *

– Але, але. Кукла, ты дома? Сними трубку! Хэлло! Жезус!.. (расстроенно). Ну, я позвоню потом...

Мессаж (сообщение) от Марианны.

За окном – собачий вой-лай. В окне напротив тускло мерцает звездочка сигареты вечнокурящего там старого грека.

...Я дома. В четырех стенах арендованного одиночества.

Я – это кусочек тела, который страдает и боится...

Нужно просто заснуть и спать. Спать, спать...

Приснится дочь, маленькая, лет четырех.

...Я буду сидеть на берегу дальневосточной речонки по имени Бурлит, наблюдая за ее бурлением-течением. Речушка эта, позже затопленная, как я слышала, вместе с деревней Надаровкой и прилегающими к Надаровке деревнями, впадала в Бикин, еще более бурную речку, впадающую в свой черед в Уссури и в Амур, которые впадают (или впадали? Может быть, они тоже ныне затоплены?) друг в друга...

* «Пошла, пошла, Бэтси, будь осторожна этой ночью!».

...Она пришла, измученный ребенок, стала укладываться на траве поспать, а головкой – мне на колени, но как-то получалось, что была она головой вниз, вот так; я пыталась повернуть ее и даже пересесть; дала, то есть предложила ей подушечку под голову; она сказала: «Нет», и я проснулась.

Она не любит высоких изголовий.

«...Моя дорогая дочь,

сегодня, наконец, дозвонилась до Х. шериф-департмента, где регистрируют умерших и, в частности, членов группы самоубийц, найденных накануне, после их отбытия на планету Сириус с помощью яда и пластиковых мешков на голову... И...**

Тебя в списке мертвых нет...»

Спать... Спать...

Снова заснула. Увидела свое детство. Мое детство на дне морском. Нет никакого смысла его вспоминать. Но оно снится. Сад с малиной... За огородом, на холме, поросшем ландышами, – старый пчельник (я забиралась в него летом, когда там не было ульев, там пахло прелой соломой и сладостью). Во дворе – качели. Отчим в ожидании ужина сидит во дворе; разматывает портянки...

* * *

– Хэлоу, гражаусас***...

Телефонный звонок. Это Витянис, чтобы сказать, что он одинок и не знает, зачем живет. (Что, уже четверг?) «Хочешь зайти на чашку кофе?» – «Лапынъка, не могу, очень занят». (Вот и хорошо: не надо мыть голову. Шерсть в носу – нэхай соби растэ...) – «Жаль». – «Пока, лапынька». – «Пока...». Снова звонок:

– Але, але! Кукла, это ты? А что у тебя голос такой, спала, что ли? А? Говорят, тебя видели в супермаркете, ты расплачивалась фудстэмпами... Не слышу! Да нет, не думаю, чтоб ошиблись!.. Держи трубку ближе ко рту...

Выдергиваю телефонный шнур напрочь из розетки. Вот так лучше. Пусть отдохнет. Пусть отдохнут.

...Был когда-то его, Витяниса, день рождения, в мае, тринадцатого, помню, и я с раннего утра отправилась в Форт-Трэйон-парк. Там, при подхо-

** 1997, 27 марта – случай массового (группового, 29 человек) самоубийства в г. Сан-Диего (Калифорния).

*** Красивая (лит.).

де – переходе к Клойстеру*, поднырнула под мосток, под низенькую арку; вышла в мелкий лесок на склоне, где росли ландыши, цветы моей родины, и цветы его родины тоже, я знала; нарвала букет... Спустилась по врастающим и даже уже почти вросшим в землю каменным ступенькам; собачьей прогулочной аллеей вышла на Бродвей. А еще через несколько минут ландыши приятным сюрпризом стояли в вазе у порога его студии, поджидали именинника снаружи...

«...Ландыши, ландыши...» – шепотом напевала, срывая благоухающие хрупкие создания с белыми кудрявыми головками, кутающимися от майского утреннего холода в накрахмаленную зелень листьев...

Едва включила телефон – звонок, Марианна:

– Але! Але!..

Воспоминания о тринадцатом мая прерваны. Марианна хочет, чтобы я сделала завтра уборку в освободившейся квартире, которую она будет показывать как агент, или посредник, или, еще вернее, посредница. И чтоб побыстрее, чтоб с раннего утра: «Скорей, скорей, Кукла, мне ж надо показывать ЛЮДЯМ!..» Потом еще, в довершение разговора, попыталась навязать мне за изрядную сумму «почти новый» стул, еле отказалась. Она всегда норовит продать что-нибудь, а то еще и кого-нибудь... Хвалилась своей младшей дочерью, осудила за что-то («витание в облаках» – так было сказано ею) старшую. Дочери у нее особенные и учатся в особенных колледжах, «за сумасшедшие деньги». Я слушала не перебивая, а про свою в общении с ней молчу.

И еще: она, Марианна, богата. Как-то похвалилась: «А знаешь ли ты, сколько я должна? Милли-он!» За уборку же мне платит так скупо. («Зачем я вообще с ней общаюсь? А-а, рент...»)**. Когда придет на место встречи с ключом от квартиры, где нужно убрать, – я должна быть одета поневзрачней, понеприметней. Да-да, поневзрачней... Ее окружение – русскоязычные дамы без определенной здешней жизнью занятости – реципиентки, и они же разносчицы всяких вздорных слухов о своих же ближних. Среди них выделяется красноречием моя соседка по дому, безумная Вера, та, что встречает гуляющих «русских» у входа в парк сообщениями о самых последних стихийных бедствиях, случившихся в мире за их с ней разлуку. Это как бы экстренный выпуск «DAYLY NEWS»***, упакованный в плоть extra large size**** – пятьдесят шестого размера. Вера – бывшая машинистка и близкая подруга близкой подруги Марианны, бывшей журналистки (и к тому же подруги жены Витяниса) Венеры. Марианна тоже, по ее словам, журналистка, и тоже в прошлом. И вместе эти три леди: Марианна – Вера – Венера, сей творческий союз – страшная сила. Это потом, чуть позже, они побьют друг друга палкой по голове (палка останется у Веры), а сейчас пока довольно часто гуляют вместе, втроем по аллеям Форт-Трэйон-парка, для здоровья гуляют и беседуют о своих достоинствах и чужих недостатках... Не смешно ли: они не знают всего о моей ситуации с дочерью и о Витянисе. Проморгали. Проморгали? Но ведь как-то Витянис, позвонив в четверг, сказал мне между прочим: «Так, значит, ты была вчера в полосатой блузке...» Ему стало известно. Как тесен этот мир.

Итак, оденусь поневзрачней. Пресса все-таки. Не хватало еще быть пропечатанной в русскоязычной газете, на одной странице, на одной полоске с ясновидящей Анжеликой. «Внимание, внимание! Русская дама в зеленых (малиновых) носках! Позор эмиграции!..»

Опять звонит Витянис, чтобы сказать, что он, может быть, позвонит в следующий четверг.

...Ощущение капкана – так тесен этот мир.

...Как-то (в четверг) он заехал за мной на своем красном «Вольво» и повез на загородный пляж «John Beach». Стояло теплое лето. Ему нужен был загар, и поэтому мы, раздевшись до купального исподнего, ходили по берегу то в одну сторону, то в другую, то на запад, то на восток, при этом я шла то слева от него, то справа, давая таким образом солнцу печь-загорать его тело равномерно. Когда мы шли налево от камня с одеждой, то есть на восток, в конце маршрута возвышался полупесчаный холмик, поросший цветущим шиповником. Цветы были бледно-розовые, ароматные. Я подбегала к холму – только взглянуть и нюхнуть, и назад, не задерживаться, ибо, если задержаться, Витянис норовил, подойдя сзади, запустить свои руки в мои трусики, такова была его реакция на холмик и на шиповник... При всем при том что руки, его руки, с грязными обкусанными ногтями и дурац-

* Комплекс старинных замков Европы – подарок Рокфеллера Нью-Йорку, филиал Метрополитен-музея.

** Плата за съемное жилье.

*** Название нью-йоркской газеты.

**** Большого размера.

кими перстнями, не помню, чтобы он их когда-либо мыл. Хоть, конечно, понимаю: художник, краски, холсты и все такое...

…Костюм для встречи с Марианной готов: джинсы чистые и серые, чистая серая футболка. Нашла носки – не серые, но и не малиновые, а чистые, белые, без дыр. Укладывалась спать, бормоча придуманную, а вернее, выношенную мудрость: «Опасайся ближнего своего».

...Хорошо, что они не знают, как мне плохо.

Дочь, дочь, дочь…

Они, собственно, осведомлены о том, что она уехала, уже на...

Вдруг некий голос сказал беззвучно, где-то внутри:

«Без пяти полночь».

Преодолев леность, встала, взяла в руки будильник: одиннадцать часов пятьдесят пять минут. Точно. И кто это мог сказать? Это случалось прежде, раз или два... Какой-то внутренний хронометр?.. Или... Или это время какого-то события?

«Господи! Пошли моей девочке...»

Заснулось.

«У сна прозрачные стенки – я вижу все...»

Человек из сна. Опять приснился человек с глубокими черными глазами.

Мне кажется, сны – эпизоды из чьей-то жизни, в прошлом или в будущем – зависит от интерьера... Возможно, Земля – многоголовое чудовище, много-, много-, многоголовое чудовище, и, может быть, мы все вместе имеем одно сознание на всех. Мы, может быть, даже все вместе видим один и тот же сон...

...Я шла по лестнице бесконечной и крутой, ведущей сверху вниз, и обнаружила, что потеряла перчатку с одной руки, левой. Безумный импульс – глупая затея: пойти назад, вспять, за потерянной перчаткой, найти ее во что бы то ни стало... Иду, смотрю на ступеньки без надежд, пихаемая, сбиваемая с ног толпой. Тут он... Зазвенел будильник.

Проснулась с ощущением: все в порядке. Он подобрал, он подберет – я видела – перчатку.

* * *

Уборка... В квартире, похоже, жили десятки поколений некоего служивого рода: жир и грязь на стенках кухни, засохшие (засушенные?) мыши под- и за газовой плитой; помет доисторического домашнего животного; в спальне ржавые шпильки и детские матрасики с мочевыми подтеками; под батареей в гостиной (почему-то не в спальне...) – скрюченные презервативы... Кем-то обронен бланк (чистый) рецепта, взяла – пригодится...

Выходила подышать, тем временем очищая от копоти и отмывая снаружи окно, на балкон. С тоской смотрела на кучку мужчин, беседующих о чем-то меж собой с баночками пива в руках. «Кто-то из них тоже... Может быть... Испытывает смертельную усталость...» Вернулась внутрь, домыла. Обессиленная, потная, упала на пол. Испугалась: вдруг уже больше не встану? Вспомнился человек из сна. Зашептала: «Отче наш...» Но где же, как же «Мать»? Там нет о Ней ни слова. Продолжила: «Славься Мария, благодати полная, Господь с тобою...» («...и мою маму звали Марией...») Теперь лучше... Хорошо еще, что тут есть душ, и можно его принять, то есть смыть пот.

Лопнувшие шарики. Презервативы под батареей навели на воспоминания о московской дружбе (-службе) со скульптором Ничегосяном... Я позировала ему, сначала для портрета, бесплатно, потом уговорил для фигуры, за рубль в час. И вот как-то, в знак особого доверия и как излюбленной («любимой») модели, был дан мне ключ от другой студии-мастерской, в которой нужно было сделать уборку, и потом можно было приходить – отсиживаться там от пьяных мужниных выступлений. Однако в студию эту наезжал брат скульптора, кинорежиссер, и приводил какую-то важную комиссию. Тогда туда ходить было нельзя, надо было ждать его (брата) отъезда; скульптор давал мне знать, когда в студию ходить, а когда – не ходить... После того как кинорежиссер с комиссией отбывал, так никогда и не повидав меня (а я-то вынашивала надежду, мечту: встретить его внезапно на пороге студии, понравиться и получить приглашение на интересную роль. Но он отъезжал...), я по звонку брата-скульптора шла делать уборку. Пахло вином, всюду валялись разбитые бутылки, куриные кости и еще презервативы, тут и там сморщенные презервативы. Моя девочка, скучающая в ожидании окончания уборки, все норовила поиграть с «лопнувшими шариками», и нужно было следить, чтобы она не трогала... В конце концов вернула ключ Ничегосяну, сказала: «Спасибо, не надо...»

Ну, вот и укомплектовала мышей-помет-презервативы и т. п. в пластиковый мешок, вынесла.

...Возвращала ключ этой бывшей журналистке Марианне – та хотела навязать какой-то абажур за вычетом заработанных тридцати долларов... Еле отказалась. Надо бы вообще... (А-а, рент). Тут еще чей-то троюродный брат, по ее словам, нуждается в «грин карте», а я «такая одинокая, хоть и красивая, прямо как кукла». Намек был понят хорошо, ответила: «Спешу, голодна», что было правдой, и «Позвоню», что было неправдой, – зачем?..

А ведь нужны были силы, вечером позировать.

* * *

...– Pose!

Сад с малиной. Качели во дворе...

Сад с каче... А потом уехали на мамину биогеографическую родину, где заканчивала среднюю школу, живя на квартире у дальних родственников дяди Вани (бывшего шахтера) и жены его тети Дуни. Ведь в деревне, где поселились мои родные, средней школы не было... Итак, они поселились в деревне, в домике бабушки, вернее, выжили бабушку из домика с помощью пьянок. И бабушка ушла в люди, а я – в город, то есть в шахтерский поселок, где была средняя школа, за двадцать с чем-то верст... Пару раз баба навещала меня с кочаном капусты в жилистых тощих руках; стояла у входа в дяди-Ванин-тети-Дунин дом с робкой улыбкой «Можно... войти?..» – как бы при этом извиняясь за мое пребывание у них, спанье на старой ржавой солдатской койке справа от входа, с клопами и со снами о Надаровке (лечу, распластав руки-крылья... Вот уже внизу – Федосеевка, соседняя деревня, километрах в семи от моей; я там была на детской площадке и потом училась с пятого класса, ночуя у доброй бабушки Чернавихи... Она потеряла дочь Леночку четырнадцати лет: пошла по ягоду (голубику) и потерялась, сгинула бесследно... Болят, устали крылья. Приземляюсь передохнуть. Приземляюсь напротив сельпо с его расшатанными деревянными ступеньками крыльца... Делаю еще пару шагов по пыльной дороге в сторону Надаровки. Тошнит... Просыпаюсь), за каторжные работы по дому, включая уборку блевотины после хозяйских пирушек – и они пили, да еще как!..

...Все образования ради... В праздники некуда было податься. Однажды пришла (пешком, конечно) к маме, но она страшно ревновала меня к бабушкиному домику и прочь прогнала. Отправилась назад. Махнула на прощание сестренке – красавица Даша-резвушка стояла с морковкой в руке, как у Некрасова в «Морозе – Красном Носе». Она стояла у погреба в свободном цветастом платьице, и ничто в ней не предвещало тогда будущей беспросветной пьяницы... Отправилась я в шахтерский поселок к пьянствующей же супружеской паре... Вышла за деревню; села на холмик, увидела далеко вокруг весеннюю зелень – была весна – заплакала...

– Break! («Перерыв!»)

...А еще раз, как-то так получилось, делая школьное задание, домашнее задание, пролила чернила на скатерть. Глядя на тети-Дунино искаженное горем-гневом лицо, дала себе слово: вот вырасту, заработаю и куплю ей новую скатерть... Осуществить же эту задумку так и не пришлось. Работала. Уехала в Москву. Бедствовала. Потом... Потом еще бедствовала... Так и умерла тетя Дуня, не дождавшись моей скатерти. Хорошо, что она об этой моей задумке не знала...

– Pose!..

* * *

– Pose!

Идет четвертая, последняя неделя позы в этом классе.

Монитор группы, подавая руку, чтобы помочь вскарабкаться на высоченный стул, где сижу нагая, вдруг сказал (а может быть, угадал, как ему кажется, по скулам):

– Так Вы, оказывается, русская! И Вы что, понимаете по-английски? Вы понимаете, что я сейчас Вам говорю?! – уже переходя на крик, как бы в обращении с глухой.

Вот те раз! А на каком же мы еще общались все это время, весь этот месяц? Я как-то скорее ожидала вопроса: «Какого цвета у Вас глаза?» Ответила ему по-английски, то есть на английском, усевшись и глядя куда-то мимо, куда-то в пространство:

– Да-а... Некоторые люди переводят слово «русский» как «идиот»... («Yea-a... Some people translate the word «Russian» as «an Idiot»).

Он заметно смутился. И на том спасибо.

Можно было сказать и так: «Вообще-то я украинка». Но это ему понять сложно. И потом, не навредить бы... (Кому?)

«Дочь моя, дочь...»

...Собственно, крыльцо, которое я мыла, откуда мы уехали... Все это потом затопили, потом на месте Надаровки построили ГРЭС, так сказал отчим на маминых поминках, а он слышал от кого-то еще... Когда уезжали, когда меня увозили, я дала себе слово вернуться. И вот я выросла большая, взрослая и немолодая, и уже похоронили маму, а место, куда я так сильно и так долго хотела вернуться – детство, оказывается, затоплено, и значит, не существует. Как только он мне это сказал, я перестала видеть во снах полеты в Надаровку и запрещаю себе вспоминать... По-моему, детство, наше детство – это не только отрезок времени, но и кусок пространства, который...

– Long break! («Большой перерыв!»)

Слезаю со стула. Набрасываю халат.

Большой перерыв... В кафетерии присела рядом с одной вечной студенткой, седой красивой дамой. Откусила бэйгл, отхлебываю кофе из бумажного стаканчика. Моя соседка тоже откусывает бэйгл (свой) и при этом сдабривает каждый кусок-глоток мелкими, но частыми слезинками.

– Are you all right?* (Что еще тут можно сказать?)

В ответ – проклятия в адрес убывающего между тем бэйгла, в котором – знаю ли я об этом? – содержатся двести сорок пять калорий.

– Ну и что?

– Как «что»? Калории... толстят!

Я уже говорила, точнее, писала, есть такая группа собеседников-попутчиков, что стремятся худеть, худеть и худеть.

– Вы уверены, что двести сорок пять? (Are you sure?) Может быть, не двести сорок пять, может быть, – намазываю на свой бэйгл земляничное варенье из бесплатного пакетика, маленького, с чайную ложечку, и я прихватила с собой еще один, «до пары», – может быть, только двести сорок... четыре...

– Да Вы что, издеваетесь? Об этом же говорили ученые люди, ученые и... («Богатые?») Вы что, ТиВи не смотрите? Есть ли у Вас ТиВи?

– Вообще-то... черно-белый («С помойки...»)...

– Черно-белый? Ничего не понимаю!.. И потом... – взглянув на меня, в изумлении – ... как это Вам удается: есть хлебно-сладкое, много («Мно-ого?») и оставаться худой... Стройной... Почему?..

– Может быть, потому, что я... вкушаю тело Господа нашего Иисуса Христа, а Вы – двести сорок пять калорий...

– Вы что, смеетесь? О чем Вы тут говорите? Ничего не понимаю. Гуд-бай.

Гляжу ей вслед. А я еще хотела поделиться с ней вареньем... Подумалось невольно и о том, как было бы неплохо самим выращивать хлеб и все самое необходимое для жизни.

Бабушкин рассказ о нечаянном каравае.

...Леня, сын, как ему исполнилось семнадцать, ушел добровольцем... в Сталинград.

Все отсылали на фронт, а сами голодали, так голодали! – хоть и деревня... Подкреплялись похлебками из лебеды, крапивы летом, из очисток – зимой... И вот, весной это было, в одно воскресенье сняла утром с божницы икону Божьей Матери, помолилась как следует за солдат, воюющих за Отчизну, а в глазах – образ каравая. Завернула в узелок да и пошла с этой иконой в город, менять ее на хлеб на базаре, если, конечно, найдется кто желающий... Вышла за деревню. Мучил навязчивый образ каравая. Остановилась перевести дух. Помолилась. Двинулась дальше. Миновала кладбище. Начиналось ржаное поле, зеленые росточки. А у дороги, у самой-самой дороги увидела: белел узелок... Подняла его. Развернула: хлеб! КАРАВАЙ! Вернулась домой, икону на место поставила, стала собирать на стол, звать всех (ближних) к караваю.

...А Леня так и не вернулся.

...Справа через столик группа живописцев-«одноклассников», этакий Unisex Salon**, беседуют о чем-то, показывая на меня пальцем, – может быть, о том, что я похожа на Ив Мари Сейнт (так здесь считают, нужно бы посмотреть фильм с ней...), а может быть, о том, что я «русская»; при этом один из выступающих, пожилой грузный мужчина в синей рубашке, одновременно говорит, жует и сморкается в бумажную салфетку, роняя обильно на стол крошки изо рта...

Еще один перерыв, короткий. Розанжела, хорошенькая брюнетка из Бразилии с замечательно густыми и мохнатыми бровями, сообщила в туалете, смачивая между тем и поправляя перед зеркалом брови-заросли, что она с ее новым бойфрендом*** намерена(-ы) съездить за город в

* С вами все в порядке?

** Общий по признакам пола салон.

*** Boyfriend – дружок (англ.).

четверг, он пригласил ее в какой-то мексиканский ресторан, и просила она меня подменить ее в late afternoon, то есть в послеобеденном скетч-классе. Все это Розанжела изложила, не отрывая глаз от зеркала... И я взяла ее часы, то есть согласилась подменить, ведь мне нужны extra-money, всегда нужны, платить проклятый растущий рент, всегда немножко «экстра» денег для выживания... Разговаривая, отвечая Розанжеле, приходилось смотреть тоже в зеркало, тусклое заляпанное туалетное зеркало, и невольно подражать ее жестам... Перерыв кончился. Пришла в класс. Села на стул в позу... Вдруг одна дама с челкой, из-под которой – угрюмые синие глаза, сказала мне недовольно:

– А Вы не имели права этого делать.

По взгляду ее я поняла, догадалась, что имелось в виду: я намочила собственную челку, чтоб она (челка) улеглась.

– ...Взбейте, – продолжала синеглазая, – и потом, у Вас было больше по бокам.

Я – демонстративно послушно – взбила свои перманентные кудри и «развесила по бокам».

Но она осталась угрюмой.

* * *

...Под крыльцом спала собака Тубик. Там же валялась старая сковородка. Я только что подоила корову и, проходя мимо, отплеснула из ведра молока ему в эту старую сковородку... Тубик пополз к посудине на брюхе, остерегаясь быть увиденным отчимом. Но тот увидел и больно побил кочергой и собаку, и меня по рукам из-за попытки защитить Тубика...

Да, но еще прежде, в Надаровке и в Федосеевке, была одна зима, оставившая лучшее воспоминание об отчиме, прекрасное новогоднее воспоминание...

– Rest!

Слезаю со стула, протягиваю руку за халатиком. Задержалась, застыла: кажется, на ладонь тихо опускаются снежинки... «Снег… Снег...»

– Вы свободны, эй, слышите?!

– Да-да, я поняла.

Спешу одеться. Прекрасное новогоднее воспоминание досмотрю когда-нибудь и где-нибудь потом.

* * *

Третья степень посвящения. «Вся полнота будущего развертывается перед вами, и все члены Вашей семьи и Ваши друзья незапамятных времен окружают Вас...»

Во тьме закрытых глаз – опять Надаровка... Старик Подосинников... Он был окружен (то есть его постель была окружена) сбежавшимися соседями, все вслушивались в его тихие последние слова... Говорить становилось трудно, и снохи-вдовы приближали ухо к его слабеющим устам. Потом он, уже не в состоянии так объясняться, сделал несколько жестов рукой, последний жест: «пока» или «до свиданья»... На меня, маленькую девочку, посланную за солью взаймы и торчащую в проеме двери, никто не обращал внимания... (Как в идеальной церкви.) Теперь все, что он мог: вдох-выдох... Затих… Женщины засуетились в поисках пятаков: закрыть ему глаза...

– Rest!..

* * *

Late afternoon sketch class. – Pose!.. Хорошая вещь этот скетч-класс. Все тут учатся, преподавателей нет, то есть они есть, но в качестве и среди студентов. Монитор – рыжий Рик – с трудом, но пережил отсутствие Розанжелы и теперь тихим голосом командует мне: «Change!» («Поменяйте позу!»)

Этот скетч-класс – класс для коротких поз. Выбираю такие, чтоб опираться/упираться не на левую коленку, которая болит, а на правую; и не сажусь на подиум, чтобы не подцепить всяких там вирусов. Делаю рукой жесты, хотя бы отчасти загораживающие пикантные части тела. Не расставлять ноги, чтобы... Не наклоняться, дабы... В твисте – чтоб со всех четырех сторон, рисующих сторон... Открылась дверь, и вошел... Густав. Густав Фолк, выдающийся художник, исполнивший когда-то для меня bottomless выход... (смотри выше, начало повествования «кофе по-американски»). Я узнала его сразу по красноте щек и носа, по прозрачности глаз, да и по лохматости седой бороды (уж натуральная ли?).

...Втянула живот/diaphragm поглубже – талия все-таки... А Густав меж тем шаркающей походкой (ну точно он!) направился к подиуму. У меня душа ушла бы в пятки, если бы не талия... Все, сейчас выпалит ведь: «Отдавай шесть долларов за белые хризантемы!»

– Change!

Складываю молитвенно руки на груди... Он окатил меня холодным взглядом – коротким,

секундным – и двинулся дальше, к Рику. Громким шепотом спрашивает: «Где здесь класс для длинных (долгих) поз?» («Зачем тебе?» – дерзко подумалось в ответ.) Рик мотнул головой вправо, что должно было означать: «Следующая дверь направо от выхода»... Густав зашаркал назад.

– Change!

Отворачиваюсь к южной стенке в закрученном твисте... Вышел... Мне показалось, что он и пришел-то справа, оттуда, куда мотнул головой Рик.

Вот так встреча! Нет, теперь буду внимательней, еще внимательней смотреть на подписи под шедеврами...

* * *

– Break!

...Сижу на подиуме, растирая правую ногу. А они – те, которые рисуют, – говорят о вещах, людях, художниках, зрелищах, поминутно, то есть посекундно (время дорого!) приглушенно-придушенно вскаркивая: «I love it!», «I love that!»* Думается (теперь думается): «Любовь» в современном, и в американском особенно, обиходе – всего лишь слово-паразит. Как ругательство. И то оно у них более осмысленно.

Поезд домой. Непривычно пусто. Лишь напротив молодая женщина с пузом, любуется платьицем для своего будущего ребенка... Нашла какие-то неполадки в цветочках... то есть в цветочке... розочке... И – кусает... кусает... Гладит, а потом опять кусает, пытаясь откусить неполадок... Зубы оскалила, как зверь...

На меня – ноль внимания. А между тем я – ее будущее, которого она не признает, не замечает. Она же – мое окарикатуренное прошлое...

Ал и старинная фарфоровая статуэтка, или Разные судьбы. ...Я была беременна моей девочкой, «сильно беременна», но еще не полные восемь месяцев, еще до генерального избиения мужем, только еще накануне, и соседка-старушка Л. М. попросила меня отнести на киностудию «Мосфильм» старинную фарфоровую статуэтку: амазонку, восседающую на коне; она (Л. М.) слышала по радио, что съемочная группа «Былое» (кажется) покупает для фильма реквизит, вещи предыдущих, старых эпох, ушедших. И в расчете на небольшие комиссионные от старушки (Леша денег не давал совсем) я отправилась на киностудию, держа статуэтку в руках, облаченных в дырявые варежки.

...Мне объяснили, как пройти к группе «Былое»... И вот в конце запутанного и потому не короткого пути, у входа в павильон группы «Былое» (кажется, так), сидел в компании двух милых девочек бородатый вальяжный мужчина в дубленке... Ал?.. Ал! Он, мой первый мужчина, и поздно отступать... Сдернула я варежки, чтобы зажатые в кулак они были лишены дерзости демонстрировать дырки; попыталась прилизать челку чуть послюнявленными пальцами; запахнула полы куцего коричневого пальтишка; втянула как могла живот – теперь стало месяцев так на пять или даже на четыре с половиной. Итак, слегка подретушировала жалкий облик свой. ...Услышала как сквозь сон: «Ну что, как поживаешь?..» Что-то мямлила в ответ, что-то про «надоевший антиквариат» (сердце бешено билось). Потом выдавила: «...А ты... как?..» Он взял в руки фарфоровую статуэтку, жадно ее разглядывал, – девчонки куда-то делись, наверное, ушли внутрь павильона, – продолжая разговор: вот, мол, женился, удачно, на дочери партийного босса. «Ты ведь тогда так странно исчезла, вот я и женился...» (Сокрушенный взгляд, – видимо, научился от актеров, а скорее даже, от актрис.) «Что поделаешь, Ал, – сымпровизировала я в ответ. – ...Эта вот статуэтка... Помню, купила ее к своему дню рождения, влезла в долги... И теперь сожалею, что ее купила. Она мне не очень нужна... Вовсе не нужна. А вам, я слышала...» Он торговался совсем как на базаре, при этом я боялась, что он скажет: «Ты мне должна за розовые розы», – скажет и вычтет, но обошлось... Рассчитался, хоть не щедро, и я отправилась назад, в Южинский переулок, со втянутым до четырех с половиной животом, придерживая полы куцего коричневого пальтишка, из-под которого выглядывал обшарпанный подол неуместной для сезона сатиновой юбки в цветы-и-фрукты...

Моя остановка…

* * *

А прекрасное новогоднее воспоминание придет в другой раз. В другом поезде...

У входа в дом, то есть у выхода, у подъезда, грузовик с прибывшими на первый этаж вещами-жильцами. Выгружалось пианино. Эти новые соседи по дому: старый русский писатель Z, его жена – пианистка и падчерица – композитор. Так они представились.

* – Я люблю это! Я люблю то!

Мучительно захотелось проснуться среди своих, родных людей.

* * *

«Уважаемая госпожа...

К нашему большому сожалению, Ваша дочь в списках нашего университета не числится.

Желаем Вам всего самого наилучшего.

Если у Вас в дальнейшем возникнут какие-либо вопросы, просьбы и т. п., не смущайтесь (do not hesitate), обращайтесь к нам.

Искренне Ваш (Ваша, Ваши)...».

Какое дождливое письмо... То есть утро...

Такое впечатление, что пишущий-ответчик напрашивается мне в дочери, обещая при этом быть вечно студентом университета...

...Звонила Розанжела, благодарила за подмену собой в четверг. Ее новый бойфрэнд, сообщила она, богатый художник-абстракционист-литовец. Прекрасно. Будет названивать ей, чтобы сказать, что смертельно одинок, по четвергам, когда у его жены какая-то смертельная занятость. (А я так думаю, стирка: на нем всегда выцветшие застиранные рубашки.)

...После обеда в уютном полутемном зале с низеньким потолком вышли, взявшись за руки, на ярко-зеленую лужайку. Продолжая держаться за руки, легли на спины и стали смотреть в синее небо, пересекаемое плавно движущимися облаками...

...Я рассказывала ему сказку про Трех Медведей, детскую сказку, русскую, старую*. Синопсис**: девочка Маша заблудилась в лесу и набрела на медвежью избушку. Там жили три медведя: Он, Она и Ребенок, то есть Медвежонок. Только их сейчас не было дома, к счастью (для кого?)... Девочка Маша садилась за стол поочередно на чужие, то бишь медвежьи, стулья: Его, Ее и Медвежонка.

Ела их каши, а может быть, супы, пользуясь, естественно, их посудой. Потом пошла в спальню, повалялась в Его и Ее постелях, а в довершение интервенции улеглась в постель Медвежонка-Ребенка и заснула. Вернувшиеся домой Медведевы, то есть, Медведи, задавали сами себе по очереди риторические вопли-вопросы, от старшего к младшему: «Кто сидел на моем стуле?», «Кто ел из моей миски?», «...мою кашу (или «суп»)?» и т. п., пока не обнаружили в спальне Машу, спящую в постели Медвежонка, в чужой постели!.. Тут она проснулась и убежала.

...Он был в восторге от этой сказки.

...Как назывался этот ресторан? Неужели так и назывался – «Три Гринго»?

…Пусть наконец поразит ее своим аппетитом этот гринго-абстракционист!

...А далее – четверг, пятница, суббота. Все это, однако, важно лишь постольку, поскольку нужно заполнить эту страницу, то есть top*** или bottom...****

* * *

...Утро. По пути к входу-тоннелю метро-сабвея – сквер. В нем краснолистое, красноликое деревце... Вечно-красное, ведь, кажется, еще не лето.

...И нет ничего безысходнее молчания дочери.

Трэйн-поезд. Закрываю глаза. Дремлю стоя. Дремлется... Спится. Снится...

...О чем рассказал старик Подосинников.

Постель умирающего была окружена сбежавшимися родными. Все вслушивались в его тихие последние слова. Говорить становилось все труднее, и снохи-вдовы приближали ухо/уши, каждая по уху к его слабеющим губам.

– ...У Пожарском разместылы нас... у школи. Спалы на полу вповалку… Тогда багато нас, и багато диток полегло у дорози с голодной Украины...

...На остановке трэйна «168 Street» села на освободившееся место. Джентльмен моего возраста и, может быть, даже на несколько месяцев моложе смотрит на меня с легким упреком: он сесть хотел, да не успел. Американским джентльменам не свойственно уступать место даме, скорее, наоборот!.. Я вижу его в профиль. Невольно (про себя) сочувствую: «Ах, Вы, кажется, беременны. Но простите... Я так устала...» Снова закрываю глаза – хорошая школа поведения в сабвее... Старик Подосинников продолжает:

– ...Галя, Паша, поправьте подушку... Вышче. Вышче... Як тяжко… Все вповалку... У Приськи на нич – жар. Наутро – слабисть. Кашляла... Так кашляла... З кровю... Уже в цем райкоме далы нам направление-распределение. Нас да Пинчу-

* Л. Н. Толстого.

** Краткое содержание – synopsis.

*** Верх.

**** Низ.

кив – в Надаровку. И далы (прыслали) пидводу... Пинчукы поихалы... Мы зза Приськи осталысь. Школу трэба освобождать, скоро там урокы начнуться... Моим хлопцям Остапу да Андрию тож в школу пора збыраться, в надаровську. И ось. Просыпаюсь – тыхо. Так тыхо. Потрогав ии за плэчо. Взяв за руку – вся холодна. Захолола. Похоронылы в Пожарськом... У то врэмья начався розлыв... На Востоке розлыв бувае, вы жеж знаете, осинью, нэ вэсною... Бурлыть вийшов з бэрэгов. Нэма бильше дорогы в Надаровку, нэма шоссэйкы. Прыходить тут человек з райкому и говорить: «Найшлы смельчака, шо пэрэправыть вас на лодци». Зибрав я вещи, взяв сынов, Андрию з Остапом було по одынадцять, а Васыль... Васылю... два з половыною... Посадыв я його на дно. И була у нас одна цэнность – серебряние ложкы. В узелку... Приська, ще молодая колы, служила у Чернигови у дохтора... Дохторская жинка, як Приська засобыралась замуж за мэнэ, розплатылась з нею за роботу цымы ложкамы. Так мы жылы з нымы... Як з семейной драгоцэнностью. Бириглы до особого случаю. Ось и голод погнав з Украины. А ложкы ти булы з намы... Як надия...

Тут лодка, выдно, стовкнулась з каким-то брэвном пид водою. Так стукнулась, и взмылы в воздух одновременно Васыль и той узелок. В одын мыг... И опомныцця не успив, як оказалыся в моих руках – схватить успив – ложкы. Нэ було врэмэни подумать, шо схватыть... Васыль... Тильки и успив шо крыкнуть: «Мамо!» Скрывся пид водою. Человек покружив-покружив скильки мог в том месте... Галя, поправ подушку.... Поселылысь з Пинчукамы в одной хати, так було зыму. Хлопци, Андрий, Остап, пийшлы в школу... Выросли, женылысь... Война... Нэ вэрнулысь... А ложкы ти – в чулане зараз... Голод був... Поихав в Бикин на базар. Хотив обминять на хлиб для вас, но один знающый чоловик сказав: «То нэ серебро, то железо». Никто не брав... Паша... Галя... Простить мэнэ. Прощ...

Затих, вытянулся на лежанке, устремив в потолок выцветшие очи. Тетя Галя гладила его остывшие ладони, а тетя Паша кружила по хате в поисках медных пятаков, но, так и не найдя (на меня, маленькую девочку, посланную за солью взаймы, никто не обращал внимания), по советукоманде тети Гали и еще кого-то направилась в сторону чулана... Вот они развернули серенький полуистлевший узелок... Стали трудиться над прикрытием глаз лежащего свекра, с двух сторон прикладывая по серебряной, а вернее, по железной ложке...

Моя остановка. Выходить. Беременный джентльмен, усевшийся на мое место, провожает взглядом-упреком: «Ну и леди пошли!» Шепнула выходя: «Forgive me, please»(«Простите меня, пожалуйста»)...

Неужели в душе Его так и не найдется места для прощения?..

* * *

...Ночь. За окном, в темноте, сквозь лай потревоженной собаки, – громкая музыка магнитофоноавтомобиля. Я склонна думать, что этим магнитофоноавтомобилеводителям, или магнитофоноавтомобилистам, неважно, на какой свет останавливаться, тем более стартовать: красный ли, зеленый... Сорвался с места, уехал. Ушел.

...Неужели в душе ее совсем нет места для меня?

...Вспоминала все о ней, вспять, от прибытия сюда в поисках лучшей для нее жизни, до прихода ее в этот мир...

...Муж накануне избил меня пьяный ногами, пинками в живот, и я, как обычно, крепилась, старалась не подавать голоса, не вызывать злорадства соседей через стенку(-и) – дорогие мои москвичи! – только постанывая продвигалась вперед, к двери: откинуть крючок, выскочить наружу... И вот повредил, она родилась мертвая, а по-научному, по-медицински, – в состоянии асфиксии, и ее долго оживляли, зачем-то и за чем-то бегали, суетились... Оживили.

...Моя девочка родилась мертвая – в этом есть что-то роковое.

Ночью спалось фрагментами, и под утро увиделся сон.

Я ступила на – и теперь переправляюсь по – огромному старому дырявому мосту через чудовищную реку, чудовищней Гудзона, через реку-пропасть. Со мною дочь – совсем маленькая девочка. Я ползу и говорю ей: ползи тоже. Где-то впереди наш берег, и в конце пути дыр будет, может быть, меньше, но сейчас их так много, что лучше ползти... Однако ей не терпится, она хочет уйти вперед, встает, шагает и вскрикивает, чуть не оступившись, чуть не угодив в дыру-проем над пропастью. Я вскрикиваю вслед за ней и просыпаюсь...

– Але, Кукла! Это ты?.. – уронила трубку, кажется, вывела телефон из строя.

СТУПЕНЬКА ВТОРАЯ. PONS ASINORUM*

Вот первой седины
невожделенный локон.
Озираюсь вокруг, назад,
в тщетной надежде
не увидеть грядущего,
но оно здесь, рядом, везде
снегом на голову, снегом...

«...Когда в кукольном театре кукла выходит из строя, действия не прекращают: куклу чинят либо заменяют, и спектакль продолжается.

Значит, дело не в кукле, а в действии.

Так же и с человеком...» – так думается, видимо, потому, что гляжу в газету соседа по вагону: там есть отдел рисунков, во всякой газете и всюду есть отделы рисунков. Кто хочет, посылает рисунки, публикуют же самые подходящие. Когда-то, очень давно, и меня это интересовало, я даже посылала им свои робкие и жалкие рисунки, сейчас – нет. Сейчас – нет, только позирую, но не рисую.

«А кто-то продолжает... Но оттого, что я больше не рисую и не посылаю никуда, этот отдел и эта глуповатая традиция не перестали функционировать...»

Раскрепощённая женщина Востока в углу вагона, китаянка или кореянка, зевает, не прикрывая рта, видны металлические коронки, ведь глаза ее закрыты, и, таким образом, никто ее не видит. Хорошая идея! Закрываю глаза, зевнула...

Действие продолжается в темноте.

Принц и нищий. Машинист, диктор ли – не знаю, как эта должность называется** – объявляет остановки с уморительным, диким акцентом. Я видела его в его окошечке, когда входила – красив божественно и даже неуместно. Там, в своей стране далекой, и скорее всего, в Индии... или в Африке? Северной... – он носил шёлковые белые одежды и даже, очень может быть, корону; а теперь, поправляя тонкими, унизанными перстнями пальцами жёсткую форменную фуражку, старается пробиться к нашему капризному вниманию через неблагозвучия названий (остановок). Но вот на «Соррок второй – бас терминал «с» пересадками на «би», «ди», «фи» и т. д., вошёл голос:

– Простите меня, леди и джентльмены. Я чувствую себя неловко... Стыдно... Но, вы знаете, у меня нет выхода...

Машинист:

– Следующая остановка «Соррок девятая», пожалуйста...

Вошедший:

– У меня жена и двое сыновней: одному шесть, другому два годика. Я пережил паралич, и моя левая сторона не может двигаться хорошо. Я подал на помощь от «Сошиал Секюрити», теперь вот жду... И они обещали мне... Вы знаете, моя жена тоже подала на пом...

– Не держите дверрь, пожалуйста...

– ...Они ждут меня дома, голодные... И моя жена ждет помощи от «Сошиал Секюрити»; они все сейчас голодные. Я буду вам очень признателен за посильное пожертвование, это могло бы помочь...

– Это соррок девятая. Отойдите от дверри, пожалуйста... Не держите дверь… Следующая остановка...

– Спасибо, спасибо. Я очень благодарен, спасибо вам большое.

Проход по вагону...

– ...Остановка «Пятьдесят седьмая». Не держите дверрь, пожалуйста. Отойдите, отойдите... Следующая остановка...

Новогодняя ночь. Отчим работал в РТС (ремонтно-тракторной станции) в соседней деревне Федосеевке.

Я ходила в школу, в пятый класс, – в Надаровке была лишь начальная школа из (до) четырех классов, поэтому я училась в Федосеевке и ночевала у федосеевской жительницы доброй бабушки Чернавихи (она потеряла когда-то дочь – потерялась в лесу – и с тех пор страдала приступами, «припадками» эпилепсии), – а на выходные либо в каникулы я приходила-приезжала в Надаровку.

...Сейчас кончилась вторая четверть, и я направилась в РТС, чтобы отчим отвез меня на тракторе домой, в Надаровку.

Был холодный зимний день и вечер, тридцать первое декабря.

Отчим еще не закончил работу – лежал под трактором на полу и сказал, чтобы я шла к сторожу у печурки... Там я читала вслух сторожу книжку.

Потом отчим с товарищами-трактористами обедали. Мне дали кусок хлеба с салом и в кружке кипяток с печурки.

...Когда же садились в трактор (в кабину, он за руль, я рядышком), вручили мне огромный кулек с пряниками. Кулек был сделан из газеты.

---

* Ослиный мостик (лат.).

** Кондуктор.

Пряники сильно пахли мазутом. Мы ехали по ночной шоссейке, разбрызгивая снег, я жевала пряники и шевелила пальцами ног в валенках, чтобы согреться.

...Мама не спала, ждала нас при свете керосиновой лампы на столе. Она налила нам по миске супа... В комнате стояла небольшая елочка с бумажными игрушками... (Даша спала...) После ужина мама посадила меня в корыто с горячей водой, которая уже была приготовлена, то есть согрета на печке... Мыла меня с мылом – волосы, плечи, уши, шею, все... Потом сказала: «Встань»; я стояла в корыте, а она споласкивала; сполоснула меня из кувшина со словами: «С гуся вода, с доченьки худоба...» – так три раза – и положила спать на лавке, спиной к теплой печке...

Скульптурный класс. Проспала, проехала остановку и согласилась работать без длинного перерыва, да еще, чтобы им «наверстать», на двадцать минут дольше после полудня... В эти последние двадцать минут, однако, начались судороги в правой ноге, еле отстояла.

– Rest!

Наконец-то. Оставалось десять минут до начала послеобеденного класса; люди-тени беззвучно ковырялись в глине, а я, продолжая сидеть на замызганном и припорошенном пылью подиуме, растирала ногу. Ко мне подсела послеобеденная модель, девушка из Германии, Жаклин, миловидная блондинка, и стала массировать мне ногу. Она, оказывается, профессиональная и опытная медсестра, а здесь – «изучать мир и искусство». Разговорились, вернее, разговорилась она, ей хотелось рассказать, что с ней случилось вчера вечером: пересекая пятьдесят девятую улицу к Центральному парку, она услышала, как одна из стоящих там в ряду запряженных в повозки (для прогуливания любителей и туристов) лошадей, белая лошадь, приветствовала ее ржанием... И вот Жаклин медленно миновала процессию стоящих лошадей/повозок, через парк прошла до шестьдесят шестой улицы... Когда же вышла на западную сторону, на «Вест шестьдесят шестую», продолжить путь вверх, в сторону увеличения номеров улиц, кто-то окликнул ее ржанием. Обернулась: то была та же самая Белая Лошадь!

– И в этом ее ржанье, – сказала Жаклин, – было, помимо «здравствуй», что-то еще... Какой-то мессаж... Предупреждение... Мне послышалось (показалось): «Придет день...» Вы верите в такое?

– Вы здесь, чтобы изучать мир... Вы хотите знать... А животные хорошо чувствуют, кто из нас тут...

Но тут пришел угрюмый человек с метлой и согнал нас с подиума.

Когда-то он был, вероятно, таким лишь по совместительству, расплачиваясь трудом за классы искусства. Но, не достигши успехов и признания на поприще художника, обозлился, замкнулся и застрял в подметальщиках пожизненно, или посмертно. Оставались считанные минуты до начала следующего, послеобеденного класса. Я пошла одеваться, а Жаклин – раздеваться.

* * *

Чипсы. По пути домой, а вернее, к господину Z. печатать под диктовку, – это моя новая «подработка», – купила на платформе в газетном киоске пакетик картофельных «чипсов» (хлопьев). Перекусить на ходу... Три очкастые дурнушки дружно захохотали при моем появлении в вагоне («Явление чипсов вагону!») с чипсами в руках, что-то еще долго лопотали на своем языке, подбрасывая в огонь смеха дровишки софистики. Этикет a la Нью-Йорк...

Отмолчалась в ответ, сжимая пакетик: превосходство тут явно было на их стороне, правда, количественное...

Думалось после, выходя из тоннеля:

«Если бы я тогда была умней, хотя бы как сейчас... Нужно было сохранить брак, мужа...»

«Мы жили – и все зависело от этого – в ужасной тесноте, в мрачной коммуналке...»

...Встретила его незадолго до отъезда – он, собственно, дал письменное разрешение, заверенное его ЖЭКом, на выезд-вывоз дочери. Выглядел уставшим... Грузный, темноликий... Жил где-то на западе Москвы, то есть «проживал»... Проживал у женщины по имени Наташа, с которой вместе работал в пункте по приему стеклопосуды...

«Плохой был отец... моей девочке... Бегал от алиментов...» «...Но мы жили ведь, все зависело от этого, от того, как жили...»

«Плохой отец?.. Отца в мужчине нужно... можно воспитывать...».

Те же и...

Писатель Z... Он уже пребывает в том возрасте, когда от человека прячутся все предметы, и чтобы найти нужное, приходится топать ногами,

кричать на домашних, прибегая (по возможности, то есть по уровню компетентности) к лексикону матросов дальнего плавания... Сейчас он потерял рукописную страницу с историческими датами, прежде валявшуюся на полу в обозначенном, отведенном для нее месте, а потом унесенную, по его определению, гребанной уборкой...

Нашел, читает, приблизив к самому носу. Домашние – незамужняя сорокалетняя падчерица и пожилая новобрачная жена, безвкусно одетая женщина в стареньком, сбившемся набок парике грязно-коричневого цвета – сидят на кухне и ждут, когда закипит чай, то есть вода для чая. Мой приход для них неизменно неприятен, хотя, в конце концов, неизменно полезен: они печатать не могут, ибо от этого, сказали, портятся руки, нежные руки музыкантов... Столичные музыканты-музыкантши приехали в Нью-Йорк, вышли замуж за господина Z., остались. Сидят теперь на кухне, терпят меня. (Смотрю с тоской на пианино: я так люблю его живые звуки! Пусть даже гаммы... Но они никогда не играют при мне... Не станут для меня...)

Приходится терпеть взаимно, взаимотерпеть.

Накануне меня угостили обрезками купленной в магазине семги, очень соленой и несвежей... Ночь прошла в неблагодарных воспоминаниях о семге. Сегодня же мне был любезно предложен «тост» из русского хлеба, этакий ломтище, засушенный в тостере до черноты, и я имела глупость его принять. Теперь четыре карих с поволокой глаза с удовольствием мстителей созерцают, как мечутся мои зубы по окаменелой поверхности русского тоста в попытке захватить-подцепить краешек... Вот падчерица, допив чай, встает, писклявым голосом прощается, идя на какое-то свидание, или, как она выражается, «на дэйт»*... Мать сетует на дороговизну продуктов. Я откусила-таки кусок и держу во рту, надеясь размочить слюной и тогда приступить к пережевыванию, а она рассеянно давит по стене пробегающих мимо тараканов.

– ...Давайте работать! – кричит из своей комнаты Z. – ...Дружественная атмосфера в зале способствовала тому, что... Красивая актриса установила... полезные контакты... В современном виде искусства...

Ему приходится много писать для газет – сообщений, заметок, рецензий, статей, чтобы прокормить новообзаведенную семью.

«Снился человек... Снился...»

– О чем Вы думаете? Печатайте!

«Красивая актриса... Дружественная атмосфера... Полезные связи... Снился человек...»

* * *

Оделась неприметно: светло-серая длинная юбка, темно-серый свитер: Марианна вызвала за чем-то, что-то рассказать, хоть – да, да, она знает, знает, что я сейчас не могу делать ее уборок, но нужно встретиться. Я предложила ей в парке, около Клойстера.

(Люблю там бывать. Особенная радость – палисадники, где воспроизводятся все по возможности, порою – в горшках, цветы и растения, что изображены на гобеленах музея. И ландыши... Я чувствую себя дома внутри.)

Вошла в парк с нижней, собачьей площадки, потом поднималась по заросшим и вросшим в землю каменным ступенькам... «Дружественная атмосфера Бабьего лета...» – после печатания под диктовку Z. думалось газетными штампами... Когда сворачивала налево, по направлению к этим ступенькам, мимо пробежал трусцой Джимми, мой бывший попутчик по парому в Статен-Айленд. Я его уже встречала после парома тут, в этом районе, он степенно шел по пешеходной стороне Бродвея и, увидев меня, спросил озабоченно: «Хорошо ли Вы кушаете?» А сейчас я хотела было поприветствовать его тем же, «хорошо ли Вы кушаете», однако заметно отощавший Джимми – переметнулся на сторону худеющих! – только успел махнуть мне рукой и исчез, унесся на крыльях навязчивой концепции... Красивая актриса тронулась дальше, в сторону установления неполезных и даже неприятных контактов...

...Она уже припарковала свою машину, белый «Мерседес», у стенки барьера, что напротив входа... Вышла, сняла белые перчатки (не может водить белый мерседес в черных, так объяснила). «Сходим в Клойстер?» – «Давай». Прошли по булыжной тропе... Заминка у кассы: шумно торгуется, это у нее, видимо, профессиональное... Но вот билеты приобретены, и мы получили по значку, зеленому, «М»**... Вступаем в мир Средневековья через арочный вход в стиле «Романеску».

Мне здесь хочется остаться, остаться как дома. Сесть и окаменеть, влипнуть, прислонив-

* Date – свидание.

** Метрополитен-музей.

шись к стене ли, к колонне, обернувшись одной из фресок... Или, можно, барельефом...

Франция – Испания. «Фуэнтидуэнья». Сзади справа, из киоска, а ощущение – с небес – льется музыка... Песнопения, поет хор. Вступает речитативом голос Марианны:

– ...Я говорю ей (дочке): «Дура! Кто же отказывается от мужика в семьдесят тысяч в год?.. Любовь? Искусство? Забудь «искусство», этим не прокормишься, уже не говоря о любви...» Вот у меня была – вот это я понимаю! – любовь...

...Лицом к лицу величественной фрески: в центре – благословляющие Богоматерь и Иисус-отрок; слева – архангел Гавриил и фигуры... святых... Справа – архангел Михаил и фигуры... Можно ходить сюда по воскресеньям, как в свой храм... Садиться на скамеечке, вот этой, слева, под распятием, и часами глядеть на него, на них, посылая мысленно молитвы...

– ...Какого... ей еще надо? Девке двадцать пять. Потом поймет, что я была права. А? Я всегда права.

«...Ныне и присно...» – Незаметно для Марианны преклоняю колено. Дальше, к зеленеющему и пестреющему газону. По пути подставлю руку под струю из львиного зева, что над каменной чашей. Омовение, аминь.

– А эти, блин... Поссорились: Верка за демократов, а Регина – за республиканцев! Выхватила она палку у Верки да ка-ак звезданет ей по башке... А Верка – я отскочить не успела – вырвала у той и... Посмотри, какая шишка, пощупай! А еще считает себя интеллигенткой, все хвалится: мол, у меня бабушка знала два французских языка. А? А я ведь тоже демократка!.. А? Потрогай!..

...Присев на один из стульев в ряду, можно было (бы) помолчать, глядя на деревянную скульптурку с ребенком, обезглавленным временем ли, недругами... На лице ее, в глазах, – осознание судьбы. И безропотность. И обреченность. Обреченность...

... Вниз, вниз по ступенькам, в готическую часовню-усыпальницу.

...Possible Alvaro Rodrigo de Cabrera, count of Urgel (died 1268)...

«...his wife, Cecilia (Сесилия!!) of Foix...»

– ...А потом Надька, знакомая из организации «ИМКА/ИВКА»* позвонила, говорит: «Марианна, срочно приходи, есть один бесхозный мужик, невозвращенец, ученый, красавец, в общем сама увидишь». Я спрашиваю: он там на какой машине ездил, я марку имею ввиду? Надька: я, мол, не знаю, может, у него и не было машины-то. Ну, – говорю я, – разберусь. Прихожу – сидит. Ё мое! Волос седой, глаза голубые-голубые, ну, красота, блин... Шепчу Надьке: «Беру. Если не умеет водить – а он и впрямь не умел, – я его научу». Вот так-то я неожиданно вышла тут замуж за Валерку. А Димка!.. Письмо за письмом для меня со стихами, блин, со стихами... В общем-то я сделала правильный выбор: Димка, он все равно сюда приехал, кто-то ему сделал вызов, ну и что? Работает в паршивой русской газетенке, и это – все! Это – потолок! А Валерка, он сейчас в лучшей клинике, пусть пятьдесят тысяч в год, но с хорошими страховками, и есть на что посмотреть... Я тоже занятая, не какая-нибудь мелкая сошка. А? Но тот период с Димкой я помню как что-то особенное. Все-таки это была большая любовь. Сейчас я кассету поставлю.

Скрежет. Музыка: попурри из советских песен, включая «Ландыши», все по куплету... Голос Вадима Я.

Звуковое письмо: – Дорогая моя, лапочка, Мариаша! Золотая моя, любимая! Как я скучаю по твоим нежным и ласковым ручкам... Солнышко мое, Марианночка, родная моя! Я засыпаю и просыпаюсь с мыслью о тебе, ты как лучик в душе моей, ненаглядная моя! (*Попурри, по две-четыре строки из разных лирических песен, всего две-три минуты, «Ландышей» больше нет, были только в начале...*) Моя родненькая, рыбонька! Я покрываю поцелуями твой милый носик! (*«Знает ли он, что тут ее носик был укорочен в очередной пластической операции?»*)

– А вы с ним виделись здесь?..

– Ш-ш-ш, – прижимает палец к губам Марианна... – Слушай...

– …Глазки… Твои любимые глазки… Любимые губки… Любимая...

В сопровождении попурри декламирует... Декламирует свои стихи-куплеты, которые, к сожалению, не запомнились, да и слышимость была неважной, поняла же я и могла бы передать понятое словами Китса:

Любовь! Игрушка лени золотой,
Кумир такой божественно-прекрасный,
Что юность, в упоенье расточая
Ей сотни тысяч ласковых имен,
Сама себя божественною мнит
*И, празднуя, безумствует все лето...***

* IMCA/IWCA.

** Джон Китс. Современная любовь. Перевод В. Левика.

...Любимая! Пришли мне вызов... (*Музыка из кинофильма «Моя любовь», мелодия на слова «Ждать любви не надо – явится нежданно...»*)

...Посидели перед каменным фонтанчиком-распятием. Повздыхали. «Да-а...» Встали... Уходили, минуя вспять объекты Средневековья... Марианна натягивала на ходу белые перчатки. Грустно смотрели вслед гобелены, и один из них, тот, где травит собаками оленя чем-то и на кого-то из нас похожая охотница, **«Stag in Old Age»**, напутствовал аллегорическими стихами:

Олень в старости

Грянула Старость,
его от источника гонит,
С ней яростно-преданных долгу
служения свора,
С цепи спускаемы псы
в отведенном порядке:
Боль и Сомнение кинулись
первыми в травлю,
За ними Холод и Зной
настигают, грызут,
И хватают его
Беспокойство, Тревога;
Скулит Лихорадка вослед
из морщинистой плоти,
Гончая Тяжесть обращает
(Оленя) в безумное бегство
По направлению к страшному,
*злому Недугу...**

(Перевод **А.-Н. КОВАЛЕНКО**)

По пути заглянули в туалет Клойстера, что внизу и где, вернее, откуда, Марианна прихватила с собой, унесла под полой белого жакетика рулон туалетной бумаги: «Пригодится в хозяйстве, а?»

Ночью пришел сон, вернее, я во сне пришла в театр смотреть спектакль о Большой Любви. Заняла место – боковое, видимо, из соображений дешевизны. Сижу, жду, вероятно, выхода на сцену (спектакля, действия). На мне платье – наряд Средневековья. Жду. Но в зрительном зале, как и на сцене, пусто, темно... Откуда-то возникла и разгуливает по краешку сцены кошка. В темноте слабо читается ее силуэт с пушистым хвостиком... Милая мордочка... Белое брюшко... Тишина. Тут замечаю: в зрительном зале, не считая кошки, я не одна; в противоположном углу, на боковом и так же дешевом месте, сидит человек с глубокими черными глазами, и тоже в наряде Средневековья... Звонок будильника – смена эпохи – и настает пора суетиться в поисках фильтра для приготовления кофе. Но фильтров больше, увы, нет. Кофе, впрочем, нет тоже. (Какое совпадение!)

А далее – четверг? пятница? суббота?..

Утренние миссионеры. Поезд, несущий в «класс длинных поз». Головная боль – привыкла к кофе, а тут... Прихватила с собой словарь, теперь открыла страницу на «Е» (вчера не успела): «Effigy» – «Изображение»... Сосед по сиденью, в углу у самой стенки, взъерошенный какой-то, в черном и сам черный, у-у, до чего черный: черные глаза с темными белками на черном лице, впечатление – глаз нет. Голос. Однако есть голос, веселый: «О, no!»**... Относится к вошедшей в вагон негритянке на высоченных каблуках, в строгом синем костюме и с искусно уложенным стогом на голове. Проповедница, или еще: миссионерка. Он-то сразу это понял, учуял. ...Итак, вошла.

Прижимая к мощной груди некие бесцветные брошюрки, посмотрела вокруг торжествующе и гаркнула, оскалившись – ух, и зубы!.. Мне бы... – Крашеные губы-пельмени:

– Леди и джентльмены!!

И пошла, и пошла поносить нас, пассажирствующую паству/аудиторию, невероятно громким, не щадящим слуха каркающим голосом. Чей-то ребенок проснулся, испуганно закричал из-под колясочного навеса. Сыплются на бедные невыспавшиеся головы обвинения в неверии, в плохом послушании хорошему Богу... «God is good! God is good!..***» – скандирует бесцеремонно, каркает... Мой черноликий попутчик потихоньку, как озорник в классе, на уроке, скажем, ботаники, в памятные школьные времена, комментирует: «О, yes?» («О, да?») и т. п. Сквозь головную боль стало думаться:

«В данном случае в ней работают, по-видимому, люциферические духи второй иерархии, которые, по Штейнеру****, не прошли до

---

* Гобелен, иллюстрирующий аллегорическую поэму о человеческой хрупкости/немощности в которой (поэме) Stag, т. е. оленем, представлен человек, преследуемый «напастями» – охотничьими псами: Жар, Тяжесть, Холод, Похоть, Забота, Боль.

** О, нет!

*** Бог хороший! Бог хороший!

**** Р. Штайнер «Духовные существа».

конца своего проявления и вместо посылки астральных потоков с Солнца на минерал посылают электрические потоки на Землю.

...Да, это тот самый случай... И, похоже, Америка, особенно этот ее East Cost (Восточный Берег), а именно: Нью-Йорк, – материк, просто облученный этими электрическими потоками, оттого и...»

Остановка. Она вышла, на радость всем. (Кто-то шумно-облегченно вздохнул.) Вдруг мой черный сосед встал и сказал, обращаясь к публике:

– Леди и джентльмены! Теперь я хочу сделать объявление:

ЖЕЛАЮ ВСЕМ ХОРОШЕГО ДНЯ!

Никто не ответил. Дитя в коляске молча сосало палец. Он же, ухмыляясь, перешел в другой вагон.

* * *

...Нури – высокая импозантная дама – скульптор из Испании; она делает меня в глине, наращивая летящий подол придуманного платья (а я позирую классу обнаженной). На мой вопрос: «Как произнести это, «Urgel?» – отрубила переходящим в бас контральто: «Уржел» (название города? провинции?), продолжая лепить, хоть и настал большой перерыв. Потом, поделившись кофе из термоса, отплеснув мне в черный пластиковый стаканчик («Thank you», беру):

– Вы из Франции?.. Из... России? О, из России... Я была уверена, француженка. Как же так? И имя...

– А, имя... Вообще-то я украинка, из Сибири отец... Украинцы, знаете, мигрировали в Сибирь, бежали от голода... Отец? Он погиб в войну, то есть сначала пропал без вести, а потом маме сообщили, что был ранен, в госпитале, а в госпиталь попала бомба... Мама... У нее были французские корни. Предки... галльские... По ее отцу... Его казнили. Вот все и думают, что я из Франции, а я из Сибири, вернее сказать, с Дальнего Востока.

– С Дальнего Востока... С Дальнего Востока... – Нури выронила из рук рабочую глину. – Во Владивостоке... Мой брат... На Дальнем Востоке...

– Как это?

– ...В войну убили наших родителей, мы остались с бабушкой. Было много всего... Хлебнули мы горя... Жалко, перерыв кончается, но я надеюсь, мы сможем еще поговорить, а?.. Нас вывозили, детей... Я убежала при посадке на их корабль, потихонечку переоделась, назад – и растворилась в толпе... Бабушки так больше и не увидела... А его увезли, совсем маленького, сначала в Румынию, потом попал в Россию, в детский же дом. Оттуда забрала – усыновила семья морского офицера из Владивостока...

– Pose!

Вскарабкиваясь на подиум, продолжаю мысленный контакт с Нури. Ее глаза – темные, вблизи серо-зеленые... Как Вы узнали, нашли...

– Эй, поправьте голову! Наклон влево, вот так.

Поправила голову. Лезут в нее стихи о дедушке, для дедушки, не дожившего до тридцати, в то время как я...

...Полусознательно свидетельствую, как
(пусть тьма мне светит)
тебя пытают, упиваясь
ломаемых костей сибирским блюзом
и кровью, выступающей из ран,
струящейся, манящей
их алчущие, злые языки...
Вот, до отвала нализавшись,
*они тебе даруют смерть...**

– Rest! Вы свободны, гуд-бай.

После обеда – к господину Z., думая: у него ведь несладкое прошлое: репрессии-утраты, сиротство, война, плен, многое другое, все горько и все больно, а сейчас, в настоящем, ему нужно много писать для газет... Жена, открыв дверь, приветствовала, поправляя свой жуткий коричневый парик:

– Хорошо одеваетесь – откуда деньги?

Я знаю, слышала, она подозревает меня в «хранении» каких-то денег от Z. Проглотив это, но отказавшись от пересохшего тоста из русского хлеба («спасибо»), следую в кабинет Z., в направлении пишущей машинки.

– Дружественная атмосфера в зале способствовала тому, что...

«...Охорони мене під покровом Твоіім і під заслоною крил Твоіх...»

«Господи, как хочется проснуться среди родных, близких лиц. Смертельно хочется. Посидеть бы на могиле матери... Бабушки...»

– О чем Вы думаете? Печатайте!..

* * *

Из какого-то небытия вынырнул, то есть позвонил Витянис. В разговоре, однако, почему-то

* «Константинофилия» А.-Н. Коваленко.

дважды назвал меня «Моника». После второго промаха на мое молчание ответил: это имя его нового лечащего врача. («Психиатра?») Продолжаю молитву: «...По чувству родительскому я желала бы... Я желала бы*... Дочь...»

Все время думается о Нури, хочется расспросить подробней все о ней, даже представляю: вот мы сели рядком, она мне все рассказывает, рассказывает, а я все слушаю, слушаю... Но режим и ритмы нашей жизни безумны... Встретились у шкафчиков, мы соседи по шкафчикам, она кладет в свой халатик, а я беру из своего халатик. Увидев ее, приветствовала так:

– А я о Вас думала...

Она чуть затормозила жесты укладывающих в шкаф рук:

– Правда? А я тут приболела...

– О!.. А как сейчас?

– Сейчас все хорошо...

Еще успела спросить, как она тогда нашла брата. Пробегающий по коридору монитор класса анатомического рисунка голосом Джельсомино** напомнил мне:

– Опаздываете!!

Нури коротко:

– Красный Крест... Но... только...

«...Красный Крест... Красный Крест... Крест... Могила... Мама...»

– Pose!..

«Дорогая Жаклин,

пишу тебе из Москвы, то есть из России, как обещала. По пути к маминой могиле.

Я в гостинице, в уютном номере, штопаю (то есть уже заштопала) рубашку моему соседу... По порядку: в самолете познакомились с соседом по сиденью Олегом Ивановичем, то есть Олегом, он не любит церемонного обращения к нему. А вообще-то он удивительный: элегантный, sophisticated***, деловой, бизнесмен; с Аляски едет на Урал, немножко обустроит Россию и – назад, в аляскинский бизнес. А я завтра пойду на железнодорожный вокзал заказывать и покупать билет до могилы мамы. Сейчас по-московски вечер. Олег, – это все благодаря ему, его заботам: гостиница, такси, ужин в буфете, – вышел обменять валюту, то есть доллары на рубли...»

Закрыла глаза. В памяти всплыли белые стволы березок, виденные сквозь слезы невольные из окошка такси: «Родина...» Ужин в гостиничном буфете. Олег Иванович: «Что у вас есть?» Флегматичная буфетчица в коротком белом: «Сосиски есть...» Я: «Я вегетарианка». Олег: «Две... (взглянув на меня), то есть две... сосиски. Что есть еще?» Буфетчица: «Хлеб. Огурец. Помидор. Кофе вот...» – «Можно кофе с молоком?» – «Молока у нас нет...» – «...Салфетку?..» – «Салфеток нет...» Белая тарелка одна на двоих, на ней две сосиски для Олега, ломти хлеба, огурец и помидор – для нас. «Вилки?..» – «Вилок тоже нет...»

Погружаюсь в темноту засыпания, где слышится слабый голос господина-писателя Z.: «Давайте рабо-отать...» Открываю глаза: ведь я в России! В Москве. «Дочь моя, где ты?..» Приглушенный шум автомобилей там, вдоль Ленинградского шоссе (Ленинградского, кажется?). А может быть, проспекта. Пахнущий полынью воздух: «Россия!..» Прикрою окно... Возвращаясь назад, на кровать, заметила: на тумбочке в изголовье – деньги, много, целая куча в рублях. «Спасибо». Снова засыпаю. Рядом, за стенкой, милый Олег с заштопанной мною белой в мелкую серую клеточку рубашкой... Сон: я стою (стояла) под аркой дома на Южинском переулке. Жду, ждала дочь, ее появления. Пахло полынью. Мимо проходили автомобили и люди, разные молодые особи; жизнь продолжалась, и лишь место, где должна была быть, появиться моя дочь, оставалось пустым...

Стук в дверь: дежурная по этажу. Позднее утро, и они – в гостинице – должны знать, как долго я намерена здесь пробыть, ведь заплачено лишь за одну ночь, прошедшую в этом сновидении-ожидании... С Тамарой – дежурную зовут Тамара – пересчитываем рубли из кучи на тумбочке... Тамара смеется (невесело) и шумно переживает за меня: тут едва ли хватит позавтракать: «Рубли-то... деревянные...****». Олег же Иванович, или просто Олег, из соседнего номера исчез еще ночью. Остается одно – Тамара любезно выпроваживает меня, показывая, как добраться до кассы аэрофлота – ускорить возвращение в Нью-Йорк, сократив пребы-

* Молитва Василия Великого («Сохрани меня под покровом своим, под защитою крыльев Твоих. – Укр.).

** Персонаж сказок Джанни Родари, мальчик с голосом огромной силы, способным разрушать здания.

*** Искушенный, красноречивый, искусный.

**** 1995–1996 гг. в России низкий курс рубля.

вание в России (Москве) до двух дней: сегодня и завтра.

Два дня в Москве. День первый: стою под пустыми окнами дома на Южинском переулке: «Я была замужем здесь». Потом перехожу под арку. Мимо проходят автомобили и люди, никто не обращает на меня ни малейшего внимания. Еще не пришла пора охоты на шатенов(-к). Дом выселен и перекрашен в розовый, продан кому-то... Вошла во двор, смотрю, вспоминаю...

Вот дверь черного хода, напротив – флигель, из окна которого с верхнего этажа (третьего) некий Лебедев, глава семейства Лебедевых, мыча: «У-у, кошатница... Черт нерусский...» – бросал в меня кирпичи – хорошо еще, не кипящую смолу (он из-под Владимира), когда я выходила покормить бездомных кошек. Один такой кирпич чуть не попал мне в голову, лишь задел ухо. Но вот этот Лебедев – никто не знал и не звал его по имени, Лебедев, и все тут, – появился во дворе одноруким: правая рука была ампутирована по самое плечо. Старухи-на-лавке сказали: пьяный попал в аварию. Кирпичей он больше не бросал, нечем стало, он же не левша. Мне было его жалко – кормилец ведь. Однако вот что удивительно: его увечье, кажется, трогало меня, но никак не его; в мутном взоре верзилы Лебедева по-прежнему читалось: «А-а, мне все по фигу». Теперь этот флигель тоже пуст.

Через черный ход я выпускала погулять мою кошечку Сашу-Сандру... Она появилась так: я пришла на кухню поставить чайник (согреть чаю). За дверью, ведущей на черный ход, услышала странный зов, плач ли. Даже, казалось, слабое петушиное: «Ку-ка-рее-куу...» Откинула крючок, дверь приоткрыла – мимо ног моих прошмыгнуло странное существо, опять же напомнившее петуха яркостью расцветки слипшейся шерстки. Кошка! Тощая, голодная, трехцветная. Дала ей хлеба – жадно съела. Молока – жадно, захлебываясь, выпила. Проводила ее в комнату, так и стали жить с Сашей (назвали Сашей). Она пришла немолодой и часто хворала. У нее было, кажется, недержание, приходилось много убирать, замывать, протирать лимоном и духами, чтобы Леша не догадался о всех ее грехах и не взбесился. Однако... Когда девочка ворочалась в коляске либо хныкала, Саша будила меня лапкой по щеке: встань, посмотри, что с ребенком... И нервно ходила по краешку тахты, пока девочка не заснет снова... Через эту дверь... Однажды старухи, отсиживающие свои сроки на лавочке во дворе, сказали: у твоей кошки лишай, стригучий, уничтожь ее, усыпи. Пришла домой, осмотрела, Сашу: воистину лишай, на загривке... Итак, кошек лечат лишь усыплением, а как же человека? В детстве имела лишай на лице, мама водила к знахарке – лишай засох... Царапнула ногтем себе carpus, то есть запястье, левой руки, погладила сашин загривок, перенесла на царапину... Через два-три дня явилась в кожно-венерологический диспансер, показала пораженную лишаем руку: погладила, дескать, на улице чью-то (ничейную) кошку. Прописали мазь Вилькинсона, объяснили, как пользоваться... Недели через три были мы все, включая мою девочку (подцепила нечаянно, Господи) и не считая Леши (ничего не заметил, будучи пьян, даже вони от нас), были исцелены.

...Потом она ушла через этот самый черный ход – однажды ночью вышла погулять и больше не вернулась. Я ждала ее, искала, звала наяву и во сне, так прошло еще четыре года. Надежда найти ее держала меня здесь еще четыре года...

И из кухонного окна я следила за моей девочкой, выпущенной во двор и воображающей себя свободной и независимой («Я сама!») в синем коротком пальтишке с капюшоном, с пластиковым ведерком и игрушечной лопаткой в руках...

Вышла из-под арки назад, на Южинский. Через дорогу – дом, в нем два окна, из которых прежде выглядывали на дорогу две рыжие толстухи... В иные воскресенья Леша возвращался с ипподрома со своим другом Галкиным, тоже несостоявшимся киношником. Они пили портвейн. После второй Леша брал в руки гитару, а Галкин пел песню на свои слова, поглядывая на audience* в окнах напротив:

Как люблю я девок, братцы,
Наших, русских, из села,
Чтобы было за что браться,
Чтобы полная была...

А сейчас эти окна пусты, и даже нет занавесок.

Ничегосян. Путь к его мастерской оказался долгим из-за того что я все забыла, а ведь приходила сюда целых восемь лет. В конце концов, нашла, пришла. И – какая удача! – вижу его соб-

* Аудитория.

ственной персоной, разговаривающим с кем-то о деле. Все тот же, только волос меньше. Кивнул мне, узнал: «Подожди, я сейчас». Кончил деловой разговор, повернулся ко мне:

– Мне сейчас надо съездить в адно место... Жду камиссию... Скоро палучу и въеду в новую мастерскую, так что... Ну, паехали? Как ты живешь? Пачему тебя долго не было видно, слушай, кто-то сказал, ты в Америке. Пристегни ремень, слушай, мне еще не хватало неприятностей с гаишниками.

– Я живу хорошо. А как у Вас? Света? Рафик?

– Харашо, спасибо, что спрасила. Рафик в Америке, женился на американке, я памог им купить квартиру, слушай.

Рафик – сын от первого московского брака, от последнего у него Арам и еще дочь Карина.

– Как Карина?

– Спасибо, у нее все харашо. Я ей купил харошую квартиру. Кончила два университета, работает на харошей работе в харошей кампании, слушай.

– Замужем?

– Нет, слушай. Харошая девочка, но не замужем... Квартиру я ей купил такую харошую.. Сейчас вот думаю: купить квартиру в Париже или не купить?

(Знать, я заблуждалась, думая, что без государственных заказов таким, как он, «соцреалистам», не выжить.)

– Н-не знаю... А как мама?

– Мама? Спасибо, что спрасила и что помнишь, харашо. Для ее девяноста лет, слушай. (А мне говорила, если верить тому, что она говорила, ей сейчас едва ли семьдесят...) Тьфу-тьфу-тьфу! Я ей квартиру новую купил...

– В Ереване?

– Зачем, слушай, в Ереване? В Маскве.

– ...Брат... Как брат? По-прежнему снимает кино?

– Да, спасибо, слушай. Недавно переехал в новую квартиру. Слушай, а как ты? У тебя, наверно, мало денег... (Брезгливо смотрит на слегка помятый в дороге подол черного платья в мелкий розовый цветочек – не понимает, наверное, что платье это у меня выходное, самое лучшее...) Тебе где выходить, слушай? Мне нада успеть на камиссию...

Вышла где-то, сказала «здесь», как пассажир водителю автобуса, не как художнику любимая модель... Уф!.. Мне все-таки кажется, художник не должен стремиться к наживе, богатству. Художник должен стремиться к идее.

«Моя дорогая дочь...»

И негде приткнуть голову.

* * *

Есть люди, которые врастают в свою местность, как грибы. У иных это зовется патриотизмом. Такова семья моей приятельницы, и даже когда-то подруги, когда-то милой и веселой девочки, с которой познакомились однажды на поэтическом вечере, ею же устроенном, а сейчас – смиренной прихожанки православного храма, недавно восстановленного при ее участии. Мать – в прошлом (недавнем) партийный босс, в настоящем – беспартийная пенсионерка и домашняя «доминэйтресс»*, жалующаяся на дороговизну продуктов: яиц куриных, селедки, картошки, и на всякие другие неприятные мелочи жизни. Отец-муж по-прежнему не отрывает взора от телеэкрана. Все трое высказались по очереди, убывающей в порядке старшинства, как в сказке про Трех Медведей:

– ...Свою Родину покинуть?.. Я бы – ни за что!

Отец вспомнил вдруг одну смешную вещь:

– Ха-ха-ха! А у нас на работе один... Уехал в Израиль. А потом кто-то говорит, он, дескать, то ли позвонил, то ли написал: я, мол, тоскую по Родине. Ностальгия!.. Ха-ха-ха...

Смех погашен строгим взглядом из-под пушистых ресниц хозяйки.

– Слушайте (*это ко мне*), давайте сходим на Серебряные Пруды, небось, соскучились? Мне надо с Вами поговорить. А ты (*дочери*) пойди в спальню, сосни.

...Пришли. Сели на бережок. Кто-то купается. После нью-йоркских океанических пляжей, после лонг-айлендского «Джон Бич», посещаемого с Витянисом, московские водоемы кажутся игрушечными.

– ...У меня к Вам просьба: найдите Ляльке жениха.

– Но... (*Неужели ни капли сочувствия? Ведь я только что по дороге рассказала-поведала об исчезновении моей дочери.*)

– Слушайте, у нее есть все: дачу ей оставим, квартиру, машину. Ей нужно детей рожать.

– Да, но...

* Dominateress – властная командирша, тип властной женщины.

– У нее тут был один, на полтора года моложе. Куда это годится? Еле отвадила я, – мечтательно: – Ей нужен человек обстоятельный... Бизнесмен (*«Олег Иванович. Где он?»*)... Иностранец (*«Джимми?»*)

– Хорошо, поищу.

– И еще: уговорите Вы ее не носить платок на голове; срам какой, вроде монашки!..

– Да, но...

– Я понимаю, еще Вам – можно носить: старая, худая, страш…

– Хорошо, хорошо, поговорю...

* * *

«...Дорогая Жаклин,

на улицах Москвы много, так много нищих. В отличие от нью-йоркских, они просят не на кофе, они просят на хлеб. Больше всего меня ранит вид изувеченных парней-обрубков, возвращенцев из Афганистана...»

День второй, последний... Переночевала в загородном общежитии еще пока не остановленной фабрики, Лялина мама устроила, а у них было нельзя, контакты с иностранцами (внебрачные, конечно) могли их скомпрометировать в глазах соседей по подъезду. В комнатке общежития – соломенный матрац колючий, клопы, через стенку слева туберкулезный кашель, через стенку справа – мат. Утром в Москву, сначала завезти ключ от общежитейской комнатки Ляле в Храм (так она называет церковь). Еду зайцем на электричке. Смотрю в окно: озера, холмы, березки... Слезы мешают видеть все. Чьи-то руки ласково прикоснулись к плечу, к колену... Ну, все!.. Контролер! Не пронесло. С выражением Лебедева с Южинского переулка медленно поворачиваю голову к проверяющему, но вместо проверяющего вижу: две черноглазые женщины в белом, похожие, как две слезинки. Возложили мне на колени горсть конфет: «Угощайтесь... Вы откуда?..» Было в их лицах, в их усталых позах и голосах что-то такое сестринское... «Я из Нью-Йорка. А вы?»

«Мы беженки, с Кавказа... Ну, всего Вам доброго». Вышли на своей остановке. Махнули рукой с платформы. Два белых видения... Откусываю конфету.

...В храме служба. Моя Ляля поет в хоре, на клиросе, этом убежище от домашнего тоталитарного тепла; не подозревает о том, что ее тут выдают замуж... Служба идет своим чередом. Настала пора причастия, и подошла моя очередь, но бородатый красавец-священник в роскошном серебристом парчовом облачении и при высоком клобуке на голове окинул уничижительным взглядом мою фигурку странницы в черном-в-розовый-цветочек, со сложенными a la communion* руками.

– Исповедалась ли в Моей Церкви?! Что-то я не припомню, – спросил нарочито громко. Хорошо, хоть, не ошибся и в определении пола.

– Н-нет. Я только что из Нью-Йорка... Т-там исповедалась...

– Вы не имеете права на мое причастие! Отойдите. – Отошла как оплеванная.

А в заключение службы прочел он перед прихожанами проповедь, где не преминул сделать язвительные намеки в адрес «американских церквей, которые идут вразрез с православием».

Потом я шла по Ленинградскому проспекту, переходящему в Ленинградское шоссе, в направлении «Речного вокзала», конечной остановки автобуса на «Шереметьево-2», аэропорт, утешая себя тем, что по приезде в Нью-Йорк схожу в Клойстер и получу причастие от рук, благословляющих на фреске «Фуэнтидуэнья», там посижу под распятием, помолчу. А этот... отче... в парче... Припомнила: женщина в киоске, одолжившая мне платочек на голову на время службы, сказала: «Батюшка наш... учился во ВГИКе... артист...» Теперь пыталась его представить на съемочной площадке или на сцене... Будучи первокурсницей, смотрела дипломную работу – спектакль «Трехгрошовая опера» по Брехту, там блистала Наташа Рычагова в роли Дженни, а вот Микки Нож... Микки Нож – исповедник?.. Не ирония ли судьбы? Причем – судьбы России...

* * *

Где-то на мои сбережения Олег Иванович обустраивает Россию, а я из соображений экономии хожу пешком по Нью-Йорку. («Побывала» на могиле матери...) Когда шагаю по Бродвею в студию рисовальщика Джо и потом возвращаюсь тем же путем, миную этого человека: черный, нестарый, тихий, саркастичный. Он никогда и ничего ни у кого не просит, хоть понятно, не просто так он сюда пришел и стоит на углу Бродвея и улицы Липсенард на фоне парковки и вечно ис-

* Для причастия.

порченных уличных телефонов... Надеется на чью-то милость. Возвращаясь от Джо, делюсь с ним. Он берет с покровительственной миной, «ну-ну», мол, и благодарит. Утром же, когда я иду туда, завидев меня, улыбается и говорит:

– Доброе утро.

Это единственный человек в Нью-Йорке, во всем мире, кто приветствует меня. Как его зовут? Красивая улыбка...

На лице его печать смерти.

* * *

Два дня в Москве плюс два в дороге – всего четыре, а как многое изменилось... Уже похоронили и помянули писателя Z., и встреченная мною вдова (в ответ на ее «простите меня, Христа ради!» – я поцеловала ее трижды) сетует, что будет получать за умершего одно лишь пособие, а хотелось бы два... Падчерица Z., дочь вдовы Z., забеременела наконец от своих «dates»*, и теперь выходит замуж за перуанца Джимми из обувной лавки («А Ляля?»), которого, однако, эти две петербургские/столичные дамы называют «негром» и боятся расовых преследований: мадам мелко крестится на подоконник, там целый иконостас из бумажных ликов и религиозных открыточек. Бедные! (И бедный Джимми.) Седоки такси, не ездили поездом сабвея и не бывали в Гарлеме, не знают, как выглядит негр?..

...Не мерцает в окошке напротив огонек сигареты старого грека, делся куда-то, хотя нетрудно вычислить, «куда», я, может быть, его скоро встречу в качестве наглядного пособия на подиуме по соседству: «Скелет – обратите внимание, мужчина, немолодой, много курил, череп – редкие зубы желты…» Вместо грека с огоньком новые невидимые жильцы повесили на видном месте картину-натюрморт: огромная ваза, полная фруктов.

Директриса и душа Лиги – в госпитале с астмой...

Неизменны, однако, заоконные скрежет и музыка, навеянная лаем суперской собаки Динго; лай как таковой, то есть оригинал; молчание дочери…

На ночь попробовала читать тоскливого «Дядю Ваню» Чехова. О профессоре Серебрякове: «пальто и галоши, и он носит зонтик и перчатки». Представились галоши, ниспадающие с красных туфель сорок четвертого размера, по-американски – четырнадцатого.

Нужно быть американцем, чтобы глотать это, как бы пережевывая механически. Отложила галоши, то есть книгу, в сторону. Хорошо бы почитать Пришвина или Арсеньева, их рассказы о природе, но нет... В ожидании забвения – сна… Пришли родители, погрузили чемодан, меня и сестренку Дашу в грузовик, идущий в сторону железнодорожной станции. Но только сели мы не в тот, а в другой поезд и поехали в некоем обратном направлении со всей скоростью, на какую только способен сон...

И вот я одна, сброшена на вершине холма, на залитой солнцем поляне, и все, что меня занимает, – ожидание Большой Любви. Должен прийти экипаж, угадывается наезженная дорога. Но зачем экипаж, если я могу летать? Несколько взмахов крыльями; внизу подо мной расстилается серо-сине-зеленое пространство, переходящее в овраги и долины, пересекаемые быстрыми речками. Село. Сердце замирает... Пробуждение: ветер, скрежет, собачий лай.

«150, Амстердам Авеню. Американский Красный Крест.

...Уважаемые работники Красного Креста,

прошу помочь мне найти адрес моего (бывшего) мужа Алексея…»

Нужно купить марку и опустить письмо по пути к тоннелю.

Есть, то есть накопила денег на токены, могу ездить сабвеем. Подхожу к кассе. У кассы на стене висит изображение, Effigy разыскиваемого преступника. Внутри – кассирша, как две капли воды похожая на разыскиваемого преступника. Подаю ей доллар и пятьдесят центов через узкую щель-окошечко и, покашливая от потревоженной пыли, прошу:

– Один токен, пожалуйста.

Вдруг она как квакнет:

– Не делайте мне этого!

– Чего «этого»?

– Не кашляйте на меня!

В изумлении гляжу на ее необъятное Effigy через пуленепрошибаемое стекло. Боится... заразиться?

– О-о, Вам-то нечего бояться... (You've nothing to be afraid).

– Что Вы имеете в виду, – вскочила она со своего сиденья. – «Вам нечего бояться»?

– Это у меня аллергия... – осторожным жестом потянулась за токеном.

* Свидания.

Стоило огромных душевных усилий довести до конца процедуру покупки. И даже отойдя, идя к турникету, боялась ее спиной. («Они такие чувствительные, эти модели государственных служащих...»)

Поезд в сторону поз, длинных и коротких. Прошел вьетнамский ветеран, так он представился, становясь на колени и прося мелочи на кофе...

В вагоне сумасшедший американский чайльд* (не-Гарольд). Визжит, то ползает, то скачет по вагону. Шлепнуть бы его... Но здесь нет такого предмета «педагогика», есть лишь законы, одобряющие разнузданность. Он же может подать в суд, обвинить меня в сексуальных домогательствах; останусь должна шесть миллионов... Мать и пассажиры угодливо улыбаются... Куда везут этого бесноватого – слушать ли «Всенощную» Рахманинова, или рисовать меня обнаженной?

Пришлось перейти в другой вагон... Сейчас поезд резко затормозил, может быть, он там дернул за неположенный шнур, ручку ли... Стоим. Есть время подумать над вопросом: возможно ли пробуждение среди близких?..

...А в субботу позировала обнаженной классу постоянных членов лиги, на четвертом этаже. С черного хода в приоткрытую дверь подсматривали и хихикали дети из субботнего детского класса этажом ниже. В перерыве я спустилась к ним, там было пусто. Еще одним этажом ниже – в галерее открытие выставки детских рисунков, и преподавательница на радостях пьяна. Я спросила: «Кто отвечает за детей?» Она сказала: «Родители». Я возразила: «Нет же, Вы! Дети шастают без присмотра по крутым лестницам черного хода, в лиге ведь тысячи незнакомцев, и все может случиться...» Подружка учительницы спросила ее обо мне: «А кто это?» Она: «Да никто, просто модель». Пришлось сходить в офис… Поезд тронулся.

В этом классе рисунка обычно два подиума, и на них две модели: одна модель для длинных поз, другая – для коротких. Подиумы в разных концах класса и, следовательно, в разных концах класса модели. Обычно они разнополы. Мистер Вильсон – пожилой черный натурщик. Говорят, прежде он был водопроводчиком, plumber, приходил сюда ремонтировать систему, был замечен за свой экстерьер (у него фигура и внешность Сидящего с картины Пикассо «Девочка на шаре»), приглашен попозировать, да так и остался на последующие двадцать-тридцать-сорок лет. По слухам, он скрывает от жены свой вид дополнительного (а может быть, и основного ныне) дохода. Его все любят: тихий, покладистый. Сидит себе... Подошел ко мне перед сеансом и предложил:

– Рисующих мало, мы могли бы работать на одном подиуме. Учитель просил узнать, как Вы, не против?

– Против, конечно.

Попятился раздеваться... Ушел на свою платформу для сидячей длинной позы. Обижен и может заподозрить в расизме. Как объяснить, довести: «Стесняюсь...»

Розанжела, поправляя, как обычно, в туалете перед зеркалом пушистые брови свои, попросила уделить ей после класса несколько минут – ей «нужно поговорить» и даже «посоветоваться». (Я стала производить на нее, кажется, впечатление умной с тех пор, как сказала, что видела (в магазине одежды) и даже перекинулась парой слов с Галиной, мамой самой Милы Йовович, любимой Розанжелиной героини, той самой модели, девушки-подростка, что стала скандально знаменитой, сфотографировавшись для журнала мод сидящей с широко расставленными ногами.) Назвала ей место ближайшее – далеко ходить она не соглашалась – кафе «Croissant», это рядом, на углу Бродвея.

– Pose!

Взошла на подиум, встала в позицию двурукой Венеры (не журналистки, а другой). Преподаватель – даже не монитор! Какая честь!.. – подошел и облапал: дескать, руки под животом поправил. Ответила ему выразительным взглядом. Дождавшись перерыва, он сказал:

– Вы какой национальности? (*Так и сказал, «nationality», что может означать также «гражданство», а вопрос его – «Какого Вы гражданства?»*) Откуда, я имею в виду... Из России?.. Я так и подумал, что Вы не говорите по-английски, поэтому и поправил Вас руками.

А-а, значит, знает о «Hand off policy», то есть о правиле «Руки прочь от модели», теперь немножко струсил, спасибо моему взгляду, взгляду девы таинственного и воинственного племени.

– Могли бы и спросить...

...В «Croissant» взяла себе кофе и сэндвич с сыром, а Розанжела – чай: выросши на кофейной плантации, она запахом кофе отравлена с

* Child – ребенок.

детства. Я предложила ей полсэндвича, она взяла эти пол-, откусила, жевнула и энергично выплюнула на стол:

– Фу! Майонез! Не люблю майонеза и вообще ем только все органическое!.. – остаток выбросила в стоящую неподалеку мусорницу.

– Ты что-то хотела мне рассказать... («$5,60 : 2 = $2,80»)...

Когда ты влюблен, то есть влюблена, то все недостатки объекта кажутся достоинствами.

Когда же разочарован, разочарована, – все достоинства кажутся недостатками, замечали?

Вот Розанжела описывает ее, то есть нашего с ней, но об этом знаю лишь я, общего друга Витяниса: «добрый», водил ее в мексиканский ресторан и потом еще в итальянский. (Мне думается: «Это так естественно, ведь сам-то обжора!») Красив; у него красивые руки. («Что-о? Обкусанные ногти – «красиво»?») Ах, перстень с большим голубым камнем («По четвергам»)... Стройные, сильные ноги. («Грибки...») Голубые глаза («...косые: один глаз на Восток, а другой – на Запад...») И вообще, – говорит она в заключение, – впервые повстречала такого вот мужчину, бойфрэнда: доброго, красивого, с длинными волосами. («Отрастил? Не облысел? Спасибо за информацию, влюбленная Розанжелла».) И приятно то, что он постарше ее, а не моложе, как этот «экс», предыдущий...

– Ну, твой возраст – сорок че...? Не глубокая старость...

– Что-о?.. Слушай, скажи мне как умный человек: что делать? Ведь он давно не звонит...

– Звони сама.

– Звонила – не подходил. Подходила какая-то женщина... Может, это жена? («А почему бы нет?») Спросила, кто я... Нет, то не могла быть жена: слишком вежливая и безразличная. («Семейная политика».)

– А ты что?

– Я? Положила трубку.

– Ну и глупо. Может, он болен? Может, умер? Может, леди – из похоронного бюро? Спросила бы ее.

– О, нет, не думаю, чтобы умер. Уверена, здоров.

– Тогда я не знаю... Не знаю, что тебе сказать.

– Леди – родственница. Да, родственница. Жена брата, наверно.

– («Какого брата?»). Он, что у тебя, из многодетной семьи?

– Ага... Что мне делать? Он не звонит.

– Вы ссорились? Возможно, ты сказала что-то обидное, и он замолчал. Или сделала... («Выплюнула...»)

Вспоминала, наморщив смуглый лоб. Вспомнила:

– Один раз... Он заговорил со мной по-испански. Наверное, думал сделать мне приятное. Но у нас в Бразилии говорят по-португальски! Есть все же разница!

– Ну... («Вот и меня он назвал «Моника»...»)

– И я на него накричала. Зачем я на него накричала...

– О...

– Я кричала: «Я не какая-нибудь пуэрториканка, у меня бабушка из Венеции!» Она, кстати, владела домом из двадцати семи комнат!..

(«Двадцать семь! Это много больше двух – количества французских языков, которыми владела праматерь Веры со второго этажа. Но!! Это все-таки чуть меньше ста двадцати... двух?.. – примерного количества комнат в Зимнем Дворце...»)

– Тебя можно понять, Розанжела. Ему, наверное, самому не было бы приятно, если б ты с ним заговорила по-латышски... Он ведь литовец?

– По-латышски... Что, есть разница?.. Есть? Ваоу!..

– Но ты, в общем, сказала ему правду.

– Да. И потом мы помирились. Потом мы делали любо...

– У-упс! Уронила салфетку. Оллрайт, слушаю.

– Потом он еще звонил... И я призналась ему, по телефону, что люблю его и что готова все для него сделать...

– Что ж...

– Он захотел в ответ, чтобы мы остались друзьями. Хорошими друзьями... Вскоре после этого перестал звонить вообще и встречаться... Может, испугался... Ц-ц-ц...

– Ох... Воистину рискованная вещь: признавание в любви. Похоже, ты его здорово напугала... Похоже, признаваясь в любви, – речь не о дежурном «I love you», а о любви с готовностью сделать ВСЕ (ну, многое) для любимого, – женщина в глазах современного мужчины как бы обнажает свои язвы... («Интересно, а его жена...»)

– Правда? Почему?

– Если бы я знала... Впрочем, попытаемся представить: вот в вагоне поезда рядом с нами,

с тобой, сидит симпатичный улыбчивый джентльмен: брюки, рубашка, галстук и прочее. Вдруг он распахивает рубашку – пуговицы полетели во все стороны – «флаш»*, видите ли; а там, на груди, слева ли, справа, – фурункул...

– Ваоу!..

– Вот именно, «ваоу». Он испугался. Это случилось. Давай подумаем, как исправить ситуацию. М-м-м... Завтра...

– Что «завтра»?

– ...Завтра отправь ему письмо с извинениями за сказанное не так и за признание тоже. Напиши о том, что дорожишь встречами с ним и его дружбой. («Ужинами».) Отправь и жди... («Четверга…») Кстати, извини за прозаизм... Не могла бы ты мне дать рецепт приготовления шпината? (*Она хорошая кулинарка, так сказала, а я хотела научиться готовить шпинат.*)

– Э-э-э... (*Не даст. Не до шпината.*) До завтра.

– Да-да, до завтра, Розанж…

Еще у нее, у этой Розанжелы, в речи, помимо «э-э-э», есть пощелкивание языком (не говоря уже о милом португальском акценте, где нет времен и чисел). Обведя взглядом кафе, посмотрев в сторону молодых людей, совсем девчонок и мальчишек, стайкой облепивших столик в углу, у выхода, проскрипела:

– Э-э... Вон они, молодые... Счастливые. А мы с тобой, э-э-э… Старые… Никому не нужны. Ц-ц-ц-ц-ц…

– Merci, спасибо за компанию, Розанжела, – взглянула на часы на стене кафе: без четверти три. – Пора.

...Путь к сабвею. Касса. Не людное время, и нет тут пыли, «Линкольн Центр» все же, однако сервис и тут не щадящий. Кассирша, этакий черный лебедь, болтает с окружившими ее рабочее сидение подружками: нечаянный визит, веселый разговор. Протянула я на ладони деньги на токен, доллар и два квотра**, – ноль внимания... Наконец заметила, спросила резко: «Что надо?» – «Токен». Обернулась к товаркам: «Что она хочет?» Те дружно переводят с моего английского на их английский: «Хочет токен». Смотрят на меня в недоумении. Она: «Иди к автомату». Отмахнулась от меня рукой, как от мухи, мол, не до тебя. Но автомат-то выдает «метрокард» (проездной) на солидные суммы и сроки, а мне нужен скромный токен на проезд в один конец, и денег впритык: $1,50, доллар пятьдесят. Пришлось пройти до остановки «66th Street», семь блоков вверх и два налево, там был не очень занятый кассир...

Все же, как легко нас ранить...

Путь домой. «Поэзия в движении». Под таким подзаголовком помещают на стенки вагонов поезда идущего, «в движении», чьи-либо стихи. То есть не «чьи-либо», а объявляют конкурс, «Poetry in motion». Условие: краткость. Выбирают лучшие. В число лучших вошел (входил) Иосиф Бродский, его стихи в движении читала, забыла, помню лишь: умные, умозрительные. А это – немедленно перевела на русский и буду долго сожалеть, что не переписала оригинал, то есть английский текст... Итак, рядом с плакатом: «You supply the love – We supply the Health insurance» («Вы поставляете Любовь – Мы поставляем Медицинскую страховку») – мятущиеся строки:

...Использовав все трюки
и переворошив
все лжи, недомоганья
и то, что называлось
страстью,
я вижу ясно: разрыв – один лишь выход,
и взваливаю на себя вину.
Киваешь ты согласно,
а осень ветрена, и зла,
и величава.
Прозрачна ваза с листьями
осенними, сухими,
вибрирующими опять.
Мы сели, наблюдаем,
когда черед мой говорить,
любовь хоронится во мне
по самый купол.

Человек, написавший стихи, Джеймс Мерилл, жил на свете пятьдесят шесть лет.

Где-то Розанжела пишет Витянису письмо, думая о завтра.

А завтра будет вчера.

* * *

1999. В трайне, как и всюду в это время суток, страшно одиноко; когда я смотрю в утренние лица людей, то часто натыкаюсь на свой собственный взгляд: отчаянное одиночество... Ушла, улетела, уехала, давно не пишет... Все

* Flash – вспышка.

** Quarter – монета в 25 центов.

уходят – куда-то, на худой конец, когда-то... Но так... Не писать... «DRUG STORE», аптека, фармацевтия, проще. Стою в очереди за своим заказом, за заказанным... Передо мной престарелый господин за что-то выговаривает черной толстухе в белом халате через прилавок-барьер. Слышу: «...Вы меня вынуждаете ходить к вам опять и опять («again and again»), при моих-то ногах (*опирается на трость-палку-клюку*), в моем-то возрасте...» Та равнодушно-рассеянно слушает, движения ее черных рук с длиннющими зелеными (!) когтями нарочито замедленны... Старик (похоже, «бывший»: киноактер, певец, миллионер, спортсмен ли – теперь все равно, все это у него в прошлом) еще долго вздыхает, качает головой, шаркающей походкой удаляясь со своим лекарством в сторону выхода... На лице фармацевтички как бы включается улыбка. Откуда-то – такое впечатление, что и из-под прилавка – выныривает еще один фармацевт, сухонький лысый человечек в белом халате, на котором не хватает одной пуговицы. Он знает об этом: рассеянно поглаживает место ушедшей пуговицы, а эта черная толстая партнерша говорит ему, показывая, тыча пальцем-ногтем в строну удаляющегося старика: «Ты видишь его? Вон того... Я его ненавижу... У-у, как я его ненавижу...»

Я жду. Это типично для американцев, думается, – ненавидеть даже незнакомого человека, именно ненавидеть. Любить же у них – и то иногда – принято лишь предметы. Вещи. Предпочтение отдается вещам неорганического происхождения. Лысый тип продолжает гладить место ушедшей пуговицы... Теперь моя очередь. Беря поданный флакончик, пришибленно улыбаясь при этом, протягиваю через прилавок деньги, что достала из кармана пальто. Однако названная ими цена выше той, что у меня в руке, выше той, что извлечена была из кармана, так что расстегиваю сумку (быстро-быстро, не вынуждая их ждать и еще: ненавидеть); из сумки достаю книгу, «Любовь накануне...», ой, то есть «...Во время холеры» Габриэля Гарсиа Маркеса, а из книги, со страницы, где фраза: «...America Vicuña, in the grip of mortal depression, because she had failed her final examination, had drunk a flask of laudanum stolen from the school infirmary» («...Америка Викунья в приступе смертельной депрессии из-за того, что провалила последний экзамен, выпила дозу ладаниума (?), украденного в школьном медпункте») – двадцатидолларовую бумажку. Прилагаю ее к тому, что было подано на ладони, и быстрым движением – назад, в карман, – пятидолларовый билл, «фин», все это не снимая с лица дежурной натянуто-пришибленной улыбки: хочется не то чтобы понравиться, а не запомниться... Уф... На улице можно продолжать думать о своем. Можно думать, например, о том, как хочется (хотелось бы) проснуться среди близких, родных людей... Пробую флакончик на предмет открытия: ну и закупорили! Вернуться, что ли, попросить их открыть, или хотя бы научить, как, чем открывается... Да ну их!.. Ну ее, в основном, с зелеными когтями. Есть ножницы, в конце концов. Маникюрные. Ножнички... А она уходит, уходит... Уходит...

И нет у нее во мне нужды. Забыла, где-то захлебывается в мыльных пузырях удовольствий... А может быть, и скорее, наоборот, страдает, физически страдает, кем-то заклеен рот липкой лентой, руки-ноги связаны веревкой... Тросом... Проволокой... Колючей... Помнит. Позвонить – хочет. Не может.

Пришла, пришла моя девочка. Пришла из прошлого, обнимает меня. Не чувствуя ответного благословения, обнимает крепче. Теперь я поворачиваюсь и иду к остановке автобуса. Меня догоняет ее друг, а правильней, официальней, «экс-друг», бывший, Дан, водитель и владелец «Вяна», он тоже ее провожал, а теперь тараторит: «Если Вам нужна будет помощь по переезду, позвоните мне, Вы же знаете, у меня есть «Вян»... Да, знаю, у тебя есть «Вян», на котором ты – так рассказывала она – иногда вдруг выезжаешь за город, чтобы выскочить из машины, пукнуть на Захід либо на Восхід, потом, воскликнув свое неизменное: «It's beautiful!» – вскочить в машину и вернуться домой в город... Она ушла, улетела. На остановке лишь я да Вян, то есть Дан, владелец-водитель. Отвечаю спокойно, почти без сарказма: «Хорошо. Когда мне нужно будет, когда понадобится переехать на кладбище, я приглашу Вас с Вяном».

И, прислонившись к столбу, жду автобуса.

Дан уезжает на Вяне.

Он ничуть не расстроен. Ну, может быть, поглаживал бы еще какое-то время место оторванной на память пуговицы. Но и такого жеста не было. Пуговицы были на месте.

Думается: «Дочь моя, дочь. Исчезает во спасение Твое душа моя».

Приходит автобус.

Дан уехал на Вяне.

...Я в городе, но еще не дома. И у меня ощущение, что я оставила ее на остановке автобуса. Такое случилось давно, еще в Москве, когда она была маленькая, годика три-четыре. Мы стояли на остановке автобуса, в толпе, рука-в-руку. Подошел автобус. Безумная толпа разорвала нас, внесла меня внутрь, а она, моя девочка, осталась внизу, на остановке. Ее жалобное: «Мама!..» Автобус тронулся, я, не помня себя, вырвалась, выскочила из него, набирающего скорость, увидела ее, схватила... Все это в несколько секунд, мгновений... Нет-нет, теперь это было по-другому: толпа, нет, стихия внесла ее в самолето-автобус, уходящий все дальше, дальше в прошлое, а я оставлена внизу, на остановке «Ослиный Мост», «Pons asinorum». Я в городе, но еще не дома. И нужно бы подкрепиться. Интересное слово «подкрепиться». Что-то съесть. Еще лучше – выпить. Правильнее всего: принять. Что-то принять, чтобы подкрепиться. Накануне. Говорю китаянке-роботу в кафетерии: «Один кофе». Замечаю: лицо – маска, красивая (крашеная). Она: «Уан дала, плис» – и сует мне булочку в пакете. «Некст». («Следующий».)

Я ей опять: «Кофе», а она, сдавая сдачу, четыре доллара с пяти: «Фифти сентс, плис».

Я настойчиво повторяю, что мне нужен кофе, а булочку я не просила. Со словами «Фифти сентс, плис» она положила мне на ладонь пятьдесят центов и добавила в пустоту: «Некст». Крашеное чучело. Робот. Спасибо тебе за кофе. Иду к сабвею, к метро, плетусь. Но какая разница? Иду, плетусь. Трайн тоже: то пойдет, то поплетется... Как одиноко. Одинокая женщина ищет друга. Подайте мне руку, неведомый друг... Неведомый негр в переходе метро протягивает руку за подаянием, прикидывается слепым. Вот приоткрыл один глаз, увидел меня («Не ждали»), я прошмыгнула, а он завыл вслед: «Оуо-у-о-у-ооо!» Этот вой у них «фолк» зовется... Хотелось бы спросить: этот «фолк» какого происхождения? Но… Однако… Политикалли инкоррект (politically incorrect – политически неправильно)... Трайн плетется и трясется. Над пассажирами, над нами – плакат: «Беременны? Мы поможем». И тут же номера телефонов «помощи». (А ведь нелегальные.) Как жаль, что я не беременна. Дочь моя, дочь. Исчезает во спасение Твое душа моя. Низколобый брюнет напротив держит в руках «Daily News» вверх ногами, он тоже, видимо, от кого-то уходит, может быть, от полиции, этот брюнет с начинающимися от бровей и даже, какое там от бровей, от ресниц, – о, да, прямо от ресниц, – волосами. Мне приходится читать вверх ногами тоже, на первой странице: «$118 M man», фотолицо улыбающегося паренька. И обо мне можно было бы что-нибудь поместить в эту «Дэйли Ньюс», например, «Стовосемнадцатицентовая...» Нет, лучше: «Уандала женщина-мать-одиночка» и – фото, любое мое, улыбающееся ли, плачущее... Все равно. И буди читано вверх ногами. Глажу флакончик в кармане, заодно – маникюрные ножницы. Когда входила в вагон, подумалось: «Вот здесь». Теперь вижу: нет. Было бы смешно умереть здесь, среди пассажиров. Да еще читающих «Daily News» вверх ногами. Дома. Лучше дома. Так говорят: «дома». И вот пришла «домой»... В доме напротив, в окне – огромная ваза, полная фруктов, а над ней, над ними, – натюрморт: огромная ваза, полная фруктов. Первое увиденное в окне напротив заставило облизнуться и позавидовать чьему-то благополучию, второе – зажечь свет и записать увиденное... Теперь там задернули занавеску... Исчезает во спасение Твое душа моя... Теперь пишу: «Покойной жизни, дочь». Это моя посмертная записка. Принимаю яд – спасибо маникюрным ножницам. Ножничкам. Ложусь на спину удобнее, при этом на ходу, как говорится, поправляю под собой подушку, чтобы плечи были на горизонтальной плоскости, а не на подушке. Мне так нравится. Вернее, нравилось. Свет погашен. Засыпаю-усыпаю. Вдруг вспомнила, что написала не так. Нужно не «покойной», а «спокойной». Решила исправить ошибку и вообще текст записки изменить, да поздно, поздно...

Нечто подобное электрическому шоку. По одному лишь – условному, безусловному – рефлексу тело подпрыгнуло, дернулось вправо. Осознаю себя держащей телефонную трубку, уже изрекшей: «Хэлло». Перед глазами возник, вырисовался бесконечно длинный коридор, по обеим сторонам которого – двери-входы в комнаты; минуя эти бесшумно открывающиеся и закрывающиеся от бесшумного же ветра двери, не касаясь плоскости пола, прямо по воздуху уходит, уплывает вдаль, к своей, видно, комнате, своей двери – утренний старик из «Drug store», актер, спортсмен ли, миллионер в прошлом...

– Хэлло! Мадам, мисс, звонят из «Drug store». Мы дали Вам чужой заказ, сделали ошибку. Приходите забрать свой...

Ага. Ничего, подождете. Мне еще нужно какое-то время. Исправить свои ошибки.

Спокойной жизни, дочь.

* * *

Снилось фиолетовое пространство и его зелено-синее отражение.

СТУПЕНЬКА ТРЕТЬЯ. ПРЕОБРАЖЕНИЕ

За отсутствием медного пятака,
За неимением такового
И не найдя,
Железная длань прикрывает
Очей моих зелень.
Озноб: это вечность
Распахнула свои ледяные объятья...

...Снилось фиолетовое пространство и его сине-зеленое отражение.

...Во дворе долго, нудно и надрывно лаяла суперская собака Динго... то есть Миньго. А нужно сказать (нужно ли?), собачий лай – моя самая нелюбимая музыка.

...После шести-семичасового испытания лаем не выдержала, спустилась вниз, в колодец двора, предварительно надев джинсы, дабы бачелор* Миньго не принял мою нагую ногу (любую) за женщину его мечты... Злобное внимание пса было сосредоточено на куче-свалке, неподалеку от которой стояла миска с бедняцкой собачьей похлебкой: рис, фасоль, вода, кусочки хлеба, – объедки хозяйской трапезы...

Я долго стояла около этой композиции, не находя в ней ничего, достойного внимания. И уже собиралась уходить, как оттуда, из кучи, из-за останков некоего забора, выглянула тощая глазастая мордочка, выглянула, злобно зашипела, я невольно отдернула руку. «Крыса?» – следом: «Но крысы не шипят, и уж очень оно маленькое для крысы...» Решилась...

Когда прибежала дочка супера, пятнадцатилетняя Лидия, воскликнула: «Kitty!»**, я в это время держала выдернутое из-под досок и палок царапающееся, вырывающееся из рук существо, «китти», и уворачивалась от Миньго, который, по-видимому, так понял, что «это» поймано для него и ему принадлежит.

Лидия нашла в той же самой куче старую птичью клетку соответствующей нечистоты, выбора не было; засунули мы туда kitty, и я отправилась с ней к себе наверх. Мы так решили: «это» – мое.

«...Назову котенка Стася (Stacy). Во-первых, потому, что это имя содержит свистящее «с», даже два свистящих «с», а кошки недаром откликаются на «Кс-кс-кссс...» И в то же время принадлежать может как мальчику, так и девочке, пол-то неизвестен – Станислав или Станислава, а также, если девочка, Анастасия. Пока представится случай узнать пол, пусть растет... Конечно, странно не назвать в таком случае Саша (Сандра, Александр Первый, Александра Вторая...) Но существует мнение-примета: имя может повторить судьбу. О нет, я не хотела бы, не смогла бы пережить еще раз те четыре года...»

Странно: несешь к себе наверх в старой и не слишком чистой, просто загаженной бывшим жильцом птичьей клетке полудохлое шипящее существо – могло бы уместиться в ладони, – и уже рисуешь в уме, делаешь скетчи, наброски будущего вдвоем: имя, посуда для еды и для воды и посуда для какашек... И средство от блох, и... Закрыть окно...

Женщине нужно, по-видимому, о ком-то заботиться.

Итак, Стася. Черно-белой расцветки, по-американски «токсидо», так, кажется, «токсидо» или «таксидо»*** с черным пятном на подбородке...

Саша же, трехцветная, по-ихнему была (бы) «калико»****?

Откуда взялось это существо? И ведь выжило!.. Благодаря тому (вегетарианскому), что удавалось утащить из Миньгиной миски.

Однако была пора уходить на послеобеденные позы. Достала из холодильника молока, согрела, налила в пластиковую баночку. Извлекла из платяного шкафа ворох тряпочек – дочь любила рукодельничать, я все сохранила. Все это и котенка сунула в шкафчик под раковиной в ванной, в темноту, и отправилась на подиумную службу... Вернулась поздно и сразу – в ванную, заглянула в шкафчик под раковиной – сидит, забившись в угол в темноте. Молоко выпито.

* * *

Скульптура по камню... Есть такой особый язык, в котором слова имеют второстепенное – если вообще имеют – значение. Вот, сейчас сижу в Stone-class, то есть в классе скульптуры по камню, где монитор – с улыбающимися глазами,

* Bachelor – холостяк, кандидат (англ.).

** Котенок (англ.).

*** Tuxedo.

**** Calico.

а инструктор – молодой и очень симпатичный мужчина. Он, правда, за минувший год как-то посолиднел, при этом почему-то подросла его голова, но остался он так же привлекателен. Вот подошел к немолодой блондинке, поговорил, погладил по плечу, зажег сумасшедший блеск в ее глазах и перешел к очень накрашенной и декольтированной молодице... Сидел около нее долго-долго, болтал, краснел, хихикал.

Ее же ужимки и смех перемежались с попытками быть серьезной.

На секунду подозвали покинутую блондинку – та была одета и глотала слезы... Перебросились парой слов на троих; она удалилась, а подошла к ним китаянка, одетая смешно, похожая на медвежонка. Эта китаянка (а может, японка?..) всегда еле держится на ногах – так пьяна, а в прошлый раз практически ходила на бровях... Вот инструктор, его зовут Генри, объясняет ей, где купить камень, но у меня такое впечатление, что он посылает ее за пивом... Теперь Медвежонок примкнула к группе из рыжей Луиз, ее мужа Макса и улыбчивого светлоглазого монитора – парня в красной рубашке в синюю клетку; все трое, а сейчас четверо, говорят ни о чем, стоя около скульптуры-в-прогрессе (процессе) Макса... Декольтированная же сделала на сегодня в камне нечто похожее на вылезшие из брюха кишки и теперь, кокетливо изогнувшись, обтирает эти кишки тряпочкой. Вообще в американской скульптуре, и особенно по камню, царит, как и в живописи, абстракция – своего рода деспотизм материи над формой... Ничегосяну здесь грозило бы бесквартирное существование из-за невостребованности... Однако есть пара фигуративистов и в этом мире, этом классе. Вот Макс. Он, правда, делает стоящую женскую фигуру мно-ого лет. Здесь, я вижу, скульпторы могут работать над одной и той же вещью на протяжении нескольких и долгих лет. ...Посновав туда-сюда мимо входа в соседнюю студию, откуда слышен голос инструктора, молодица уселась рядом со мной и, следуя моему примеру, строчит письмо или записку.

...Я вообще-то жду, когда кто-нибудь из них попросит меня попозировать какой-либо частью тела (шеей, рукой, ногой и пр.). Вот Макс подтащил свою Вечностоящую-с-Заломленными-Руками и, наверное, попросит, как и семь лет назад, попозировать грудной клеткой... Нет, не попросил. Зато попросила – и я позировала – Катрин, для ее Двухлетней-Сидящей.

* * *

Пришла домой. Заглянула в ванную, в шкафчик под раковиной. Оно сидело в темноте, прижавшись к трубе. Молоко было выпито.

* * *

Уже двадцать девятое, а он (Макс) так и не просит...

...Скульпторы стучат-звенят, беседуют друг с другом, и я чувствую спиной, сидя на краешке подиума до востребования: думают они о пиве, ибо в речах возникают слова, звучащие как «beer» (пиво)... Да, они хотят пива и потому сбиваются в кучу. Обронено слово «party» (вечеринка) – все дружно вздрогнули.

...Ага! Все-таки он попросил, собственно, это нужно было Генри: показать, как движется нога. А потом он, Генри же, подошел к скульптору, делающему Полумаленькую Примитивную Бесполую Фигуру, и попросил меня продемонстрировать, «как работает рука», то есть как локтевой изгиб изнутри служит осью вращения для руки от локтя до кисти. Он командовал, я, задрапированная в халат, оставив обнаженными лишь правое плечо и руку, подобно принцессе Диане на деловом приеме, поворачивала руку вне-внутрь, вне-внутрь...

Вдруг светлоглазый монитор сказал: «Боже мой, какие у нее красивые руки!» Генри ответил: «У нее не только руки красивые, а и все». И тут он смачно поцеловал мою руку.

Я бессмысленно рассмеялась. Потом они пили пиво.

* * *

...Ну вот и дома.

Оно сидело в глубине шкафчика, прижавшись к трубе. Молоко выпито, как обычно, в темноте... Я могла бы сказать так: «...Мой ребенок – тот самый, что живет под раковиной...»

* * *

– Pose!..

Когда тебе за пятьдесят, трудно выглядеть на четырнадцать, и даже на семнадцать – трудно. Но можно все равно казаться (быть?) красивой.

...Лиза К. в классе анатомического рисунка сказала мне сегодня:

– Я проработала двадцать восемь лет женским врачом, и я видела всяких красавиц, молодых, богатых, всяких... Но таких, как Вы, таких

гармоничных форм, такой красоты пластики я еще никогда не видала!

(«А это все Стася – научила ступать осторожнее, чтобы не наступить...»)

Я предложила Лизе таблетку от головной боли, у меня еще оставалось в пластиковой баночке. Она рассмеялась и сказала:

– Да нет же, правда! Красивая!..

Дома ждет маленькое милое существо... Я, приняв душ, ложусь, начинаю читать вслух на ночь детскую книжку...

Робко сидит на спинке дивана, слушает...

* * *

«Вам поможет доктор Х!..»

В вагоне, над головами и в изголовьях пассажиров, – реклама некоего доктора Икс (Х.), мастера по пластическим операциям. Слева вверху – улыбающееся одутловатое лицо доктора Икс, внизу – мои два изображения: «до операции» и «после»... Молодой тип напротив узнал меня, ерзает, улыбается, показал пальцем на плакат. Он, по-видимому, верит, что «до» и «после» следовали друг за другом в порядке улучшения. А было же так: позвонил Джеймс – мы с ним работали прежде, он снимал меня прежде в лиловом, а вернее сказать, он снимал лиловое на мне (такова работа фотохудожника), и предложил прийти «завтра к двум заработать хорошие баксы». Я пришла, он надел на меня красивый красный берет, убрал под него волосы, уложил меня на покрытый белым топчан, щелкнул камерой, это называлось: «после». А потом наложил мне под глаза страшные тени, набил мне рот ватой, отчего раздулись щеки; выдернул из-под берета несколько прядей, разбросал их хаотично по лицу и щелкнул снова: «до».

Доктора же Икс я в глаза не видела.

* * *

На ночь пела все известные мне колыбельные. Стасе особенно полюбилась «Спят усталые снежинки»... Скоро заснет... Вот, спит на моем животе... Заснула и я. Снились качели во дворе... Качаюсь на качелях – особым движением ноги вытягиваются вперед-вверх, подхлестываю качели выше, выше, уже захватывает дух; внизу качается панорама: сады, огороды, хаты с соломенными крышами, вышедшие погулять на шоссейку курицы... – деревня Надаровка...

Эту шоссейку возводили когда-то японцы. Японцы... И жили здесь. Пленные... Спустилась с качелей и побрела в сторону заброшенного сада, где цвели золотые шары... Собачий лай, звон будильника, Стася испуганно спрыгивает наземь, на пол, а я спешу в сторону душа и зеркала...

* * *

Поезд. Утро. Стою. Рядом со мной – тоже стоит – молодой человек, читает дешевую по виду книгу, время от времени почесывая Strotum*... Освободилось было место, но какая-то мисс захватила его своими ягодицами и немедленно заснула, причем уже спящая ухитрилась отхлебнуть из своей бутылки. Здесь – я не говорила? – каждый встречный держит в руках пластиковый сосуд с жидкостью, чаще с «импортной» водой: американцы боятся обезвоживания организма, как человечество – чумы.

Нужно бы показать Стасю в ветклинику.

– ...Pose!

– ...Break!

– ...Pose!

– ...Break!

...Конец дня отбывала в классе скульптуры по камню. Не хватает улыбки монитора со светлыми глазами – был сбит автомобилем вместе с сыном-школьником, оба – насмерть. На стене у выхода их черно-белые изображения, вырезка из газеты. В классе рабочая атмосфера: студенты стучат, шуршат, Генри нет... Пришел молодой человек из класса соседнего, «глиняного», и попросил разрешения пользоваться мною как моделью, ибо модель в глиняном классе его не устраивает... Поставил меня к стене, велел сделать твист. «Еще... Вот так». Получилось что-то в духе мученичества Зои Космодемьянской. Единственный выход виделся в медитации. «Мальчик... Отпусти меня... Мальчик... Ну, мальчик... Отпусти меня, мальчик...» («Boy... let me go... Boy... Hey boy... Let me go, boy...»). Вдруг он сказал – сработало! – «Thank you» (Спасибо).

Но только он ушел со своей глиняной статуэткой-зоей, как другой, начинающий маэстро по камню, попросил меня лечь на спину и повторить вывернутую позу той, которую он уже сделал в камне «по воображению», как они говорят, «by imagination». Ничего себе!.. Не разумнее

* Мошонка (анат.).

ли было б наоборот: сначала попросить меня попозировать, а потом высекать в камне?! Голова моя должна была откидываться так, что пришлось подвинуться к краю платформы и опустить (спустить) ее вниз. Между задницей же и грудной клеткой внизу – арка... Иногда думается: что движет людьми при выборе занятия?.. А Макс тюкает в сторонке...

– Thank you.

Наконец-то!..

Нужно купить Стасе Friskies*... И показать ветеринару.

* * *

...Когда я принимаю горизонтальную позу, затем правой рукой вынимаю из-под подушки книжку с картинками, «Сказки», она мечется по спинке дивана с горящими любопытством глазами... Начинаю читать, напевать... Она спускается и устраивается на моем животе. Подпевает... Засыпает... Протягиваю руку к настольной лампе. Темно... Тишина... Спокойной ночи, дочь...

...У человека этого, из сна, глубокие глаза, темные, черные...

Пробуждение: лай под окном.

* * *

Мерседес – крупная статная африканка в желтом либо в синем, в свободных одеждах... Красивая, но только красотой манекенщицы-самозащитницы: «Как дам в морду». Это лишь Мерседес могла себе позволить такое: выбросила из своего переодевального шкафчика плащ преподавательницы – бывшей подруги самого Марлона Брандо – от того что плащ пропах не любимыми Мерседес духами. И была она уволена, изгнана с подиума и из класса имени М. Б., но не расстроилась: «Ага. Хорошо». Я увидела ее сидящей в холле с рюкзачком и попросила заменить меня в классе скульптуры по камню, у нас со Стасей была назначена встреча в ветеринарной клинике на предмет проверки состояния Стасиного здоровья и пола. Она, Мерседес, согласилась... Уже следуя домой ночным поездом, вдруг подумалось: а как они, каменные, воспримут ее появление? Она же им не возляжет с откинутой напрочь и вниз головой!..

...Так и вышло: утром следующего дня Мерседес, проплывая мимо меня в своей экзотической мантии, бросила на ходу:

– Да, а эти... Вчера... Только спустилась к ним, мол, пришла, кому тут попозировать... А они: «Спасибо, не надо!..»

* * *

Поезд, понедельник, утро. «Poetry in Motion» над головами. Некая леди из нью-йоркского пригорода написала стихи «I am Rose» («Я Роза»). Заканчиваются так:

...I am Rose, and I am blue,
I am Rose, and who are who are you?

(...Я Роза, я голубая,
Я Роза, а кто Вы?)

...Мы со Стасей вчера на ночь читали Байрона, то есть читала я, она слушала не перебивая...

...She walks in beauty, like the night
Of cloudless climes and starry skies;
And all that's best of dark and bright
*Meet in her aspekt and her eyes...***

(Идет красиво – так порой
Приходит ночью звездный рой.
И что есть тьма, и что есть свет –
Ее глаза несут ответ...)

Последние две строчки я хотела:

И все, что есть у дня и тьмы,
В ее глазах находим мы...

Но Стасе больше понравилось первое.

Вспоминая его стихотворчество, думается: «Неужели он был такой плохой, как о нем написали в русскоязычной газете? «Соблазнил сестру»... Забеременил... Может быть, она была не сестра? Может быть, не соблазнил?.. Пришла к нему пьяная, слюнявая... И ныла, жаловалась на одиночество: «Э-э-э...» Есть ведь женщины, которые сначала обвиняют весь мир в своем одиночестве, потом – слушателей мужского рода в своей беременности... Сильные женщины мира сего... А если еще сопоставить безумие русской э-э...эмиграции, злобу и сплетни, атакующее невежество, идущую в наступление бездарность и более низкие качества, то слухи о Байроне – порождение ревности и зависти, испытываемых серенькой массой писак...

* Фирма кошачьей еды.

** «She walks in beauty» by G. G. Byron. Перевод А.-Н. Коваленко.

...The smile that win, the tint that glow.
But tell the days in goodness spent
A mind in peace with all below
A heart whose love is innocent!

(...Ее улыбкою овеян,
Младые дни припомню вновь,
Когда молитвою лелеял
*В душе невинную любовь!)**

...Мы со Стасей... У-у-упс! Проехала – давно – остановку… Опоздала и потеряла все шесть недель утренних поз, то есть десять помножить на сто пять = тысяча пятьдесят долларов полуторамесячного существования, ведь это был понедельник, начало позы (композиции)... Придется перебиваться в ожидании «cancellation», то есть когда кто-то однажды не сможет выйти, заболеет или откажется...

...Подошла к часу (начало послеобеденных поз-классов) и сидела в ожидании повезения: вдруг кто-то из моделей не придет? Безуспешно, все пришли... Тут увидела меня Эллис, «прихожанка» класса анатомического рисунка, она же актриса и владелица маленького полудомашнего театра Dixon, где я иногда, а после ухода дочери – часто, вроде как для самолечения, самопсихотерапии, в чем-то следуя Вере Комиссаржевской, выступала в короткой программе «Open Performance Night» («Вечер Открытого Представления»), в которой каждому участнику отводится по десять минут, итого два часа всем вместе, выступала с пантомимами.

– Какая удача, что я тебя увидела! – воскликнула Эллис. – Не могла бы ты меня подучить русскому?..

Ей нужно было говорить, даже не обязательно знать, а произносить русский текст в постановке музыкального театра «Joyce». Я с радостью согласилась учить ее, надеясь чуть заработать, хоть на кошачью еду... Пришла к ней в ее дом-театр... Как ни билась, однако Эллис не смогла воспроизвести ни единого слова. «Не-мцы... Фран-ция... Ко-зы... По-па-да-ли...» В конце концов, сказала мне:

– Слушай, может, ты сама, а?..

Позвонила хореографу, та назначила мне место и время интервью.

...И теперь я часть труппы «All together different» («Разные Все Вместе»); всю зиму до опупения репетируем, репетируем по разным адресам, включая (иногда) дом черной танцовщицы Джил. Спектакль о дружбе людей и животных. Там, как мне известно, как сказали, будут привезены и заняты домашние животные: козы (много коз), котенок, аквариумные рыбки... Хореограф репетирует свою часть отдельно. Я смотрела, слушала: несколько абсурдно... Пыталась представить ее костюм на сцене. Представился зеленый комбинезон. Нам же, «хористам», будут выданы темно-красные мантии. Говорить, то есть выкрикивать текст по-русски, мне после Питера, импозантного и уверенного в себе мулата, после его: «...Let them do it...» («...позволь им это делать...»). Мой текст такой:

– Когда немцы оккупировали Францию, они прошли через всю страну, и все козы там от страха попадали! Тогда французы сказали немцам: «Что вы наделали? Вы захватили нашу страну, вы разрушили нашу жизнь, вы погубили наших коз!..» Немцы ушли, а козы встали! Потом пришли американцы, и повторилась та же самая история: они прошли через всю страну, и все козы со страха попадали! Французы сказали: «Что вы наделали! Вы оккупировали нашу страну, вы разрушили нашу жизнь, вы погубили наших коз! Уходите». Американцы ушли, а козы встали!.. Это был обморок!

После меня Ольга из Барселоны прокрикивает свой текст, что-то о пропаже некоего Хосе, пациента из сумасшедшего дома, а может быть, откуда-то еще, на испанском... И т. д... Незадолго до премьеры пришла в труппу Эллис стоять в хоре в темно-красной мантии, но ей хотелось чего-то большего: всякий раз, когда наступал мой черед говорить, она начинала издавать звуки-помехи: «Шу-шу-шу-шу-шу...», «...Бр-бр-бр-бр-бр...» Знает, у меня слабый голос, так трудно мне кричать. Наконец Питер сказал ей пару ласковых слов, унялась... Сама ведь послала меня в эту труппу, этот спектакль... Как одиноко среди честолюбцев... Кто-то из администрации Joyce предложил им бесплатные обеды у себя дома, и теперь, если репетируем в помещении театра, к двум они куда-то бесшумно расползаются... Потом появляются, отрыгивая: пообедали там, от меня по секрету. Это в них неисправимо.

...Репетиции и поездки в сабвее – все за свой счет. А рент за квартиру неумолимо растет... Вы-

* «She walks in beauty» by G. G. Byron. Перевод А.-Н. Коваленко.

жить в эту зиму помог лишь случай: встреченный на улице русский парень – торговец матрешками и другими сувенирами – помог определиться на зиму гардеробщицей в русский ресторан.

Ночь. Ресторан. Полубезумный поэт Вадим Я. с черной повязкой вместо одного глаза – выбили в уличной драке – швыряет на сцену деньги, не миллион, двадцать-тридцать долларов, и кричит: «Дайте я спою!» Поет хриплым голосом одну и ту же песню: «Четвертые сутки пылает станица...» Так каждый вечер. Его дама блюет в раздевалке...

Глубокая ночь или раннее утро... Одуревшая от ресторанных запахов еды, пития и воскурений, возвращаюсь к себе, зажав в перчатке «типы» (хозяин вовсе не платит, сказал: существуй на чаевые); поднимаюсь.. В сумке через плечо – объедки курятины. Отворяю ключом дверь... Какое это счастье: звук спрыгивающего с дивана кошачьего тела и зрелище мчащегося тебе навстречу маленького пушистого черно-белого существа...

– Стася!..

Ест курятину...

Женщине нужно, чтобы кто-нибудь ее ждал.

Перед сном пересчитываю, клюя носом от усталости, долларовые купюры.

* * *

Премьера. Я, собственно, об этом узнала буквально за час до начала. Была генеральная репетиция... Потом они, мои дорогие, мои коллеги, расползлись... Я спустилась вниз; вышла на улицу. Навстречу Питер: «Ты надолго?» – «А что?» – «Так ведь сейчас начнем». – «?? Ах!» – позвонила в ресторан-гардероб, отменила, то есть отпросилась на вечер. Побежала в гримерную, хоть какой-то карандашик найти, подмалевать глаза для сцены, хоть расческу найти, волосы – ужас!.. Ничего не найдя, подумала: тоже неплохо, отличаться от остальных своим естеством... Суета... Появились люди с камерой, телевизионщики. Среди них, то есть около – человек средних лет, брюнет с красивыми и глубокими черными глазами... Переоделись в красные мантии, вышли на сцену, заняли свои места вдоль бутафорского забора... В зале – сотни глаз, но это ничего, свет-то – здесь... Мой Питер с самого края, а я – в центре, рядом с Эллис, и приходится напрягать слух, чтоб поймать сигнал: «...Let them do it... Let them do it...» Идет время, сердце стучит, и вообще какие-то шумы; улыбаюсь до ушей. А сигнала еще нет... Вдруг соображаю: Джил, что через Эллис, не случайно щиплет меня за спиной. Открыла рот: «Когда немцы оккупировали Францию...» и т. д... Голос Ольги о сумасшедшем Хосе, по-испански... Танцуем, уходим под аплодисменты, спотыкаясь о распростертое ниц тело Питера: это был о-обморок!..

В следующем отделении из гуманоидов солировала наша хореограф, остальные – козы, рыбки, котенок. Мы с Джил спустились в зрительный зал смотреть спектакль: на сцене – козы и бутафорский забор. Она стояла на возвышении и что-то пела... Спрыгнула, ушла. Сцена осветилась синим... Появилась снова, в облегающем синем платье, и на фоне аквариумной рыбки демонстративно ковыряла в зубах; вынула, наконец, остатки шпината, застрявшего, зеленого. Смех в зале... Убежала... Сцена засветилась тускло, и теперь она вышла на четвереньках, нагая (а не в зеленом комбинезоне...). Бегала долго, сверкая могучим крупом матери двойняшек (приносила на репетицию – милые мальчики, родила их в браке с какой-то лесбиянкой)... Вот встала, перешла на танец, любительский балет. Прыжки вверх с поворачиванием торса вокруг оси... Открыла клетку, вынула котенка, пляшет с ним в руках... Нежно целует, гладит – и назад, в клетку. В углу платформы, как и в начале действия, коротко постриженная женщина-переводчик для глухонемых, жестикулирует. Движения ее рук зачаровывают. Стараюсь запомнить как можно больше... Конец. Аплодисменты, снова... Нам теперь всем нужно быть на сцене... Мы на сцене. В зрительном зале свет. Подходим к самому краешку, представляемся по очереди. Когда подходит мой черед, я называю свое имя, добавив: «из России», и замечаю в зале эффектного брюнета с глубокими черными глазами.

* * *

...Состоялось! Состоялась премьера, я работала на сцене, а на сцене мне всегда хорошо. Как об этом сказала Нина Заречная? «Нести свой крест»... Быть на своем месте – это человеку нужно... важно...

Он, брюнет, стоит у выхода, ждет. Меня. «Ну как, Вы рады?» – «Да, конечно, рада». – «Кстати, меня зовут Федерико Ферранте («О-о, почти Феллини»), и вот моя визитная карточка. (Правда: «Федерико Ферранте, телепродюссер».)... Куда пойдем?...» – «К-куда п-пойдем? Может, в

это... русский ресторан...» («Конечно, не в тот, где меня узнают как гардеробщицу, а в другой»). – «Что ж, – соглашается Федерико, – в русский так в русский».

...Мы шагаем по вечерней Восьмой Авеню, морозец обжигает нос и уши, все-таки надо бы что-нибудь купить на голову... Федерико втянул свою голову в плечи, вернее, в белый шелковый шарфик, он одет тоже легко... Пришли. Стройная и строгая официантка, больше похожая на учительницу ритмики, усадила за столик. «Что Вы мне порекомендуете?» – спрашивает Федерико, исследуя меню. «Ну, если вы не вегетарианец...» – «Я – нет, не вегетарианец!» – «Тогда... Есть курица, шашлык, пельмени...» – «Пельмени!» – «А мне блины…» – «Что будем пить?» – «Я, например, выпила бы красного вина... А Вы?» – «Ну, я тоже... Н-нет, пожалуй, я водки». – «А-а, в таком случае закажите еще рыбное ассорти».

В рыбном ассорти на огромном блюде – семга, селедка, оливы, скумбрия, красная икра... Пришел пианист по имени Аркаша (если не ослышалась), играет «Лунную сонату» Бетховена. Русская речь за соседними столиками, через столик вижу Даму в Красном Пиджаке, это журналистка Венера, подруга Марианны, Веры и жены Витяниса. Впрочем, с Верой они, возможно, сейчас враги. Пиджак ей тесноват в плечах. Углубляюсь в блины. Р., хозяин ресторана, он же искусствовед и артдиллер, проходя мимо нашего стола, кивнул мне: я сопровождала как-то когда-то сюда писателя Z. после его встречи с издателем... Увидев Федерико, бросил: «А-а, это Вы...» Видимо, узнаваемая фигура. (Шоу-бизнес?.. В реплике Р. не заметила большого почтения...) Аркаша играет «Форель» Шуберта. Федерико капризничает в еде: «Не люблю соленого...». Из рыбного ассорти съел лишь – понравилось – красную икру, а селедку-семгу-скумбрию отодвинул. Тычет пальцем в блюдо, в ту часть его, где была икра, и говорит, оттопырив мизинчик и затейливо изогнув губы-ниточки: «I want more this... And more vodka» («Я хочу еще этого... И еще водки».) И еще он хочет макарон, просит у официантки. Все-таки сильны итальянские гены... Принесли ему, заглатывает макароны... Поднимаю бокал:

– Cheers! На здоровье!

– O, cheers! Nazdorovve!

Я выпила бы чаю. Федерико хотел бы попробовать русских пирожных, но пора уходить, он так считает, «Счет, пожалуйста». Счет: сумма трехзначна. Я полезла в сумку за кошельком, за трудовыми сбережениями, гардеробщицкими. Он, перехватив мой жест в направлении кошелька, произнес сыто: «Are you sure? O, thank you» (Вы уверены? О, спасибо), что означало: платить за ужин придется мне одной за обоих... Еще какое-то время в ожидании официантки со счетом обменивались мнениями о погоде: «Холодно...» – «О, да. Холодно...» У меня было при этом ощущение неловкости... И в то же самое время подсознательное: «Нужно дать ему шанс...». Когда миновали играющего пианиста, они – Федерико и Аркадий – как бы отразились друг в друге на миг, так оказались похожи. Ведь и Аркадий, ведь и у Аркадия – глубокие темные красивые глаза... Но только волосы светлее, каштановые, и потом лицо А. озарилось светлой, широкой, учтивой улыбкой, в то время как лицо Ф. Ф. отрешенно промолчало...

Идем по морозной улице в одном направлении: он живет рядом и пригласил на чай: «Зайдем ко мне? Тут рядом. Выпьем чаю...» – «Хорошо...» («Ведь не кофе же, а чай...»)

В его квартире доминирует черный цвет: мебель, постель, занавески на окнах – все черное. И – беспорядок. Едва вошли, он сбросил с себя на пол огромный белый шарф, в который кутался весь вечер; снял туфли-ботинки, оказавшись le petit,* одного со мной роста, – такие были высоченные каблуки!.. Снял – отправил на пол же – носки, пиджак, рубашку, майку... Брюки... Предо мною предстал лохматый пузатенький зверь. («Вот это – чай?..») Зверь порывисто обнял меня (пуговица пальто больно впилась в предплечье), затем схватил за руку и увлек к софе... Подведя же, чуть откинул одеяло... Включил телевизор, что был как раз напротив этой самой софы, взглянул на часы на волосатом запястье и сказал, устраиваясь лицом к экрану:

– Через... четырнадцать минут начнется важная, моя любимая спортивная передача. В нашем распоряжении четырнадцать минут, – и выразительно похлопал по подушке.

Времени, я чувствовала, оставалось в обрез. Правда, театр «Dixon», то есть его программа «Вечер открытого представления» с его строжайшим десятиминутным регламентом (затянешь представление, на пару секунд хотя бы, – погасят свет, попросят вон со сцены), приучил

* Маленький (франц.).

меня укладываться в десять минут, а тут было целых четырнадцать. Жестом непритязательной миллионерши пред лицом пресыщенного жиголо* я стала расстегивать пальто, готовясь вот так же, легко и просто, сбросить все на пол, заменявший тут вешалку, долой аккуратность, нужно иногда have fun**, как говорят американцы... И простыни – как черный дым***...

...Когда (через четырнадцать с половиной минут) выходила из ванной (там, на краешке раковины, что-то розовенькое с беленькой каемочкой...), он спросил меня, вкусно отрыгнув:

– Вам гововили, что Вы похожи на Ив Мави Сейнт?

– Ах, да... Мари Сейнт...

– Как Вам удается быть такой... ствойной?

– А... это все йога...

На экране в это время на смену дикторше с глазами праведницы, повествовавшей о снежных заносах и автомобильных авариях в центральных штатах Канзас, Небраска и т. п., явился худощавый рыжий джентльмен с оттопыренными ушами («Ушастик») и объявил начало любимой Федерико спортивной передачи... Застегиваясь на ходу, я отправилась на цыпочках к двери:

– Я ухожу... Но мы ведь еще увидимся, не правда ли?

– Да-да, конечно (*не поворачиваясь*). Ничего, если я не провожу?

– О, это ничего. («А чай – дома... Ну точно, жиголо...») Когда уже взялась за ручку двери, он вдруг одним прыжком преодолел расстояние от ложа до двери, нежно обнял меня и посмотрел в глаза до-олгим, секунд на двенадцать, взглядом, преисполненным несколько драматизированной заботы (там, по ТиВи, была реклама):

– Позвони мне, когда добевешься до дома, я так беспокоюсь! Позвони, обещаешь?

Обещала. Позвонила. И потом буду ждать новых встреч, но их так и не последует... Как жаль.

(Он, может быть, как герой рассказа В. Короленко о мальчиках и о деспоте (вот-вот!), чье сознание отключалось на время бритья, своего рода ТиВи по зеркалу, сидит сейчас в лазоревых в алую полоску плавках перед экраном, созерцает, а на полу – еще одно после плавок цветовое пятно на фоне черноты интерьера: белый шелковый шарфик.)

– ...Понимаешь, Стася, – продолжала рассказ свой, прихлебывая согревающий чай из вместительной зеленой чашки, – не зная этого брюнета без шелкового шарфика, высоких каучуковых каблуков и других вещей/аксессуаров, я восприняла было его немногословие, скупость улыбки и жестов с оттопыриванием мизинчика... как показатель необыкновенной возвышенной духовности... (И некоторой милой неуклюжести… Как он потом все это... снял, сбросил...) Потом он... прилип к телевизору... В неглиже... Так и запомнился… Что это было – розовенькое с беленькой каемочкой?.. Надо было все-таки взять у него с блюда что-нибудь для кошечки. Ведь я платила. Ты прости меня, я курицу завтра тебе принесу, обещаю. Сейчас поешь пойди горошку на кухне, там... протеины... Прости, все-таки была премьера...

Тут, при слове «премьера», Стася весело сверкнула зелеными глазками, прыгнула мне на живот, расплескав на одеяло чай, свернулась калачиком, напевая: «Пррремьерра... Пррремьерра...» Чувствуя себя прощенной, отпущенной, протягиваю руку к настольной лампе... Ничего не снилось, кроме отдаленного собачьего лая. Разбудил телефонный звонок:

– Але! Але! Это Венера! Мне Марианна дала Ваш телефон! Я видела Вас вчера в ресторане с американцем: у меня племянница в Таганроге, ей нужен фиктивный брак, не дадите телефончик?! А? Мы должны помогать друг другу!.. А? Што-о-а?!

Выдернула шнур... Пусть остынет. Не знала, что у нее такой визгливый голос... Хорошо, что палка осталась у Веры и племянница в Таганроге...

В кухне Стася уплетала горошек.

* * *

– Когда немцы оккупировали Францию... Потом пришли американцы...

– В одном сумасшедшем доме пропал человек! Искали его, искали, нигде не нашли, пропал! Собрались все люди в одном помещении, в доме культуры. Все слушают радио, сводку последних известий, а один человек в углу сидит и дергается, руками, ногами, головой, и бормочет: «Бла-бла-бла-бла-бла...»

---

* Gigolo – мужчина-проститутка.

** Поиметь веселье.

*** Е. Евтушенко. «А простыни как белый дым…» («Как тихо в мире»).

Тут все повернулись к нему и сказали в один голос, показывая на него пальцем:

– Так это же Хосе!..

Скоро конец каникулам – а спектакль готовился как раз по поводу и для зимних каникул, развлекать детей, подростков и прививать им любовь к животным... (?) Потом-то она, хореографша, надеюсь, заплатит?..

Наступило тридцать первое декабря. Для меня это всегда особенный день и особенный час, канун Нового года. Когда-то, но лишь когда моя девочка была маленькой, после ухода от Леши, мы встречали Новый год вдвоем дома – я покупала и наряжала елочку. Потом она выросла, и я теперь оставалась дома одна, ведь это домашний праздник, а она звонила от друзей, разных, поздравить...

Сейчас мы со Стасей. Правда, один актер из нашей труппы «Разные Все Вместе», Винс, оказался соседом по блоку, жил через дом, и предложил встретить канун у него, распить с ним и его друзьями его фирменный глинтвейн («mulled wine»). Пометавшись между разумом и сердцем, я потащилась на поводке этого самого, разума, к Винсу с бутылкой шампанского (как принято «у нас»). Пришла первой. Он (В.) был занят тем, что взвешивал и измерял ингредиенты: орехи, изюм, шоколад, мед, сок и что-то еще, переливал-перекладывал ложечкой, шепотом перечисляя имена возможных гостей... Я наблюдала за ним, скучая, а ближе к роковой минуте, кануну, когда позвонил в дверь первый гость, не выдержала, встала и, чмокнув его в щеку: «Happy New Year!» («С Новым годом!») – выскочила вон... На последние два-три удара курантов NY Time Square ворвалась в комнату, разлила воды по двум бокалам, один мне, другой Стасе; села-поставила на пол, и мы, чокнувшись, выпили... Снилось... Снился...

* * *

...Холодно. В классе два натюрморта и одна модель, это я, причем обнаженная. Холодно, но не монитору-коротышке... Отложив в сторону свой сэндвич, переваливающейся походкой приблизился к окну, что как раз напротив моей платформы, и – распахнул его. Не люблю разговаривать голой – это как на фронте/войне кидаться в схватку безоружным... Дождалась перерыва, накинув халат, подошла к нему и сказала тихо:

– Это очень хорошо, что Вы любите свежий морозный воздух. Однако обнаженная здесь я, и прежде чем открыть окно, нужно бы спрашивать у меня...

– Ах, извините, – пошел закрывать окно.

Правда, что в нем хорошо, – мы не стали врагами. Продолжает здороваться при встрече. Другой бы обиделся и настучал в офис, такое бывало...

Еще смешней обстоит дело с обогревателем. Если попросить таковой, установят так, что весь жар, и, разумеется, на всю катушку, будет направлен в лицо. Двинуть рукой в сторону обогревателя – понизить «тепло» – заметят, ринутся, выключат совсем, станет холодно. Прикручивать, а также дислоцировать эту машину тепла возможно лишь в перерыве, осторожно, незаметно для жующих творцов.

...Холодно, и поэтому пока достаточно работы в раздевалке ресторана. Пальто тяжелые. Это особое искусство – располагать номерки и одежду так, чтобы уходящим первыми не искать пальто в дебрях вешалок. Долго готовлюсь к началу действия... Ночной поезд – спальные вагоны (часто совмещенные с туалетом) для бездомных... Вот уже открываю свою дверь... Топот частых шажков навстречу... Счастье мое!..

Съедает курятину. Засыпает у меня на животе, под одеялом.

* * *

Кончились зимние каникулы, и кончился показ спектакля, где во втором отделении бегала она по сцене, – это, оказывается, был характер «обезьяна». Однако не платит, а когда я позвонила ей, едва сдерживая слезы, ведь лэндлорд неумолим, требует платить немедленно, – спросила сонно: «Ах... Какой у Вас сошиал-секюрити номер?..» – что означало, она не хранила информацию, которую я ей дала о себе в самом начале, на интервью, а значит, платить и не собиралась... Повесив трубку, поплакала, просморкалась...

Стася терпеливо ждала, когда можно будет прыгнуть мне на живот.

...Купила сумку для кошачьих прогулок. Станет чуть потеплей, чуть ближе к весне, вынесу-вывезу ее на природу.

...В классе ли, в студии, жду внезапного вопроса, я жду от них вопроса, они иногда так и спрашивают: «О чем Вы думаете?» И если быть предельно откровенной, я бы ответила им честно: «О кошках». Впрочем, может быть, подумавши, добавила бы еще что-нибудь умнее, вос-

пользовавшись, скажем, подсказкой Кришнамурти... «О жизни в духе реальностей...» Что-нибудь такое... Но – не спросили. И вот чуть потеплело. Посадила ее в сумку. Пришли в парк. Поставила сумку на землю, на первую травку: «Смотри, Стася...» Смотрит перепуганными глазами, первой весенней травки, протянутой через сетку ее смотрового окна, отведать отказалась. Кажется, подумала, что я ее унесла из дома, как бы отказывая в доме... Пошли назад.

* * *

Она приучила меня к высоте.

Вернулась как-то домой еще засветло – в гардеробе настали «каникулы» – никто меня не встречает... Позвав-поискав и решив: заснула крепко, зарывшись где-нибудь в тряпье, – села за чтение. Слышу: жалобный писк снаружи, за окном. Подошла, сняла замки, раздвинула жалюзи (установили еще с дочкой, вскоре после первого ограбления), выглянула из окна на пожарную лестницу... Вылезла... Подчиняясь доводам собственных рассуждений вслух: «Лестницы устроены так, чтобы пожарники (и воры, к сожалению) могли по ним передвигаться без риска свалиться, так что...», спустилась пролетом ниже, напоминая себе: «Вниз не смотреть!» Из окна напротив, где натюрморт с фруктами, тихий мужской голос подсказал:

– Ваша кошка на втором этаже.

– О, спасибо... – Лезу еще, и еще, и еще... Подцепила ее, распластавшуюся от страха, поглаживая и бормоча что-то успокаивающее, двинулась назад-вверх... Пасть окна. Стася спрыгнула внутрь первая. Влезаю и я... Из окна же напротив:

– Молодец. Поздравляю.

– Спасибо. – Потом это повторится, я опять вылезу, не раз, на пожарную лестницу. А прежде никогда не выходила даже на балконы вторых этажей, так сильна во мне эта акрофобия*... Живущего (живущих) же в окне напротив так никогда и не увижу...

Просит Розанжела подменить ее в субботу. Ей хочется посмотреть и послушать спектакль «Аргентинское танго», – там есть э-э... один танцовщик... А Витянис? А-а, стал историей... Правда, на прошлой неделе наведалась было в его студию по старой, не гаснущей памяти... Но он не открыл, сидел э-э... с кем-то там внутри, было понятно по силуэтам в окне. Не смешно ли не открыть? Ну, она вставила палочку в кнопку звонка, так там, может, до сих пор трезвонит, кха-кха-кха-а... (А все-таки болит...)

Подменить ее в субботу согласилась, ведь нам со Стасей так нужны extra money, дополнительные деньги... Лишь только положила трубку – звонит... Витянис. Назвал на сей раз «Линдой», вернулся из Литвы, мол, хочет навестить, поделиться впечатлениями. Ответила ему: ну, приезжай. (Впечатления от Литвы должны быть отмечены...) Был четверг, и было любопытно: уж коли имя другое, будет ли верным пункт прибытия?.. Через пятнадцать-двадцать минут раздался звонок снизу, потом – в дверь. Успела натянуть на ноги тяжелые бутсы. Открыла дверь. Отрепетированным движением дала хорошего пинка в то место, что зовется у американцев «balls» («шарики»). Закрыла дверь. Даже не успела рассмотреть, как он был одет, пострижен и прочее... Защелкнулась на замок. Вылезши из шкафа, подбежала ко мне Стася, спрашивает глазами: «Кто это был?» А он, мужчина, оставленный за дверью на площадке, двинулся – слышны топот ног и спонтанные угрозы – вниз по лестнице... Хлопнул дверью подъезда... Стихло все.

– Ну вот мы вдвоем, киса... Этот-то, правда, еще в состоянии (я имею в виду в плане совести) заплатить за свой ужин.. Но все равно не наш человек... Пошли погуляем... – Открыла прогулочную сумку. Она подумала и полезла внутрь...

...Пришли в парк. Села я на скамеечку лицом к Гудзону на фоне распускающихся весенних желтоцветущих кустарников форсайтии; на коленях сумка, Стасина любознательная мордочка в сетчатом оконце... Вдруг из-за скалы появились на тропинке Марианна и с ней упитанная девица в красных шортиках: Старшая Дочь. Обступили скамейку:

– Ah! Look, mom, cat!**

– Ой, ну что ты ее трогаешь, еще подцепишь какую-нибудь гадость!

– Я же через screen!***

– Фу, отойди!.. Вот у моей золовки, я понимаю, была кошка: персидская. А эта... Как живешь, Кукла? (*Это мне.*) На тебя Венера обиделась, ты, говорят, послала ее на три буквы?..

* Боязнь высоты.

** Ой, посмотри, мама, кошка!

*** Screen – сетка.

– Послала.

– ...Брысь! Брысь! – на Стасю. – Пошли отсюда, куча дел, – дочери. Мне: – Виточка вот выходит замуж, погуляли – а теперь за покупками...

Удалились, обсуждая между собой детали предстоящей брачной церемонии... Стася забилась в дальний угол сумки, повернулась к окошечку спинкой... Казалось бы, обычный день. Но чувствовалось в этом, в этих и в утренних встречах-событиях что-то зловещее...

– Что ж, пора и нам. – Встала, перекинула сумку через плечо.

В ту ночь снился идущий по морю Святой Павел...

– ...Pose!

Это очень добрый класс, добрый разговорчивый преподаватель, бородатый, длинноволосый, мистик, из тех, кто в искусстве за идею, не за наживу. Я видела его прежде рисующим на пленере на улице, в парке... Его работы – по цвету как елочные игрушки, яркие: такой стиль... В перерыве подошел спросить и, конечно, надеясь услышать «да» в ответ:

– Вы по гороскопу – такая опрятная («neat»), дисциплинированная – Дева?

– Нет.

– Нет! Не Дева! А кто?

– М-м... Единорог («Unicorn»)...

– Шутите!

С ним можно шутить...

* * *

Возвращение Родины.

У входа в дом, и у выхода же, мадам Z. выкатывает на прогулку коляску с прелестным малышом-внуком, это у них уже второй. Помогла им спуститься.

– Спасибо... Слышали? В Нью-Йорк приехали на самодельной лодке... из Владивостока... Пойдете завтра в Синод их слушать?

– Как? Кто приехал? Из Владивостока? На лодке?

...Прибежала на пирс, я знала, где швартуются небольшие лодки, снималась как-то на одной такой, киносъемочной, «Frying Pan»*, в эпизодической роли бедной русской эмигрантки-няни, живущей на лодке, и моя партнерша, семилетняя девочка Соня, дразнила меня «Lipstick» («Губная Помада») и потом украла у меня помаду, а она была нужна по роли... Нашла! Это была совсем маленькая лодка, на носу которой красовался деревянный крест и вырезаны, затем покрашены в черный цвет буквы: «СВЯТОЙ ПАВЕЛ».

Снаружи, между головной кабиной-комнатухой – как это по-морскому, «штурвальная»? – и возвышением была сзади протянута веревка, на которой сушилось белье: трусы, много трусов, и футболки. Женщина с длинными, убранными в хвост рыжими волосами заботливо поправляла прищепки. На крыше кабины спал черный кот.

Я покашляла – привлечь внимание... Поздоровалась. Представилась. Она в ответ: «Инна», потом позвала: «Павел!» Выбрался на «палубу» бородатый тип атлетического телосложения. Чуть заикаясь от волнения, я объяснила ему причину моего визита: я т-тоже с Д-дальнего Востока и восхищаюсь ими, и предлагаю остановиться у меня, у м-меня есть для них комната...

– Нет, нам нужно сторожить, – ответил он равнодушно.

...Но если дело в т-том, что нельзя (почему-то) оставить лодку, – я, кстати, в-видела Святого Павла во сне, – то вот вам м-мои к-координаты, приходите принять ванну и все такое...

– Слышь, Инна!

– Ну, слышу...

– Она видела Святого Павла во сне! – Мне: – Нет, спасибо, не можем, и она не может. Мы ждем тут важных гостей («Комиссию?»)... А откуда Вы, с Дальнего-то Востока?

– Да деревня б-была, Надаровка, Пожарский район, Приморский край. Теперь там все затоплено...

– Затоплено? С чего Вы взяли?

– Слышала...

– От кого слышали? Ерунда какая... Знаю я, как же, деревня Надаровка, Пожарский район, никто ее не затапливал... Построили там рядом, правда, город Лучегорск.

...Вернувшись домой, покормила Стасю, приласкала... Всю ночь вспоминалась Надаровка...

Вот я, маленькая, стою в бурьяне. Сухая и ясная погода Бабьего лета... В траве мелькает спинка голубовато-серой кошки... Я про/подбираюсь к ней: тянусь ручонкой погладить... Она ждет... Погладилась и медленно уходит...

...Здание школы. Я залезла на дерево и сижу на верхушке дерева-ранетки школьного сада... Внизу парень-переросток из четвертого класса Володька Пирожок кладет под дерево что-то, за-

* Сковородка.

вернутое в лопуховый лист: «Это – подарок тебе». Уходит. Я слезаю, разворачиваю: там что-то, завернутое в другой лист.

Разворачиваю... Разворачиваю... Внутри – собачья какашка. «Дурак!»

...Пригорок, поросший травой. Мы – группа девчонок – дружно рвем траву и разбрасываем, припевая:

Цу-цу репу, цу-цу репу,
Хозяина дома нету,
Хозяин прибудет,
Репочки не будет!..

…– Куры у ма-ка...

Сидим в классе, пишем диктант. Вдруг – грохот-взрыв за окном, полетели во все стороны стекла, мы вскочили из-за парт... Внезапная жуткая тишина, короткая, голоса напуганных селян...

Вскоре в деревню приедут люди с блокнотами и фотокамерами: «корреспонденты». Нас, школьников, сгонят в кучку, сфотографируют на фоне того места (там, за рекой), где упал метеорит. Кто-то из них при этом наденет на меня, любовно поправляя, венок из одуванчиков... «Гарнесенька*...»

Пожар... Всполохи огня. Огонь, дым, гарь: загорелась хата. Около хаты выстроилась цепочка пленных японцев, их держат здесь для разных работ, на дворе конец сороковых, сорок восьмой, война давно закончилась, а они, эти улыбчивые опрятные мужчины, здесь... Наверное, пропали без вести для своих родных, как мой отец – для своих, для нас... Передают по цепочке брезентовые ведра с водой из колодца и – обратно – пустые... Тихо, даже пошучивая и продолжая улыбаться, без суеты и паники, погасили пожар.

Будут потом восстанавливать крышу и прочее.

...Шпион. Мама взяла меня с собой в город Бикин. Это еще в Хабаровской области, но уже близко-близко к границе с Приморским краем. Сначала ехали на попутной машине до станции Бурлит, а там ждали поезда, идущего в хабаровском направлении. Вдруг мимо нас к поезду пронесли военные дяденьки на носилках – по толпе уже прокатилось: «американский шпион» – молодого паренька: серые глаза, темно-русые вихрастые волосы назад. Поймали, ранили и теперь везли в какую-нибудь тюрьму (?) Он, приподняв голову с носилок, смотрел на пропускающую, расступающуюся толпу затравленно, обреченно; бросил взгляд на меня, молча прощаясь.

Он не уходит из моей памяти. Как бы из совести или из души: чей-то сын или брат... Был...

А весной за нашим огородом распускались – распускаются! – ольховые сережки...

Старая цыганка. Однажды весной, последней весной в Надаровке, в деревню прибыл цыганский табор. Их мужчины быстренько распрягли лошадей и, отпустив пастись за огородами, куда-то подевались по своим цыганским делам, а красавицы-цыганки в сопровождении ребятишек засновали по домам с заученными монологами типа «позолоти ручку», и помню, моя сердобольная мама отпускала их, щедро угостив и одарив... Наступал вечер. Даша, сестренка, спала... Во двор как-то бочком прошмыгнула Паша Горьян, сделала мне жест рукой: «Поди сюда». Я подошла.

– Слушай... Там, за нашей хатой, их кибитки... У костра одна старая цыганка, девчата из нашего класса к ней ходили, здорово гадает! Надо только принести ей сала, и чеснок можно, и она уже сказала Надьке Подосинниковой и Тоньке Ковток все-все: и кем будут работать, и когда замуж, и сколько детей, и все...

Мы суетливо зашагали по колючей шоссейке в сторону палаточного городка, сжимая в руках по куску прошлогоднего сала и по чесночной головке... У костра хлопотала эта «старая цыганка»: то была, скорей, женщина без каких-то признаков возраста, статная, загорелая, с двумя длинными черными косами из-под светлой косынки. Первой подошла к ней Паша. Цыганка взяла сало, чеснок, положила на чурбан рядом с костром и висящим над ним котелком; отвела Пашу в сторону и о чем-то с ней поговорила. Затем пошла сама ко мне, робко протягивающей на ладони свою дань, и по приближении ее лицо как-то осветилось изнутри:

– Деточка... Скажу тебе одной: вернется на Землю Великая Любовь… И к тебе придет... И тогда будет тому семьсот тридцать лет, четыре года и... месяцев (не расслышала, сколько месяцев).

(«Что-о? Семьсот тридца...»)

– А?.. Работа («Замуж»)... Дети?..

* Хорошенькая (укр.).

– Милая девочка... Работа, замуж, дети – все это не будет иметь никакого значения. Работа-замуж-дети, говорю тебе, – это совсем неважно. Забери свои чеснок, сало, я должна благодарить Делоро* за великую честь видеть тебя. Иди и помни мои слова: придет Великая Любовь.

Она замкнула протянутую к ней ладонь, поцеловала мой пропахший чесноком кулак и, приговаривая свое «Делоро, Делоро...» да что-то еще по-цыгански, вернулась ворошить головешки потухающего костра под котелком с цыганским ужином...

– Что она тебе сказала? – любопытствовала Паша, которую ждали теперь в жизни два замужества и куча детей. Я мычала: «Да так, м-м, ничего особенного...», чувствуя себя отныне носителем некоей тайны... Такая странная была эта старая цыганка! (Я даже имени ее не знаю)...

Господи, где твоя Великая Любовь? О Делоро. Делоро, пожалей ты наш бедный, разбросанный по всему свету народ!..**

* * *

В Синод пришла одной из первых, принесла для Инны розы. После службы люди потянулись наверх, в комнату встречи. Расселись по стульям. Инна была в красивом зеленом сарафане, ее свежевымытые волосы струились золотым потоком по спине. Вот она разложила на столе свои рисунки, акварели, – все это делала в пути, во время странствий, и все на продажу. Он принес видеозаписи. Мы устремили взоры на экран. Начался показ и рассказ...

...Во Владивостоке получили благословение Епископа, местных властей – и в путь. Путешествие длится шесть лет. (Нет, я бы за шесть лет в пути так, как Инна, ни за что бы не сохранилась! Впрочем, с остановками...) Шли, придерживаясь берега, ведь лодка утлая... Штормом сорвало деревянное изображение Святого Павла, пришлось заменить сооруженным наспех крестом... В одном из портов подобрали кота, назвали Кузей. Кузя отличный охотник на мышей и крыс, что забираются на лодку во время стоянок... В крупных портах и городах им, скорее, ему, на экране Иннино изображение было лишь пару раз, прибирающейся на лодке, устраивали приемы и встречи с мэрами, президентами, сенаторами, знаменитыми... красавицами... Дальше – снимки его в обнимку с мисс Сингапур, мисс Универс (слаба в географии, не помню, где это)... Комментарий его – под недоумевающие взгляды прихожанок:

– ...Один мудрец сказал: морскому страннику надобно иметь несколько жен... Как минимум, шесть... А я, бедный, маюсь с одной...

– Извините, – позволила я себе неудобный, как поняла позже, вопрос, – я вчера приходила на пирс, видела вашу лодку, там сушилось белье. Вам его кто стирал, мисс Америка?..

Сидевшая рядом мадам Z. посмотрела на меня испуганно. Кто-то кашлянул. Морской странник приступил к сбору денег. Потом он ворчал по поводу недостаточности суммы сбора.

...А все-таки он вернул мне Родину!..

Анорексия

– ...Стасенька, девочка... Настенька... Съешь что-нибудь... Выпей.

Лежит на пледе, не в состоянии поднять головы. Глаза мутные, шерстка слиплась, потускнела. Когда пытаюсь напоить ее из ложечки, из пипетки ли, слабо отталкивает носом, пуская слюну...

Позвонила в ASPCA, в ветклинику, спросила, сколько стоит обследование кошки. Сказали: двадцать пять. Захватила на всякий случай сорок (извлекла из «копилки», откладывала по центу, по доллару во внутренний карман курточки, что висела в шкафу, дочкиной, на побег из Нью-Йорка). Поместила Стасю в сумку и приехала к ним. Дождались своей очереди. Отдала – теперь цена изменилась – все сорок. Впустили... Взвесили ее, пощупали... Доктор-женщина с непроницаемым лицом сказала: нужно оставить кошку на пару дней, идите к кассе... Кассирша – да они все там, собственно, все кассиры и кассирши, за стеклом, – поколдовав перед компьютером, выдала мне бумагу-счет и объявила:

– С Вас пятьсот долларов.

– Помилуйте, – говорю, – Вы же сами мне сказали по телефону: двадцать пять, потом я дала Вам сорок, а сейчас...

– То был экзамен, мэм. А это... Можете дать депозит, половину, двести пятьдесят, остальное – потом, когда будете забирать, но платите, мэм, не то мы кошку усыпим.

Боже мой, Боже! И Стася у них там, внутри, они не отдают, им ничего не стоит убить...

* Господи, Господь (цыг.).

** Ежедневная цыганская молитва (А.-Н. К.).

– Ради Бога, подождите, я принесу вам депозит, сейчас время пять? Я принесу вам через два часа...

– Мы закрываемся в семь, мэм, не принесете до семи – кошку усыпим.

Не помню, как добралась до дома. Запустила руку в карман курточки в шкафу, выгребла, пересчитала накопления: слава Господу, как раз сумма задатка!.. Назад, успела до семи... Ночь прошла в молитвах: смилостивись, Боже!.. День – в позировании. Если бы они спросили: «О чем Вы думаете?..» Но они не спросили. Я думала о второй половине, о двухстах пятидесяти долларах. За работу-позирование получила чек на сто пятьдесят... Опять позвонила хореографше этого злополучного спектакля о дружбе людей и зверей – та, наконец, снизошла до... семидесяти пяти долларов, и это за весь сезон! Срамовка!.. Однако оставалось добыть лишь двадцать пять, а это уже легче... У модели, Авивы...

Пришла за Стасей, отдала им, за стеклом, наличные. Пересчитали, отквасив объемистые губы свои... Впустили: «Забирайте...» Диагноз: анорексия... Я так поняла, анорексия – болезнь девическая, нервное расстройство. Что-то она предчувствовала... Спела ей на ночь «Спят усталые снежинки»... Заснули – она у меня на животе.

Приснилась девушка в розовом платье, которая принесла и подала мне письмо со словами: «Добрая весть от дочери».

Днем работала в классе анатомического рисунка вместе с немочкой Жаклин, которая сказала в перерыве:

– А я возвращаюсь в Германию. В конце недели. Я хочу также попросить моего друга, он крупный специалист по компьютерам, чтобы он посмотрел, поискал по Интернету твою дочь...

Дала ей все сведения о ней...

* * *

Золотые шары... Ноги вперед-вверх, вперед-вверх, вперед... Подхлестывая качели: выше, выше, выше, уже захватывает дух, я думала часто: как хорошо было бы иметь маленькую сестренку, чтобы учить ее этому, моему умению разгонять качели!.. И вот однажды летом спустилась с качелей и побрела вдоль шоссейки, возводимой когда-то японцами, в сторону одного заброшенного сада, еще не исследованного мною... Меня, конечно, интересовали ранетки, сливы и всякие другие нечаянные радости... Свернула за угол митехинской хаты и вошла в этот сад. В тени сливовых деревьев цвел пышным цветом, воистину пышными, желтыми цветами, куст... Я наломала-нарвала букет и отправилась назад порадовать маму, она так любила цветы...

Мне сразу показалось, что в доме что-то изменилось... Миновав комнатку-прихожую, называемую также и «столовой», вошла в комнату, именуемую и служащую родителям спальней. Там, на разобранной постели в белом лежала мама, а рядом с ней – крошечное сморщенное существо, завернутое тоже в белое. Растерянная, удивленная, протянула я маме букет «золотых шаров», – так, сказала она, назывались эти цветы, эти шары, а она, мама, протянула мне показать существо. Вот как явилась в этот мир моя сестренка.

Жаль, как жаль, что мы тогда уехали, оставили качели во дворе, прежде чем Даша подросла...

...Заснула. Становилось «тепло» по-ньюйоркски, в доме стояла духота.

...В темноте, во сне, Стася нервно бегала по комнате, как-то бесшумно подпрыгивала, запрыгивала на меня... Проснулась: «в чем дело?», резко включила свет: по комнате металась огромная черная летучая мышь. Это ее Стася отгоняла от меня, когда та, по-видимому, пыталась(лся?) приземлиться на белизну простыни. Вот прилипла-повисла над входом в гостиную (living-room) вниз головой, бессмысленно и страшно уставив на нас круглые глаза. Схватила я Стасю на руки, прижимая к себе, и так пробежала под этой... в ванную-туалет... Что делать было дальше? Оно, это черное летающее создание, Bat*, рванулось к входной квартирной двери и прилепилось к стенке справа, опять вверх ногами-вниз головой... О ужас. Бедные мы: Стася, жмущаяся ко мне, и я в глупом махровом зеленом халатике – все что нашлось в ванной... Но – все же!.. Ради Стаси!.. Оставив ее в ванной, закрыв, рванулась мимо Bat, прикрывая голову полой своего халатика, наружу, на площадку, и вниз, к суперу... Было около четырех утра, супер – пуэрториканский чемпион и профессор каратэ – долго не открывал, потом долго не понимал. Наконец, вооружившись мет-

* Bat – летучая мышь и излюбленный персонаж американских фильмозрителей.

лой, пошел наверх и наверху бегал по квартире, опрокидывая стулья; запрыгивал на диван, на простыни, на спинку... Лишь в шесть, когда забрезжил (рас)свет, монструозное животное, издав страшный вопль, вылетело под воздействием метлы в открытое окно, взмыло вверх и растворилось в розовом сиянии утра…

Днем гуляли со Стасей в парке, приходили в себя от потрясения...

Возвращаясь, поднимаясь наверх, встретили соседку по площадке, Люду, временную, как выяснилось в разговоре, она уже уезжала в Пенсильванию. Жаль! Выслушав ночную историю, смешно хэкая (украинка из Ростова, предки в Ростов бежали, спасаясь от Великого Голода к Голоду Поменьше), она сказала так:

– Та то ж лэнд-лорда хифт*, лэтуча мыш, он же и закынув, щоб зъихалы, а йому – друхых жильцив взять, побахаче...

Я рассмеялась было, но вспомнила: а ведь я на ночь, чтобы Стася не выходила, окно закрыла на screen, то есть на сетку... Сетка!.. Кто-то должен откинуть ее, чтоб впустить это…

* * *

Витянис звонит, чтобы спросить, зачем я его пнула. Зачем?.. Есть вещи, которые не выразить словами. А ведь это ему я дарила когда-то ландыши... Повесила трубку.

* * *

Очень страшное лицо диктора (репортера?), сообщающего об убийстве. Утро. С трудом отпоила себя кофе от сонливости.

– Пойду пешком. Ты жди меня вечером, Стася.

Стася ела в углу свои «Friskies».

Да, нужно ходить пешком. И из экономии, и для лучшей формы.

...Чуть подкопим со Стасей денег – попрощаемся с Америкой:

№ 1 – с мошенниками,

№ 2 – с попрошайками,

№ 3 – дебилами,

№ 4 – лэнд-лордами и влетающими в окно, откинув сетку, bats,

№ 5 – духотой,

№ 6 – тараканами,

№ 7 – уличными крысами,

№ 8 – невежеством,

№ 9 – ханжами-хапугами,

№ 10 – звездным мещанством,

№ 11 – манерным идиотизмом,

№ 12 – ритмами... жуткими ритмами за окнами и в...

...Место, где присела на скамейку, называется Сакура-Парк. Это в районе сто двадцатых и Риверсайд Драйв, куда я свернула, привлеченная желтизной цветов, – нарциссов, усеявших холм... Пошла вниз от сто двадцать девятой. Навстречу – строй велосипедистов... Опять... Бесшумно... Вот башня у реки, из которой когда-то в меня стреляли во время сидения на скамейке в мыслях о дочери... Присела тогда в парке на скамейку, и вдруг... Пуля пролетела в миллиметрах от правого уха и упала в прошлогоднюю листву... Встала, пошла... Опять выстрел, и опять мимо... Город-монстр. Я знаю о тебе все...

...№ 13 – с шальными пулями.

...С несчастными бездомными – миную одного такого, роющегося в помойке... Люда сказала, можно еще тянуть с оплатой рента лэнд-лорду, она так именно и скопила на дорогу до Пенсильвании... Но поздно, мне – поздно, владелец ко мне, а вернее, к квартире, особенно внимателен и безжалостен... Навстречу, в сторонке от бесшумных велосипедистов, вдруг – два осенних листика прошлогодних, кленовых. Прокатились рядышком, переваливаясь с одного звездного кончика на другой... Что-то, кого-то они напоминали своей потрепанностью и несоответствием сезону...

* * *

– Pose!.. – Break!..

Студент-монитор в перерыве говорил о просмотренной им по ТиВи (а может быть, в записи) церемонии вручения «Оскара», выливающейся, по сути, в показ одеяний (я бы сказала: «раздеяний»). Мы с ним говорили о том, как несправедливо устроено общество, в котором одни голодают трудясь, а другие утопают в безделье и роскоши, это называется «Luxury»... Потом – Pose!..

Позируя, я посмотрела на рисующих глазами оскароносителей: Ваоу! Какие они (мы) все тут нелепые!.. Один горбун, наполовину лысый, на-

* Gift – подарок.

половину косматый, белый в белом, высовывал язык и двигал им в такт рисующей руке... Другой, ушастик, что подальше, жевал пустоту черным ртом... Третий, с губами, выступающими поперед носа, ел что-то, а потом сморкался так громко и так явно, что я отвела глаза влево и чуть повернулась влево же, тем заслужив замечание монитора... А я!.. (А эта!..) С синими разводами потрескавшихся на ногах вен, сосудов, жил... Еще повезло – на длинной позе; а мой партнер, похожий на Пушкина (и на обезьяну тоже, как простодушно заметил сам Александр Сергеевич), только выше и с глазами черными, Эдвард, трудится на коротких, в центре внимания большинства.

...После класса ко мне подошел монстрик № 1, горбун, и сказал, заметно волнуясь:

– Я возвращаюсь в мой родной город Санта-Круз, это в Калифорнии... Я хочу сказать, Вы – потрясающая (terrific) модель, как будто сошедшая с полотен Эль Греко.

Лицо его расцвело в улыбке, похорошело.

Я ответила благодарностью... (Нет, хорошо не быть Мишелью... мишенью... Кидман? Николь?.. «Вот и мы скоро отсюда... вернемся»...)

В другом мире... я не буду, мне не нужно будет больше позировать... обнаженной...

Дома – Стася, пушистая, легкая, невесомая... Милая девчонка с темными волосиками на прямой аккуратный пробор.

– Ну, пошли, погуляем. Да иди же ты в сумку, что с тобой, иди! Ведь вечер-то тако-ой!..

Так мне когда-то приходилось уламывать дочку. И та, в конце-концов, вздохнув, со словами «ты ведь не отстанешь» или «сопротивляться бесполезно» вставала и шла... Загнала-таки в сумку. Отправились в путь. Близился закат. Шли сначала по прогулочной собачьей аллее, то есть по низу, потом – по каменным ступеням вверх к Клойстеру, минуя костры с шашлыками, разноцветные шарики, привязанные к стволам деревьев для увеселения нарядных детей латиноамериканцев и американок, возлежавших, отклячив пышные бедра на жухлой траве с собачьими экскрементами под ритм: «Та-та-та... Татата-та-та-та...» транзисторных проигрывателей. Наконец пригорок у стен замка. Здесь тише, хоть и слышен ритм тоже, «та-та-та»; травка зеленее, нет такого дыма... Поставила сумку, повернув сетчатое оконце к Клойстеру:

– Смотри, Стасенька!.. Красиво...

Вдруг откуда-то из-за скалы появились и взошли на косогор трое: Марианна, Старшая Дочь и молодой мужчина – все в красных шортиках. Обступили нас:

– Ой, мам, look, the same cat!*

– А-а, кошка... Кукла... Познакомься: это мой будущий зять, Дэвид. («David». – «Nice to meet you»...**) Ну, я пошла, много дел, а вы тут... – Бросила плед-подстилку на траву рядом со мной, пошла назад, вниз... У меня было подспудное желание встать и уйти, вот встать и уйти, ведь мы не планировали со Стасей быть в этой компании, мы хотели побыть одни. Уйти немедленно. Даже некий голос изнутри заклинал: «Уйди. Уйди». Но закон замедленной реакции, называемый также часто правилом хорошего тона, заставил остаться и терпеть. Приземлившийся рядом Дэвид лег на спину, сорвал травинку и стал щекотать ею в носу у сидящей невесты. Невеста обратилась ко мне:

– Why don't you let her go? Let her walk...***

– Эй, Кукла! – крикнула, обернувшись с тропинки, Марианна. – Чуть не забыла: у меня для тебя есть работка, уборка...

И в тот момент, когда я повернулась на ее голос, Старшая Дочь быстро, мгновенно расстегнула молнию сумки, выхватила из нее Стасю...

Я успела запечатлеть выражение ужаса в зеленых помутневших глазках... Прыжок, взмах хвостом и – исчезла в кусты, за левый угол строения... Кинулась я за ней следом... Осторожно ступая в зарослях плюща, позвала: «Стася-а...» Никаких знаков. Если она побежала прямо, не сворачивая за угол, – там обрыв на проезжую часть. Пошла к обрыву, полазила по камням – нет. Вернулась за сумкой – парочка, пошушукавшись, быстро уходила прочь... Темнело. Пустело. Подошли, правда, какие-то молодые туристы, японцы, много, сели на косогоре в круг и стали рассказывать по кругу истории, прерывая собеседование дружными, громкими раскатами хохота. Выйдя из кустов после очередного обхода, я посмотрела на них молча: «Ради Бога, тише...» Но не было смысла и сил говорить. Стемнело. Они ушли. Опустело... Поплелась на выход, чтобы продолжить поиски на рассвете.

---

* Посмотри, та же самая кошка!

** Дэвид. – Приятно познакомиться...

*** Почему вы ее не выпускаете? Выпустите ее погулять...

СТУПЕНЬКА ЧЕТВЕРТАЯ. РАСПЯТИЯ

Бесполезно звать,
отыскивать глазами,
Тебя нет, как будто
не существуешь вовсе,
Напрасны мой взор и мой зов.
И тогда я сей крест,
меня пригвоздивший,
Принимаю как великий
Божественный Дар...

...Ночь. Добралась до дому... Мессаж (сообщение) от Марианны: «Виточка тут рассказала... Ну, что, сделаешь мне уборку?..» Свалилась на диван. Долго плакала в темноте, до исступления, до изнеможения... Пришла, присела рядом дочь. Стала утешать, гладя по голове... Я перестала плакать, и она исчезла... Забылась снова. Заплакалось во сне... Повернулась лицом к стене, поворачиваясь, увидела Стасю на подушке, в изголовье. Потянулась к ней – рука повисла в пустоте. Молча помолилась: «Господи, дай мне вещий сон... Господи, пошли мне вещий сон... Да будет с нами святая воля Твоя...» Чей-то голос приказывал: «Усни».

Приснилось: *я иду по заросшей дороге к какому-то заброшенному дому... Подошла ближе: между порогом и осевшими ступеньками зияла дыра, и видны были четыре столба-сваи, поддерживающие этот дом-скелет. И сверху, перепрыгнув, перемахнув через эту черную/вакуумную дыру, побежала ко мне вниз, вниз, по ступенькам, развевая хвостиком, Стася...* Проснулась: светало. Быстро одевшись, отправилась в парк. Вот узкая, воняющая удобрениями и посыпанная колючим мелким гравием дорожка между культивированными цветочными насаждениями.

– Стася-а... – Тихо.

...Карабкаюсь на скалу... Вот площадка, на ней деревья неизвестной мне породы, а над куполами-кронами взлетают и вьются черные вороны. Не они ли заклевали мою Стасю?.. Крикнула в пространство, расстилающееся внизу:

– Ста-а-ся-а-а!

Мерзкий одинокий писк взлетевшей разбуженной вороны. Утро туманное. Спускаюсь и бегу к Замку, Клойстеру... Вчерашний косогор-полянка, и вот тут... Из кустов возникла фигура бездомного, да к тому же безумного негра. Игнорируя его мычание и злобные оскалы – ведь уже утро – бегу вслед вчерашней Стасе за угол Клойстера, минуя колючие кустарники, заглядывая под них; бреду по зарослям стелющегося барвинка; спрыгнув с камня, делаю крюк, подхожу к двери Замка, кружусь по второму заходу, зову: «Стася...» – но ее нигде нет. Вот решетчатые ворота, можно видеть, что происходит внутри двора... Это двор для персонала. Там, наверное, есть кухня. И может быть, я представила, проголодавшаяся Стася робко подошла к жующему бутерброд... Или – к готовящему... Готовящей...

– Стас-ся-а... – шепчу, прижимаясь лбом к решетке. Но никто не отзывается. Бреду к барьеру, через который видна запущенная часть парка. Нахожу заросшие ступеньки вниз, в непроходимые заросли и залежи мусора. Спускаюсь по ним...

* * *

...Встала в четыре утра. Пошла вдоль парка снизу, мимо спящих на скамейке бездомных. Один – днем он помогает бензоколонщику через дорогу – раскрылся, как ребенок. Прикрыла ему спинку. ...У Дайкман Стрит маячила фигурка бездомной проститутки Дженни. Дженни была в белом, в черной кепи и с черной курткой, перекинутой через плечо, – сегодня совсем как моя Стася... Обошла я все стоянки, проверила мои объявления о пропаже на столбах, прикрепила новые на место сорванных, срывают каждый день. Догнала меня Дженни, стала уговаривать опасаться ходить по Дайкман, сказала: «People are crazy», велела: не разговаривать с незнакомцами, сказала: «Я на улице двадцать... нет, двадцать семь лет, а мне сейчас тридцать пять... Меня избивали, закрывали в подвале, где нет воды, нет ничего, только пластиковый мешок... Дали за все два доллара... Люди... Они сумасшедшие, злые, делают, что хотят...» Попросила у меня доллар, которого у меня с собой не было, потом спросила, точно ли вознаграждение за кошку сто долларов?.. (Думает найти, и сначала я этому верила.)

* * *

Лук и Марк. Сегодня суббота... Проснулась в три часа ночи, побежала в сторону Fish Market (рыбной лавки), где, по словам бездомного Лука, питаются из мешка отходами бездомные же кошки, и где он видел одну, похожую на Стасю, две ночи назад, он даже окликнул ее по имени. «Если это не Стэси (так они произносят это имя), то почему же она тогда остановилась?..» – рассуждал вслух Лук.

Есть еще один бездомный, похожий как две капли воды на Лука, но того зовут Марк. Оба темнокожи, молоды, красивы. Даже одеты похоже, и у того, и у другого – вязаная шапочка на голове... И видя порознь (что разумеется! – они и не друзья), я их путала. Но однажды, проходя мимо Лука, сказала: «Здравствуй, Марк...», на что он мне ответил:

– Чтобы Вам не путать нас, обратите внимание на такую вещь: я никогда у Вас не прошу денег. Марк – просит всегда.

Он очень симпатичный, Лук. Идя на поиски днем, стараюсь иметь при себе какой-нибудь фрукт, он любит персики. А деньги не берет. Сидит отрешенно, обреченно... Взял лишь раз, токен*, когда шел дождь и было раннее утро... Обходя район в поисках Стаси, наткнулась на него, мокрого, спящего сидя на земле, прислонившись к стене дома... У меня, к счастью, был токен в кармане джинсов; растолкала его со словами: «Вот возьми, войди в метро и спи там...»

(Как стал бездомным? – Глупый вопрос, это так просто, это... «...Из Жямайки, – сказал он, – совсем иначе представлял будущее... Поступал в университет... Потом болел... Потом потерял все... Став бездомным однажды, невозможно уже выкарабкаться, мэм». А Марк? – Он тоже с Жямайки. И просит доллар. Жестко. Он по-своему мудрый...) Улица Дайкман странно оживлена. Похоже, никто не собирался спать. На скамейке устроилась – разговоры, смех – группа подростков... На повороте к Бродвею подошла Дженни, держа в правой руке огромный кусок сыра, в левой – еще что-то и, откусывая сыр и жуя, сказала:

– I don't think you gonna find her**...

Не переставая жевать, спросила, нет ли у меня доллара... Пошатываясь от недосыпания, в надетой задом наперед футболке, я ответила: нет, мол, доллара, вот, может, в следующий раз... (Насобирает, останавливая машины, вон, пошла уже...) Продрогнув, возвращалась домой досыпать и продолжать поиски дневные, хождение в ASPCA, в «отдел находок». Хожу туда каждые сорок восемь часов, потому что именно каждые сорок восемь часов там умерщвляют невостребованных подобранных животных...

Вначале ездила в метро, но сейчас деньги на исходе, стала ходить только пешком. Сперва вниз, до девяносто второй, потом – на восток, через Гарлем... Однажды свернула раньше, когда Гарлем еще не кончился. Пересекая сто двенадцатую с запада на восток, с West на East, задержалась у парка, засмотрелась на растения, совсем как... За спиной – вонючие низкие домаблоки с восседающими на ступеньках каменных крылец черными оборванцами и дряхлыми стариками. Обернулась: ко мне приближалась злобная негритянка, повязанная бесцветной косынкой по-крестьянски, концами назад:

– What are you, Jesus Christ, to walk in my area? I don't want to see you here anymore, understood?***

– Understood****, – кивнула я и зашагала прочь, чтобы никогда больше прежде девяносто второй на восток не сворачивать. Шатены здесь не были в моде.

* * *

Объявление о пропаже висит и внутри Замка-Клойстера, около кассира. Директор музея, молодой и симпатичный Кит (по-украински «кот»...) сказал, что все служащие «знают и смотрят». Дал мне свою визитную карточку и в знак сочувствия предложил тогда пройтись по Замку, «развеяться»...

* * *

...Утро, парк. Прочесывая заросли вокруг Замка, проходя мимо старого-старого дерева, возможно, дуба, в дупле его, что у самого основания, заметила зеленый рюкзак... Выходя на тропинку, наткнулась на сидящего на камне: сидел и жадно курил грузный тип в кепочке задом наперед. Я видела его прежде, иногда он и еще какие-то... встречаются в диких закоулках парка... Быстрый взгляд в мою сторону, взгляд, не обещающий ничего доброго... Отвернулся.

Днем ходила в ASPCA. Здесь меня уже знают и позволяют входить к кошкам внутрь, посмотреть... Вон сидит в клетке серый котенок с вытекшим глазом и сломанной лапкой... Пытается подтянуть лапку ко рту, лизнуть ранку, но та не подчиняется... Его скоро усыпят, так кончатся мучения, такой никому не нужен... Рыжеполосатый кот, тощий, старый, – рядом в клетке, на усыпление тоже... Синеглазая мордочка си-

* Жетон на проезд (вход) в метро.

** Я не думаю, что вы ее найдете…

*** – Ты кто такая, Иисус Христос, чтобы ходить по моему району? Чтоб я тебя здесь больше не видела, понятно?

**** – Понятно.

амской кошки: смотрит обреченно, что-то хочет сказать беззубым ртом своим на прощанье... Возвратилась в приемную, кладу на прилавок десять долларов, пожертвование, пусть хоть кто-то, кому-то из них... (себе: что?)

– Спасибо, мэм. Сейчас вот квитанцию... Списание с налогов...

– Нет-нет, не нужно мне квитанции.

Ночью – звонок. На фоне уличных шумов мужской сиплый голос:

– Найдена кошка. Принесите сто долларов.

– Куда?

– Ха-ха-ха, сука. Чтоб тебя больше в парке не было видно, понятно? Прекрати свои поиски, понятно?

Поняла, ответила:

– Слушайте, я вам вот что скажу: у вас свой бизнес, у меня – свой. Поиски прекращать не собираюсь...

И повесила трубку...

...Встала в полчетвертого и пошла по Бродвею в строну Дайкман, где рыбная лавка. На углу сто девяносто третьей меня догнала машина полицейских... Они притормозили машину и спросили, что заставило «Nice Lady*» выйти в такое время на улицу. Я рассказала им о своей потере. Один полицейский узнал меня по инциденту с ограблением (я упоминала), это он приезжал тогда составить протокол и рапорт... Предложил прийти к ним днем и повесить объявление о пропаже внутри и на крылечке у входа в полицейский участок... Сказал, что так больше шансов, а четыре утра, – прибавил, – очень опасное время для прогулок...

Вернулась – звонок:

– Ну что, стерва, ищешь кошечку?

– Я вам, кажется, ясно сказала: у вас свой бизнес, у меня – свой. Гуд-бай.

Днем отксерокопировала и повесила объявления о пропаже Стаси внутри и у входа в полицейский участок. Затем отправилась в парк. Когда прочесывала дебри и миновала старый дуб, рюкзака там больше не было...

* * *

...Сообщение о «пахнущем мертвом зверьке» принесла, или донесла, Безумная Вера. Сообщала всем у входа в парк: вот, вызваны пожарники, чтобы сжечь... Я отправилась туда, забралась на скалу, нашла обгорелый, со вспучившимся животиком труп ракунчика. Он лежал на каменной площадке, лицом к горам...

...Около ограды старой церкви, той, где священник-леди, – женщина из Польши по имени Антонина всегда кормит уличных кошек. Так сказала продавщица супермаркета – у нее Антонина закупает кошачью еду... Оставила ей мой телефон для Антонины и отправилась к этой церкви. Снаружи, на валу, миски с едой... Какой-то рыжий кот, отскочил... Вошла внутрь, спросила, могу ли я видеть Church Lady, церковную даму... Появилась стриженая под зэка рыжая девица, злая, вообще больше похожая на дьявола, нежели на священника. Сказала, она не хочет ничего знать и слышать о кошках. Я вышла... Местные мальчики, играющие в футбол, подошли ко мне, уставившейся на миску с кошачьей едой; озираясь, стали рассказывать, как эта Church Lady ведет борьбу с «доброй леди Антониной», и что подозревают, она (Ch. L.) умерщвляет кошек... Я взглянула еще раз на эту церковь. Еще раз: методистская, баптистская?.. Отправилась назад...

Вскоре позвонила Антонина. Она кормит бездомных кошек с тех пор, как потеряла свою, и прошло много лет, но она не оставляет надежды найти: «Вот я кормлю чьих-то или ничьих, а в это время кто-то так же вот кормит мою...»

Стаси или похожей на нее она пока не встречала.

* * *

Вчера, 22 мая, – ровно четыре недели, как убежала Стася, – возвращалась от Клойстера, оставив еду неведомым зверькам (вдруг Стася?) Видела гуляющую Марианну, на ее окрик: «Эй, Кукла!» – ответила просто: «Я не хочу с Вами общаться». Нужно бы раньше так... Наступала нью-йоркская темнота, я хотела пройти через парк на север, к Дайкман, но шедший навстречу смуглый атлет в желто-розовой, то есть палевой, рубашке, я его видела в компании типа в кепочке задом наперед, посмотрел на меня так, что я решила выйти из парка людной тропой и двигаться к Дайкман по Бродвею... Под одной из скамеек, что вдоль аллеи, трепыхался у алкогольной лужи голубенок. Нетрудно было понять: попил из лужи, оставленной каким-то неуклюжим выпивохой, а теперь то внезапно засыпал, то пытался открыть глаза, встряхнуть головой, полететь – и... Я взяла его, – он уткнулся пьяной головкой мне подмышку, – отнесла его к водопроводу, к поилке, напоила холодной водой. Какие-то ребя-

* Милая дама (англ.).

та с собачкой, видя нас, посмеявшись, сказали: «He'll be o'kay» («С ним будет все в порядке»)... Решила оставить в надежном месте, где он может отоспаться, не повредив себе ног и головы. И на свежем воздухе; в доме моем была духота. Искала место – атлет, попавшись еще раз навстречу, пошел за мной... В наступившей темноте я положила голубя под мощное дерево на полянке, куда нельзя ходить-топтать. Он, пошатываясь, устроился между уютными корневищами, заснул... Смуглый атлет в палевой рубашке, как загипнотизированный, шел к дереву... Уже уходя, отходя, подумалось: может, лучше было взять птичку домой отоспаться? Но... там, в квартире, такая духота!.. И поздно, уже наступила ночь, я быстро шагала из парка, вспоминая об этом смуглом типе, в котором, как и в его компании, было что-то неладное...

...Утром бежала уже не к Стасе, которой все равно, горько думалось, – не встречу, а к этому голубенку. Под деревом валялось его туловище с вырванным нутром, выпитой кровью. Рядом – открученная голова... Не могу себе простить... Никогда не надо оставлять животных «отсыпаться» там, где люди...

* * *

...Июнь. Утром – сначала под старую яблоню, от которой стартовала Стася в Безызвестность... Там пластиковая мисочка, где оставляю Friskies, любимую Стасину еду... Наклонилась над посудиной – хруст веток, шорох вверху. Подняла голову: парочка особей с полотен Поля Гогена «делает любовь» на своей, видно, исторической родине – ветвях отцветающего дерева. Ухмыляются. «Извините», – переношу мисочку вправо, под другое дерево. Потом, с Friskies же, – через барьер, около которого некогда парковала свой белый мерседес Марианна. Там, за барьером, меня встречает черная кошка с желтыми глазами. Я соорудила ей домик в кустах (коробка, брезент, доски); она вылезает оттуда по утрам. И еще один домик – серо-полосатому коту, он в эти края лишь наведывается, ночует в домике порою, на зов и запах еды иногда приходит, иногда – нет. Желтоглазка очень ласковая и какая-то домашняя...

* * *

Июль. Царство Сатаны. Незнакомый голос – то ли высокий мужской, то ли низкий женский, – сообщил по телефону, что в районе Инвуд (Inwood) есть место, там старый дом на горе, лесок на склоне, кормушка для птиц (соорудил вьетнамский ветеран), туда приходят кошки, среди которых видели черно-белую, то есть Стасю.

...Я встала и вышла в полночь – боялась упустить, направившись по указанному адресу. От Дайкман за мною, вынырнув из темноты, увязался серо-полосатый и какое-то расстояние шел нога в ногу, потом отстал…

Пришла. Вспугнула двух геев, удалились, стесненные моим явным намерением здесь остаться. Взошла луна, осветила старый дом на горе, больше похожий на барак; лесок, и там, на углу Симан Стрит и Пэйсон Авеню, под деревом на склоне спала кошка – Стася ли, ее двойник ли… Рядом – рыжеватый кот... Вдруг появился мой полосатый поклонник и все испортил, прогнал всех от меня.

...Я села ждать... Вскоре захрустели ветки. Приближался ракун. Подошел к кормушке. Попил, поел, не отрывая глаз от меня. Полез на дерево спать... Полосатый – у моих ног. При появлении ракуна я даже была рада, что он здесь, что охраняет меня... В лесу раздались звуки кошачьепения... По окончании концерта появился Рыжий, а вскоре – Стася.

Но Полосатый! Вскочил, помчался прогонять от меня в лес это черно-белое видение... Я, опередив-таки его, летела по ночному лесу-воздуху, в гору и под гору, сквозь лысые просеки и тропинки и дикие заросли, только бы не упустить!.. На какое-то мгновенье черная тень ли, туча набежала на лунное светило, и я оказалась на лесной поляне; вдали, за верхушками елей, маячил силуэт некоей скалы, а у входа на эту поляну, слева от меня, – огромный черный камень, на котором, как и на стоящем справа обезглавленном (временем?) дереве начертано белыми огромными буквами:

ЦАРСТВО САТАНЫ

...Оцепенение – прикосновение сзади, и лезвие бритвы блеснуло близко-близко к лицу, в смуглой руке, и виден палевого цвета рукав рубашки. Вышли из-за камня двое: курящий тип в кепке задом-наперед, а с ним щуплый брюнетик с бледным, как смерть, лицом, в черной рубашке и белых штанах.

– Не боишься за свое модельное личико? – сказал, сплюнув, в кепочке. – Ищешь кошечку одна...

А брюнетик прервал его короткой командой держащему меня и бритву:

– Делай. («Do it».)

...В последнюю долю секунды – и осознавая, что в последнюю: тоска предсмертья... – всей силой своего воображения рисую того, что из усыпальницы в Клойстере, во всем великолепии экипмента Средневековья стоящим на скале, и отмечая, что времени не остается даже на связное предложение, выдыхаю лишь:

– Альваро...

И в то же самое мгновенье вижу летящего по воздуху стрелой, скорее даже пулей, Серо-Полосатого, приземление на белые штаны брюнета, брызги черной крови, истошный вопль-визг, а я, чуть присев и отшатнувшись влево от бритвы, вырвалась из рук Палевой Рубашки и помчалась в направлении скалы, сбивая в кровь лицо, руки... Перемахнула через какую-то тропинку, прыгнула на камень... Лезу выше, карабкаюсь, выше, еще... Сзади, далеко, вой, возня, потом чей-то топот... Погоня? Ближе... Началась отвесная стена, и натянута сетка... Уцепилась за сетку, нащупывая опору для ноги... Глухой стук внизу свалившейся туфли... Лезу, цепляясь за сетку, не знаю, как долго, но вдруг чувствую: силы иссякли, я над пропастью, руки изрезаны, и больше не могу... Чей-то голос сверху подсказывает: «Держись... Рассчитывай... Избегай мелких камней... Избегай мелких... Вот так. Придерживайся камней крупных... Так...» Потом – рука, берет меня за запястье и вытаскивает, обессилевшую, наверх, на площадку-тропинку. Я на четвереньках: «У-уф-ф... Спасибо...» Голову вверх: никого. Я одна на горной тропе, и осталось несколько метров до восхождения на вершину... Выбираюсь. Иду на шум ранних автомашин. Светает... Дотащилась, не знаю как, не помню. Ключ в кармане джинсов, странно, не потерялся. Рухнула на пол, забылась сном. Кто это был, подавший руку?..

Adaptation (Адаптация). Подходила к полянке, увидела две женские фигурки, по всей видимости, мать и дочь, удаляющиеся с Желтоглазкой на руках к выходу из парка... Грустно смотрела им вслед – доносились обрывки их беседы по-русски, – хотелось догнать и сказать что-нибудь очень хорошее, что ее зовут Желтоглазка, хоть это было очевидно...

Полосато-Серый не приходил.

* * *

Август. Сегодня пережила ужасные минуты: в вагон поезда вошла сумасшедшая нищенка, катя впереди себя тележку с ящиком: стеклянная крыша, и внутри – черно-белая кошка... Я подошла и стала всматриваться... Если кошка подымет голову... и будет черное пятно на подбородке... В висках стучало... Она – старая кошка – не подняла головы.

Август. Бреду по Пайн Стрит. Из окна дома, сверху, женский голос: «Ну, не нашли Стэси?» – «Нет». Захожу в газетный киоск купить стакан кофе, киоскер: «Ну как, не нашли?..» – «Нет». Встреченная на улице старушка остановила сообщением: «Мы адаптировали котенка... Для внучки... Назвали Стэси в честь и в память о Вашей...» – «Спасибо».

Около Клойстера, у барьера, бесшумно паркуются автомобили, оттуда выходят нарядные (наряженные старомодно) пары-люди: видимо, готовится «пари», вечеринка, для сотрудников музея, ведь вечер, Клойстер для посещений давно закрыт. Тихий мужской голос окликнул из-за ограды:

– Вы?! По-прежнему ищете Стэси?..

Через решетку вижу: во дворе Кит, директор музея, узнал меня. С ним рядом девушка в розовом платье, темные волосы на прямой пробор, на подбородке родимое пятно... Улыбнулась мне... Ушли внутрь, пожелав удачи.

...Под окнами собачий лай.

Звонила Жаклин из Германии, сказала: «Мне кажется, мой друг нашел-таки твою дочь на Интернете».

Найдя – ее ли, тезку ли, – отправил сообщение типа: «Вас разыскивает мать, можно ли мне дать ей Ваш телефон?..» Она ему: «Кто Вы такие?» Он: «Друзья». Она: «Хорошо...»

...Я побежала звонить, позвонила по карточке, автоответчик мужским голосом предложил оставить сообщение; сообщение оставлено, однако никто не перезвонил... Сегодня попытаюсь снова.

Гудки... Она! Холодно: «Хэлло». Обжигаясь слюной, говорю: «Это я. Мать. Как ты?» Бесстрастное: «Нормально». Нормально! Как будто вышла, отлучилась, так сказать, вчера, а не канула в жуткую Лету на столько лет!.. «Замужем, за вторым, то есть во второй раз, есть ребенок. Сын». – «Рада за тебя... А я? Я вот нашла и потеряла кошку. Ищу...» («...и еще: лэндлорд гонит,

выживает...») – «Ну-ну». – «Могу я позвонить еще? Ты позвонишь мне?» – «А что?» – «Ничего, просто скучаю... Спокойной ночи, дочь» – «Спокойной ночи».

Моя девочка.

Спокойной ночи. За окнами собачий лай – моя судьба.

* * *

Сентябрь. Поутру... Рано утром из глухой части парка, можно сказать, из лесу, вышла навстречу мне проститутка Дженни со своим рабочим станком – циновкой – подмышкой. Поддерживая сваливающиеся шорты свободной рукой, буркнула по привычке:

– Do you have d'ala... (У Вас есть доллар?)

В сумке у нее были джинсы с ремешком. И вот она попросила помочь ей вытащить ремень из джинсов и вставить его в шорты, из-под которых, кстати, выглядывали сверху зеленые рейтузы, уже не говоря о жирном смуглом животе.

Когда ремень был наполовину вставлен, Дженни как-то заколебалась, раздумывая, что ей выбрать: джинсы или шорты? Понадобилось мое мнение. Шорты уже были на ней – я их и выбрала.

...Глядя вслед ее удаляющейся унылой фигурке, – нет, пожалуй, раньше, когда брезгливо держала кончиками пальцев потрепанный ремень, – я думала:

«Существует такая специальная планета, Гарбич*, куда сбрасывают наши износившиеся души...»

Конец октября. Воскресенье... И вот утром пошла я в сторону Bakery (пекарни) на Дайкман Стрит.

Подцепила в огромной помойке батон белого хлеба и булку серого; пошла дальше к Dyckman Fields – месту, которое я называю «Уголок из России», такое там все русское: камни на берегу реки, насыпь, трава-мурава и прочее... Под мостом сидела на привязи и что-то охраняла огромная бурая собака с добрым умным лицом. Я бросила ей кусочек хлеба, она его отнесла в сторону – про запас – и вернулась.

...Пошла дальше... На стадионе гуляли дикие то ли гуси, то ли утки. Всего четырнадцать.

Я стала бросать им хлеб. Один, видимо, вожак, был ближе всех ко мне, не подпуская никого другого(-ую) к хлебу. Я поняла: когда он шипит, это означает, что-то требует, в данном случае хлеб. Кроме него, шипели еще двое, правда, более робко. Таким образом, я заключила, что в этой стае три самца, одиннадцать самок и один ребенок (маленький, а шипит).

Все они смешно ходили за мной, я же бросала им хлеб через плечо назад. Вспомнилось тогда: одно время моя мама работала утиным пастухом, вернее, утиной пастушкой в колхозе. Я помогала ей...

* * *

Ноябрь.

... – Hello (Хэлло).

– Это я!

– А-а... В чем дело?

– Ни в чем. Звоню сказать, спросить: как ты? Получила мою посылку?

– А-а, получила. Что это ты? К чему? Розовое платье...

– Ну, думала: понравится....

– Да оно мне мало к тому же: шестой размер... Я давно перешла на десятый. Не делай таких вещей. И игрушка – это же собачья игрушка, не детская. Отошлю назад.

– Извини, дочь. Я ведь покупала в детском отделе. («Предложить Жаклин? Платье...»)

* * *

– Pose!..

В классе две модели: я – одетая, и новенький, Ли, обнаженный. Мы в разных концах, чтоб всем досталось натуры, но столпотворение около него – так хорош! И еще эта их фирменная поза: сидя на стуле с широко расставленными ногами... Пухленькая девушка из Тайланда Ани (или Али) разрумянилась, передавая прелести Ли в пастели. Тихо спросила, может быть, попросила его о чем-то... Но «Break!» – и в класс врывается вихрем облаченная в красное кимоно... Розанжела, держащая в руках сэндвичище для Ли, – виден кусочек неорганической ветчины... Приземлилась на краешке платформы рядом с ним, смотрит в его глаза... Он жует. Все ясно. Служебный роман. У Ани (или Али) на глазах слезы, отнюдь не радости. Я отправилась в кафетерий. Там по стенам – изображения мистера Вильсона в разные времена его жизни, то есть его служения подиуму; выставка его памяти, он ушел из жизни вскоре после жены, так и не узнавшей о его модельной деятельности. Вильсон юный, тощий и дерзкий... Молодой и очень

* Garbage – помойка (англ.).

красивый… Средних лет, интересный; атлет с пикассовской «Девочки на шаре»... Тяжеловесный Вильсон... Перерыв кончился.

* * *

Декабрь. На углу Риверсайд Драйв и сто пятой улицы стоит буддистская церковь секты Дзедо Син-сю («Истинная вера Чистой Земли», ведущая буддийская школа Японии. В основе учения школы Чистой Земли вообще лежит общемахаянский культ Будды Амитабхи). А слева от входа, во дворике, – статуя-памятник основателю этой секты-школы-направления Синрану (Хонену, Сонину?), жившему в 1173–1262 годах.

Памятник прежде стоял в Хиросиме; был обожжен во время атомного взрыва и затем, в пятьдесят пятом, доставлен в Нью-Йорк, в дар...

Здесь, в этой церкви, чтят память ушедших от нас домашних животных. В расписании есть День Поминовения... Когда он, этот День, наступит, я принесу сюда фотографию Стаси... Под звуки кото* вспомню наши с ней дни....

* * *

Январь... Возвращалась из (с) утреннего обхода парка. (Я все еще надеюсь...) Вход в лифт загораживало необъятное тело Безумной Веры, внучки знатоков двух французских языков. Вера-с-палкой-в-руке, похоже, поджидала меня, ибо в произносимом ею монологе – «дошедшие слухи» о моей квартирной задолженности, с одной стороны, и о моих ликах, рекламирующих искусство доктора Х. на стенках вагонов метро – с другой:

– Деньги на косметолога есть, а за квартиру полгода не платит, у-у... Проститутка старая!

«Почему непременно «старая»? Я вполне могла бы ей быть племянницей...» – обошла ее вместе с лифтом, ступила на лестницу, чтобы пойти наверх пешком, но не тут-то было, мой замысел разгадан, взмах суковатой палкой – попала по ноге... Ступня распухла, синяя... И – ощущение укушенности змеей. Ради всего этого, конечно, стоило приезжать сюда, именно в Нью-Йорк...

«Если бы Леша...»

«Отца в мужчине надо (было) воспитывать...»

Снилось накануне: Бюро инвентаризации, которое выдало нам справку-схему о том, что наша комнатка в ширину – два метра двадцать пять сантиметров, проходной размер!.. Теперь нам выдадут свой, семейный лицевой счет. Все будет хорошо...

– Rest!

Большой перерыв. Выхожу из класса... В коридоре, около телефонной будки, сидит Мерседес с рюкзачком за спиной и, запрокинув назад голову, полудремлет. Плюхаюсь рядом, потирая ступню:

– Знаешь, иногда думаю, лучше умереть: так болит.

– Э-э, не сдаваться Ты еще нужна живьем.

– А ты что?.. С рюкзачком...

– А-а, отказала им оборачиваться в их трухлявую грязную «дрэйпери»... Эх, если б не мои три кошки (плюс собака), хрен бы я вообще пошла позировать!.. Сидела бы на улице, например, просила подаяния или... А тут...

– Смешная... Что еще?

– Слушай, ты ведь позировала частным образом Антонио де Ла Вега?.. Что можешь сказать о нем? Он приглашал, для портрета, но что-то мне...

– ...Антонио де Ла Вега, – качаю головой, – трудный, очень трудный тип. Мастерская в здании Карнеги-холл, лучшем здании и месте Нью-Йорка. Огромная, шикарная... Как начнет ныть о своей бедности... Пойдут воспоминания о том, как он оставил Аргентиту полвека назад (заметь, мать ни разу, включая похороны, не навестил)... Подкрадется сзади, шепнет тебе в левое ухо через левое плечо: «I love you...» Предложит чай с гренками, опять разговоры о нужде; попросит в дополнение к портрету (а ты, может быть, согласишься на оплату за все рисунком) раздеться и попозировать для пары коротких, «очень коротких» поз-скетчей... Неожиданно возникнет с видеокамерой в руках, для «очень коротких невинных кадров»: нет-нет, это не то, что Вы думаете...

– Довольно, довольно, спасибо, сейчас пойду договорюсь с ним.

Вошла с «квотром» в кабину. Через несколько секунд вернулась, приземлилась. Поцеловала меня в лоб:

– Люблю тебя. Да, спасибо за колосок.

– Какой еще колосок?

– Забыла? Присылала мне из России колосок в конверте. Я его храню.

– Столько лет!.. А что с сеньором де Ла Вега?

– Сеньору де Ла Вега поставила условие: сорок долларов в час, и чтоб без дураков.

* Японский музыкальный инструмент.

– ?

– Он сказал: спасибо, ему пока не надо...

– Ну да! У него сейчас, видимо, срочный заказ из Букингемского дворца?

– Ха-ха-ха! Угадала! Что теперь делать?

– Может быть, Харвей*... А вдруг ему (нашему спасителю и заступнику) нужны характеры для новой композиции?.. Вот телефон, код бруклинский...

* * *

– ...Po-ose!

Путь к раздевалке, как всегда, был загорожен этюдником Независимого Художника, и, споткнувшись о него, да еще и больной ногой, потеряла равновесие, загремела, падая, ударилась о металлическую ручку двери. Села в позу. Была дикая боль и только. Но это сначала. А потом, на следующий день, рука стала уродливой, красно-синей, непослушной... Пришлось отправиться в госпиталь, долго выбирала подешевле, но все рвано счет будет дикий, страховки нет, и лига, естественно, не заплатит: модель – «независимый контрактор». Диагноз – перелом, в двух местах. Переломчики. Гипс, повязка. Лига. Боль... Все же класс достаточно благороден, чтобы терпеть меня такую до конца композиции... А добрая японская девочка Йоко продолжает писать мою руку без гипса, по воображению... Красивая работа...

* * *

Февраль. Понедельник... Фотограф Брюс возится с ножками светоотражателя-светоуловителя. (Плюс светоглазовыжигателя: скоро уже, кажется, ослепну...) Я стою обнаженная по пояс, topeless, бережно поддерживая, как младенца, загипсованную левую руку правой, – можно сказать, мне пофартило...

– Эй! Есть ли у тебя пудра? Припудри лицо, пусть не рефлексирует... Губная помада?.. А твой бойфренд, как он относится к гу... Бойфренд, у тебя есть бойфренд?.. Слушай, а сколько тебе лет? За пятьдесят? Я это уже слышал, знаю, да ты и выглядишь на «за пятьдесят», но вот сколько точно? А? Мне вот, например, пятьдесят восемь, а тебе? Что? Почему? Почему это у вас «не принято»?.. Все готово, стань там... Ближе... Руку ближе к... Подбородок – выше.

...Физически Брюс не страшен, более того – слаб. Достаточно, даже сломанной левой рукой чуть толкнуть, только прикоснуться к его плечу, а можно просто подуть на него – и рассыплется. Он в своем стремлении к совершенству физическому сбросил пятьдесят фунтов (двадцать два с половиной килограмма), от него пахнет голодом, и он время от времени передыхает, прислонившись к белой стенке студии, теряясь на ее фоне собственной белизной...

...Когда кончится все это измывательство за десять долларов в час – назвался бедным, не помню, почему, – когда кончится, он загородит выход и скажет, раздвинув рот в желтозубой улыбке: «Where is my kiss?» («Где мой поцелуй?») Нужно чмокнуть его (в щеку, но он попытается подставить губы) и выскользнуть, сегодня выскользну в последний раз, Бог с ними, с деньгами, подавись он.

...Холодный март. ...Путь к академии, на этой неделе две академии – Национальная и Городская. Еду из Квинса, где теперь снимаю угол с видом на стенку... Во второй академии платят больше, больше, чем где-либо, платят хорошо, пятнадцать в час, но график ненадежный, «спорадический», и люди – студенты – холодные, чужие... В Национальной более уютно. Беседовать с милыми женщинами в перерывах внизу – люблю... Подошел поезд. Вошла, села.

Закрыла глаза. Открыла – остановка «71-я авеню»... Закрыла глаза... Остановка. Открыла (глаза) – удаляемся от остановки «71-я авеню». «Сколько же семьдесят первых авеню?..» – подумалось.

Пересадка. Джентльмен с бородкой высморкался на пол. Его супруга (любовь?) почтительно ждала в сторонке, чтобы потом взять под руку и войти с ним в вагон...

…Скользко... Из почтового ящика, P. O. Box, вынула письмо и – назад, в метро, то есть саббвей. На конверте маленький красный крестик и адрес. И штамп: «Красный Крест». Я уже подобные получала: из Красного Креста ли, из Общества глухонемых, из Школы эвритмического танца и прочее, – все хотят пожертвований, для удобства рисуют клеточки, нужно лишь поставить галочку, выбрав: «$10»; «$25»; «$100»; «$250»... «others» и т. д. Поставить лишь галочку – вложить чек. «О, не посылайте наличными!» – заботливое предупреждение. С мыслью: «Вскрою попозже» – положила в сумку.

* Харвей Диннерстейн – художник-живописец, правозащитник, учитель.

Поезд. На сиденье напротив – тихий молодой человек, латиноамериканец. Ему нет до меня, ни до кого нет дела.

Не слишком людно, почти пусто в вагоне: полдень. Теперь я этот район навещаю не часто, только из-за почты, у меня здесь P. O. Box, ящик. Поэтому мне заметно потишание в этих краях... Вскрываю конверт: всего один листок, нет клеточек, текст:

«Уважаемая госпожа...

На Ваш запрос отвечаем:

ваш муж, Алексей... умер 22 ноября минувшего года...»

Отшатнулась, как от удара, как от метеорита. Жутко. Больно. Тихий латиноамериканец напротив испуганно смотрит: «помочь?» Слезы... Нужно иметь силы встать и выйти из вагона. Не нужно показывать ему слезы. Не нужно показывать миру свои слезы... Путь к академии скользок: выпал снег, таял-недотаял, ударил мороз – и вот... Женщина впереди, спотыкаясь и скользя, обронила перчатку. Продолжает свой путь... Я не скажу (не смогу), не подыму, думая вслед: «Кто-то теряет мужа. Кто-то – перчатку...» Я ничего не скажу... Отксерокопирую вечером письмо, пошлю дочери. Отец ведь... Чуть опоздала, монитор немного посверлил глазами, обошлось...

– Pose!.. («Нельзя показывать своей печали»).

– Rest! («Теперь пойду и выплачусь по дороге»).

Поезд в направлении академии Городской... Опаздываю... Опоздала. На пятнадцать минут. Монитор, высокая темноволосая девушка с розовым плоским личиком, говорит: «Как Вы смеете опаздывать?» Пытаюсь что-то сказать в свое оправдание, она прерывает: «Не хочу Вас слушать». И выходит из класса, к координатору, сделать «рипорт», донос, чтоб меня оштрафовали... Сжавшись от горя и унижения, иду в раздевалку. Снимаю рубашку, бра*, джинсы, трусы. Наклонилась снять носки – сзади голос: «Excuse me», сопровождаемый хихиканьем и шорохом задвигаемой занавески.

Кто-то говорит кому-то: «Сейчас мы познакомимся с новой моделью». Ответ обладателя «excuse me»: «Я уже познакомился. Сзади. Хи-хи-хи».

Подонки.

* Bra – бюстгалтер (англ.).

* * *

...Апрель. В Национальной более уютно. Беседовать с милыми женщинами в перерыве...

– Сесиль. Расскажите какую-нибудь забавную историю из Вашей практики... В лиге, например...

– Хорошо... Вот в марте... По расписанию – вечерний класс, живописи, вы знаете А.?

– О да, он очень знаменит.

– Ну да, знаменит. Художник... Он хороший художник.

– Ну, и?..

– Ну, и пришла в класс. А., как вы знаете, как они все, бывает в классе в неделю дважды. Монитор – крупная («большая») длинноволосая девушка с наушниками и в коже, вся в коже и в металле: очень облегающие кожаные штаны, кожаный ремень, кожаная куртка-безрукавка с металлическими нашлепками всюду...

– У-у-у-у-у...

– ...А то, что у нее не в коже, – татуировано и проколото, знаете: уши, нос, лоб, рот... И даже пупок не умещающегося в коже живота...

– Ха-ха-ха!..

– ...Посадила она меня на платформу посреди класса, на ветхий стул; заставила надеть какую-то извлеченную из шкафа невероятно грязную тряпку желто-буро-розового цвета. Цветов... И поставила на платформу зеркало, уж не знаю откуда, разбитое, покрытое вековой пылью-грязью и щедрыми голубиными какашками...

– О-о!..

– ...Скомандовала: «Где Ваша косметичка? Сюда ее!» Положила мою косметичку на платформу, а мне приказала держать в руках губную помаду, задумчиво глядясь в это зеркало в течение всей недели, сказала свое «Pose!» – и забыла обо мне на весь срок. Вспоминала только, когда «Pose» или «Break»...

...И вот сижу я... Все ушли, никто, так сказать, не рисует, кроме блаженной Рут (ну ей, по-моему, все равно, могла бы и просто стул...). Кожаная-монитор в коридоре целуется с другом, слышно... И еще чувствую: в лиге необычно как-то тихо... Наконец вваливается, говорит не глядя: «Break». Собирает свои вещи. Оделась я, выхожу; в холле часы показывают 11:05 p.m., то есть двенадцатый час ночи!..

(Поза кончается в девять сорок пять.)

– Что, она хоть извинилась?

– И не подумала. Не забавно ли?..

– О... Что-нибудь еще?..

– ...А еще однажды я позировала в классе коротких поз, совсем коротких поз, минутных... Симпатичные люди были... Я делала перформанс из пантомим, используя элементы эвритмии (причем, знаете, лечебной) и языка глухонемых, «sign language» ...Итак, за полтора часа я рассказала несколько историй, одна из которых – андерсеновская «Русалочка»... Пожелала всем, рожденным под разными знаками Зодиака, здоровья и успехов... Зная, что сейчас будет конец, сейчас настанет последняя поза, я решила сказать им: «Я вас всех люблю», для чего нужно было коснуться левой ладонью своей груди-сердца, а правую протянуть вперед, указать на тех, к кому обращаешься, быстро-плавно согнув руку в локте, выкинуть вверх мизинец и указательный палец, а остальные три пальца: большой, средний, безымянный – подогнуть (большим прижать сверху остальные два). Монитор Дина, так ее зовут, объявила: «Last pose!» («Последняя поза!»). Я коснулась левой рукой своей груди-сердца: «Я». Так осталась. Правой – обвела рисующих, как бы сказав: «Вас всех...». Потом согнула ее в локте и, подогнув все пальцы, большим прижала указательный, выкинула вверх... один лишь средний*... Смотрю – у Дины глаза вылезли из орбит. «Ах, извините», – говорю...

– Ха-ха-ха!

– Pose!..

* * *

– Pose!.. – Стала просыпаться по ночам от мышечной боли в ногах, вернее, от собственного крика ввиду внезапных судорог и мышечной боли в ногах. А сегодня преподаватель послеобеденного рисунка объявил: работать будем без большого перерыва, уйдем зато пораньше, у него важное свидание... После Вериного автографа палкой стала избегать натруживать ушибленную ногу, перемещая весь центр тяжести на вторую, неушибленную... После очередного перерыва, во время паузы, когда поворачивала тело влево (твист), внезапно начались судороги, – упала, обнаженная, вскрикнув, на подиум... Хорошо, среди рисующих оказался бывший спортсмен, Зоран, то есть Омар... Ему эти боли знакомы, сказал... Картина получилась такая: на подиуме – скрюченная обнаженная тянется – не дотянется за халатиком, виднеются грязные ступни натруженных ног, а над нею склонился перепачканный краской субъект и – массирует... Массирует...

– Спасибо. Легче.

– Pose!..

* * *

Май.

The Model's Contract: Statement and Demands (Контракт моделей: заявления и требования):

1) позирование есть профессия;

2) позирование есть чувствительный и творческий процесс;

3) позирование есть труд, требующий отдачи физической, духовной, психической;

4) модели необходимы для художественных творений;

5) позирование требует защищенной, пристойной и санитарной обстановки.

Требования моделей:

№ 1. Чтобы к нам обращались в почтительной, учтивой манере инструкторы и мониторы, соблюдая допустимую громкость голоса. Мониторы должны умерять голоса, если их об этом просят.

№ 2. Правило «Руки прочь!» должно быть строго соблюдаемо. Мы не хотим никакого физического контакта. Любая инструкция должна быть демонстрируема словесно.

№ 3. Защищенная обстановка. Мы требуем защиты, охранности. Это важно, чтобы не-члены художественной лиги не проникали внутрь и не входили, не заглядывали в комнаты во время позы. Модели не должны волноваться за личные вещи, которые могут быть украдены: это неприемлемо – все время следить за своими принадлежностями и вещами, будучи на подиуме. Если же какой-либо инструктор или монитор желает освежиться, открыв дверь либо включив вентилятор, прежде нужно спросить модель. Если модель просит закрыть дверь – закрыть ее.

№ 4. Еда и разговоры – прочь из класса. И то и другое и отвлекает, и неприятно.

№ 5. Наши жалобы просим уважать и принимать немедленные меры. Мы необходимы. Мы не приемлем неприемлемое.

№ 6. Нас не должны лишать перерывов по прихоти инструкторов. Перерывы абсолютно необходимы для здоровья и гигиены моделей.

№ 7. Раздевалка и комната отдыха. Это не обязательно что-либо роскошное, просто какое-

* Оскорбительный знак по-американски.

нибудь помещение, чистое, пусть с подержанными диванами и шкафами. Модели не могут более переодеваться в грязных, тесных шкафчиках.

№ 8. Чтобы платформа, пол и драпировки хранились в чистоте и в хорошем состоянии. Это означает: смените недоеденное крысами тряпье, отмойте грязь, почините.

№ 9. Лампы должны быть перемещены по требованию моделей. В настоящем мы поджариваемся под горячими и яркими лампами лишь потому, что «так хочет учитель». Лампы чадят; возможен пожар, не говоря уже о возможности и опасности их падений на модель. Это небезосновательная тревога, ибо лампы часто устанавливают на расшатанные стулья и т. п. Мы требуем освещения безопасного, не поджаривать нас и не ослеплять по капризу инструкторов.

№ 10. Обогреватели, фены и окна открывать/закрывать по запросу модели. Мониторы должны заботиться о комфорте и самочувствии моделей и быть готовыми сделать необходимые утряски. Нет! – арктическим холодам, и нет! – знойным турецким баням.

№ 11. Чтобы все правила и изменения и права – как формальные, так и неформальные – были объяснены моделям, всем. Это означает все!

№ 12. Модели должны быть информируемы по телефону (или по электронной почте), прежде чем составлять рабочие расписания.

В обязанности координатора входит контакт с моделями и оповещение – мы не можем заниматься гаданием о нашем расписании. Учтите: для многих из нас позирование – единственный способ существования, и отсутствие часов в расписании означает отсутствие денег.

№ 13. Модель должна быть оповещена в случае специального запроса от какого-либо класса. Координатор моделей должен следить за такими запросами, быть в контакте с моделями и ставить их в расписание соответственно запросам.

№ 14. Чтобы координатор отсылал всех новеньких моделей к нашей поддержке и информационному сервису.

№ 15. Последнее, но не малое: повышение оплаты. $10 в час – более недостаточно, чтобы обеспечить нормальное существование человеку в Нью-Йорке. Мы требуем $15 в час.

Дата. Профсоюз художественных моделей. Подписи – всего шестнадцать...

Сходка моделей имела место в квартире Тоби, юной, самой юной, зовущей меня «мама», так как своя мама ее не устраивает, к тому же моего соавтора по этому «Контракту».

После подписания пили вино и воду. Потом модели Авива, бывшая танцовщица, и рыжий старый гей Стэнли, оставивший балет из-за травмы ног, танцевали чувственное фламенко под гитару испанца Энрико... Уморились... Энрико пел, а Марк, муж белокурой Марго, он же редактор и «Контракта» тоже, наш общий хороший друг, сходил за пивом... Розанжела с Ли в течение всего вечера сидели в уголке не разнимая рук, их увидеть порознь невозможно... Вообще говоря, Розанжела пришла в надежде увидеть Милу Йовович, которую я обещала раздобыть, привести на наше собрание. Было бы здорово, правда? Но Мила оказалась недосягаемей самой планеты Сириус, и я не смогла...

Расходились – Марк еще раз напомнил нам с Тоби:

– Все-таки, отдавая завтра бумагу в офис, подумайте о возможных последствиях...

Модель-румынка Люменица согласилась с ним:

– Да-да. Здесь, кажется, ненавидят слово «профсоюз»...

По возвращении домой обнаружила не слишком приятный сюрприз: хозяйка угла, мужеподобная Изольда (больше похожая на Тристана в старости), нашла в мое отсутствие в моем портфолио две мои фотографии topeless (обнаженка по пояс), выложила на кровать и изложила устно плохо отредактированное требование: убираться на... три буквы.

На следующий день отдала «Statement» в офис, директору Совета Контроля. Он сказал: «Рассмотрим...» Над пятнадцатью долларами в час посмеялся.

Еще через несколько дней, получив летнее расписание, не увидала там для себя рабочих часов... Понимаю, лето и все такое… Однако… Тоби ушла на лето в уличные мороженщицы... Что весьма обидно, из подписавшихся моделей, встретившись в лиге, вблизи офиса, поздоровались лишь Авива, Марго, Мерседес. Остальные – отводят глаза, не узнают...

* * *

– Hello.

– Алло...

– А, это Вы... мама (*зять!*). Можно, я буду называть Вас мамой?

– Конечно. («Sure».)

– А ее (*дочери*) нет сейчас дома... Знаете, мама, она очень тяжело переживала сообщение о смерти ее отца... (?). А мы будем переезжать, готовимся. Компания перемещает нас в другой штат. Нужно купить там дом. Этот мы будем продавать. Мы упаковываем вещи. Кто-то должен помочь, и с ребенком... Кстати, приезжайте к нам, мама. Я люблю Вас, мама. I love you.

* * *

...Я перед некоей комнатой, откуда слышится тихий плач Леши, моего мужа. Стучу, открываю... Шире... Его нет, и мне кажется, он за дверью, что открылась вовнутрь. Дверь открывается, шире, я подталкиваю ее, а следовательно, места за дверью мало, слишком мало для него. Зову: «Леша...» Правой рукой пытаюсь нашарить выключатель, зажечь свет, но выключателя нет, и Леши тоже нет. Просыпаюсь... Ветер, лай.

У дочери... Сны – это перемещение(-я) не только во времени, но и в пространстве. И наоборот.

Сон – это такое перемещение от пункта «засыпание» до пункта «пробуждение»... Только что была в Нью-Йорке, и вот открыла глаза, проснувшись от собачьего лая, в Хиллсборо, штат Орегон, в доме моей дочери.

...Какой сегодня день?.. Так... Шестнадцатое, потому что... пятница, а приехала я в прошлый понедельник... Пятого? Шестого?..

5 + 7 = 12 (нет, вторник...) 1 вт. 1 ср. 1 чтв. 1 птн... 16?

...Нужно, пожалуй, как Робинзону Крузо, ставить метки, по метке в день, чтобы не потерять связь со временем.

Это Орегон.

...За окнами – ели и тишина, священная тишина, девственная, а еще вернее: глухонемая тишина. (Собака замолчала.)

...После душа спускаюсь вниз, вниз, вниз по их традиционной лестнице. Дочь у холодильника, фотографирует завтракающего сынишку... Я приблизилась к холодильнику, может быть, чем-то помочь, например, приготовить завтрак, я привыкла завтракать... Она резко повернулась ко мне и спросила в упор:

– Тебе что-нибудь здесь нужно или просто так стоишь?

...Решила налить и выпить воды из-под крана, взяла стакан, пустила воду...

– Да не капай ты на пол, черт!..

Ребенок поскользнется... Позже спускалась с портативной пилочкой для ногтей, которая упала вниз и привлекла внимание малыша. Он (уже поел) заинтересовался, я дала ему пилочку, и он стал делать движения «подпиливание ногтей». Дочь гневно сверкнула глазами, крикнула:

– Ну ты што! Он выколет себе глаза! Ты совсем уж!..

Я сказала: «Он не выколет себе глаза сейчас, сейчас я рядом и смотрю за ним... Ребенку два года, он должен узнавать назначение вещей...»

Она вырвала пилку из рук малыша, бросила в мусорницу, вышла. Слышен звук стартующей машины. Теперь уехала, на работу, до пяти, если не появится в обед. У-уф! Вдвоем... Вдвоем с малышом остаюсь ненадолго – скоро прибудет с ночной смены ее муж, вон, слышно, машина подкатила к дому... Входит – высокий и красивый, хотя она, моя дочь, все равно красивее, о, она ослепительно красива, с красными пухлыми губами. Он, как всегда, со мной не здоровается, вообще не замечает, не видит. Заваливается здесь, внизу, на диван, предварительно включив компьютер и телевизор на полную громкость. И, как правило, подсунув под подушку телефон. Мы идем с мальчиком гулять... Завтрак? Боясь потревожить (разбудить?) лежащего на диване, я перехватываю то, что вижу и что не шумит. Сегодня, например, увидела мексиканскую лепешку и съела, не разогревая, – не будить и не тратить лишнего электричества, они так экономны...

...Когда приближается пора возвращения дочери, когда подкатывает к дому ее машина, он вскочит с дивана, крикнет: «Give daddy kiss!» («Поцелуй папочку!»), подбросит ребенка в воздух либо перекувыркнет его и уйдет, держа малыша и телефон подмышкой, наверх, оставив меня внизу недоумевающей (потом привыкну)... Гневный взгляд дочери – она, видимо, считает, что с ребенком занимался весь день он... Выйду на крыльцо – не мешать. Позовут ли к ужину?.. Зовут:

– Иди поешь!

Он уезжает на своей красной машине в черную полоску, предварительно поковырявшись на полянке перед домом, побрызгав на нее из шланга-поливалки. Слышно было накануне старта его бесстрастное «I love you». Она зовет меня мыть ребенка в ванне. Завтра будет примерно то же.

Утро, еще одно... Я успела перемыть посуду. Вот он подъехал... Вошел. Сложил посудное по-

лотенчико аккуратно вчетверо, поправил-разгладил (немецкая аккуратность). Молча. Лег. Вытирать ли посуду?..

«...Дорогая Мерседес! Посылаю тебе орегонскую ромашку – сорвала недалеко от дома дочери... Пока».

...Вечером пришел агент по продаже недвижимости осмотреть дом, они переезжают, покупают жилье в другом штате. Агент вступил в комнату, что наверху, там я (делала вид, что) читала, сидя на пластиковом стульчике... Посмотрел на меня как на кучку э-э-э... Дочь скомандовала:

– Выйди отсюда!

Я вышла. Он, пухлый коротышка в темно-синей тенниске, не отрываясь от сел-фона, по которому вел с кем-то разговор, щелкнул камерой. Затем она, моя дочь, сказала ему заискивающе:

– Сэр... А вот здесь, прошу Вас, туалет...

И он, выпятив вперед свое брюшко, двинулся с камерой и сел-фоном к туалету…

...В воскресенье отпросилась и отправилась в город, в Портленд. Муж белокурой Марго, Марк Антоний, просил передать письмо для живущего в Портленде русского поэта Александра Межирова... Прибыла на автобусе. Красивые чистые улицы. Тихие люди. Дозвонилась. Голос:

– Где Вы сейчас наход-дитесь?.. Ждите, я подъеду.

«Как? Прямо вот так: увидеть самого Межирова?..»

...Из подъехавшей старенькой машины выглянуло – и осветило пасмурное утро лучисто-голубыми глазищами – лицо:

– Садитесь. Сейчас я п-покормлю Вас в китайско-портландском р-ресторане... р-рыбным супом...

...Уютный и красивый китайский ресторан, где ели вкусный рыбный суп.

– А сейчас я п-покажу Вам наш р-розарий...

...Накрапывал дождь, и мы долго блуждали. Вернее, блуждал он, по парку, так как забыл, как проехать к розам. В гору... Под гору... Налево... Когда вышли из машины к розам – море, а может, площадь, роз... Александр Петрович надел на меня поверх плаща свой теплый жилет, получилось кенгуру... Мало того, достал из машины фотокамеру и так вот меня снял, щелкнул среди роз. (Потом я его.)

...Мы шли среди роз, приближаясь к краю розовой площади, теперь площадки, кончающейся обрывом... И вдруг впереди, на далекой-далекой горе, замаячил странный белый город...

* * *

...Утро, спустилась вниз. Внук ел, вернее, играл, вылавливая из молока и разбрасывая во все стороны сериал. Дочь смотрела перед работой телевизор, держа на коленях тарелку с ее завтраком. Сказала мне, не оборачиваясь:

– Ты! Ты принесла нам Bad luck!* Люди, что собирались продать тот дом за двести тысяч, передумали!.. – и продолжала жевать что-то с тарелки.

Подумалось (горько): как же так? Они, эти люди, даже не знают о моем существовании...

...Вечер. Перед отбытием на красно-черной машине зять сказал:

– Дом с южной стороны облеплен странными темными червячками... – И посмотрел на меня испытующе.

Что, еще один «Bad luck»?.. Посоветовала ему взять несколько экземпляров этих особей в баночку и отнести/отвезти в лабораторию на анализ. Он так и сделал... Уехал.

...Днем ходили в магазин – приучаю внука ходить пешком.

Поощряю обещанием конфет, говорю по-русски: «Конфеты», – он идет. Покупаю ему, немножко, фруктовых, он любит, дочь не знает, он не выдаст, съедает по пути домой...

А сегодня на дороге стоял человек с самодельным плакатом:

«The speed limit is too slow at this road» («Ограничение скорости на этой дороге – слишком медленно»).

Кто-то вечно ищет применения своей беспокойной натуре... Я сказала ему: «Хай». («Привет».) Когда возвращались с полной сумкой – малыш топал рядом, поддерживая-помогая нести – он, этот человек, увидев нас и узнав, смутился оттого, что он еще тут, стал бормотать что-то вроде «I hope I do make my point...» («Я надеюсь, выражаю свою позицию...»), на что я ответила: «Yes, you do» («Да, Вы выражаете») – и удалилась.

* * *

Вечер. Вторник.

...Александр Петрович в прошедшее воскресенье рассказывал – я готовила для него салат, боясь стукнуть:

* Невезение (англ.).

– ...Армия Гудериана, посланная с танками Гитлером в Россию… Шла-шла... Нигде нет ни заправочных станций-бензоколонок, ни других удобств: электричества и прочая... Пустынное дикое пространство... Дориан по рации взмолился: «Позвольте отступить!» В конце концов, пришлось отступить... Россия их удивила.

(«Почему она сказала, что у меня изо рта плохо пахнет, и когда я разговариваю, должна держаться от нее на расстоянии... Как это может быть, ведь зубы-то здоровые... Из-за лука?..»)

– …К-когда я отказался подписать документ о р-расстреле дезертиров, сказав им: «Я поэт и пишу одни стихи», тогда меня п-послали туда, откуда вернуться т-трудно...

* * *

Местный аквариум. Грот: на потолке, под ногами, по бокам, за стеклом – вода, вода и рыбы, разные. И была среди них одна, серая, средняя. Она подплыла к стеклянной перегородке, разделяющей наши среды, и посмотрела на меня долгим взглядом... Я двинулась было дальше, но вернулась – еще раз посмотреть на нее, эту рыбу. Оказалось, что она сделала то же самое...

* * *

...Дочь спросила, почему я спускаю воду в туалете дважды и даже трижды, а не один раз. Я пустилась в объяснения: первый спуск – чтобы не было слышно, как... Второй, а порою третий – чтобы смыть содержимое из... Она перебила:

– Здесь ничего не слышно. («Слышит же спускаемую воду!») И потом, это главное, – сказала она, – вода здесь стоит денег.

Теперь буду спускать один раз за № 1 , № 2, № 3 – все вместе. Надеюсь, это о'кэй. Считаю медленно до трех... «Тишайший снегопад – дверьми обидно хлопать...»*

– Эй, ты, что ты там бормочешь! Совсем уж... Готова?

Одуванчики. Поехали с дочкой и внуком туда, где у них казино и ресторан при казино. Ехали, минуя леса и горы, чудесные виды... Вошли в ресторан, заняли столик... За небольшую сумму можно накладывать себе на тарелку что нравится и сколько угодно или влезет. Я ела оливки и грибы, внук – картошку «фри», дочь – курицу... Потом она немного поиграла (затем нас и везла! – передалось от Леши...), а мы с мальчиком ждали ее на улице, гуляя по дорожкам, он повторял за мной названия окружающих растений по-русски: «Трав-ка...» «Ро-маш-ка...» «О-дуван-чик…» А перед рестораном-казино, слева и справа, стояли деревянные скамейки, где люди ждали заказанные машины. Вот подъехала машина, человек в униформе крикнул:

– Сто тридцать один! – номер заказа. Кто-то влез в машину.

На скамеечке слева сидел одинокий сухонький старичок, потирая виски и согревая себе руки своим же дыханием...

Вышла дочь, выбросила из рук малыша увядший одуванчик; мы сели все в машину, а он, старичок, остался на скамеечке дышать себе в ладони, чтобы согреться...

...Утром зять сказал:

– Ах, да, червячки, что с южной стороны... Лабораторные исследования показали, что это личинки голубых бабочек.

И улегся на диван, включив телевизор.

Я облегченно вздохнула.

* * *

– ...В-вот ведь два года... Две зимы... провели... Спали на мерзлой почве у Синявинских болот...

...Он был контужен в ноги и в голову и потерял дар речи. Когда, сбежав из плена, попал к своим, его решили было расстрелять, потому что из-за немоты-молчания приняли за немецкого шпиона: мол, не знает русского, оттого и молчит. Но тут, к счастью, один человек его узнал, «опознал», и это спасло от расстрела.. Потом еще много лет, медленно, возвращался «дар» речи...

Однако с тех пор он никогда не спит, как бы выспавшись на мерзлоте тех Синявинских болот на всю оставшуюся жизнь...

* * *

...Склон крутой заснежен слабо,
Под порошей первый лед.
Слева – звонница, а справа
Магистраль ревмя ревет.

А. П. МЕЖИРОВ. «Сергиев Посад»

...У них все готово к переезду, дом найден; меня с собой не зовут.

Я тут еще нечаянно повредила у них войлок на двери гаража изнутри, и теперь он, зять, меня

* А. П. Межиров. «Тишайший снегопад».

не проводит, не считая, конечно, взгляда налитых кровью глаз... Она: «Ты знаешь, чего нам все это (дверь гаража) стоит?» («А ты знаешь, чего мне стоило твое семилетнее молчание?») Молчу виновато... А с южной стороны дома стартуют в небо голубые бабочки, целые облака голубых бабочек. Внук кричит, взмахивает ручонками, пытаясь, и безуспешно, поймать одну такую, пролетающую над его вихрастой головкой:

– Butterfly-y*! Ба-бач-каа!

Да будет каждое утро его жизни прекрасным, как эти парящие над земным голубые бабочки.

СТУПЕНЬКА ПЯТАЯ. У ПОРОГА

Отвечаю на холод теплом,
На боль – осязанием
снятия чьей-то боли.
Вот уже все мое существо
пронизано лучами и потоками
бесконечной любви,
абсолютного счастья.
...Испытание мучительной смертью
Суть благословение на лучшую,
вечную жизнь.

Выходящих из вагона приветствует чья-то спина в голубой футболке, а вернее, надпись на голубой футболке сзади:

«It's not life too short, it's just you were dead too long».

«Это не жизнь слишком коротка, а это просто вы были слишком долго мертвы».

...Человек, начинающий карьеру бездомного, горько заплакал, сидя и держа в руках приготовленное для ночи розовое одеяльце... Вышел еще в Манхаттене, на Двадцать Третьей либо на Четырнадцатой. Читающий свою «Diary» тихий латиноамериканец покачал головой – то ли по поводу плачущего, то ли по поводу прочитанного.

Китаянка в углу широко зевнула; ей вторил господин с брюшком, вернее, брюшко с господином на сиденье напротив. Зевок случился так быстро, что выскочила вставная челюсть, обнажив-обнаружив черную щель между верхней губой и основанием протеза... Поддел языком и языком же вправил.

Привет, Нью-Йорк.

Мне выходить на Kings Highway, там пешком... Дом-общежитие, в котором я нашла через русскую газету и снимаю угол, вернее, четырехугольник, по рассказам русского менеджера Изи, был дарован черной владелице миссис Джей богатым любовником в ее молодости, наверное, очень, очень, очень давно, судя по запущенности того и другой... Сама с мужем, тоже черным, носильщиком и вышибалой, живет в домике рядом, туда ей ношу рент понедельно. Ее опочивальня – лабиринт из бесполезной мебели, искусственных цветов и припорошенных пылью безделушек... В темных одеяниях восседающая в кресле, с бигудями на голове – вылитый паук... Есть у нее слабость к переселению жильцов из одной комнаты в другую, ловит богатых гостей из областей криминальной индустрии, все ради них... Вот только сделаешь уборку – приходит вышибала-супруг, хватает вещи и несет куда-то в другое место... Вчера переместили таким образом в комнату номер двести шесть, что на втором этаже. Справа от двери (входа на этаж) – куча хламья и американский флаг. Там проживает облаченный в старенькую униформу вечнопьяный жилец-ирландец с большой и тихой собакой. «Вьетнамский ветеран», – сказал Изя. Соседи напротив, спящие на полу при открытой двери в произвольном количестве, – уличные нищие. Я их встречала прежде. Одна из них – беременная женщина, миссис Джей говорит, четвертым, когда родит – ребенка заберет некая «социальная служба», а мать будет по-прежнему побираться. Сосед через кухню – ищущий работу. Вонь, грязь вокруг. Но выбора нет, ведь миссис Джей берет рент понедельно, а так легче наскрести... Конец лета. От дочери нет никаких вестей. Они уже въехали в новый дом.

День рождения... У меня на окне веточка красной лилии, совсем как те, что на Дальнем Востоке, как те, что росли на площади, пересекаемой по пути в магазин за хлебом. На этой веточке два цветка: в одном, новом, – черные пестики-тычинки; у другого, что пониже, – просто разветвленная бесцветная середина. Видимо, **M** и **F**, то есть цветок-мужчина и цветок-женщина.

Вот по проволоке для белья, протянутой наискосок через двор, пробежала белочка-канатоходец...

От дочери нет никаких вестей.

* * *

...Отработала в лонг-айлендской студии Сюзен для обнаженки. Подвозя меня назад, на железнодорожную станцию, даже раньше, садясь в машину, она злобно сказала:

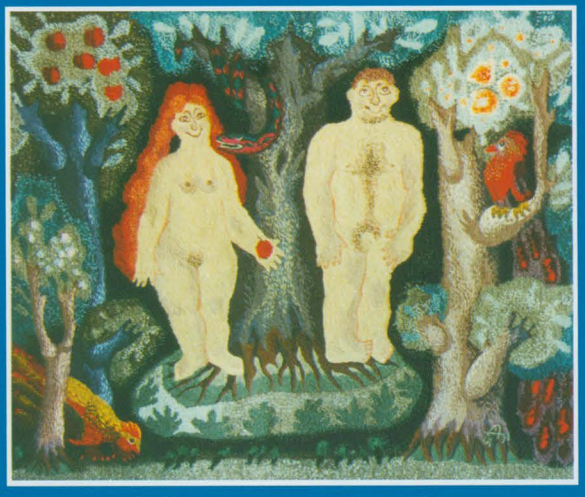
* Бабочка.

СВЯТАЯ ПРОСТОТА

Все новогодние праздники в Кемеровском областном музее изобразительных искусств – в рамках проекта «Созвездие региона» – экспонируется выставка «Святая простота». Она представляет двух ярких художниц – Алевтину Архиповскую (Новокузнецк) и Веру Сидорову (Кемерово). Обе выпускницы Кемеровского областного художественного училища, и их творческий путь длится без малого тридцать лет. В Кузбассе они широко известны, поскольку каждая из них нашла в искусстве собственный стиль, каждая по-своему самобытна, уже узнаваема. И все-таки, между художницами есть нечто общее: и та и другая обращаются к традициям наивного искусства, подкупающего сердечностью, простодушием, и это делает их творчество теплым, нарядным, трогательным.

Алевтина Архиповская

А. Архиповская. *Адам и Ева.*
85×90, 1996, аппликация, вышивка, неткан. гобелен

А. Архиповская. *Настя и Красуля.* 85×100, 2003, аппликация, вышивка

А. Архиповская. *Мотаня*.
85×100, 1997, аппликация, вышивка

А. Архиповская. *Ваня*.
85×100, 1997, аппликация, вышивка

А. Архиповская. *Ангел-сумерки*.
102×82, 2003, аппликация

А. Архиповская. *Конфликт*.
100×85, 2003, аппликация, вышивка

Вера Сидорова

В. Сидорова. *По морям – по волнам*. 2007

В. Сидорова. *В городе Сочи*. 2006

В. Сидорова. *Здравствуйте, дачники!* 2004

В. Сидорова. *Похищение Европы*. 2007

В. Сидорова. *Автопортрет*. 2009

В. Сидорова. *Гуляки*

– Вы можете купить билет для «сеньор ситизен»... Если Вам позволяет возраст, я не знаю, сколько Вам лет, но это дешевле.

Потрясенная внутри и анализируя, чем вызвано ее хамство и этот недобрый блеск в глазах, я покачала головой: «К сожалению, не могу...» Позже, в машине, спросила:

– А сколько должно быть лет для этого «сеньор ситизен»?..

Она сказала, глядя мимо, вперед:

– Шестьдесят пять, как минимум.

Тогда я припомнила, что во время позирования и беседы позволила себе нетактичное-неосторожное высказывание, шутку о рыжеволосых, а концы ее редких волос на голове темно-красные, в то время как корни – белые...

Внешне же наш разговор о билетах выглядел мирной светской беседой. И деньги ее приняла я с благодарной миной... Нужно впредь молчать как рыба, не то...

...Добыв таким образом немного на хлеб, возвращалась в общежитие, – так это будем называть. Когда открывала ключом этажную дверь, вышел из своей комнаты пьяный вдрызг джентльмен с собакой, хрупкий «вет». Он только успел сказать мне: «Хэлло...», как откуда-то взявшийся мистер Джей стал кричать на него и загонять пинками назад, досталось и собаке, которая молча – мудрая! – сносила побои... Я еще долго слышала жуткий мат и вопли Джея... Когда входила в комнатку, он успел мне крикнуть-сделать замечание: «Не разговаривать с ним (ветераном)!»

Вонь, грязь вокруг. Вспоминались светлые глаза собаки. Снился дикий лес. В лесу я была одна и более всего боялась появления ... человека.

* * *

...Джимми – еще одно потрясение... С тех пор как я уехала из этих мест, откуда ушла дочь и где я потеряла Стасю, бываю здесь лишь за почтой, редко, сейчас же, в ожидании весточки от дочки, чаще. Стараюсь не смотреть в сторону парка; через Бродвей – почта; заглядываю в ящик и – назад, через Бродвей в сабвей... Решила купить русскую газету, зашла в индусскую лавку, там есть все (кофе, газеты, авторучки, открытки...), и увидела стоящего у стойки и протягивающего лавочнику два тюбика с центовиками, существуют такие, в каждом умещается по сто центов, то есть по доллару центами, Джимми, обросшего и худого. У меня вырвалось:

– Привет, Джимми! Как дети? Ася?

– Какая Ася?.. Дети! – заорал на меня Джимми. – Русская... шпионка! Уезжай в Россию! Вы все шпионы! Глупые! Глупые!..

Взял поданные индусом два бумажных доллара и вышел, повторяя: «Глупые...» («Stupid!..»), что только по глупому разумению может означать «уличенные в государственном шпионаже» или того хуже.

– ...Что с ним? Он был всегда так мил... – ошарашенно сказала я индусу.

– А-а, мэм, не обращайте внимания... Бывает.

Близится сентябрь, поспешила в лигу за рабочим расписанием: лишь пара утренних недель в начале... Тоби не будет, нашла работу в вегетарианской лавке под названием «Анжелика» (!), звала меня, но я стала стесняться своих рук вблизи...

Не видно Мерседес...

Сел-фонизм. Когда вышла из лиги и шла к сабвею, Бродвей пересекло бездомное существо, катящее левой рукой тележку с немногими вещами – личная собственность в пластиковых мешочках, а правой рукой прижимая к уху сотовый («сел») телефон, правда, воображаемый (я зашла справа, посмотрела)... Люди влезают в него, как в скорлупу. Вспоминаю детские годы: мы с Тоней Ковток поместили в два спичечных коробка по спичке, соединили спички ниткой, закрыли коробки, разошлись на длину нити, приложили к уху каждая свой коробок: нить натягивается – спичка шевелится, шуршит. Звук. Связь.

Впрочем, чудесная идея: раздать бездомным сотовые телефоны.

* * *

Утро-трайн. Напротив – плакат: «You supply the love – We supply the health insurance» («Вы поставляете любовь – Мы поставляем медицинскую страховку»).

Те же, но без поэзии в движении.

И уже нет Бродского.

...Когда стояла на платформе в ожидании поезда в Манхаттан, на меня долго смотрел, потом подошел человек в ортодоксально-еврейском облачении – район еврейский, за редким исключением вроде злополучных Джеев, – и сказал, улыбаясь в бороду:

– А я Вас узнал! По лиге. Вы модель. Я Вас рисовал.

Вспомнила: да, было такое, пейсатое-бородатое лицо под шляпой в классе анатомического рисунка... А он продолжал:

– ...Вот ведь что замечательно: я Вас знаю, можно сказать, восемь... девять лет и впервые вижу одетой.

– Спасибо...

В поезде, когда сели:

– ...Вообще-то... Разговаривая с Вами... Глядя в Ваши глаза... Я совершаю грех... Потом исповедаюсь рабби...

– Well…

Его звали Роберт, и надеюсь, рабби его простит.

Встретились с Нури у шкафчиков, буркнули друг другу «хэлло» («привет»), разошлись, а когда я обернулась в непроизвольном порыве запечатлеть ее в зрительной памяти, она, оказывается, тоже обернулась. Улыбнулись, расходясь дальше… Я, собственно, засунула в шкафчик одну газету... Теперь покупаю нью-йоркские газеты, рыскаю по колонкам «wanted» («нужны»). В этой нашла одно объявление: нужны «дву(и более)-язычные люди с гуманитарным образованием», позвонила. Человек, давший объявление, обрадовался моему знанию русского, украинского, французского, немецкого, английского; что изучаю санскрит; язык глухонемых; испанский... Стал излагать суть проекта. Речь шла об издании словарей и путеводителей по разным областям человеческого быта, как-то: поиски работы, покупки, музеи и т. д. Говорили около часа. Назначил мне встречу: вторник, утро, без десяти девять. Он был так добр, убеждая в необходимости – в моей ситуации (и в моих годах) – «сосредоточиться на будущем», на карьере... Особенно тронул его комплимент: «У Вас аналитический склад ума». Повторил слово в слово отзыв школьного физика Виктора Осиповича в ответ на высказанное мною пожелание-решение поступать в театральное училище... Только этот Сэм упустил первую половину Виктороситовича высказывания:

– Ну и дура! (У тебя же аналитический склад ума!)

Н-нет, пожалуй, не буду ничего говорить в офисе во вторник. Утренняя поза, как бы не потерять того, что имею... Н-нет... Не справлюсь, не перестроюсь…

* * *

…Умер еще в воскресенье наш сосед, вьетнамский ветеран, «вет». Его звали Чарли. Пришел домой, сел на койку, хотел вставить в розетку вилку радио – доступную ему радость, а сердце остановилось... Собака молча сидела подле него два дня, ждала, когда проснется, пока супруги Джей не открыли дверь (давно не избивали, соскучились) и не обнаружили. Полицейские увезли его куда-то, а собаку… Бойс, сосед через кухню, что ищет работу, сказал: есть люди, готовые принять пса.

10 сентября. Понедельник... Вдруг получила voice mail сообщение от того типа из газеты, Сэма. Оказывается, мы договорились, то есть он имел в виду, вторник завтрашний, а не минувший, так что моего свинства-непоявления на встречу-интервью не заметил. Напомнил: завтра, без десяти девять, в его офисе: Торговый центр («Знаете, как проехать?»). Северная Башня, этаж сто три, пропуск заказан, внизу... «Карьера»... «Будущее»...

Нужно сказать в офисе, отпроситься. А это так тяжело психологически.

– Pose!

Новый класс, новая поза: стоять обнаженной. Я не была готова, не взяла халата, шла сюда, думая, портрет, для класса Мари-Бет...

– …Break twenty minutes!

Большой перерыв. Пошла в раздевалку, натянула джинсы и свитер. За отсутствием халата по окончании поз оборачивалась шарфиком и, идя к раздевалке, пятилась, дабы не видели задницу, на которую шарфика не хватало.

Джинсы в перерыве – на голое тело.

Поднялась на третий этаж, купила в кафетерии кофе, отправилась назад, вниз, пить кофе в холле. Что-то мешало. Нечто на левой ягодице. Зашла в туалет офисовский, что внизу; запустила руку в джинсы: носок. Переложила его в карман. Направилась в офис. Координатор – чем-то она похожа на мою дочь, тоже красавица и тоже Снежная Королева – поморщилась, когда я ей сказала о вторнике, о том, что завтра «задержусь на час из-за важного интервью». Потом, кивнув на носок, как оказалось, высунувшийся из кармана моих джинсов, съязвила:

– Это будет Ваша новая униформа?

Я отмолчалась, улыбаясь до ушей («...не права ли насчет одушевленности всех форм?»), ради завтра.

11 сентября. Вторник. Оделась так: белый свитер, черная юбка. Это одежда разума. Вышла из дома и пошла к сабвею пешком, как

обычно. В руках у меня была фотокамера, захватила запечатлеть удивительную розу, виденную вчера (розовую – смешением белого и красного... Нужно видеть...) Вот тут забор, над которым она возвышалась. Но розы нет, уже кто-то сорвал. Пошла с фотокамерой дальше, рассеянно оглядываясь по сторонам, озираясь в надежде, что ошиблась забором, увижу мою розу над другим, в другом месте... Тщетно. При подходе к метро вышли из домика два еврейских отрока, вернее, отрок и отроковица: мальчик с пейсами и в ермолке и девочка с черными локонами в длинном белом платье, оба – необыкновенной, неземной красоты. Протянули мне бумажки: «Купите». – «Что это?» – «Лицензии на жизнь», – посмотрела на меня серьезно черными глазищами девочка. «Лицензии на жизнь? Сколько стоит?..» – «Доллар». – «О'кэй, покупаю две».

Дала им два доллара, повертела в руках эти странные «лицензии», больше похожие на билеты в кино, положила в сумку, ускорила шаг.

Поезд скрежетал и тряс нас, как дрова, впрочем, как всегда; и как всегда торчали между станциями, выслушивая бесчувственные извинения за «невольные задержки» и обещания «в скором времени двинуться дальше»... А в углу вагона сидел человек, укутанный в черное, черный пластиковый мешок, и стояла его (ее?) тележка, покрытая черным пластиком... Шевелится... Живое... Какое несчастье быть слабым (человеком) в городе-монстре Нью-Йорке.

Моя остановка, «Canal street» (Канал Стрит), это был экспресс. Теперь пойду назад, несколько блоков назад. Перед тем как миновать парковку на углу Бродвея и улицы Лисперанд, невольно задержала шаг: дань памяти тому черному царственному нищему, что был единственным в Нью-Йорке тем летом, кто в этом месте, на этом вот углу, говорил мне: «Доброе утро».

Теперь его нет.

На лице его была печать смерти.

...Успеваю. Поднимаясь по черным ступенькам (мрамор?), через застекленную дверь увидела усатое лицо охранника на фоне роскошного дежурного букета в вестибюле... Вдруг откуда-то навстречу, чуть не под ноги и – мимо, вниз по ступенькам, черно-белая кошечка...

– Стася! – как ветер, рванулась следом... «Теперь не упущу» – неведомая сила несет меня вслед за бегущей, вправо, вперед, через дорогу, под носом автомобилей, проносящихся по... Собор Святого Павла, магазин «Strawberry»... Побег-пролет-полет сопровождаем симфонией-какофонией падающих где-то метеоритов.

Мимо-навстречу вой пожарных машин... Мысли-молнии, сначала полусловесные: «А как же... карьера... будущее?..» И потом – словесное:

«Моя карьера – это любовь».

...Пушистый хвостик, взлетев по крутым каменным ступенькам, исчез в проеме двери. «Церковь Святой Невинности». Я – за ней. Свечи. Толпа. Священник в лилово-белом. Проповедь-отпевание. Отпевают невинных жертв, погибших при взрыве башен Торгового центра.

...Нашла чашу, омыла руку, перекрестилась, продолжая отыскивать глазами Стасю, но уже приходя в себя и осознавая, что явилась она мне лишь на миг, на мгновения, те мгновения... Вышла наружу, села на ступеньки. Поискала в сумке «лицензии на жизнь», но они исчезли бесследно. Казня себя, почему заплатила лишь за две, было еще пять долларов, достала авторучку написать открытку моей дочери, не зная куда...

«Моя дорогая девочка...»

Встать: кому-то нужна кровь.

* * *

Красный Крест. Стояла в очереди. Впускали небольшими порциями-партиями, сначала на интервью. Со мной занималась девушка по имени Дебра. У меня вырвалось: «Вы делаете доброе дело – служите в Красном Кресте». Она грустно улыбнулась: «Дело в том, что кровь, не считая нулевой группы, впрок, как и Ваши услуги по переводу, пока не нужны...»

Теперь иду вниз, толпа же, люди – вверх. Отмечаю: для многих это непривычно, идти, именно идти, а не ехать; многие в деловых костюмах и поправляют галстуки, а в глазах читается не читаемый, не читанный прежде, человеческий – не животный, как в этих фильмах-ужастиках, а именно человеческий – неприкрытый, молчаливый СТРАХ...

12 сентября, среда. Шла по Бродвею. Теперь у многих, у большинства, были сел-фоны. И они, эти сел-фонисты, мне казалось, я вижу их как бы с высоты полета пластикового мешка: с поджатыми, поднесенными к уху передними конечностями, идут-бредут, бормочут, подражая персонажам их дурацких фильмов, отдавая

кому-то короткие приказы, сигналы, команды, не замечая друг друга... Нет больше взглядов, даже взглядов страха, как вчера!.. Сзади окликнули тихим ржанием. Обернулась – по Пятьдесят с чем-то, кажется, Пятьдесят четвертой, пересекала Бродвей с востока на запад запряженная в повозку-экипаж Белая Лошадь.

13 сентября. Четверг, утро. Поезд движется в сторону Манхаттана. Все подавленно молчат. Приближаемся к мосту. Избегаем смотреть в ту сторону, где по сей день два гигантских столба дыма... Вдруг в молчащей массе чей-то женский голос запел, сначала тихо... Громче... И уже во весь голос. Чаще всего повторялась строка, именно так пелось ею: «Remind us (of?) your son», что могло означать: «Напомни нам о своем сыне», а может: «Напомни нас своим сыном»... То была негритянка, маленькая, худенькая, в цветастом платье. Когда под ее пение миновали Торговый центр, WTC, эта песня была, казалась отпеванием... На «Канал Стрит» она вышла, захлопнув Псалтырь, и какая-то женщина, латиноамериканка, сказала тихо:

– Это было прекрасно.

Далее все хранили молчание.

* * *

«...Один отец рассказал: когда его дети проснулись вчера утром, двое старших, семи и шести лет, стащили матрасики с их кроватей и поставили их вместе, рядышком, как две башни. Потом они позвали двухлетнего братика и сказали, чтобы он их опрокинул...

...Макс Меклинбург, учащийся школы Стюйвезанд, который видел падающие тела и хотел бы это вычеркнуть из памяти, пошел с друзьями в Центральный парк – попытаться забыть...

«Эти дети имеют образы в мозгах, которые... очень напряженные, – сказала его мать Анита, – невольно думаешь, каковы будут последствия?»

(Нью-Йорк Таймс. 13 сентября 2001 г.)

15 сентября. Сегодня кто-то в толпе пожалел о том, что не состоялся или не состоится бейсбол...

Продолжают разгребать, и живых очень мало...

17 сентября. На углу 44-й улицы и 8-й авеню появилась скульптурная композиция: коленопреклоненный пожарный, молящийся перед боем. Рядом – каска, за спиной – огнетушитель. У скульптуры такая история: заказанная пожарным управлением штата Миссури, была изготовлена, выполнена в Италии, а по завершении отправлена в Миссури; 9 сентября прибыла в нью-йоркский аэропорт JFK и ждала транспорта, чтобы отправиться дальше, по месту назначения. Но случилось 11 сентября. Начальник пожарной службы Миссури решил, что это «знамение», что вещь принадлежит Нью-Йорку. Решили: для Миссури будет изготовлена «реплика», то есть копия.

Вот так на Восьмой авеню появилась эта скульптура-памятник людям, отдавшим и отдающим жизни за восстановление ее (жизни) внутреннего порядка.

МОЛИТВА ПОЖАРНЫХ

...Когда поступает сигнал, Господи,
Где бы ни вспыхнуло пламя – дай мне силы
Спасти чью-либо жизнь...
Обнять ли ребенка, вынести ли старика –
Помоги, сотвори так,
чтоб это не было поздно.
Сделай меня способным
слышать тишайший зов,
Чтоб мои усилия погасить пожар
были эффективней,
Я хочу быть достойным своего призвания,
Быть защитником и хранителем
для всех моих соседей.
А если же мне суждено отдать свою жизнь,
согласно нашему предначертанию,
Прошу тебя, Господи, позаботься
о детях моих, и о тех, кто был со мною.

(Автор неизвестен)

У меня не хватило наглости рифмовать...

Побрела на запад, в сторону Одиннадцатой авеню, в сторону Гудзона и того пирса, где некогда причаливал «Святой Павел» из Владивостока. Минуя здание пожарной охраны, замедлила шаг перед фотоиконостасом погибших... Подошла ближе, помолчать, вздрогнула: знакомое лицо... «Диарк...» Мальчик Диарк из Берлина, что когда-то помог нести мою сумку... Статен-Айленд... Искал «флат» в этом городе... Нашел... Свечи, цветы.

Понедельник – вторник, 24–25 сентября. При подходе к лиге, на углу Бродвея и Пятьдесят седьмой, вижу: мужик через дорогу расстегнул ширинку и помочился на стоящую машину. Вот так, в самом сердце Нью-Йорка.

Вчера вечером была свидетелем безобразной сцены: из арабской лавочки, куда я захожу и шла купить печенье, у них все дешево и чисто, вышел дергающийся черный тип с ворохом закусок-сладостей и, видимо, на робкое предложение заплатить, буркнул стоящему у выхода старому арабу-уборщику: «Подержи», сунув ему все в руки (тот подчинился); сбросил штаны, оголив грязный и страшный зад, наклонился, сверкнув им: «Вот моя плата!» Взял из рук подавленно молчавшего уборщика свою добычу и ушел, вихляясь... Мне было больно смотреть этим людям в глаза, особенно оттого, что подобные и хуже сцены стали не редкостью... Владелец сказал мне тихо: «Извините... Это ужасно». Я предложила им вызвать полицию, они закивали: «Да-да... В другой раз».

В самом деле: не было бы хуже.

Среда. Утро. Проезжали Бруклинский мост. Ребенок (девочка) посмотрел в окно вагона, не заметив отсутствия башен WTC.

* * *

...Nancy Yuen Ngo
Gregory James Trost
Gary Bright
Krishna V. Moorthy (Krishnamoorty) – Fiduciary Trust Company, age 59, 5'6», 150 lbs, (914) 762-6187. (Кришнамути, Фидусиари Траст Компания, возраст 59 лет, рост пять футов шесть дюймов, или сто шестьдесят пять сантиметров, вес 150 фунтов, или 68 килограммов...)

105

. . . . . .

Paul Nimbley (какой молодой!)
Toniel Mc Day (молодая, красивая блондинка)
Veronique Bowers (тоже молодая, красивая...)
Colonel Richard g. Rescorla
Linda L. Rivera
Brian Terrenzi
Giovanna («Gennie») Gambale

В городе всюду – на столбах, в переходах метро, а больше всего внутри станции «Сорок вторая…» – целый пантеон: расклеены-размножены изображения (лазерные копии) и имена потерянных, исчезнувших, вышедших из дома утром и не вернувшихся после взрыва. На что надеются их родные?.. Видимо, на то же, на что надеялась я ребенком, сидя на подоконнике и поглядывая в окно: вдруг увижу знакомое мне лишь по фотографиям лицо отца, проходящего мимо: на чудо... Бабушка Чернавиха в перерывах между припадками эпилепсии спустя столько лет после невозвращения из леса дочки Леночки заплетает седые волосы в косу, а в серых глазах – слабый огонек надежды: «...Хвали, душе моя, Господа. Буду хвалити Господа, поки життя мого; співатиму Богові моему, доки живу... Не надійтеся на князів, на синів чоловіческих, в них нема спасіння. І нині І повсякчас и на віки вічні. Амінь...» (Пс. 145, Ант. 2).

...Больше всего врезался в память, и из-за имени тоже, этот Кришнамурти: простодушная улыбка пожилого мужчины, скорее всего, «секюрити гарда», то есть охранника... А вдруг тот самый?.. Жаль, что купила тогда лишь две лицензии на жизнь, ведь было еще пять долларов.

«...Самое главное – для нас должна быть способность жить в духе реальностей, понимать их как можно яснее и уметь передавать их основную ноту внешнему миру...» – кажется, слышу голос Кришнамурти... Слушаю...

А в газете «Нью-Йорк Пост» – (умышленно) плохо переведенное письмо-обращение бен Ладена, в котором при всех излишествах типа «антиеврейско-христианский...» прочитывается ответ на «американские военные действия», а не на события WTC, к которым он, похоже, прямого отношения не имеет...

По утрам, идя к метро-сабвею, миную почти в каждом дворике, и у супругов Джей тоже, развернутый американский флаг (этим достался от Чарли). Часто – плакат: «Горжусь быть американцем». Эта странная плакатная гордость. Дворики пусты, хозяева спят.

Октябрь... Паника. «Антракс» (сибирская язва). Почему этот народ пугают (все медиа!) антраксом, ведь это заболевание скота!.. Неужели...

Ноябрь... Был объявлен День бесплатного маникюра, и есть дамы и господа, которых это утешит.

11 ноября. Взорвался и сгорел в JFK при неудачном старте в направлении Доминиканской республики пассажирский самолет с двумястами с чем-то пассажирами...

Декабрь. Война в Афганистане. Пробив крышу дома, насмерть убило находящихся внутри мать с ребенком сброшенной с американского самолета гуманитарной помощью. (Как собакам, кидают вперемежку с бомбами…)

Январь. На первой странице газеты – взволнованное лицо президента, и крупным текстом сообщение: «Президент подавился претцелем,

но сейчас ему лучше...» Откачали. Смотрел телевизор, жуя претцель в комнате. (Овальной? Ее в свое время экс-президент* прочел невнимательно как «оральная»...) Я не совсем понимаю, как можно увлекаться претцелями. Вообще, у крупных политических фигур странные вкусы в еде. Кто-то из них, кажется, Наполеон, впрочем**... любил... вареные яйца! Да я в кафетерии отсаживаюсь подальше от едоков вареных яиц, от этого запаха подгузников... Претцель – он еще ничего, но пока горячий, а остывает быстро, едва дойдешь (даже если «добежишь») до половины – уже холодный, рыхлый, ломкий. Да и соль, что сверху, осыпается, а внутри – несолоно, невкусно... Нет-нет. На месте президента я бы ела... чипсы, ими даже можно ужинать вприкуску с солеными огурцами... Поджав ноги на мягком диване, пусть в Оральной комнате... На месте президента я телевизор выключила бы вовсе. Взяла в руки книгу стихов... Стихи… Хорошие. Межирова:

…Тишайший снегопад,
Закутавшийся в хлопья,
В обувке пуховой
Проходит по земле...

– ...Эй!.. Вы что, не слышите? По-о-за!!

Очнулась в качестве натурщицы. Иду на свое место, сажусь и сижу. Позирую с Авивой. Авиве трудно двигаться, так болят все ее суставы, я видела, знаю, каких усилий стоит ей взбираться на подиум. Но всегда улыбается, острит... Транспорт работает паршиво, сейчас – особенно скверно, и она часто опаздывает... Вошла в класс с улыбкой радости:

– Я ту-ут! Сладкие мои, соскучились?

...Пыхтя, разделась. Долго рылась в сумке в поисках халатика. «Сладкие» ждали... Зачем носить в сумке так много ненужных вещей? Вот вынула плюшевого медвежонка с одним ухом:

– Друг детства, сладкие мои...

…Книга килограммов на десять:

– Стихи... Знаете, сладкие, читать в дороге...

...Косметичка:

– Лицо мое – для вас, голубчики... Сейчас подкрасим губки. М-м...

Села наконец рядом: «А меня эта, координатор... оштрафовала. Получаю чек – а та-ам...»

(«Попросить бы в офисе компромисса: сокращая длинные перерывы... Профсоюз все-таки... Погорелый, правда...»)

Элегантная дама, абстракционистка из северо-восточного угла класса, сказала, укладывая кисточки в пластиковую коробку, «бин»:

– Уезжаю на месяц в Афганистан, я журналистка, освещать военные события! – И, посмотрев на нас с Авивой, добавила: – А у вас для такого недостаточно смелости.

– Ах, у нас недостаточно смелости! – взорвалась Авива, я впервые за все годы видела ее такой, – по-Вашему, превозмогая боль и смущение, вскарабкиваться на платформу, обнажившись перед людьми, которые годятся вам (нам) чуть ли не во внуки, – для этого не нужна смелость?!

– Извините...

– Извиняю. Продолжайте сборы, не будем мешать.

...Весна. В туалете женские (полагаю!) голоса: к кому-то из говорящих приедет когда-то брат в Испанию, тоже скульптор, увидятся впервые за столько лет!.. Об этом сказала-звонила его приемная сестра. «Почему «приемная сестра»?» – «Ах, да он же немой, ничего не слышит, знаете, была война, и он ребенком...» – «Да уж, эти войны…»

...Вышла из кабины: отмывши руки от скульптурной глины, удаляются две старушенции... Надо бы сказать Нури: пора подкрашивать седину.

* * *

– Pose!..

Работаем с Розанжелой, я на платформе коротких поз, она – длинных. Сидит, сложив руки на коленях. Вот так же она сидит и в перерывах, одна. Где Ли?..

Июнь, июль и август... Приготовления к войне с Ираком... Встаю по будильнику, пью кофе где попало, спешу и иногда опаздываю на случайно подвернувшиеся работы, боюсь стука в дверь Джей в сопровождении отпрысков-колобков: «Эй, плати за постой» и прочее... И при всем при том у меня такое ощущение, что влачу на себе... тяжкую ношу человечества...

2002 г., 11 сентября. Вернулась, была вечером в Вашингтон-сквере, где проходил мирный митинг... Среди выступающих узнала священника (bonze) буддистской церкви дзедо-сю (Цзинту), куда я относила фотографию Стаси в День поминовения ушедших от нас домашних живот-

* Б. Клинтон.

** Впрочем, Розанжела.

ных... Плакала мать Зорана, то есть Омара из Ирака, плакала-говорила, какой он был «хороший, добрый мальчик» и как она не хочет войны, за него и его товарищей гибель при тушении «пожара» в WTC. ...Девушка из Вьетнама сказала с трибуны:

– Сейчас мне за тридцать... Моих родителей убили американцы, когда я была маленькой... Если бы вы меня встретили двадцать лет назад, когда я сидела на улице и рылась в помойке в поисках еды, я бы не советовала вам ко мне приближаться: так сильна была моя ненависть к вам... Сейчас мне за тридцать. Я окончила колледж и работаю... Нашлись люди, отогревшие мою душу... Я вас люблю... Я не хочу больше войны.

Сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь...

В русской газете увидела: огромная статья-интервью «Но изменяю первым им Я» с моим... то есть с первым мужчиной... Алом. Его профиль склонился пред микрофоном интервьюировавшего: все волосы на месте, аккуратно пострижены и, возможно, подкрашены. И – борода, скорее эспаньолка, нежели а ля Хемингуэй. Боже, как ему идет!.. С жадностью погрузилась в чтение, фотографируя глазами вопросы: «Над чем Вы работаете», «У кого бы Вы...» и т. д. Ответы: в молодости, после долгих и мучительных поисков подходящей невесты, он наконец услышал о существовании в семье местного секретаря ...кома (обл-? рай-?..) дочери пятнадцати лет от роду и красоты «неописуемой» (описания и в самом деле не следовало), которая, по слухам, «никого к себе не подпускала», что его тронуло, и он посватался немедленно, «по-старинке». Родители ее вовсе не обрадовались тому, что жених – киношник: все, мол, они «такие». Но девушка, наоборот, именно потому дала немедленное согласие и стала ему хорошей женой. Например, прекрасно зная, чем он занимался с разными женщинами в специально для них снятой студии (чем, интересно?) совсем недалеко от их кооперативной квартиры, она тем не менее «ни в чем не упрекала» его, а на замечания и даже сцены, устраиваемые по поводу немытой посуды: «Что делала весь день, идиотка?!» – спешила остудить гнев его словами: «Аленька, Аленька, успокойся, давай чаечку попьем...» Он возмущался, но удивлялся: «При чем тут чаечек?..» Гнев проходил. Они жили дальше, включая народившихся детишек. Потом она умерла. Остались дети, ребята очень хорошие, теперь они совсем большие, вместе с отцом смотрят телевизор... И обсуждают.

...Я перевела взгляд на картинку вверху, сначала не обратила внимания, думала – интервьюер с микрофоном, а это невысокая плотненькая брюнетка с тугим узлом волос на затылке, в белой кружевной нашлепке на макушке поправляет моему... то есть Алу, галстук... Милый мягкий профиль, выражение обреченности... (Так это старая фотография...)

«Жена у меня была хорошая, но, к сожалению, умерла».

...За этим его интервью последуют другие, в разных русских газетах, Ал как бы воспрянет из небытия! А может быть, это просто я слишком долго не покупала русских газет? «Крупный» кинодеятель, «элитный» (ничего не видела. А как же Жеребец?..) будет оправдываться по поводу каких-то сделок, связей, отношений, событий, чьих-то и своих высказываний... В его речи, я заметила, появилось много оборотов вроде: «мне так кажется», «может быть», «возможно», «по крайней мере, такое впечатление, что...». И даже: «по-моему, кажется...»

А рефреном, иногда уж вовсе без повода:

«Жена у меня была хорошая, но, к сожалению, умерла».

* * *

12 ноября 2002 года. Вторник. Накануне, то есть позавчера, встретила на улице Авиву, и мы отправились в кафе «Артуро» отметить вторую годовщину замужества Шилы – тоже модели из лиги, как и мы с Авивой... Пришли первыми.

Вскоре приковылял старый гей Стэнли, бывший балетный танцор. Когда мы уже ели пиццу, появилась Шила, в шляпе, экзотической шубе: вышивки, блестки и прочее, и стала говорить-скорбеть о своем абсолютно бестолковом мужеафриканце, который никогда ничего не понимает, и сейчас где-то у себя (дома?). Поминутно спрашивала: «У вас есть сел-фон?..» У нас, естественно, не было сел-фонов... Вышла на улицу звонить из автомата... Стэнли, когда Шила отсутствовала, надел ее шляпу. Пришла еще парочка, новенькие в лиге: он – поэт, она – японка. Они заказали дикое количество жратвы для себя и жрали, жрали сами, в то время как мы четверо довольствовались скудной пиццей. Я уронила свой кусок, поднимать, то есть доедать его было

бы нетактично и негигиенично... Осталось чувство неудовлетворенности... Расходились – я утешала Шилу по поводу неявки мужа на двухлетний юбилей: «But you have to be funny...» («А ты будь веселой...»)

И в общем-то все мы, как правильно заметила Авива, были «Адамс Фамили»*, семья уродцев...

* * *

Холодное воскресенье 9 февраля 2003 года. Зашла в церковь «Time Square» («Тайм Сквер») – погреться, послушать. Сначала, как вошла, хранительница – короткорукая брюнетка в желтой униформе (пиджаке) спросила, показав на пальцах: «Одно место?» Я мотнула головой, так как не была уверена, что задержусь надолго, в руках у меня был букет розовых мини-роз. (Со времен Ала питаю к ним особую нежность.) И я боялась, он завянет за время службы. Она (хранительница) сказала: «Отойдите вон туда (вправо), не загораживайте проход». Я лишь отшатнулась влево, стала рядом с человеком, дергающимся в такт пению, это здесь принято... Потом, чтобы не мешать ему дергаться, подвинулась вправо и опять попала на глаза желтому униформисту, идущему на меня шугнуть вправо или влево... Казалось, им тут шугать светлокожую и светловолосую хрупкую женщину, леди было приятно!.. Но вот вошел парень, тоже светлый, но высокий и здоровенный! Униформист робко предложил ему «влево», тот мотнул головой и остался на месте. Я подвинулась к нему, к этому парню... Ближе... Ближе... Под крылышко... Униформисты, поджав лапки, отвернулись и подпевали хору с благочестивыми рыбьими мордашками, однако я знала, готовые в любую минуту к мордобою... Вынырнул справа пожилой черный в желтом и решительно махнул мне рукой: эй, займите место где-то там. Я сдалась... Впереди меня сидела дама, которая косилась на меня и трогала рукой шубку, висящую у нее на спинке стула: не стащила ли я?.. И даже потом, встав и танцуя желеобразным задом, косилась на меня... Девочка же слева и женщина справа, тоже черные, в определенный момент пожали мне руки и сказали дежурное «I love you».

...Вот проповедники. Сначала тот, что постарше, в чистеньком сером костюме, говорил что-то о президенте, сфотографированном, а может, свидеофированном на фоне Христа... «Церковь и политика – что?.. Разные?.. Схожие?» Шумно... Второй проповедник рассуждал долго-долго ни о чем, потом – пример: звонит полицейский в дом обывателя и сообщает о гибели дочери в автокатастрофе (а-а, это сравнение с войной)... Затем он долго-долго и увлеченно проповедовал, что нужно просить у Господа о своем «O God...» так, как обычно просят нью-йоркские мускулистые и вооруженные просители на темных аллеях парка: «О Бог, я стучу в твою дверь снова и снова напомнить, что мне нужна твоя помощь/хлеб, и я не оставлю тебя в покое, не отступлюсь, пока ты не дашь мне этого... О Господи, я не уйду с этого места, я не отступлюсь от своего и буду настаивать на своем: дай мне то, о чем я прошу!..»

Не очень робкая молитва, не правда ли? Замечательное выступление. В нем была вся квинтэссенция местной набожности. Публика ликовала. Потом пошла в разные стороны, разнося философию «Тайм Сквер» по офисам, агентствам, школам, больницам и прочее... (И даже с именем Господа – на разбой?..) Впрочем, розы уцелели.

Февраль... Я больше не видела и, наверное, не увижу красивого брюнета с глубокими черными глазами, когда-то так плотно поужинавшего за мой счет в русском ресторане...

Урок – мне: не все брюнеты памятливы.

Зато встретила Витяниса. Решила «подышать русским духом» и покормить себя русской едой, то есть поужинать самой в этом ресторане, русском, где хозяин – радушный Р. и пианист Аркадий столь блестяще играет классику. (Обожаю звуки живого пианино вообще, а тут... Мастер...) Вошла и вижу: за стойкой бара, за рюмкой водки – Витянис! Нарядный, элегантный, в черном. Увидел меня, обрадовался (Аркадий играл «Мазурку» Шопена):

– Ты!.. Како-ой гражаусас (красивый – лит.)! Как живешь? Я так скучал!.. (про пинок – ни слова) – пара глотков из рюмочки. – Поедем ко мне домой!

– «Домой»? Ты имеешь в виду в студию?

– Нет-нет, домой!

– А...

– ...жена? Она умерла, уж скоро три года как... Да-а... Схоронил ее, Царство Небесное...

– О... Что с ней было?

– Рак. Да-а... Голодная? Съешь салатику, я заплачу, и поехали... Офицци... Бармен! Мне пива!

* «Adam's Family» – американская кинокомедия «нуар».

Высокий светлоглазый юноша, с перекинутым через руку полотенцем внемлющий мазурке, отрешившийся от земного, казалось, весь ушедший в мелокосмос, повернулся на окрик, пошел вглубь бара, достал с полки стеклянную кружку...

«...К-как «умерла»?.. Она? Эта женщина – и смерть?.. Все равно что падение режима, кажущегося незыблемым, вечным... Железная Леди, когда-то стоившая мне горько-соленых бессонных ночей. («Почему, Господи...») Я могла подумать: что-то случилось с ним, когда все минувшие с пинка годы набирала его телефон помолчать в трубку, но там никто не подходил...»

Витянис продолжил мои мысли, подвигая к себе кружку с пенящимся напитком:

– ...А я несколько раз подходил к твоему дому, думал: увижу. Один раз поднялся наверх (кто-то входил в здание – я за ним). Позвонил в дверь. Открыли чужие люди. Сказали: такая здесь не живет... Но – как ты?.. Подожди, потом расскажешь...

Вынул из кармана верещавший сел-фон. Поболтал по-литовски. Закончил разговор, положил трубку, то есть телефон, в карман:

– Одна тут... из Литвы... Хочет грин-карту, ха... Продолжай.

Поднявшейся снизу, вернувшейся из туалета пухленькой кудрявенькой молодой даме:

– Hi, how are you?..

Та, усаживаясь на сиденье слева от него (а я сидела справа):

– Ты чо, Витянис?! Не можешь говорить по-русски? Уже забыл, пока я была в отлучке?.. Вот и сеструхе моей вчерась...

– Жизус! – вскрикнул Витянис. – Почему я должен говорить по-русски? Ужас какой-то! Оккупанты! Больше сюда – ни ногой! Мое тут достоинство...

Конец тирады потонул в звуках грянувшей Аркашиной «Цыганочки». Дама выскочила на средину площадки между баром, фортепьяно и столиками, сделала Витянису зазывающий жест «танцуй со мною». И под ее полусогласные кивки: «ага», «ага» с белозубыми улыбками он пустился в пляс, полетел по кругу с кружкой золотистого пива в руках («...Та-та-та-та-та-та...»), в то время как партнерша, вскидывая вверх пухлые ручки-ласты, энергично вращала задом на месте... Мне был виден ее чудовищно дергающийся профиль...

«...Умерла... Господи, как я отстала от (этой) жизни... А ведь может быть, Наташа Ростова... И Наташа Ростова... Что я, в сущности, знаю о Наташе Ростовой?..»

...Прикрыла глаза: увидела Стасю, стоящую в бурьяне на задворках старого школьного строения, и была сухая солнечная погода Бабьего лета... Протянула к ней руку погладить... Она ждала меня, чтобы вывести... к некоему крыльцу... на свет... увести. Открыла глаза, тронулась на выход, кивнув прощально светлоглазому бармену.

«...К-как... «умерла»?.. Умерла...»

«...Эх, раз, еще раз, еще много, много, много, много...»

Наконец звуков очередной цыганской плясовой не стало слышно за спиной. Лишь где-то, очень далеко, женовладелец Ал все скорбил рефреном:

«Жена у меня была хорошая, но, к сожалению, умерла».

...Утро. В холле лиги Розанжела, сидит одна. Ли нигде не видно вообще и уже давно. Получил ли роль в боевике? Уехал в Голливуд? Вернулся в Ливерпуль, в Вайоминге ли окучивает кукурузу? Спросить у нее: «А где Ли?» – кажется бестактным. Молча кивну ей, улыбнусь дежурно.

Она кивнула, улыбнулась дежурно в ответ.

* * *

Ночь. Стояла на платформе в ожидании бруклинского поезда. Из дырки-водоотвода вылез, видимо, голодный крысенок. У меня был бутерброд с сыром, дала ему, отошла... Появившиеся на платформе две темнокожие девчонки-школьницы в клетчатых юбках увидели, затопали толстыми ножищами:

– Вон отсюда! А-а!

Он убежал. Я подошла к недоеденному бутерброду:

– Зачем вы так?

Они:

– Вы что, любите крыс?

– Нет, я просто люблю мир...

Тем временем крысенок, почувствовав, что ситуация и разговор – в его пользу, вылез из дырки и стал доедать бутерброд, прячась за моими ногами... Девчонки смотрели на него какими-то новыми глазами:

– Они (*крысы*)... как мы. Правда, мэм?

– Да. Правда...
Пришел поезд.

* * *

Класс скульптуры по камню... Рядом – класс глиняной скульптуры, где позирует тощий Эдвард. Нури нет, не видно. А тут Генри послал студентку купить какой-нибудь «дринк», лучше всего пива, сказал...

День «крит**и**к», все ждали критиков, чтобы решить, кого представить на соискание какой-то премии... Вот пришел старый джентльмен, представляющий жюри... Жена Макса, что когда-то, а именно ...дцать лет назад, начинала ему позировать для Стоящей с Заломленными Руками, еще будучи молодой, – потом эту миссию продолжили модели другие, разные, – теперь заметно постаревшая, с поредевшими распущенными волосами, в очках, ниспадающих с носа. ...Выкатил Макс свое произведение. Разворачивал. Один слой пластика... Другой... Мне вспомнился Володя Пирожок (из детства)... Развернул. Все как-то загудели, зашевелились вокруг. Джентльмен из жюри долго сморкался в бумажную салфетку. Стоящая... Она была прекрасна.

Март. «ВОЙНА». Идет быстрее, чем пишется. Холод. У почтамта – машины под снегом. Около «трака», сине-бело-красного, полицейские разговаривают с девушкой-водителем, похожей на свою машину: в сине-бело-красном. Она, видимо, из другого штата и запарковала машину еще до снежного шторма: «I've no idea!..» («Я не думала!..») Война и холод. Холод в Нью-Йорке. Война в Ираке. Воскресный вечер, и иду снова погреться в «Time Square Church», то есть в Церковь на Площади под Часами.

(Где часы, какие часы? Холодно...)

В помещении мест больше нет, но есть экран монитора в прихожей; смотрим-слушаем-греемся, горсточка не поместившихся. На экране молодой проповедник (постарше, наверное, уже сказал свое слово), и на нем опрятный серый костюм в мелкую черную полоску, белая сорочка, серый галстук, который он поправляет шевелением шеи вверх-влево, вверх-вправо... Очки на носу: когда наклоняется заглянуть в написанный текст, очки норовят свалиться, но он вскидывает голову вверх, и очки на месте. Рот – петелька, то есть отверстие для застегивания пуговиц (по форме). Призывает к чему-то в семье, непонятно. Он говорит, что «Бог становится больше и больше...» Он хочет, чтобы мы поняли, кто Он есть... «I am in touch everything in your heart of your life» («Я в контакте со всем, что есть в сердце вашей жизни»). ...Он говорит, что каждый американец играет с ребенком по сорок минут в день («Нужно больше?.. А как насчет педофилии повальной?..») ...И что в девяноста процентах разводов – споры из-за финансов. («Так...») Дальше – на полчаса, – через полчаса я ушла: «God! God!.. Every single aspect of your life... Who God realy is!.. He is big! How big! How big God is How big God is...» («Бог! Бог!.. Каждый отдельный аспект вашей жизни. ...Кто есть Бог в действительности... Он большой... Какой большой он, Бог... Какой большой Бог...») (*Рев толпы*)...

...Я уходила под восклицания и всхлипывания, аккомпанируемые ревом толпы:

– Я люблю тебя, потому что я осознаю, какой ты большой, Бог! Бог! Восхитительно, какой ты большой!..

...Добралась до ближайшего «Макдоналдса». Взяла чай с молоком... Кажется, почему-то кажется, от меня весь мир ждет нераспускания нюней, а я... Камень на душе... Война в Ираке. Хотелось бы проснуться от всего этого... Как я соскучилась по дому, которого у меня нет... Музыка. Пошла туда, где музыка. Женщина с русым пучком на затылке – похожа на мадам Z. без парика – в углу «Макдоналдса» играет на фортепьяно «Лунную сонату», тихо, неважно. Старушка в инвалидном кресле-коляске, в темных очках и шляпе, слушает, плачет... Ее утешает и увозит прочь молодая мексиканка. В Ираке убивают. Грустная музыка. Грустная жизнь.

* * *

Апрель. Розанжела сказала при встрече: вот, мол, исполняется десять лет ее служения подиуму лиги. Тут я вспомнила: и я тоже, и у меня тоже! Мало того, именно она, Розанжела, была первым «модельным» лицом, встреченным мною в холле, я спросила у нее тогда, где класс номер... Где раздевалка и где что-то еще, а потом выяснилось, мы коллеги... Решили отметить дату (даты): посидеть в ресторане, Розанжела настояла на русском, том самом (!): от кого-то слышала, что там бывает Мила Йовович, вдруг и она придет отметить что-нибудь?.. Стоял чудовищный холод... Шло время, и рос счет, а Милы не было (я никогда ее там и не видела). Не было Аркадия и музыки. Пили клюквенную водку. (Розанжела не выплевывала. В розовом пла-

тье, красивая, она казалась холодостойкой розовой розой.) Я не спрашивала о Ли, тем более о Витянисе. Было просто не до них.

– ...Саучи. Весна...

– На здоровье... У нас в Бразилии сейчас начало осени. Тепло. Я покажу тебе мой дом... Ношу с собой… (Все это она говорит по-русски, выучила!.. Ради Милы!..)

На фотографии – низенький домик, прячущийся в тени деревьев. («А...» – «Кофейная плантация? Отец вырубил, стало невыгодно...» – «А…»)

– Домик у нас неважный, для одиннадцати детей (плюс...) тесноват, но это ничего! Мы ведь больше на воздухе... Тепло! Бразилия... Тебе бы понравилось... Э-э-э... Слушай... Тебе кто-нибудь... Ты когда-нибудь думала о том, что у нас... у моделей... нет будущего?..

– Как это «нет будущего»? А старость? А смерть? («А у всего человечества?..»)

– Кха-кха-кха!..

– Ха-ха-ха!..

– ...Я имела ввиду: нет постоянного инкома*.

– «Постоянный инком»... Звучит как «голубая бабочка»...

– Кха-кха-кха!.. Почему «голубая»?.. Слушай, а какие цветы цветут у вас весной?

– Вот это умный вопрос. На Дальнем Востоке... первыми зацветут деревья: яблони-ранетки, дикие груши, сливы... За огородами, в лесу, свесит свои сережки деревце такое – ольха...

– Оль-ха... А у нас в Бразилии цветы цветут весь год. Больше всего там орхидей. Белые орхидеи, желтые... Разные...

На улице шел снег. «Апрельский снегопад...» – так, наверное, сказал бы поэт Межиров. (Как он?..) Холодный снег снаружи: казалось, природа пытала либо испытывала человечество непогодой... Милы не было, не приходила. Не было Аркадия и не было музыки. За окнами шел снег... Впрочем, окон не было.

* * *

...Посетила парк: «Форт Трэйон» и Клойстер, Замок... Перегнулась через барьерчик, что во втором палисаднике: нет ни одного деревца, все – и ранетки тоже – срублены. Но на их место (спустилась затем, подошла туда, где потеряла Стасю) посажены росточки, из них тянутся вверх, к холодному солнцу, веточки...

В усыпальнице – изображения (Effigies) членов семей испанской знати... Супружеская пара из Ургела (или Уржела?). Он ступенькой выше, чем я, то есть Сесилия...

Когда шла по парку к выходу, миновала бездомного мусульманина у ограды, совершавшего намаз: его уже повидавшая виды котомка ждала в сторонке, а лицо молящегося было обращено к Востоку, поверх крематориеобразных строений... Вот встал с колен, аккуратно свернул коврик; я отвернулась, как бы не впуская его в память-совесть... Поздно. «Скорей бы отсюда... Вернуться... Туда, где еще пока не отцвели ландыши...»

Услышала сзади:

– Кукла!..

Присели на скамейке с видом на Гудзон... Отмалчивалась, слушая... Говорила она, Марианна:

– Такие проблемы! Старшая-то... разводится. Не отдает ей дом, этот... скотина. И ведь не жалко ему детей, двоих!.. Ну, а ты-то как?

– Все хорошо, спасибо.

– Дочка?..

– Спасибо. Замужем. Пишет.

И замечательное же рандеву состоялось на подступах к сабвею: по Беннет авеню шел навстречу... брюнетик с белым, как смерть, лицом, весь в черном. Увидев меня, сделал скачок назад: это я выбросила руку вперед – жест, означавший: «Изыди, Сатана» – он, по-видимому, решил: для заключения его в объятья, для поцелуя...

* * *

Май 2003 года. «Дорогая Розанжела!

Вкладываю в письмо ландыш, сорванный под Лучегорском...»

...Дорогие мои!

Если увидите Нури из класса глиняной скульптуры, она должна вернуться из Испании, скажите ей... Скажите...

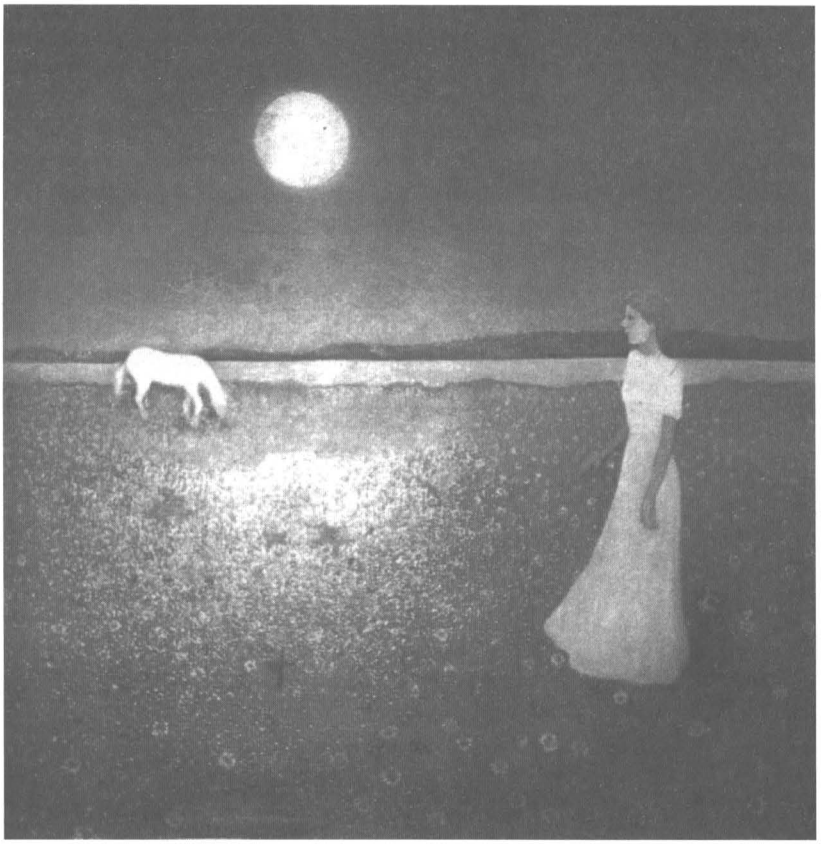
Это было так: летели через Мадрид – чартерный рейс, дешевый... Я спала всю дорогу по примеру верблюда, спала впрок... В Москву прибыли ранним утром, холодным. Выпускали по трапу, кажущемуся бесконечно длинным, сверху вниз... *Я шла по трапу, по этой лестнице, бесконечной и крутой, ведущей сверху вниз, и обнаружила, что потеряла перчатку с одной руки, левой (правой держала сумку через плечо).*

* Incom – доход.

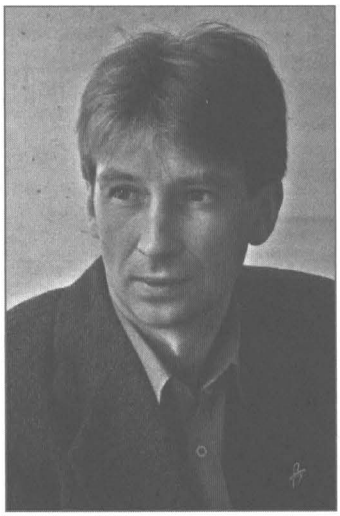
Безумный импульс – глупая, конечно, затея пойти назад, вспять, за потерянной перчаткой. Но ведь холодно. (И мои руки – я их стесняюсь...) Найти ее во что бы то ни стало... Иду, смотрю на ступеньки, без надежд, пихаемая, сбиваемая с ног толпой выходящих... Тут Он, стоит с моей перчаткой в руке, седой человек с глубокими черными... – впрочем, это моя надвигающаяся слепота делает их черными, – с темными, серо-зелеными глазами. Протягивая руку за перчаткой – схватить, прикоснуться, чтобы это не оказалось сном, делая между тем знак: «Спасибо, Альваро», – я уже знала, что будет завтра. Будет то, что было, то есть что я подглядела нечаянно однажды, лет пятьдесят тому назад, когда, столкнув с крыльца поросенка и пожалев о содеянном, – поросенок вскочил и убежал – я посмотрела ему вслед, затем быстро обернулась к крыльцу, слишком быстро, и потому оказалась в другом временном измерении:

...Чувствуя за спиной Его согревающее дыхание и присутствие, я стояла перед своим, но заброшенным и разрушенным домом. Между порогом и осевшими ступеньками зияла дыра, видны были четыре столба-сваи, поддерживающие дом-скелет. И сверху, перепрыгнув-перемахнув через эту вакуумную дыру, побежала ко мне вниз, вниз по ступенькам, развевая черно-белым, полосатым и пушистым хвостиком...

– Ста-ся-а-а-а!..

Работа Анны-Нины Коваленко, 2005 г.

Андрей ФРОЛОВ

НАД ТУМАНОМ САД ПЛЫВЁТ

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне.
Только знают пацаны,
Что у бабушки Андревны –
Просто диво, как вкусны!

И поэтому, наверно,
Успевает только треть
Урожая у Андревны
Окончательно созреть.

Шибко сердится Андреевна:
Мол, коту под хвост труды, –
Собирая на варенье
Уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
Всё стращает пацанву:
– Вот ужо, кого спымаю –
Ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
– Дурна старуха –
Нешто слопать всё одной?

РАССВЕТНОЕ

Над туманом сад плывёт:
Вишни, облепиха…
Новый день больших забот
Народился тихо.

Он покуда ничего
Никому не должен.
Не омыл пока его
Беспризорный дождик.

Не нагруженный виной,
Еле-еле зримый,
День растёт очередной
И неповторимый.

ОДНОЛЮБ

Нёс, как вылинявшее знамя,
Жизнь, полученную в рассрочку.
Всякий раз, расплатившись с долгами,
Выпивал по ночам в одиночку.
Иногда, словно выключив разум,
Озирался вокруг виновато
И влюблялся по сотому разу
В ту, с которой расстался когда-то…

ФРОЛОВ Андрей Владимирович *родился в 1965 году в Орле. Окончил Орловский строительный техникум, служил в рядах Советской Армии, работал – от плотника до инженера. Сейчас его место работы – Орловский Дом литераторов. Публиковался в журналах «Поэзия», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия» (все – Москва), «Простор» (Алма-Ата), «Невский альманах» и «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Десна» (Брянск), «Орёл литературный», «Литературный Омск», в «Литературной газете», антологиях современной поэзии «Наше время» (Москва – Нижний Новгород, 2009) и «Русская поэзия XXI век» (Москва, 2010). Издал три книги стихотворений и сборник рассказов. Член Союза писателей России. Живёт в Орле.*

ГЛУБИНКА

Сдвинув в сторону плетень,
Бог поставил мету
Из окрестных деревень
Именно на эту.

В холода дворы тесней
Прижимались к тыну,
Отмирали по весне,
Пережив годину.

Быт размерен,
у людей
Вкусы простоваты:
Сговорясь, в апрельский день
Все белили хаты.

Дружно – вспашка,
Дружно – сев,
И любой при деле.
Здесь и немцы, обрусев,
Под гармошку пели.

СИНЯЯ ПТИЦА

Наврала, улетая:
– Отмучился,
наслаждайся теперь
одиночеством…
– Ты вернёшься? – спросил.
– Как получится.
А имела в виду:
как захочется.

ТРИПТИХ

1

Стало, кажется, теплее…
Вот и двинулись снега
Вдоль окраинной аллеи
Дальше – за город, в луга.
Там набрякли и оплыли,
А расквасятся едва –
Из-под них попрут полыни
И другая трын-трава…

2

Становлюсь сентиментален.
С каждым мартом всё ясней
Слышу выдохи проталин
Сквозь галдёж весенних дней.
И последним снегом таю,
И к тебе бегу ручьём,
И без умолку болтаю
Обо всём и ни о чём…

3

Стань же ты ко мне теплее.
Пусть я вздорный и чумной –
Вместе мы переболели,
Перебредили весной.
Лето мирно пережили…
Свинцовеет окоём.
Скоро осень.
Дорожим ли
Тем, что до сих пор вдвоём?

ГОРОДСКАЯ

На селе артисток мало,
Эта – тоже не «звезда»:
Год куда-то поступала –
Не попала никуда.

Недовольна небесами,
Будто ждёт всегда дождя,
Водит пыльными глазами,
До округи снисходя.

Тет-а-тет не допуская,
Как хрустальный, держит стан.
Что тут скажешь, городская –
До неё, поди, достань…

* * *

Всю-то жизнь мой отец слесарил,
Почитая свой труд за честь.
Под руками его плясали
Все металлы, что в мире есть.
Размечал заготовки, резал,
И паял, и клепал – за грош.
И шутил:
– Я тебе из железа
Чёрта сделаю, если хошь…

А теперь, как его не стало,
Прихожу я с вопросом:
– Бать,
Из какого, скажи, металла
Мне для сердца броню склепать?

Слишком много на нём отметин –
Так болит, что уж мочи нет…

Прошуршал над погостом ветер
И принёс мне отцов ответ:
– Ты, сынок, только с виду умный,
А на деле – совсем дурак.
Тех, кто ходит с плитой чугунной
Вместо сердца, полно и так.
Ты подумай-ка головою:
С железякой в груди ты б смог?
А болит… Знать, оно живое,
И ты этим гордись, сынок…

СТАРИК

От рождения – тих и серьезен,
Нес терпение гордо, как флаг.
Не стерпел только раз,
когда оземь
Охнул колокол...
После – ГУЛаг.

Терпеливо сносил он обиды,
От неправды сгибался и чах...
То, что всеми другими забыто, –
На его стариковских плечах.

Обессиленно щурясь на солнце,
Не спешит и не медлит старик.
И мне кажется: он вознесется
Через день... Через час... Через миг...

БОГАТЫРЬ

Беспутный сын эпохи
Лежит на мостовой –
Уже подвел итоги,
Но всё ещё живой.

Разбросаны ладони
В иные времена.
В нечеловечьем стоне
Надежда не слышна.

Но скоро, очень скоро
Слетит похмельный сон,
И он своротит горы,
Бесстрашен и силён!

МУЖИЦКИЙ РАЗУМ

Избу поставить – разом!
Работа не за страх.
Гудит мужицкий разум
В мозолистых руках.

На море и на суше
В любых делах мастак.
Он даже бьет баклуши
Отнюдь не абы как.

Прочищен, водкой смазан,
Под кнут поставлен – ну!
Сопит мужицкий разум,
Прёт на себе страну.

РАБОТЯГА

Сам себе не зная цену,
Слободскою стороной,
Отработав честно смену,
Он идет слегка хмельной.

Смысл и в жизни, и в работе
Видит он издалека.
Зависает на отлете
Тяжеленная рука.

Дома ждут кормильца дети,
Мать, отец, жена с борщом,
И за пьянку на две трети
Ими он уже прощён.

ГЕНЕТИКА

Что-то в сыне от отца.
Равнодушная ленца,
Говорок, что скрип дверной, –
Поработал ген дурной.

Перенял сынок, кажись,
И обидчивость на жизнь.
И промашки без конца –
Это тоже от отца.

Но возьмётся за гармонь,
От плеча рванёт её...
Тут родителя не тронь,
Тут у парня всё своё!

Михаил АНОХИН

НОВАЯ СКАЗКА ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА

Жил да был в одном селе Иванушка-дурачок. Парень из себя статный, красивый, а дурачком прозвали по причине его внезапной задумчивости. Косят, бывало, траву отец да братья Иванушки, и он с ними, не отстает, идет нога в ногу, и вдруг остановится, обопрется на рукоятку косы, глаза свои синие уставит в землю – и ни с места. Отец за плечо тронет: «Ты чего встал?» Братья ругаются:

– Работать нужно, пока погода позволят!

А он стоит, сердечный, в задумчивости и ни отца, ни братьев не слышит.

– Чего встал!? – вдругорядь рявкнет отец и оплеуху отвесит. Иной раз дрогнет сердце отцовское, что с дурака взять, да и спросит по-доброму:

– О чем, Ваня, думаешь?

– Да вот, думаю, – отвечает Иванушка, – на кой ляд мы траву косим, красоту природную губим?

– Дурак ты, как есть дурак! – обозлится отец на такие слова. – Деды наши сено заготавливали, и отцы нам эту работу заповедали, да и чем скотину зимой кормить?

– И то... – согласится Иванушка и примется траву косить как ни в чем не бывало.

И вот однажды приснился Иванушке-дурачку сон: видит он поляны цветочные, а посреди поляны стоит девушка, в цветочные одежды одетая, короной из камней драгоценных украшенная. Стоит и улыбается ему, рукой приветливо подзывает к себе. Глаз от такой красоты Иванушка отвести не может, ноги ослабли, только душа к ней так рвется, что, кажется, вот-вот из сердца выскочит.

– Кто ты? – наконец разлепил свои губы Иванушка-дурачок.

– Я-то? – улыбнулась девушка. – Угадай, ежели угадчивый!

– Мечта моя, – выдохнул Иванушка. – Как есть моя мечта заветная.

– Может, и так, а может, и нет, – ответила девица и добавила: – Вот ежели ты сыщешь меня, тогда и узнаешь, кто я такая.

Сказала и пропала, потому как отец за плечо тряс, на работу будил:

– Вставай, Ванюша, нечего сны рассматривать, скот не кормлен, не поен.

Справил Иванушка работу по хозяйству, а сон все из головы не идет, видение той девушки застилает навозные кучи, и не раз тяжелые вилы промеж тех куч пустой воздух пронзали.

Вечером Иванушка-дурачок огорошил отца с матерью, да и братовей рассмешил до коликов в животе.

– Пойду в мир искать мечту свою, – сказал Иванушка и добавил: – Простите мне, ежли я кого обидел.

АНОХИН Михаил Петрович *родился в 1944 году в селе Калары Таштагольского района. Работал пожарным, геологоразведчиком, рыбаком тралового флота на Камчатке, строителем, журналистом. Окончил литературную студию при Алтайской организации Союза писателей СССР. Пишет стихи, прозу, публицистику. Автор нескольких книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Звезда», «Наш современник», «Алтай», «Огни Кузбасса», в различных коллективных сборниках.*

С 1984 года живёт в Прокопьевске. Участник забастовочного движения шахтёров (1989 год).

В пояс поклонился вначале отцу, а потом матери, братьям особый поклон сделал.

Мать, конечно, в вой-плач, отец за ремень, а Иванушка – в окно, только его и видели. Бегом бежал версты две, а потом на шаг перешел. Месяц на небе висел новорожденный, серпиком крохотным, каким бабки-повитухи в деревне младенцам пуповину отрезают. Темно. Пришлось Иванушке у куста рябинового ночлег просить. Зябко было, да под утро сон недолгий сморил, и приснилась ему та девица, но в ином облике.

Бредет она нищенкой по улице огромного города, и всякий прохожий с дороги своей её отпихивает: чего, мол, под ногами вертишься? А другой, сострадательный да словоохотливый, остановится и начнет выговаривать:

– Шла бы ты в приют, девонька, там бы тебя уму-разуму научили, к делу приставили.

Видит и слышит все это Иванушка во сне своем, и сердце его кровью обливается – до того жалко ему ту нищенку, спасу нет, а сделать ничего не может: ни встать-крикнуть, ни рукой пошевелить, только глаза вострые да слух имеет при себе.

И вот подходит к той девице человек в одежде роскошной, из себя видный да статный – ежли бы Иванушку причесать-прибрать, как есть он, – и говорит ей:

– Пошли со мной, помою и накормлю, – замолчал, а потом опять: – Правда, тебе говорю!

Увидел Иванушка, как встрепенулась та девушка-нищенка, как огнем лучистым блеснули её глаза, и проснулся на самом интересном месте.

«В город идти нужно, в город и пойду, – решил он, – а там как Господь рассудит».

Верующий был Иванушка, как все христианские люди на Руси святой.

Пока до города шел, всю одежонку истрепал и обувку стоптал, а перед тем, как в город войти, остановился он на ночлег в избенке одной, что стояла на отшибе от всей деревенской улицы.

Пока светло было, помог по хозяйству старушке одинокой: забор поднял, в крыше дыру залатал, воды в баньку наносил, дров наколол, сам же с позволения хозяйки баньку истопил. Когда из баньки пришел, старая на стол накрыла, вечерять позвала да между едой стала расспрашивать.

– Вижу, не нашенский ты, дух от тебя мужицкий идет, давно, как помер мой суженый, этим духом в избенке моей не пахло. Из краев, видать, дальних. Только в толк не возьму, чего ты в наших краях ищешь, чего потерял? В наших краях мужиков повывели, и ты пропадешь.

– Не сподручно мне об этом говорить, бабушка, – отвечает ей Иванушка, а сам вежливо рушником губы утирает, знак подает, что сыт.

– Хочешь – угадаю? – сказала старая и свечу восковую с божницы достает.

– Запрещает моя вера христианская на судьбу ворожить, – возражает бабке Иванушка. – Слыхано ли дело Господу вопросы задавать!

– Вот, стало быть, ты какой, – проворчала старуха и свечу восковую опять за иконку Христа-Спасителя засунула. – Не хочешь, значит, судьбу спрашивать? Ну, ну, а вить она тебя спросит. Как пить дать спросит.

Пропустил Иванушка мимо ушей последние слова старой да отвечает ей как по писаному:

– Не хочу ворожбы. А пусть будет так, как Господь обо мне решит.

– Ну, тогда без ворожбы скажу тебе, что ищешь ты деву Правду.

И тут перед глазами Иванушки опять видение прежнее, словно сон тот давешний заново смотрит:

– Пошли со мной, помою и накормлю, – говорит нищенке добрый молодец, богатей известный.

Что богатей, то сердцем своим угадал Иванушка, и взревновало ретивое, распалилось жарко. Кажись, попался бы под руку, грех бы на душу принял, убил бы.

Помолчал добрый молодец, давая девице время дух перевести, да взял её за плечи голые, повернул лицом перед лицо своё да и говорит властно так:

– Правда, тебе говорю!

Встрепенулась та девушка-нищенка, огнем лучистым блеснули её глаза, сказала, потупв взор:

– Откуда ты знаешь, как меня звать?

– Так кто же тебя не знает-то, нищенка?! – он опять грубо схватил ее за плечи и притянул к себе. – Все я купил, все у меня есть: и виллы заграничные, и яхты, и самолеты, а заводов – не счесть, только тебя у меня нет.

– Да зачем же я тебе такая нужна? – спрашивает его девица. – Неприбранная, в отрепье старом?

– А затем, – отвечает ей добрый молодец, – что посажу тебя в отдельную комнату под стра-

жу крепкую, и во всем свете будет одна правда и та моя.

И опять на самом интересном месте пропало видение.

– Э, да ты устал, – прошамкала старуха, – за столом спишь. Пошли, я кровать мужнюю для тебя приготовила. Сама-то давно на ней не сплю.

Пошел за ней Иванушка в горницу, а сам думает: что же Правда сказала тому молодцу? А старуха, словно мысли его подслушала, да и говорит Иванушке:

– А она всем одно и то же говорит: «Нет и не будет». Вот и тебе, если ты её найдешь, то же самое скажет. Потому, как правда только тогда правда, когда нищенствует и когда ничья. А как станет чьей, так в девку-потаскушку превращается.

Только зря она говорила об этом Иванушке, потому как он проспал все её последние слова. Утром старуха приготовила для Иванушки одежду чистую и справную. В такой одежде и в городе показаться не зазорно.

– От сына моего, без времени почившего, осталась, – сказала старая и слезу с ресниц смахнула. – Тебе впору должны быть его одежа и обувь.

– Чем же я отблагодарю, чем рассчитаюсь с тобой? – спросил Иванушка и сокрушенно развел руками.

– А тем, что схоронишь меня позади двора, молитву положенную сотворишь над моим гробом.

Смутился Иванушка, помрачнел да и говорит:

– Ты еще, старая, жива-здорова, и Господь, может статься, годы твои продлит надолго, а мне в дорогу нужно.

– За мной дело не станет, – сказала старуха, – за тобой дело.

– Страшные слова ты говоришь, старая, получается так, что я в твой дом смерть привел?

– Да нет, милый, она за моим плечом стояла и только временила, пока не появится кто, что смог бы тело моё к земле прибрать. Ты появился, и она мне шепнула: пора, мол.

Духом упал Иванушка, кошку-то хоронил свою любимую – плакал на смех братовьям, а как человека схоронить? Непривычное для него это дело.

– Священника бы надо.

– Надоть, надоть, да где его взять нынче, священника-то? – проворчала старая. – Нынче всех священников извели, а ежели есть, то одни попы, а что поп, что мирянин, одно и то ж перед Господом.

– Неладное ты говоришь, бабушка. Я, конечно, грамоте учен, но не настолько, чтобы псалтырь читать над усопшим, – сказал Иванушка.

– Вот насколько учен, настолько и прочтешь. Не век же читать, а одну только ночь сёднешнюю, – возразила старуха.

– Ну, раз так, раз выхода нет, то, стало быть, обещаю, что прочту.

– В баньке вода еще теплая осталось, – говорит старушка, – пойду помоюсь, уберусь, а ты с вышки гроб стащи да на стульях поставь в горнице.

– Одному не сподручно такое делать, бабушка, – выдохнул Иванушка, смирившись с неизбежным.

– А кто сказал тебе, что один будешь? Я помощника тебе дам. И подошла она к русской печи, вытащила из зева кочергу закопченную да и говорит: «Петр Петрович, суженый ты мой, помоги доброму молодцу дело сделать, меня схоронить».

Превратилась тут кочерга в мужика здоровенного. Поклонилась старуха поясно ему в ноги и сказала: «Спасибо тебе, сокол ты мой ненаглядный, что не оставил меня одну в мой смертный час».

Иванушка стоит ни жив ни мертв, только мысленно молитву Иисусову повторяет: «Спаси и сохрани».

Старая повернулась к Иванушке да и говорит:

– Не бойся, если Правду пошел искать да себе в суженую захотел, много чего увидеть доведется такого, от чего кровь в жилах застывать начнет. А был у меня с мужем моим уговор-договор: коли одна останусь, то перед смертью моей придет он ко мне, чтобы упокоить тело мое. На том и порешили, а муж-то у меня кузнец был, оттого домишко наш и стоит против других домов на отшибе, вот он мне кочергу и сковал. Душа его в кочерге той была, а уж когда я упокоюсь, то и ей свобода, чтоб пред Господом предстать, – и уже выходя из избенки, с порога сказала: – Он голоса человеческого не имеет, но дело свое знает. – И ушла в баньку омыть себя, к гробу приготовить.

Помощник у Иванушки толковым оказался, Иванушка только подумает, а он тут же готов на подмогу. Пока бабка мылась, гроб сволокли с вышки, в горнице установили. Бабка пришла и выгнала их из горницы:

– Неча глазеть, к вечеру придете, готова буду.

Молчком просидели они во дворе до сумерек. Словно во сне пребывал Иванушка все это время, а потом увидел, как вздрогнул его молчаливый напарник, привстал и посмотрел на Иванушку. И понял тот, что хочешь – нет, а идти надо.

В комнате в гробу покоилась старуха, а на столе – раскрытый тропарь. Один только раз глянул Иванушка на мертвое тело, а запомнил навек. Словно живая лежала она в гробу, даже щеки порозовели и округлились, а больше не смотрел, страшно от чего-то делалось ему. Взял тропарь Иванушка в руки и, не глядя по сторонам, стал читать. Свеченьки потрескивают, воск плавится и по тонкому фитильку к пламени притекает, кормит собой пламя ярый воск, и запах медвяный по горенке растекается, кружит голову Иванушке, в задумчивость вводит.

«Христианка, вроде, бабушка, – думает Иванушка сквозь слово молитвенное, – вот и тропарь заготовила, меня упросила читать, а из кочерги мужика сделала. Как так?» Сомнение терзает Иванушку: «Уж не подвох тут какой? Не черту ли в руки попал?» – И еще неистовей принимается проборматывать слова молитв древних.

Прервался, когда пить захотел. Огляделся вокруг, а помощника своего и не увидел. Когда в горницу входили, на лавку сел, а вот нет. Вышел на кухоньку, зачерпнул ковшик колодезной воды, и тут взгляд упал на кочергу в печном зеве. Жутко стало ему от этого, и чтобы лишний раз не выходить в кухню, не покидать освещенной свечами горницы, прихватил с собой ковшик воды. На рассвете услышал Иванушка звуки работы позади стены горницы, в палисаднике. Выглянул в окно и увидел Петра Петровича по пояс в выкопанной могиле. Он поглядел на Иванушку и махнул ему рукой. Жест был красноречивый: мол, продолжай свое дело.

К обеду схоронили они бабку. И только крест деревянный Иванушка укрепил, как услышал, что позади него что-то звякнуло, обернулся, а там, где помощник только что был, кочерга лежит. Взял Иванушка кочергу и отнес её в дом, сунул в зев печи и засобирался в дорогу. Не стал бабушкин узел с одеждой распаковывать, в руки взял да так с узелком в руках и вступил в город.

Долго ли коротко, кто знает, только Иванушка в том городе живет, хлеб жует, пивом запивает и горя не знает. Так уж получилось, что как надел он на себя белье бабкиного сына, так и забыл про видение свое. Более того, нашел он в потайном кармане паспорт со своей фотографией, червонцы новенькие и книжку-сберкнижку, в которой суммы многозначные стояли. Словом, превратился Иванушка-дурачок в Ивана Емельяновича Завгородного. Купил себе дом в центре города, машину на рессорах заграничного производства, магазин завел и девок молодых нанял в продавцы. И так было с ним, покуда он бабкин подарок окончательно не сменил на одежку покупную, а как сменил, тут все и началось.

Сидит Иван Емельянович в своем кабинете, на заграничный манер сделанный, а на коленях его девица сидит и в ухо слова разные говорит, зубками крохотными покусывает, губками причмокивает – щекотно.

И вот в это самое завлекательное время подступило к Иванушке видение: будто стоит он на берегу речки бурной, а на другой стороне девица устроилась, простоволосая, в пестром платьице в голубой горошек, а ноги босы. Стоит и говорит ему что-то, а воды потока шумят, голос заглушают. Вошел Иванушка в ту реку бурную, в воду ледяную, остудную, по грудь зашел, и сердце от холода перехватило, в горло ударило, упало на самое дно живота и там трепыхнулось, затихло.

Взвизгнула девица, соскочила козочкой дикой с Ивашкиных колен. И тут он очнулся от видения, а девица та уже юбку надевает и смотрит на него с диким страхом в глазах. Не стал её Иван удерживать, переменилась у него душа от того видения и смертного страха, что пережил. Ударил он себя по лицу ладонями и выкрикнул:

– Добро же, бабушка, за твой подарочек!

Словно ветерок легонький прошелестел:

– На здоровье, внучок, живи не бедствуй.

– Что же это я? – спросил себя Иванушка. – Да как же это я Правду посмел забыть? Мечту свою в этих покоях схоронить?

И решил Иванушка уйти в самые что ни на есть низы человеческие, потому как помнил, что Правда в рваных одеждах была. Решить-то решил, да не тут-то было: две сотни людей вокруг Иванушки кормились, детей растили, обували, одевали, уму-разуму учили, почти под тысячу выходило тех, кому от его богачества в дом хлебсоль поступала.

Задумался Иванушка, как раньше не задумывался, и чем дольше думал, тем больше понимал, что не найти ему здесь Правды. Одна надежда теплилась: «Буду ходить по темным углам, по ночлежкам, может, где и встречу Правду».

Но тут ему голос какой-то словно откровение открывает, вшёптывает ему слова такие: «И с чего ты взял, что Правда «голой» ходит? Это тебе показалось так, да бабка наплела несуразное. Правда во дворцах живет, на яхтах плавает, государствами управляет. Разве нищая правда может людям работу дать? Голова, рассуди! Да и на самом ли деле ты Правды захотел, Правду в своих юношеских видениях вымечтал?»

И точит, точит его этот голос, и уж совсем было напрочь источил Иванушку, да случился в том городе пожар великий и все добро Иванушки в пепел превратил, едва сам живой из собственного дома выбрался.

Стоит он на пепелище и смотрит, как искорки из тлеющего дерева выскакивают, словно огненные духи какие-то. И вот чувствует, что его кто-то за рукав подергивает, обернулся и обомлел: стоит перед ним Правда и в глаза смотрит.

– Правда?! – выдохнул из себя Иванушка.

– Правда, – ответила та и засмеялась, – уж куда правдивее. Был богачом, а стал нищим.

Смутился Иванушка, не понимая: то ли насмешка над его горем, то ли что другое.

– Я в видениях тебя встретил, – сказал он и попытался поймать её руки.

– Меня многие в своих мечтаниях видят, – сказала она, – да обманываются, когда находят.

Помедлила она малость да и говорит:

– Пойдем, чего стоять-то на холодном ветру. У меня не роскошный дом, а всего лишь комната в коммуналке, но для тебя место найдётся.

Пошел за ней Иванушка-дурачок, как бычок на поводке у хозяйки. Ничему не научила его жизнь в богачестве и почестях, три года словно три дня прошли. Так подошли они к зданию серому, светом не освещенному, поднялись по ступеням скользким, выщербленным на последний, пятый этаж. Провела Иванушку та дивная девица по коридору длинному под взорами любопытными в свою комнатку.

– Вот здесь я и живу, – сказала она, подставляя Иванушке стул. – Вот ложе мое спальное, а все удобства человеческие по коридору налево. Ежели есть-пить захочешь, то в холодильном шкафчике найдешь и поесть, и попить, а я к подружке своей, Надежде, ночевать пойду, чтобы о нас лишних разговоров не разговаривали.

Не нашелся, что ответить Иванушка, словно никогда не имел дело с женским характером, переменчивым, как осеннее солнышко. Пока соображал, что да к чему, Правда ушла, только легонький запах от неё остался – словно кто в комнате той флакончик с духами открывал и каплю обронил на пол. Лежит Иванушка на белоснежной простыне, одеялом байковым укрытый, и думает: «За каким лядом Правда меня сюда привела?»

И в такую задумчивость впал, что незнамо как уснул, и опять ему снится стародавний сон: видит он поляны цветочные, а посреди поляны стоит девушка, в цветочные одежды одетая, короной из камней драгоценных украшенная. Стоит и улыбается ему, рукой приветливо подзывает к себе. Глаз от такой красоты Иванушка отвести не может, ноги ослабли, только душа к ней так рвется, что, кажется, вот-вот из сердца выскочит. Перемог свою слабость Иванушка и пошел к ней.

Идет-бредет, ногами за траву цепляется. Вроде недалечко была та девица, а показалось ему, что шел до неё всю свою молодую жизнь. Подошел, руки простер, обнять хочет, к сердцу своему стукотящему прижать, а там и помереть не жалко, такая на него нежность накатила, такая жалость непонятно к чему, то ли к девице, то ли к себе пришла, что слеза из очей выкатилась.

– Не плачь, – говорит девица, – не стою я слез твоих, а лучше обними меня и поцелуй.

Обнял её Иванушка, уста медвяные в свои взял, сладко. Только руки почувствовали изменение в теле её. Когда обнимал, тело было упругое, молодое, а сейчас под ладонями кости выпирали. Открыл глаза и увидел, что стоит перед ним та самая старуха, что схоронил Иванушка позади двора, да и говорит:

– Экий ты дурачок несуразный, зачем думы юношеские подпустил к себе? Зачем своему ретивому свободу дал? Все я для твоей жизни сделала, в люди вывела, серебро-злато дала, думала, ты жизнь моего сына погибшего проживешь, а ты свою прожить захотел, вот и приключилась с тобой беда. Зря ты белье сыновнее, заговоренное любовью материнскою, променял на покупное.

Опустились руки Иванушки, подкосились ноги его быстрые, сел он на цветочной поляне, где стоял. Голову свою руками обхватил, молитву заветную Иисусову вздумал прочесть, а вспомнить не мог.

Много ли, мало прошло времени, только спрашивает он у старухи:

– Ты скажи мне, отчего моя мечта заветная в тебя, старую, обернулась?

– Ха-ха-ха! – рассмеялась старуха, да звончато так, переливисто, что Иванушку оторопь взяла. – С чего ты взял, что я старая? Это тело мое постарело, а душа моя как была молодой, так и осталась. Слепой ты, как кутенок, а ты погляди внутрь меня.

Поднял глаза Иванушка и видит: стоит перед ним Правда и грустно так на него смотрит, словно жалеет.

– Видишь, – говорит она старческим, бабкиным голосом, – и не старая я вовсе.

Жутко стало Иванушке, вскочил он на ноги резвые и ну бежать с той поляны цветочной. Бежит вроде быстро, а все с того места не стронется. Уже и сердце стукотит возле горла, выпрыгнуть хочет, а спиной чувствует, что бабка та – вот она, в полушаге от него. Кричит что-то в Иванушке: «Проснуться надо, проснуться!» А сон тяжелый, глубокий, как вода стоячая в омуте озерном, в самую глубь втянула-всосала та вода Иванушку, и вдруг все разбилось на тысячи мелких осколков, как тишина предрассветная разбивается колокольным перезвоном. Проснулся Иванушка, а пот холодный лицо его заливает, на грудь с подбородка каплями капает.

Огляделся он и видит себя среди множества белых коек. И понял, что лежит в палате больничной, а в синие жилки на его руках иголки стальные вставлены, и вливается сквозь те иглы в него лекарство разное. И еще увидел он, что возле его койки сидит мать, голову склонила на грудь, дремлет.

И опять зашлось сердце Иванушки от жалости к своей родительнице и от презрения к себе за свою забывчивость. Проклял сам себя Иванушка словами страшными, а легче от того не стало, только провалился Иван снова в беспамятство.

Видит, подходит к его больничной койке девушка в платье черном, не по моде сшитом, до щиколоток, на голове черный же плат, печально на него смотрит да и говорит с легкой укоризной: «Оставил меня, забыл».

А Иванушка ей отвечает:

– Как же я мог тебя оставить, когда в первый раз вижу?

– Ой, ли? – спрашивает его девица. – Ты приглядись ко мне повнимательней, разве не узнаешь?

– Нет, – отвечает Иванушка, – в первый раз вижу.

– Вера я, – называет себя девица. – И хоть я в твоем сердце не много места занимала, но была-таки. Пропадешь без меня-то!

Много ли, мало времени прошло, только очнулся Иванушка от беспамятства и видит: суетятся вокруг него люди в белых халатах, а лежит он не где-нибудь, а в собственном кабинете на диване заграничного производства, и секретарша его, Лидочка, позади тех докторов стоит.

– Ну, слава Богу, вышел из комы, – сказал усатый доктор, обернувшись к секретарше. – Промедлили бы Вы, голубушка, еще несколько минут – и всё, не было бы на этой земле Вашего босса. Должен он Вам памятник поставить, да и нам, грешным, не мешало бы чего-нибудь к чаю от его щедрот.

– Будет Вам, Автандил Свиридович, – сказала полная тетка в таком же белом халате, как у Автандила Свиридовича. – Надежда всегда умирает последней.

– Так-то оно так, – согласился доктор, – а все-таки умирает. Да, да, умирает, голубушка! Точнее сказать, с ней-то и умирают!

И опять провалился Иванушка в беспамятство, опять его закружило и понесло в воронку черного омута.

– С Надеждой будет тебе хорошо, Иванушка, – прошептал кто-то ему на ухо. – Девица она обстоятельная, заботливая, ласковая, не то что я.

Открыл глаза Иванушка и видит себя в комнате крохотной, куда его привела Правда и оставила одного на своей постели белоснежной.

– Вот, – говорит Правда, – привела я тебе свою подругу, Надежду, поскольку ты мной побрезговал.

– С чего ты взяла такое? – возмутился Иванушка. – Сама ушла.

– А ты не задерживал.

Силится Иванушка сказать, что не правда, мол, а она говорит ему, словно мысли его неизреченные читает:

– Правда, правда. Вспомни поляну цветочную и объятия твои жаркие, как ты целовал меня, а потом, когда увидел, какая я на самом деле, бежать бросился. Правды не вынес.

И опять хотел сказать Иванушка, что «не от тебя я бежал, а от старухи», а Правда ему говорит:

– Так ведь я не одну тысячу лет живу на земле, есть от чего состариться, зато душа моя вечно молодая.

Сказала и засмеялась, словно колокольчики мелкие перезвон устроили:

– Дурачок ты, Иванушка, как есть дурачок, потому как не знаешь, что женщина не стареет, а только тело свое изнашивает.

Сказала и превратилась в белое облачко. Ветерок легонький в форточку потянул, и выплыла она из комнаты. Приподнялся Иванушка с ложа белоснежного, а Надежда тут как тут:

– Ничего, – говорит, – жизнь, Иванушка, все в муку перемелет. Ты да я вместе все заново обустроим. Только ты зря белье бабушкино с себя снял. Кабы не снял, то Удача с тобой бы неотлучно была, а теперь у тебя только я и осталась.

– А как же Правда? – спрашивает Иванушка.

– Правда сама по себе, а когда человек с Правдой живет, то ему от этого одни в жизни неудобства, потому как видит такой человек не то, что ему должно видеть, а то, что на самом деле есть. Вот ты только мгновение с Правдой был, а уже невыносимо для тебя стало то мгновение, потому как увидел ты Правду без прикрас, такой, какая она есть.

И стала та девица ласкать-миловать Иванушку, как никакая прежде не миловала.

– Хорошо тебе со мной, Иванушка? – спрашивает Надежда. – А погоди, еще лучше будет. Все только начинается.

Много ли, мало времени прошло, только очнулся Иванушка вдругорядь в собственном кабинете на диване итальянской работы в окружении врачей и слышит, как они о нём толкуют:

– Я настаиваю на том, чтобы немедленно, слышите, срочным образом поместить его в клинику, – говорил Автандил Свиридович секретарше Лизе. – Видите, какое нестабильное у него состояние?

А потом закачалось под Иванушкой его ложе, что-то заскрипело, зашуршало, послышался звук работающего мотора, и он опять провалился в беспамятство.

– Со мной не пропадешь, – всё время повторяла Надежда, помогая Иванушке одеться. – Я сильная, любого из беды вытащу.

Хорошо стало Иванушке с ней, спокойно, думать ни о чем не нужно. Надежда все наперед знает:

– Только меня одну имей и ни на что другое не меняй, – говорила она, спускаясь с Иванушкой по темной лестнице. – Рано или поздно всё разрешится в самом разлюбезном для тебя виде.

Стал жить Иванушка с Надеждой на окраине того города. Топор да пила кормили их, а Надежда, перед тем как в постельку с Иванушкой лечь, говорила ему: «Рано или поздно, а все переменится, и заживем мы с тобой сытно да богато. По заграницам ездить станем, детишек заведем, дом себе купим лучше и краше, чем тот, сгоревший, ты только меня не бросай».

Летят годы один за другим, словно костяшки на старинных счетах щелкают, вот уже в три десятка сложились, а Надежда все одно и то же говорит, лаская Иванушку: мол, всё перемелется, всё переменится, только меня не бросай.

Уже и топор из Иванушкиных рук вываливаться стал не к месту и не вовремя, а перемен все не видать, и подступило время, когда Иванушка своего тела с кровати поднять не мог. Надежда и тут его не оставила:

– Ничего, Иванушка, это бывает. Не железный, чай, и приболеть не грех. Я тут травок полезных собрала, отвар сделала, ты только меня не бросай – и все переменится, все в лучшем виде образуется.

Только проговорила она слова успокоительные, как загрохотало в синем небе, словно гром грянул, и кто-то рявкнул в уши Иванушке:

– Дурак! Правды не вынес, Веру потерял и Надеждой тешится! Что Надежда без Веры?!

Очнулся Иван уже в третий раз. Огляделся и видит себя среди множества белых коек. И понял он, что лежит в палате больничной, в той самой, куда к нему Вера приходила, укоряла его. В синие жилки на его руках иголки вставлены, и вливается сквозь те иглы стальные в него лекарство разное. И еще увидел он, что возле его койки сидит мать, голову склонила на грудь, дремлет.

– Мама, – прошептал Иван спекшимися от жара губами. – Милая моя мама, как же ты меня нашла?

Очнулась мать от дремоты, глаза свои на сына подняла и сказала:

– Чутье материнское меня к тебе привело и любовь безмерная. Когда ты из дома ушел, выплакала я глаза свои по тебе, потому как дурачок ты, а такой неустроенный в жизни сын дороже всех других сыновей матери.

Обидно стало Иванушке, что мать его дурачком, как и прежде, называет, и говорит ей:

– За любовь твою и заботу спасибо тебе, а вот дурачком называть меня как-то глупо. Кабы

был дурачком, то не имел бы заведения с миллионными месячными оборотами. А что в больницу попал, так то сердце мое от мечтательности моей не выдержало.

– Эка невидаль, – говорит мать, – богатство нажить. Мало ли людей в богачестве несчастны! Ты счастье свое найди, а с ним и в нищете хорошо. – Сказала эти слова и пропала, только запах с детства знакомый в палате остался, слабенький такой, словно полынка молодая растерта да с парным молоком смешана.

Загорелось сердце Иванушки материнским советом, бросился он счастье искать, да на втором шаге остановился, в задумчивость впал.

– Какое такое мое счастье? – спрашивает невесть кого Иванушка. – Кажись, все есть. Да и как оно выглядит, распрекрасное?

И только подумал-спросил, как глядь, а над ним стоит человек, в черный сюртук одетый, на желтоволосой кудрявой голове заграничная шляпа, цилиндром называемая и тоже черная. Опирается тот человек на тяжелую трость и смотрит на Иванушку чужим, отстраненным взглядом, словно позади Иванушки есть нечто куда более важное, чем он. И вот этот человек глухим, надтреснутым голосом говорит: «Счастье есть ловкость ума и рук. Все неловкие души за несчастных всегда известны. Много мук приносят изломанные и лживые жесты».

Сказал и исчез. Ничего не понял Иванушка из сказанного, только озноб нехороший по телу прошел, да такой сильный, что куда его задумчивость подевалась. Враз расхотелось ему счастья искать. Подумал он, что напутала что-то мамаша по своей деревенской необразованности.

Много ли, мало времени прошло, но только Иван из больницы выписался. Секретарше Лизе путевку купил в заграничные страны для всеобщего отдыха и попутного просвещения. Всем ведь известно: кто в Париже не бывал, тот и культуры настоящей не знает, а там и Венеция, Рим – колыбели цивилизации.

Зажил Иванушка жизнью размеренной, здраворассудочной, без мечтаний и задумчивости, а чтобы грешным делом опять в мечтания не впасть, нанял по совету врачей личного психоаналитика, и тот дважды в неделю «установку» ему давал – руками перед лицом махал, в легкий транс погружал и приговаривал при этом:

– Нет никакой такой правды на свете, а есть только один Закон, да и тот объехать можно, если деньги есть. Нет никакой надежды, если денег не имеешь, потому думать ты должен, как свои капиталы преумножить, и в том счастье человеческое. Вера – обманка для необразованных людей, чтобы они легче переносили тяготы жизни, – и еще говорил он, подстраховывая Иванушку на все случаи жизни: – И любви нет, а есть лишь секс, и потому ты должен удовлетворять свои человеческие потребности регулярно. В этом залог твоего здоровья.

Помахает руками, купюры в карман зеленькие положит за сеанс-работу, поклонится и уйдет. Легко и прозрачно на душе у Иванушки сделается, пойдет он с легкой душой своей в клуб-бар, заприметит там девицу с ногами бройлерного цыпленка по моде нынешнего века, да и увезет для удовлетворения потребностей тела к себе на дачу.

Годы текут, щелкают, как костяшки на старинных счетах. Погрузнел Иванушка, раздался вширь от кушаний сытных, от вина заморского, от постелей из гагачьего пуха. Одышливый стал. Приписали ему врачи гимнастику и плавание в воде соленой, морской.

Поехал Иванушка за границу, а того в ум не взял, что надо было с собой врача прихватить, который «установку» на здраворассудочную жизнь делает, руками видения и мечтательность замахивает. И вот приключилась с Иванушкой на том заграничном отдыхе беда прежняя: мечтательность ему в голову ударила, когда на белоснежном коралловом песочке лежал и лишний жирок с потом из себя выгонял.

Видит он опять прежнее, казалось бы, напрочь забытое и руками врача того замаханное. Улицу видит своего города, как раз напротив своего офиса, девицу-нищенку простоволосую, босую.

– Ты кто такая? – спрашивает её Иванушка, а у самого сердце сжимается, потому как догадывается, что она скажет.

– Не признал, – говорит она, – богатым да знатным стал. А помнишь, как я тебя с пепелища увела, в комнате своей спать уложила?

Вспомнил все Иванушка, признал-таки Правду, и от этой правды горько стало Иванушке.

– Зачем ты пришла, сердце мое разбередила? – спрашивает её Иванушка. – Без тебя так спокойно, так хорошо было. Чего ты возле моего офиса шастаешь?

– Милостыню пришла у тебя просить, потому как твоя власть на земле нынче, а моей нет.

– А была ли когда власть твоя на земле? – спрашивает её Иванушка. – Ходишь, людям головы морочишь, открываешь им то, чего видеть не надобно. Вот нищету свою напоказ выставила, упрекаешь бессловесно за то, что живу в достатке. Прикидываешься доброй да покладистой, а сама – старая, злая ведьма! Зря я тогда над тобой псалтырь читал.

– Вот как ты заговорил, – девица вскинула свои бровки черные, углем прорисованные, – вот как жизнь тебя выучила-выстрогала.

– Да, – ответил ей Иванушка, – был я дурак дураком, а теперь поумнел. Так и скажи своим товаркам, той же Надежде скажи, поумнел, мол, Иванушка, покончил с мечтаниями раз и навсегда. Если бы на Земле вас не было, то вся жизнь пошла бы иным образом, не по бестолковому сердцу, а по здравому разуму.

– Добро же, – сказала Правда, – пусть будет по-твоему.

Вмиг очутился Иванушка в своей деревне. Спит он на своем топчане в углу кухоньки, и снится ему сон завлекательный. Видит он дома каменные, высокие, а в домах тех квартиры – рукой потолка не достать, даже если подпрыгнуть. И только он стал в убранство квартир тех всматриваться, как проснулся от тычка в бок:

– Вставай, дурак! – грубо сказал отец. – Неча дрыхать, когда дел невпроворот.

Иванушка от такой неожиданности вскочил, глаза вытаращил спросонья, а отец ему по макушке тяжелой ладонью смазал, чтобы сонную одурь прогнать:

– Ступай, – говорит, – во двор да толки в ступе воду. Ныне, – говорит, – самое время приспело для этого действа.

И заметив, что Иванушка по своему обыкновению спросить хочет, опережая его вопрос, с угрозой в голосе сказал:

– Ты еще спроси, как в прошлом году: «зачем в ступе воду толчем?» – я тебе по сопатке вмажу.

– А зачем?.. – против собственной воли вырвалось у Иванушки, и он тот час получил от отца обещанное. А братья из горницы выглядывают, смеются и просят отца, чтобы добавил еще дураку. Не выучил-де Иван главного: не нами заведено, не нам и отменять. Толкли в ступе воду в это время деды и прадеды, а мы что, умнее их, чтобы обычай тот переменить? По осени в огороды решетом воду носят, зимой снег на полях боронят, весной с козы семь шкур снимают. Мало ли какие обычаи и свычаи из древности пришли!

Вот ведь что стояло за смехом братовей над Иванушкой-дураком. Все так в деревне жили и, слава Богу, еще сто лет проживут, а дураков только дурак и не учит.

– Сопатку-то подотри да во двор ступай, – говорит отец, – да когда воду толочь будешь, не вздумай, по своему обыкновению, в мечтания вдариться, вожжами драть стану! Мужик уже, а все в ум не войдешь, все свои дурацкие вопросы спрашиваешь.

Пошел Иванушка-дурачок во двор, вытащил из сарая ступу двухпудовую, залил в неё два ведра колодезной воды, взял пест и принялся толочь воду. Матушка подошла, погладила сына по головке:

– В кого ты уродился такой глупый? – и добавила, отходя от сына: – Толки, толки как следует, с усердием, авось Господь ума даст… – а потом махнула рукой в отчаянии: – Да где там! И Бога, по всему видно, нет. Кабы был...

Что хотела сказать матушка дальше и сказала ли, того Иванушка не слышал, рубашку скинул и пестом орудует, не хочет, чтобы отец вожжами попотчевал, да и кто хочет, даже если дурак отпетый? Так за работой время обеденное подоспело, братья во дворе появились, не меньше, чем Иванушка, уставшие от дел разных. Отец подошел и по виду Иванушки определил его усердие:

– Ну вот, можешь, когда захочешь. Хватит, столклась, поди, вода, пошли обедать.

Опустил Иванушка пест, рукой пот отер и чуть было не спросил отца: «Почему толченая вода целебной делается?» Удержал язык на полпути, а то не миновать бы ему еще одной затрещины.

И потекла, покатилась Иванушкина жизнь, как камень с крутой горы. Женили Ивашку позже всех, когда ему третий десяток пошел. Отделил его отец, а в надел дал коня-мерина, борону о трех зубах, плуг без лемеха, черенок от косы-литовки и прочее. Крутись-вертись, наживай добро сам, коли с детства дураком был.

Невеста приданое принесла: телочку, ярочку, курочку да гуся, постель спальную да кровать двуспальную, на которой и родила Иванушке одного за другим семерых детей: трех девочек да четырех мальчиков.

Теперь уже Иванушка соблюдал старину заповеданную: по весне в ступе воду толок, в осен-

нее время лунными ночами в решете воду носил, зимой на поле снег боронил, детей своих за провинность ремнем порол, уму-разуму учил, дурь через задницу вышибал. Отца своего покойного добрым словом вспоминал и всем в пример ставил.

До седых волос дожил, дочерей замуж выдал, сыновей женил и добром наделил, каждому – по его сметке и усердию. Пришла пора смерть принять. Лег Иванушка на лавку под образа, глаза закрыл. А вместо смерти явились к нему Правда, Вера, Надежда и еще одна, незнакомая ему девица.

– Ну и каково, Иванушка, в мире без нас жить? – спрашивает его Правда. – Вот и Любовь с нами пришла, а её ты и не знал вовсе, – а сама глаза на него уставила, не отвернешься.

– Нужны мы тебе, Иванушка? – спрашивает Надежда. – Или тебе и без нас хорошо?

Задумался Иванушка, вспомнил всех семерых детей своих, как на руках держал, на коленях нянчил, ремнем порол. Жену Полю вспомнил да крестьянскую долю, работу тяжелую, скотскую, неосмысленную. Вспомнил свои видения прежние, мечты свои юношеские. Сказать нечего, а соврать нельзя, потому что Правда перед лицом стоит, как соврешь? Отвернулся Иванушка к стенке и заплакал горькими слезами. О чем плакал, о том никому не сказал, потому что смерть пришла, растолкала и разогнала тех девиц.

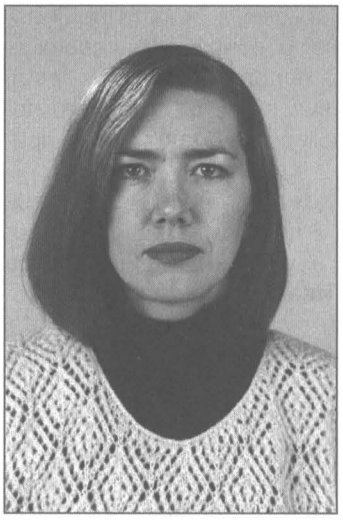
– Хватит, – прошамкала она, – поизмывались над человеком, пора и честь знать.

Тут и сказке конец.

Литературная жизнь

Представление шестого номера журнала «Огни Кузбасса»

Елена ЕЛИСТРАТОВА

ФРАГМЕНТЫ ГОРОДСКОЙ МОЗАИКИ

МАРТ

Прослезились сосульки украдкой,
И сугробные лица осунулись...
А вчера за хоккейной площадкой
Из-под снега качели проклюнулись.

ПРИМЕТА ВЕСНЫ

В плошках, что почти из каждого
Корчат рожицы окна,
Похороненные заживо,
Прорастают семена.

ПЕРЕД ПАСХОЙ

Все деревья с молитвой воздели
Руки-кроны в небесные дали
Под звенящие трели капели...
Только ветки у вербы сломали...

СЛАДКОЕЖКА

Не разлюблю зефир, драже
И пышных тортов прелести,
Хоть кариес разъел уже
Искусственные челюсти.

УЛОЧКА

То она петляет меж оврагами,
То кружится деревенской дурочкой,
То уныло горбится бараками...
Потому прозвали Кривоулочкой.

ВОЗВРАЩАЯСЬ С ПРОГУЛКИ

В рыхлой, тающей снежной окрошке
Неуклюжи, на вид велики
Меховые, на толстой подошве,
Как весной тяжелы сапоги!

ОПАСНОЕ СОСЕДСТВО

Хрущёбы, общаги, щербатые хаты
Со страхом взирают, как новенький дом
Растёт из земли, расписной и богатый,
Подобно вулкану на месте пустом.

ХОРОШЕЕ ВОСПИТАНИЕ

– Дети! Кристина! Катюша! Вадим!
Снег у дороги не трогать руками!
Он очень грязный, вы знаете сами...
– Мама, ну мы же его не едим!

12 АПРЕЛЯ

Вырублен лес. Перетёрты опилки.
В пирсинге смена взошла тут как тут:
«Юрка Гагарин?.. С проекта «Вопилки»?..»
Разве таких в космонавты берут...

СУББОТНИК

Песни другие. Другие мессии.
Блеск. Эгоисты и стервы в чести.
Но за отмытым фасадом России
Нужно, как прежде, мести и мести.

ЕЛИСТРАТОВА Елена Львовна *родилась в 1968 году в городе Анжеро-Судженске Кемеровской области. Окончила Кемеровское медицинское училище. Долгое время работала на кафедре КемГМА. Воспитанница литературных студий «Prima via» в КемГМА (руководитель И. А. Куралов) и «Притомье» в ЦДЛК (руководители С. Л. Донбай и Д. В. Мурзин). Печаталась в журнале «Огни Кузбасса», коллективных сборниках, газетах. Лауреат журнала «Огни Кузбасса» за 2010 год в области публицистики. Живёт в Кемерове.*

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ

Брожение в умах! Размах речей
И тезисов апрельских декларация! –
Содружество дубов, карагачей,
Сиренево-черёмушная фракция...

ДИАЛЕКТИКА

Расчерти на квадраты дворов
Распастельного мая лубок –
И реальность рождённых миров
Локтевато пихнёт тебя в бок.

ФИЛОСОФИЯ АСФАЛЬТА

Против ветра не попрёшь на рожон.
Каждый прущий против ветра смешон.
Устремишься ввысь – а там потолок.
Но не ведает об этом росток.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮННАТА

Дождь на ёжика похож –
Тоже серый и колючий.
Громыхнули сверху тучи...
В общем, лучше всё же ёж.

НА УРОКЕ

Геометрия – тоже искусство.
Точка А, точка В, точка С
Сведены в треугольнике чувства...
Что незнайка докажет в конце?

НОЧЬЮ

Злобно гнетёт тишина.
Тянется время без сна.
Это колдует Луна
Или глумится весна?

ХИТОТЕРАПИЯ

Нужно настроиться на поПзитив:
Бодрая песня, ритмичный мотив.
Не допускать симфонических нот...
Может, и глупое счастье придёт.

СУЖЕНЫЙ

Какую он скрывает тайну,
Какою силой наделён,
Что, только раз взглянув случайно,
Уже не сомневалась – он.

МИСТИКА СУДЬБЫ

Не своей дорогой, видно, иду.
Не свою на ней встречаю беду.
Неприкаяна в чужой стороне:
Здесь и счастье – не моё, не по мне.

ШПИОНОМАНИЯ

Манто. Безупречная шляпа.
И взгляд заострённых зрачков
На чёрные стёкла пикапа
Сквозь чёрные стёкла очков.

СЕНСАЦИЯ

Снова в город на гастроли едет лето!
Значит, песенка его ещё не спета.
Отпущу скорей с ладони мотылька –
Встречу пусть порепетирует пока.

ФЭН-ШУЙ А ЛЯ РЮС

Тёплые вещи спрячу,
Чтоб не найти до осени.
Лето сулит удачу –
Ношу с души мы сбросили.

ЛЕТЕЧКО

Тучи мрачны, и ветер несносен,
Простужает изнеженных нюнь.
Это вам не московская осень,
А типичный сибирский июнь.

КРАЙНОСТИ СХОДЯТСЯ

Капризного климата разные грани
Рождают у всех удивление:
То вдруг ледниковый период настанет,
Глобальное то потепление.

ПОЛНОТА ОЩУЩЕНИЙ

День растёт! Луна растёт!
Ирисы у школы!..
Ах, скорей бы Новый год –
Шумный и весёлый!

ОЧЕВИДНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО

Спросил как-то глупый невежда:
– Чем лучше зима, красна девица?
– Зимой есть на лето надежда,
А летом на что мне надеяться?

ПУСТЫЕ ХЛОПОТЫ

С утра отмерили, считай, семь раз подряд,
Кроили, клеили, и к вечеру взлелеян
Был отрицательный, но всё же результат.
А всем казалось почему-то – день потерян.

БУДНИ

Везёшь в порыве гордом и ретивом
Вагоны дел всеобщей пользы для
И чувствуешь себя локомотивом,
А в топку не добавили угля.

ОПТИМИСТИЧНОЕ

Завтра будет легче,
Квочка станет певчей,
Килька экзотической,
Сдоба диетической.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Начать с нуля мечтая издавна,
Избавились от старой гнили
И хлам повыбросили из дому.
А вот из головы – забыли...

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

Всё закручено мастерски на бигуди,
Жемчуг россыпью и не пустует маслёнка,
Но не высидишь, сколько на нём ни сиди,
Из яйца золотого живого цыплёнка.

ЗАМУРОВАЛИ

Отрадно, что народ наш богатеет,
Но щиплет в сердце маленькая ранка:
Где был газон, теперь автостоянка,
И от неё плитой могильной веет.

ОБУСТРОИЛИСЬ

Огромный карагач – источник пыли
И тень бросает в окна новостройки!
Жильцы добились – дерево спилили...
Теперь ничто не застит вид помойки.

БЮРОКРАТЫ

Никто на себя ничего не берёт –
Покатый, сферически-гладкий народ,
Бесовский огонь отражают бока,
Надёжно скрывая внутри дурака.

ТЕХНОГЕННАЯ КАТАСТРОФА

Коробит фразы вычурность конструкций,
Слова волочат крылья, как подранки, –
Общаются граждАне и гражданки
На языке технических инструкций.

«МАННА НЕБЕСНАЯ»

На Землю из коварной ноосферы
Внедрён прогресс под грифом «Благодать»:
Младенцы, простаки, пенсионеры –
Все научились кнопки нажимать.

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

У бурьяна отсутствует страх –
Зарастают и замки, и хижины.
– Эй, косильщик, вставай! В городах
Все газоны должны быть подстрижены!

ВТОРЖЕНИЕ

Мир дверей, подушек, меха...
Что-то, братцы, не до смеха!
Подскажите, сто чертей,
Где укрылся мир людей?!

ПРЕДДВЕРЬЕ СЕНТЯБРЯ

На новеньком велике
катится август вперёд,
В наскучившем телике
где-то страдает народ,
И в пламени осени
скоро весь город сгорит.
А сердце обуглилось –
сердце уже не болит.

СОЖАЛЕНИЕ

Напрасно на исходе лета
Жара сюрприз преподнесла –
Душа в осенний плащ одета,
И ей не хочется тепла.

ПРИМЕТА ОСЕНИ

Зажигали – кто в Сочи, кто в Ницце.
Экзотический мир повидали.
Не пора ли домой возвратиться?
Здесь уже отопление дали!

МАЛЕНЬКАЯ ТРАГЕДИЯ

Фрукты заморские в наш магазин
Завезены. Нет печальнее повести:
Влезли в долги и купили один –
В нём, оказалось,
ни вкуса, ни совести!

ЖЕРТВА ЗАВИСТИ

Как сырничек в масле каталась,
зефиром
В глазури казалась – румяна, бела...
Сегодня её хоронили всем миром –
Чужого успеха не пережила.

ЕСТЕСТВЕННАЯ УСАДКА

Знакомые лица на каждом шагу,
Хоть ты не учитель,
не врач, не барменша...
И вдруг понимаешь...
(Но тсс!.. Ни гу-гу!..):
Чем дольше живёшь в нём,
тем город всё меньше!..

ЛАНДШАФТНЫЙ ДИЗАЙН

«Как тесен мир! – душа исторгнет вопль. –
Как Зеленстрой на выдумки не скуп!»:
Среди берёз пирамидальный тополь
Увидишь вдруг, а между елей – дуб.

ГОРОД ВОСПОМИНАНИЙ

Там мечтают о будущем дети,
Там за каждым окошком уют,
Там из рук старика на рассвете
Крошки прошлого птицы клюют.

ЭФФЕКТ РАЗОРВАВШЕЙСЯ БОМБЫ

Лето, каникулы, прятки-загадки –
Осени всё разметал динамит,
И посреди баскетбольной площадки,
Ножки задравши, скамейка лежит.

ЗАЗИМОК

Как за ночь вдруг стало бело!..
– Оденься теплее, Алёнка!
Но первому снегу назло
Гуляет без шапки девчонка.

НОЯБРЬ

Медленно утро сползает. Морока.
Лёгких снежинок кружит хоровод.
Где-то кричит что есть мочи сорока:
То ли ругается, то ли поёт.

КРИМИНАЛЬНАЯ ОБСТАНОВКА

Свистопляски вчерашней осенней следы
И ноябрьская вялая смурая скука –
Всё сокрыто под саваном белым, а ты
И концов не найдёшь: снеговая порука.

СНЕГ

Лёг, ослепительно белый,
Прямо у зимней черты...
Снеговика можно сделать,
Можно оставить следы.

ПРИМЕТА ЗИМЫ

Всяк малахай нахлобучил (не лезь!..),
Жиром гусиным намазали лица,
В шкуры залезли: до майского ситца
В снежных людей превращаемся здесь!

КАК ВСЕ

Всех зима без разбора морозит.
Вот и нынче студёно опять –
Даже пёсик соседский Артосик
В душегреечке вышел гулять.

ПЯТАЯ НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Ёлка зажглась в мишуре и шарах,
Сладости, шум, фейерверк, трескотня,
Можно не спать и стоять на ушах –
Вот и дожили до Светлого дня!!!

Людмила КУЛИКОВА

ОДИН ДЕНЬ НАТКИ СЕМИДОЛЬКИНОЙ

Лето. Натка ходит по миру. В эту посадку она заглядывала вчера. Нашла под молодыми дубочками хорошее место для хатки. А сегодня нарвала сизой полыни. Пучком терпко пахнущей травы подмела земляной пол. Плоскими камешками выложила границы комнат. Здесь – спаленка, здесь – кухня, а здесь – зала. В каждой – по набору каменной мебели и одуванчик на стол. Ветви дубочков образовали сверху плотный полог. Натка натаскала больших веток с листвой и обложила ими молодняк вокруг домика. Теперь прохлада и в жаркие дни не покинет укрытие. В просторной халабуде* можно встать во весь рост. Девочка деловито перешагивает через каменные стены, распоряжается невидимыми помощниками. И вскоре в комнатах – хоть с земли кушай! – так прибрано стало. Потом Натка родила сыночка. Уложила деревяшку в люльку из лопуха, прикрыла таким же листом. Присела на корточки и запела песню.

Ай, лю-люлечки-лю-лю,
Не ложися на краю,
Придёт серенький волчок,
Он захочет под бочок.
Надо место ему дать,
Широка твоя кровать.
Ай, лю-люлечки-лю-лю,
Я тебя, сынок, люблю.

Наказала Натка дитяте слушаться её во всём, не выпрыгивать из люльки, никуда не ходить и с незнакомыми дядьками не разговаривать. Игрушек от них не брать. Она сама ребёночку хороших игрушек принесёт. Вот только на свалку сходить надо. А пока пошла мама в магазин. Понарошку, конечно. Выбралась на разогретую солнцем поляну, осмотрелась. Чего б такого купить? Увидела невдалеке гусей, побежала к ним. Сразу несколько шипящих птиц, вытянув шеи, поковыляли в её сторону, а другие загоготали вразнобой. Натка отломила длинную веточку с ближнего куста, замахнулась на них:

– Кыш! Кыш, горластые!

Гуси отступили. Оборвала листочки с ветки. Получился отличный прутик. Им можно размахивать и слышать свист. Пока полосовала воздух, прислушиваясь к «вжикам», гуси ушли в сторону ставка**. Опустела поляна, скучно стало. Пошла Натка дальше.

Увидела небольшой ров, в нём бурая жужалка*** горками навалена. Хозяйки прогоревшим углём канавы заполняют. Здесь куры вытанцовывают. Разгребают пористые камешки, смешанные с пеплом, выискивают оплавленные стёклышки, крупные песчинки. А когда закончат клевать, откинут лапами золу и усядутся в ямку. Нахохлятся, подрёмывают, под солнцем жарятся. Сами – пыльные, красновато-серые. Головы книзу клонятся, гребешки на бок за-

* Халабуда – небольшой шалашик.

** Ставок – искусственный водоём.

*** Жужалка – остатки сгоревшего каменного угля.

КУЛИКОВА Людмила Михайловна *родилась в 1960 году в Донбассе, Украина. В 15 лет переехала в Ленинград. С 1990 по 1997 год жила и работала в Баварии, затем вернулась в Петербург. Окончила Санкт-Петербургский государственный университет. Клинический психолог. Прозаик, автор трёх книг (издательство «KaMeRu», Швейцария).*

Публикации в литературных журналах (бумажных изданиях): «Изящная словесность», «Neue Sirene», «Zeichen und Wunder», «Die Rampe», «Золотой век», «День и Ночь», «Север», «Сибирские огни». Живёт в г. Фризойте, Германия.

валиваются. Натка любила наблюдать за курками. Насидятся вот так, потом в тень убегают. Пьют в корытце, запрокидывая головы. Там, в тени шелковицы, в мягкой мучной пыли снова устраиваются. Дремлют, затянув глаза мутной плёнкой. Так и день проходит. А вечером на насест – уже по-серьёзному спать и видеть сны про жужалку.

Когда мама курицу на суп разделывала, звала дочурку. Выворачивала куриный зоб, на стол сыпались склёванные остроугольные камешки и пшеничные зёрна. Вычищала кишки, а оттуда вываливались округлённые цяточки*, перемазанные тёмно-зелёным помётом.

– Видишь, пока они через желудок и кишки пройдут, округляются, – объясняла мама.

– А зачем?

– Помогают зёрнышки перетирать. Такие маленькие мельничные жернова. Зёрна измельчают, а сами истираются и полируются.

– Как интересно! – и пару таких камешков оказывались в Наткином кармане.

От канавы Натка пошла вслед за гусями. Над ставком нагретый солнцем воздух шевелился едва заметными змейками. «Ага, – залюбовалась девочка, – это – эльфы!» Они серебрились и таяли в вышине. Опустила глаза вниз, а там!.. Легла у берега на живот и подтянулась почти к самой воде. Кромку озерца истоптали гуси и коровы. В отпечатках отвердевших следов блестела вода, юлили головастики. «Футы-нуты! – поражалась Натка, чуть ли не подбородком касаясь следа. – Живые!.. Ой, зыкалки!» Головастики озорно шевелили хвостиками и выпячивали лягушачьи глазки. Их было так много в коровьем копытце, хоть ложкой выгребай. Устав наблюдать мелкоту, отправилась на мусорник. Там можно столько всякого добра для халабудки найти!

Отходы возвышались длинной горой. Похожие на огромный, приплюснутый сверху куличик, дымились и прели. Пахло едко и кисло. Щипало глаза, хотелось кашлять. Несколько бездомных собак вынюхивали в мусоре съестное. На другом конце свалки старуха-бомжиха тащила к дороге стул о трёх ногах. Вороны стайками и поодиночке скрупулёзно «сортировали» мусор. Жадным глазом косились на конкурентов и недовольно каркали. Натка копалась у подножия горы. Сюда скатывался твёрдый мусор и долго не гнил. Она нашла две чайные чашки. Обе – в мелкий цветочек и с отбитыми ручками. «Прелесть какая!» Попалась ей на глаза и жестяная коробочка из-под монпасье. С трудом открыла плотно прилегающую крышку. На дне коробки лежали три слипшиеся матовые горошинки. И все – разного цвета. Натка положила их в рот. Перекатывала языком, сглатывая барбарисную слюну. Вкусно!

Нашла большой осколок зеркала, механизм от будильника («Можно у Вовки на что-нибудь обменять»), два кукольных скальпа и совершенно целого миниатюрного пупса. Натка раззадорилась и принялась разгребать какие-то бумаги. Из-под вороха с трудом вытащила большую картонную коробку. Открыла, а там – альбом с фотографиями. «Ух, ты!» – не удержалась Натка. Необычная находка пробудила в ней одновременно любопытство и страх. Надо срочно улепётывать отсюда, пока не появилась пацанва и не отобрала у неё найденное добро. Натка затолкала чашки в карманы платья, накидала в коробку находки, закрыла крышкой и, прижимая её к животу, побежала к укрытию.

Удалось пробраться никем незамеченной. В халабудке безопасно. Натка устроила из трёх плоских камушков буфет и поставила на них найденные чашки. С посудой стало уютней. В зале засияло «трюмо» из зеркального осколка. Пупсик потеснил дитятку в кроватке. Пусть это будет его братик. Часовой механизм перекочевал в карман. Полюбовалась дивчинка красотой и уселась на картон, расплющив его. Вытянула ноги, положила альбом на колени и принялась смотреть. Вначале шли чёрно-белые снимки – фигурно окантованные, светлым обрамлённые. На них – диковинные люди. Серьёзны и деловиты. В длинных одеждах и смешных шапках. Внизу на карточках – витиеватые подписи. Натка рассматривала фотографии очень внимательно, её интересовали всякие мелочи. Дивилась не обычным украшениям. «Какие дамы-господа!» – вырвалось неожиданно. Некоторые дамы держали в руках настоящие кружевные веера. А у Натки – сложенная гармошкой страничка, вырванная из тетради в клетку. На головах – огромные шляпы с перьями и большими цветами. «А у меня – панама», – похлопала ладошкой по белому пирожку с воланом и крохотной петелькой. Натка чуть-чуть завидовала и вздыхала. У некоторых господ – блестящие сабли на боку. «Раньше пистолетов не было, они саблями дрались», – догадалась девочка.

От снимка к снимку неуловимо менялись наряды и выражения лиц. Одежда становилась проще, лица – улыбчивей. С середины альбома пошли узнаваемые фотографии. Платья у женщин, как у мамы. Мужчины одеты, как папа. Чёрно-белое исчезло, появилось цветное. Чем ярче снимки, тем улыбчивее люди. «Как интересно!» – Натка сглотнула слюнки. Лица привлекли её внимание больше, чем одежда. Ни одно не избежало пристального взгляда девочки. А на последних страницах

* Цяточки – плоские мизерные камешки размером с горчичное зёрнышко.

некоторые показались ей знакомыми. Точно! Вот портниха тётя Люба. А здесь дядя Витя – Серёгин батько. А это – дядя Ваня. Он на свадьбах на гармошке играет. Только здесь они молодые, стройные и без морщин. «Хм, почему такое добро на мусорник вынесли?» – уставилась задумчиво в земляной пол. Неожиданно появилась рассудительная мысль: «Надо бы его тетё Любе отнести, мало ли что», и тут же была перебита желанной: «Не-е-ет, он ничейный. Я его первая нашла, а значит, теперь он – мой!» Прохлада халабуды покрыла Наткины руки гусиной кожей. Она поёжилась, встала быстренько, засунула альбом под раздавленную коробку, выбралась из посадки и поскакала вприпрыжку домой.

Пробегая по улице, заметила – у Вовкина двора собрались пацанята. Тут её осенило. Из маминого шифоньера достала длинную юбку с оборками, модную «вермишельку», «лодочки» на каблуках, зонтик. Нарядилась, покрасовалась перед зеркалом. Завязала на шее газовую косынку, напомадила губы и вышла на улицу. Идти быстро не получалось. Пришлось шаркать, чтоб не потерять туфли, не путаться в фалдах юбки и хоть как-то передвигаться.

– Тю-ю-ю... Семидолькина, ты шо так вырядилась? – первым заметил «даму» Серёга.

Мальчишки посмотрели в сторону приближающейся диковины и захохотали.

– Кикимора под зонтиком!

– У моей бабки свинья и то лучше выглядит!

– Ты хоть бы панамку сняла, шапокляк!

– Вам, барыня-мадам, прикатили чемодан. В чемодане сто рублей и коробочка соплей! – запрыгал Петька, ёрничая.

– Ничё-ничё, – крепилась Натка, – прибежите к нам за молоком, уж я вам покажу парного с червяками!

– Ой, ой, ой! Выбражуля номер пять, разреши по морде дать!

Пацанва снова заржала.

– Смешно дураку, что рот на боку! – огрызнулась «дама».

– Семидолькина-глиста в кошельке гамна полста!

– Кто как обзывается, тот так и называется! – Натка показала язык всему братству, развернулась и пошкандыбала обратно. Демонстрацией мод она осталась очень довольна.

* * *

Вечером мама расчёсывала дочерины косы. Проходила по спутанным волосам деревянной расчёской, распрямляя и освобождая их от узелков, щёткой приглаживала. Делила на две равные части и плела новые косы, тугие, блестящие.

– Ма, у тебя есть шляпа? – спросила задумчиво Натка.

– Нет.

– А почему?

– Шляпу ветром уносит, – улыбнулась мама.

– А веер, настоящий веер есть у тебя?

– Нет.

– Почему?

– Куда мне с веером, до коров, что ли, ходить?

– А у тёти Любы есть?

– Не знаю.

– И, конечно же, у папы нет сабли, – вздохнула дочь.

– Зачем она ему?

«Куда же подевались люди со шляпами и с саблями?», – хотела было спросить, но передумала. Натке кортило* рассказать об интересной находке. Она не решалась, боясь, что мама отберёт альбом, тогда уже не поглядишь на старинные карточки и не помечтаешь себя дамой в длинном платье.

Уснула Натка скоро. Сквозь сон слышала небесный грохот. Представляла, как кудлатый дядюшка гром ходит по чердаку, спотыкается впотьмах о жестяной тазик, падает, задевая висящий на ржавом гвозде огромный алюминиевый дуршлаг и необъятную эмалированную миску. Мама в ней варенье варит. Понадобится ей миска, поднимется на чердак, а в миске грохотун с дуршлагом на голове раскорячился. От смеха колышется Наткин живот, она просыпается и прислушивается. За окном молнии высвечивают сад. Близость дождя ощущается лёгким, разряженным воздухом. Натка поворачивается на бок, сладко устраивает голову на ладони, закрывает глаза и видит красивых дам в шляпах и себя среди них. Они чинно расхаживают по улице, а соседи выглядывают из-за заборов, цокают языками, от зависти лопаются.

Над садом нависла туча, ждёт божьей отмашки. Громыхнуло совсем близко. В ветвях зашелестело, зашумело. Хлынул гудящий ливень. Тысячами ручейков растеклись грунтовые дороги на улицах села. Нет преград воде небесной. Земля радуется, деревья пьют – не напьются. Молодняк в посадке после дождя вверх вытянется. Поливает его вода небесная щедро. Заодно и коробку картонную, а под нею – альбом. Мокнут фотографии, волной коробятся. А как ливень утихнет, солнце наутро выглянет, начнёт землю прожаривать. Растёкшиеся фотографии слипнутся – конец чёрно-белым дамам-господам и цветным современникам. И прольётся другой ливень – из Наткиных слёз.

* Кортит – не терпится.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Андрей ШЕНДАКОВ

* * *

Живу в старинном городке,
Где на холме шумят осины
И под мостом, ломаясь, льдины
Трещат в апреле на реке.

Здесь прошлым дышит у церквей
Неповоротливое время,
И с тёплой горсткой суховея
Уходит сырость летних дней.

Былое видится везде:
Здесь, оставляя Божьи знаки,
Писали древние монахи
Псалмы на тонкой бересте...

Истлели стрелы злых князей,
Скупы иных веков останки...
Лишь слышен голос коноплянки
Сквозь топот рыжих лошадей.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Кате

...Ты славный парикмахер,
есть у тебя успех,
а у меня – характер
и неплохой ночлег.
Скрываясь от озноба
снимаемых углов,
ты мне расскажешь снова,
что далеко твой кров.
Что далеко, в Сибири,
по родине твоей
бежит, глотая мили,
глубокий Енисей.

Как будто дочь шамана,
боясь моих икон,
ты томно, полупьяно
споёшь про Оймякон.
Родные вспомню сенцы,
твой раздувая дым:
мы все – переселенцы,
мы на Земле гостим!

* * *

По сугробам февральских равнин
Уплывают лучей вереницы;
В старом доме скрипят половицы,
Словно ветви озябших рябин...

Гаснет солнце, танцует огонь,
Возносясь над поленцами бегло,
А остатки древесного пепла
У печи я сметаю в ладонь.

И мерцает звезда в темноте
За окном, прикасаясь к оградам,
Словно дед мне дымит самосадом:
«Времена наступили не те...»

г. Орёл

Юрий Матвеев

В СИБИРЬ

Я приеду в Сибирь не летом –
Комарам не видать моей крови.
Легкомысленно полураздетым
Я сойду на холодном перроне.

Я увижу, как пар клубится
Из-под страшных мохнатых шапок.
Я люблю эти светлые лица
И морозного воздуха запах.

Я люблю этот снег хрустящий,
Как крахмал из сибирской картошки.
Я возникну в своем настоящем,
Словно призрак из давнего прошлого.

Я смахну набежавшие слезы
И скажу: виноват ветер.
Ах, какие большие березы.
И красивее нет на свете.

МАМЕ

Мама, снова солнце появилось
После стольких сумеречных дней.
Ничего со мною не случилось.
Да и не случится. Ты поверь.

Где теперь те шумные вокзалы?
По-сибирски – ни одной слезы –
Как-то обреченно провожала,
Подчиняясь линиям судьбы.

Нет печальней материнской доли –
Терпеливо ждать и провожать.
Из твоей оградки видно поле.
Снова, мама, будешь ожидать.

СЧАСТЬЕ

Папа читает газету.
Мама хлопочет на кухне.
У папы очки надеты.
У мамы так пахнет вкусно.

Звучит «Пионерская зорька»,
И бодрые пионеры
Докладывают бойко,
Кто самый в стране первый.

Москва далеко от Сибири.
И есть ли она на свете?
Патриса Лумумбу убили –
Папа читает в газете.

Как это страшно и грустно,
Что где-то лумумб убивают.
Меня пирожки с капустой
У мамы моей поджидают.

И мама такая родная.
В муке у нее передник.
Смотрю на нее и знаю,
Что нет ее лучше на свете.

И солнце. И утро. И лето.
Нельзя разделить их на части.
И умные очень газеты
Не знают, что это – счастье.

г. Анжеро-Судженск

Нелли ЕРМАКОВА

* * *

Будто бы вчера всё это было –
Так нежданно грянула беда…
Те, кого так горячо любила,
От меня ушли. И навсегда.

Тихо-тихо в замершей квартире,
Милые замолкли голоса…
Но сияют в опустевшем мире
Внученьки лукавые глаза!

ЗИМОЙ В ДМИТРИЕВКЕ

Душа ушла в иное измеренье –
Стряхнула повседневности дурман.
Что ей теперь политиков сраженья,
Пустые страсти и пустой карман?!

Даровано одно лишь утешенье:
Таёжная изба. Под крышу – снег.
Не добрести до ближнего селенья,
Здесь небо и душа – наедине.

Нашла себе надёжное жилище –
Тоску и боль снегами заметёт,
А старый пёс –
мой преданный дружище –
От страхов одиночества спасёт.

* * *

Утонул весь город в осенней мгле
Без просвета – дождь и туман.
И лежала женщина на земле,
Одолел ее пьяный дурман.
Ну, а пьяной что? Ей и лужа – рай,
Хоть и сыплет небо дождем.
Но склонился мальчишка над ней.
«Вставай, –
Заклинает, – мама, пойдем!»
На колени пред матерью становясь,
От стыда бы закрыть спиной!
Он с ее лица вытирает грязь
И зовет, и зовет домой.
И такая недетская боль в глазах,
Словно жизнь подошла к концу.
И катилась мальчишеская слеза
По ее хмельному лицу.

г. Кемерово

Валерий УХАНДЕЕВ

* * *

Молчание Святой Руси
Опубликовано
На заснеженных полях
Книги
Провинциальной тишины.

* * *

Жажду вечности
Я утолил пригоршней
Колокольного звона.

ПАСХАЛЬНЫЙ ЗВОН

Подоконник – подбородок
Светоносного лица,
Взгляд безоблачен и кроток,
Словно здесь престол творца.

Стол, рассыпанные книги,
Словно истины зерно.
По-пасхальному великий
День шагнул в моё окно.

Взгляд, как птица, опустился
На прозрачную волну.
Жизнь – мгновенье, миг скрылся,
В медь крылатую нырнув.

Всхлипнули дверные петли,
В комнату вернулся кот…
Неужели в медном теле
Сердце медленно сдаёт?

* * *

Я не буду похоронен
В точности, как мой дед,
Состарившиеся ладони
Оврага подхватят мой след.

Тонкая кисть калины
Опустилась на бушлат,
Мне дед передаст своё имя –
Именно неизвестный солдат.

Чтоб домолчаться до Бога,
Когда там прижмёт совсем,
Я вытолкну на дорогу
Значок ВЛКСМ.

г. Полысаево

Анатолий ВАЛЕНТИНОВ

* * *

День весенний, прогулка легка
По земле в ожидании чуда.
А по логу, заместо мостка,
Крест лежит, неизвестно откуда,

Как-то сдержан излишне ручей.
Не следят ли за мною в секрете?
Ведь не может быть, чтобы ничей
За без малого двадцать столетий.

Ни погоста, ни церкви в полдня.
Что за мраком его появленья?
Но я чую – он веет в меня
Сущность смерти и память рожденья.

Я носочком несмелым слегка
Надавил – не разверзнется ль бездна?
Слышу: сердце пошло с молотка,
Незнакомо забилось, вразрезно.

Что поделать? Ступил, прошагал.
Мне ли в благости делать погоду?
И ещё часа два наблюдал:
Все, кто шёл, наступали не с ходу…

* * *

Так и вижу: клетушка вагона,
Забурлил по проходу народ,
Электричка пошла, и с разгона
Переделкино скрыл поворот.

Друг несуетный мой, почитай мне
Твой неброский, как платина, стих,
Словно вед, причастившийся к тайне
Заклинаний, как жажда, простых.

А на Киевском – торжища давка,
Плотный чад малоросских колбас,
И язвительно из-за прилавка
Усмехается рыжий Мидас.

Только чуть ли оно понимает,
Погружённое в торг существо,
Что смертельно порой иссушает
Принесённое в дар волшебство.

Он без устали выгоду кличет –
Хваткой страстью струится басок.
Он и чих, не моргнув, обналичит,
Но не знает он, плоти кусок,

Что идёт кто-нибудь, пролагая
Серебристый стежок в суете,
И действительность полунагая
Не всесильна в своей прямоте.

Надежда КУДРЯВЦЕВА-КУЗНЕЦОВА

СЛАВА БОГУ

Ничего, кроме прожитых лет,
Я на этой земле не скопила.
В закромах моих тления нет.
В этом, знаю я, главная сила.

Ворам годы мои не украсть,
И не съесть их прожорливой моли.
Надо мною Всевышнего власть,
Легок путь мой в подлунной юдоли.

Надо мною всегда Его Сень.
Я мудрей становлюсь понемногу.
И за каждый мой прожитый день
Говорю я опять: «Слава Богу!»

В ТОМСК

На стыках рельсов стучат поезда
И снова в Юность меня уносят,
В сибирский город рассветов алых,
К настольным лампам в читальных залах,
К друзьям далеких годов беспечных,
Что промелькнули так быстротечно.
Там все мы вечно друзья и братья.
Тебе, мой город, мои объятья.
В тебе, мой город, я – словно птица!
Ночами Томск мне порою снится!
Ты дал мне столько тепла и света,
Которых даже на юге нету.
Стучат колеса, вагон качая.
Мы счастья рядом не замечаем.
Лишь только время нам все оценит.
И наша Юность нам не изменит!

г. Кемерово

Борис ДЮКИН

ДОРОГА НА ЛЕСНУЮ ПОЛЯНУ

Записки инженера путей сообщения

Такого я не припомню, во всяком случае, в моей долгой практике ничего подобного точно не было. Подполковник первый поставил свою подпись в акте приемочной комиссии. Обычно ребята из ГИБДД, а раньше ГАИ, подписывают акт последними или вообще не подписывают, долго согласовывая с начальством собственное мнение. Приходится упорно за ними ходить, уговаривать, искать встречи, чтобы получить автограф. А нынче в присутственные места просто так не попадешь, наша милиция охраняет себя особенно тщательно, вот уже и будки с автоматчиками у своих офисов понаставили. А при социализме я покупал у них в вестибюле свежие газеты. В общем, приходилось ловить этих ребят на свободном пространстве. Однажды даже подписывал акт в психбольнице, где капитан, член комиссии, в этот момент проходил тестирование.

А сегодня подполковник расписался в актах на капоте машины, которая стояла на путепроводе через ул. Терешковой. Внизу шумела дорога, чуть поодаль толпились члены комиссии. Все это, конечно, объяснимо. Во-первых, он был членом рабочей комиссии, которая дорогу осматривает и проверяет досконально, во-вторых, после этого еще не раз проезжал по дороге, а в-третьих, в городе случилась авария.

Автобус с членами комиссии медленно едет по правой полосе, спускается в долину р. Каменушки, потом поднимается вверх.

Пустая живописная дорога, начинающий желтеть осенний лес, разметка и ограждение своей белизной оттеняют черноту асфальта. Еще недавно тут, на трассе, стояли вагончики, гудели машины и мелькали оранжевые жилеты дорожных рабочих, а сегодня непривычно пусто и тихо. Все закончено, осталось подписать акт приемки.

Не знаю, кому в голову пришла светлая идея построить город-спутник, но первый раз я увидел план Лесной Поляны в архитектурной мастерской Т. Кулиева, он только что приступил к разработке планировочной структуры, и на больших планшетах все выглядело довольно интересно. Мы поговорили с ним об инфраструктуре, за этим он меня, собственно, и приглашал, но о прокладке прямой дороги от ул. Терешковой тогда речь не заходила. Впоследствии заказчик от услуг Кулиева отказался, не сошлись во взглядах, и дальнейшее проектирование выполняла канадская фирма.

Между тем события развивались своим чередом. В апреле 2006 года был подписан договор аренды земельного участка площадью 16 151,7 га между администрацией Кемеровского района и инженерно-строительной фирмой «Новые технологии» сроком на 10 лет с правом выкупа по кадастровой стоимости и арендной платой 511,7 тыс. руб., то есть по 51 тысяче в год, в целях жилищного строительства. Сегодня участки под индивидуальное строительство в Лесной Поляне стоят больше миллиона рублей.

Начало строительства: Ю. Матвеев, А. Белокобыльский, М. Гизатуллин, Б. Дюкин, 2007 г.

При проектировании города-спутника сразу же возник вопрос о его связи с г. Кемерово. В 2006 году ГП КО «Кузбассдорфондпроект» разрабатывает проект автомобильной дороги, обеспечивающей подъезд к городу-спутнику со стороны Рудничного района. Эта автомобильная дорога протяженностью 7 км пронизывала территорию Лесной Поляны с юга на север и связывала две дороги: Кемерово – Елыкаево – Старочервово и Кемерово – Андреевка. Сейчас это ул. Хребтова, и построена она только на участке от Лесной Поляны до автодороги Кемерово – Андреевка.

Мы еще не успели закончить строительство этой дороги, как по ней уже пошла тяжелая техника. И сегодня, не вложив и рубля в ее сооружение (дорога построена за счет средств областного бюджета), строители используют ее в качестве технологической дороги.

К слову сказать, практически все магистральные сети здесь также построены за счет бюджетных средств, федеральных или областных. Это, видимо, так называемое государственно-частное партнерство, о котором сейчас так много говорят. Бизнес охотно делится с государством затратами, но прибыли оставляет себе в полном объеме.

Конечно, Лесная Поляна – престижный проект и во многих отношениях уникальный. На пустом месте возвести жилой массив на 25 тыс. жителей! Город-спутник только начали строить, а он уже стал достопримечательностью г. Кемерово.

Первый раз я приехал туда, ориентируясь по топографическому плану, когда стройка только начиналась, и удивился невзрачности этого места, да и микроклимат здесь оказался весьма своеобразным. Верно, можно было выбрать место и живописней, и удобней или хотя бы поближе. Вот, к примеру, между городом и рекой Люскус простирается большая свободная территория, которую уже не одно поколение архитекторов застраивает на своих чертежах, но она так до сих пор и не освоена.

Еще во время строительства автомобильной дороги Кемерово – Елыкаево – Старочервово – Андреевка стало ясно, что транспортных проблем будущих жителей Лесной Поляны она не решает. Тогда и возникла идея проложить магистральную дорогу, напрямую связывающую город-спутник с Кемерово, тем более, что по программе «Доступное жилье» в благополучном 2007 году на развитие инфраструктуры правительство РФ выделяло регионам 3 млрд руб. Грех этим не воспользоваться. Естественно, как всегда, это было обставлено многочисленными условиями и препонами. Так, до 1 июня все проекты-соискатели, имеющие положительное заключение экспертизы, могли представляться в Министерство регионального развития для защиты. Там из них выбирали лучшие и отправляли на рассмотрение в Росстрой, после чего Министерство экономического развития готовило распоряжение правительства, на основании которого делалась бюджетная роспись, и в работу вступал Росавтодор, где проект уже рассматривался на предмет согласования начальной цены контракта. Не будем останавливаться на бюрократических перипетиях, у нас в России на эту тему можно писать приключенческие романы, но в конце концов Росавтодор согласовал цену и подписал документ с администрацией Кемеровской области о строительстве дороги. Все эти лабиринты прошли и подготовили соглашение с Москвой Галина Генадьевна Майгова и Валентина Васильевна Воробьева. Во многом благодаря им Кемеровская область и получила в 2007 году 250 млн руб. из федерального бюджета на это строительство. Ведь Кемерово – только один из 22 городов России, вблизи которых начато строительство так называемых городов-спутников и которые тоже претендовали на федеральные деньги.

2006 год, сумеречное время, когда осень уже кончилась, а зима еще не наступила. 31 октября в Кемеровской дирекции автодорог Кузбасса состоялось первое техническое совещание, посвященное строительству новой дороги, а сегодня вместе с главным инженером Алексеем Семеновичем Белокобыльским едем вверх, по ул. Крамского, идущей параллельно ул. Терешковой, минуем воздушный водовод (потом нам пришлось его переустроить, чтобы разместить съезд № 1) и оказываемся на свободной площадке между д. Красной и кладбищем Рудничного района. Между крайними заборами деревни и кладбищем чуть больше ста метров. На противоположной стороне ул. Терешковой темнеет бор. Под откосом шумят машины, а здесь, наверху, тихо. Будка кладбищенского сторожа, чахлые кусты, на пожелтевшей траве следы изморози. На шестах висит кабель. Слева – кладбище, справа серебрится труба водовода, а впереди, если смотреть на восток, виден лог, который спускается в пойму р. Каменушки. Знакомые места. Много раз я ходил здесь зимой на лыжах. Поднимался по логу и краем бора проторенной лыжней шел до р. Люскус и, конечно, не предполагал, что мне придется здесь строить дорогу. А сегодня мы обсуждаем и прикидываем, можно ли здесь разместить развязку и стоит ли отсюда начинать трассу на Лесную Поляну. Потом будет еще много выездов на место, совещаний и обсуждений.

Когда смотришь в иллюминатор самолета, набирающего высоту или заходящего на посадку, при ясной погоде, особенно летом, то внимание всегда останавливается на лентах дорог внизу, разрезающих пространство на причудливые и, кажется, совсем нецелесообразные, нелогичные извивы и повороты. Вроде бы чего проще: соединил прямой линией две точки по кратчайшему расстоянию, вот тебе и дорога. Ан нет, прихотливо идет она по земле, отклоняясь от прямой то вправо, то влево, переламывается, обходя какие-то невидимые препятствия. Но, спустившись на землю, едешь по той же дороге, хорошо построенной и вписанной в ландшафт, и начинаешь уверяться, что по-другому и быть не могло. Плавные кривые переходят одна в другую, открывая взору все новые и новые пейзажи, и уже не возникает сомнения в их целесообразности. Подъемы и спуски, насыпи и выемки – все логично и правильно. И уже не беспокоит мысль, что надо что-то переделать.

Любая дорога начинается с назначения начального и конечного пунктов, которые и определяют направления трассы. Потом следует разработка и сравнение вариантов. Если с конечным пунктом все было ясно с самого начала – центр Лесной, то место, откуда дорога будет начинаться, определили не сразу. После первого варианта появились второй, третий и четвертый...

Первое, что приходит в голову, – реконструировать существующую дорогу Кемерово – Елыкаево – Старочервово, проходящую через деревню Красную, и в районе р. Люскус, то есть на расстоянии 4 км от ул. Терешковой, выйти на новое направление. Но при детальном рассмотрении этого варианта становится ясно, что все его преимущества мнимые. Инфраструктура города, его свободные перспективные территории тоже ничего не приобретают, при их освоении все равно придется строить еще одну дорогу, да и с точки зрения экономики он был не лучшим. В общем, вариант неконкурентоспособный, хотя и был у проектировщиков четвертым. Второй и третий вариант тоже оказались неконкурентоспособными.

Вариант номер один впоследствии, когда будут выполнены все экономические расчеты, станет основным. Он предполагал начать трассу на свободном участке между кладбищем Рудничного района и д. Красной. Единственный вопрос – хватит ли свободного пространства, чтобы разместить транспортную развязку, так как пересечь ул. Терешковой под прямым углом невозможно из-за расположенных на противоположенной стороне новых домов. В лихие девяностые раздавали на территории бора участки под застройку, и, верно, не бесплатно, но нам эти строения создали определенные сложности. Понятно возмущение главного архитектора города Олега Ражева, который только что заступил на свой пост. Но ничего не поделаешь, придется их обходить. От ул. Терешковой трасса спускается к р. Каменушке, по логу поднимается вверх, идет по полю, на пятом километре пересекает р. Люскус и, оставляя слева деревню Солонечную, выходит к Лесной Поляне.

Этот вариант и был утвержден на заседании технического совета у главы г. Кемерово 11.12.2006 г. Стоимость его строительства по предварительным расчетам – 2,9 млрд руб. Фактически дорога построена за 2,042 млрд руб.

В декабре 2006 года после многочисленных согласований (только на плане трассы свои подписи поставили представители 21 организации) оформляется акт выбора трассы. В связи со срочностью и большим объемом инженерный проект, а это 52 тома различных чертежей и смет, разрабатывали специалисты двух проектных организаций – Барнаульского филиала ОАО «ГИПРОдорНИИ» и ГП КО «Кузбассдорфондпроект».

В начале июня 2007 года в первый раз выезжаю на объект вместе с проектировщиками и строителями. С утра идет дождь. На обочине, не доезжая до поворота в д. Журавли, стоит «Волга». Стекла ее запотели, по эмблеме на борту видно, что это машина ОАО «Кемеровоспецстрой». Здороваемся. Кого-то я знаю по прежним стройкам, а с кем-то еще предстоит познакомиться. Ждем изыскателей, которые запаздывают, и, сидя в машине, изучаем план трассы. Появляется зеленый уазик «Кузбассдорфондпроекта». Едем за изыскателями мимо садоводческого товарищества «Азот» и по полевой дороге мимо технополигона, где уже построены выставочные образцы будущих коттеджей и куда возят различные делегации, выезжаем к Лесной Поляне.

То, что дорогу начинаем строить с конца, то есть от Лесной Поляны, объясняется тем, что в 2008 году планируется начать заселение города-спутника, а для организации автобусного сообщения необходима хорошая дорога. Для этого проектом и предусмотрен в составе второго пускового комплекса выезд на автомобильную дорогу Кемерово – Елыкаево – Старочервово.

Впереди изрытое поле, березовые колки и колея полевой дороги, где-то здесь ось будущей трассы. Позади справа виднеются строящиеся таунхаусы Лесной Поляны и коробки коттеджей с зелеными крышами. Геодезисты достают инструменты, настраивают GPS. Прошли времена, когда привязывались к пунктам триангуляции и гнали теодолитные ходы от закрепленных точек, теперь координаты определяют, ориентируясь на спутники. Наша задача сегодня – передача геодезической разбивочной основы, которая определяет положение дороги в плане и профиле. На ее основе строители сделают сгущение сети, выставят дополнительные реперы и створовые точки, разобьют пикетаж. Современные приборы позволяют очень точно перенести трассу дороги на местность. Достаточно сказать, что когда геодезисты ООО «Геоком», которое вело геодезическое сопровождение объекта, сделали исполнительную съемку, то отклонение построенной дороги протяженностью 8,6 км от проекта составило 8 см.

Время не ждет. Практически за год предстоит построить 3,1 км основной дороги и 1,1 км подъезда, кроме этого необходимо возвести две водопропускных трубы и две кольцевые развязки в Лесной Поляне и на примыкании к автодороге Кемерово – Елыкаево – Старочервово.

К сожалению, за прошедшие с момента завершения строительства автомобильной дороги Алтай – Кузбасс 10 лет значительно сократился перечень организаций, способных реализовывать большие, сложные проекты. Произошло это, как мне кажется, по нескольким причинам. Во-первых, были ликвидированы дорожные фонды, резко сократился объем финансирования и, как следствие, объемы дорожных работ. Результаты такого сокращения наглядно видны на примере Кемеровской области. Так, 2000 году было построено 107,6 км дорог и отремонтировано 923 км, в 2010 году соответственно 12,6 и 109 км. Во-вторых, не понятно, по какой причине, но началось акционирование ДРСУ.

Дорожные предприятия стали попадать в руки случайных людей, часто из других регионов, во главу угла новые владельцы ставят получение прибыли, начинают сокращать затраты, в первую очередь заработную плату, уходят хорошие специалисты, новая техника не покупается, не осваиваются новые технологии. Боюсь, что когда наши власти наконец-то повернутся лицом к дорогам, строить их уже будет некому.

Строительство любой дороги, как правило, начинается с двух вещей: устройства временных технологических дорог и снятия растительного грунта, который на последнем этапе строительства используется для рекультивации. ОАО «Кемеровоспецстрой» начинает работу с устройства технологической дороги, обеспечивающей выход на автодорогу Кемерово – Елыкаево – Старочервово. АКОО «Планум (Кипр) Лимитед», который выступает в роли субподрядчика, снимает растительный грунт на участке от ПК 65 до ПК 80.

Одновременно начинается заготовка материалов и работы по переустройству воздушных коммуникаций, попадающих в зону строительства. В дело вступают новые субподрядчики. Всего за эти годы в строительстве дороги принимало участие 15 различных организаций.

Стройка началась. На одном из первых производственных совещаний решаем вопросы обеспечения качества. Авторский надзор, как и положено, ведут разработчики проекта – «Кузбассдорфондпроект». Лабораторный контроль поручаем ООО «Кузбасский центр дорожных исследований». Это одна из лучших дорожно-строительных лабораторий в России как по оснащению, так и по составу сотрудников. Руководит ею кандидат технических наук О. П. Афиногенов. Геодезический контроль осуществляет другая специализированная организация – ООО «Геоком» во главе с Александром Михайловичем Циваненко. Нужно отметить, что оба предприятия не только работали на заказчика, но и бескорыстно оказывали методическую и техническую помощь подрядчикам в течение всей стройки.

В середине июня по полевой дороге еду на трассу. За рулем «Жигулей» главный инженер «Планума» Михаил Алексеевич Гизатуллин. Я уже рассказывал о нем, когда писал о строительстве автодороги Алтай – Кузбасс. Миша отчаянно крутит руль, стараясь не попасть в колею, которую уже набили КамАЗы, но одно неверное движение – и «жигуленок» садится на брюхо. Все наши попытки вытащить машину безуспешны. Хорошо, есть сотовая связь и недалеко стоят вагончики «Планума». Подъезжает КамАЗ и вытаскивает нас. Такова доля строителей дорог – все время ездить по проселкам, а когда дорога построена, там нас уже нет. У вагончика, посмеиваясь, нас встречает начальник участка Ракита, с непривычным для русского уха именем Анжелко (с ним мы строили дороги в г. Междуреченске) и директор Кузбасского филиала «Планума» Мича Яковлевич.

С Мичей я познакомился, когда в 2004 году начал курировать строительство Притомского проспекта, тогда он назывался Московским. Мича – личность незаурядная. Даже внешне обращает на себя внимание. Вспоминаю, какой ажиотаж вызвало его появление в ДК шахтеров на торжественном совещании, посвященном дню работников дорожного хозяйства. Высокий, чуть сутуловатый, с большой окладистой бородой, почти всегда в джинсах и кроссовках. На этом совещании я первый раз видел его в костюме и галстуке. Мича прекрасно говорит по-русски и совсем не похож на наших руководителей. В 1977 году он получил высшее образование в тогдашней Югославии, начал работать на стройке еще будучи студентом, так как происходил из небогатой семьи и сам оплачивал свое обучение. После окончания института работал на различных стройках во многих странах, а в 1993 году возглавил Кузбасский филиал фирмы «Планум». Талантливый инженер, воспитанный и очень порядочный человек, работать с такими людьми приятно.

Стройка – это процесс, в котором завязаны сотни людей различных специальностей: рабочие, инженеры, механизаторы, проектировщики, геодезисты, лаборанты. Это их трудом из хаоса, практически из ничего рождается дорога.

И я сразу прошу прощения, что в своих заметках не упоминаю всех, с кем бок о бок трудился три года. И не потому, что они того не заслуживают... В ОАО «Кемеровоспецстрой» работу начинает Афанасий Иванович Тандыбашев. Совсем недавно мы с ним строили дорогу Кемерово – Елыкаево – Старочервово – Андреевка, но его в скором времени сменяет Василий Иванович Пешнин. С ним и с начальником участка Александром Николаевичем Фурсовым я дойду до сдачи объекта в эксплуатацию.

Параллельно с началом строительства начинается процесс отвода земель под дорогу и грунтовые резервы. Уже первые пробы грунта показали, что суглинок из выемок не пригоден для возведения земляного полотна. Нужно искать подходящий грунт для отсыпки насыпи. Обследуем старый карьер около деревни Солонечной, грунт хороший, но запасов недостаточно. К исследованиям подключаются сотрудники проектного института «Кузбассдорфондпроект» – авторы проекта и ООО «Кузбасский центр дорожных исследований».

В результате отводятся еще два притрассовых резерва общей площадью 31,8 га рядом с дорогой.

Начинаются сложные переговоры с администрацией Кемеровского района, которая отличается особой недоступностью. Просто найти, встретиться или переговорить по телефону с нужным человеком – проблема. В результате за аренду земли на два года выплачиваем 8 млн руб. Почувствуйте разницу.

Вообще вопрос отвода земель и получения разрешения на строительство для государственных нужд в современной России настолько запутан и сложен, что в рейтинге, подготовленном Всемирным банком, по показателю сложности получения разрешения на строительство и отводу земель из 183 стран мы находимся на 182-м месте. На практике очень часто, сдав дорогу, мы еще несколько лет решаем вопросы отвода.

Уже через несколько недель после начала работы выявляются не учтенные геологическими изысканиями особенности местности. Грунтовые воды обнаруживаются на высоких местах, там, где, по логике, их не должно быть, зато котлован под трубу на дне лога сухой. Приходится срочно принимать технические решения по обеспечению устойчивости земляного полотна. Там, где встречается переувлажненный суглинок, он на глубину до 1 м заменяется на скальный грунт, а на участке выхода грунтовых вод переносим под кювет ливневую канализацию, которая выполняет теперь и функцию дренажа. Как показало время, решения правильны. Надо отдать должное проектировщикам «Кузбассдорфондпроекта», и, в частности, главному инженеру Виктору Егоровичу Медянкину, которые все эти годы оперативно решали возникающие в ходе строительства проблемы.

В конце августа заканчивается строительство водопропускных труб, и там, где готово земляное полотно, приступают к устройству дорожной одежды. Это три слоя асфальтобетонного покрытия на бетонном основании толщиной 22 см, которое укладывается на подстилающий слой из щебня. Кроме этого, верхняя часть земляного полотна на толщину 30 см отсыпается из скального грунта. Общая толщина конструкции больше метра. Установив рельс-формы, «Планум» начинает укладку и уплотнение бетонной смеси. Это не обычный бетон, а так называемый «тощий». В нем меньше воды и цемента по сравнению с обычным бетоном, и после распределения смеси ее укатывают тяжелыми катками.

Кончилось короткое сибирское лето. В конце октября выпал и растаял первый снег. При наступлении отрицательных температур работы по устройству дорожной одежды сворачиваются.

В ноябре 2007 года открывается финансирование. Подрядчики получают деньги за выполненную работу, до этого они работали под честное слово.

Можно подводить первые итоги. Выполнены земляные работы, построены водопропускные трубы, уложено почти три километра бетонного основания по основной трассе, выполнена развязка в Лесной Поляне. Начинается заготовка материала на 2008 год.

Дорожные работы отличаются от других видов строительства тем, что требуется большое количество материала, доставлять его иногда приходится на значительные расстояния. Да к тому же весной дороги для проезда тяжелого транспорта закрываются. Поэтому без предварительной заготовки материала надеяться на успех не приходится. В ноябре, декабре по замерзшим дорогам успеваем вывезти на трассу почти 70 тыс. м^3 щебня.

В январе 2008 года первый раз выезжаю на трассу вместе с главным инженером Мостоотряда № 89 ОАО «Сибмост» Олегом Михайловичем Трофимовым. Мостовикам предстоит построить два путепровода: через ул. Терешковой и на транспортной развязке, которая обеспечивает выезд с основной трассы на дорогу Кемерово – Елыкаево – Старочервово. Выезжаем на место будущего путепровода. Оградки кладбища, могучие сосны бора – все укрыто белым пушистым снегом. Смотреть тут практически нечего. Возвращаемся и через д. Красную едем на ПК 54. Его легко найти, так как рядом высится гора заготовленного щебня. Трудно себе представить, что через два года мы будем проезжать здесь через путепровод.

По расчищенной технологической дороге доезжаем до Лесной Поляны. Среди заснеженного поля высятся опоры освещения, которые установили осенью, когда ждали высокое начальство, которое так и не приехало. Пока едем обратно, оговариваем технические вопросы. Заказ на изготовление металлического пролетного строения для путепровода через ул. Терешковой размещен на Новокузнецком заводе резервуарных металлоконструкций им. Н. Е. Крюкова. Мощности завода не хватает для одновременного изготовления двух пролетных строений, поэтому второй путепровод на ПК 54 будет выполнен из сборных железобетонных конструкций.

После Нового года начинается интенсивная подготовка к предстоящему строительному сезону. Если со вторым пусковым комплексом все ясно, то отсутствие рабочей документации на первый пусковой комплекс – серьезная проблема. Тендер на разработку рабочей документации выигрывает «Кузбассдорфондпроект», но на эту процедуру ушло много времени, и теперь проектирование ведется

параллельно со строительством. Потому на технических совещаниях в дирекции наряду с проблемами строительства обсуждается ход проектных работ, согласовываются графики выдачи отдельных чертежей. Оперативно обсуждаются принятые проектные решения и вносятся коррективы. Проектные предложения тут же проверяются на практике. Это позволяет находить оптимальные технические решения. Так, изменение продольного профиля на участке от ПК 40 до ПК 54 позволило снизить высоту насыпи при пересечении поймы р. Люскус на 3 м, соответственно уменьшить длину водопропускной трубы и сократить объем земляных работ на несколько тысяч кубометров. Сложным был вопрос пересечения рек Люскуса и Каменушки, где высота насыпи достигает 23 м. В инженерном проекте рассмотрели варианты строительства мостов, но это удорожало строительство на несколько сотен миллионов рублей. При разработке рабочей документации приняли более экономичное решение: построить водопропускные трубы большого диаметра из гофрированного металла. А так как в Кузбассе такие сооружения не проектировали и не строили, привлекли ООО «Центр дорожных технологий» из Ростова-на-Дону, имеющее соответсвующий опыт. В результате сегодня мы имеем уникальные инженерные сооружения: труба на р. Люскус имеет диаметр 4,3 м и длину 125 м, труба на р. Каменушке немного поменьше, ее диаметр 3 м и длина 105 м.

Кроме этого, для пропуска пешеходов построены две металлические гофрированные арочные трубы радиусом 2,69 м: на ПК 2+31 длиной 51,5 м в деревне Красной для обеспечения прохода на кладбище и на ПК 40+86 в зоне р. Люскус длинной 69 м для сохранения поймы реки в качестве рекреационной зоны.

В феврале после расчистки снега начинается разработка в скальных грунтах, сначала на подъезде, соединяющем основную трассу с дорогой Кемерово – Елыкаево – Старочервово, а после оттаивания суглинистого грунта – уже по всей трассе. До 1 апреля подрядчики успевают выполнить более 100 тыс. м^3 земляных работ.

Мы не отработали и года, как начались проверки. В марте приходят из финансового управления, потом из Екатеринбурга приезжает комиссия – из филиала ФГУ «Росдортехнология». Подрядчику дается команда расчистить бетонное основание и обеспечить проезд по технологической дороге. 15 марта вместе с комиссией и подрядчиками выезжаем на трассу. Выполняются измерения, проверяются высотные отметки и даже выпиливается образец из асфальтобетонного покрытия. В итоге в акте записано: «*По результатам инструментальных замеров, произведенных на участках дороги, освобожденных от снежного покрова, установлено: ширина, поперечные уклоны и толщины уложенных слоев бетонного основания и асфальтобетонного покрытия соответствуют требованиям проекта, нормативных документов и актам выполненных работ. Имеющиеся отклонения не превышают величин, регламентированных СНиП 3.06.03-85*».

В апреле представители филиала ФГУ «Росдортехнология» приезжают вновь. Теперь они проверяют не только дорогу на Лесную Поляну, но и другие объекты. Следом прибывает Счетная палата и так далее. Всего за три года прошло семь различных проверок. Иногда ловишь себя на мысли, что думаешь не о том, как лучше сделать, а как это воспримут очередные проверяющие. Такое впечатление, что сейчас в России контролеров больше, чем подконтрольных.

В мае приезжает бригада строителей из Ростова-на-Дону. Они сами организовали поставку всех необходимых конструкций. Руководитель – Михаил Турко. Совсем молодой человек, но, как потом оказалось, грамотный инженер и прекрасный организатор. Спокойный, немногословный, он сумел поставить дело так, что к Новому году были готовы две трубы, что позволило без задержки вести земляные работы. А ведь ему пришлось не только решать технические вопросы, руководить строительством, заниматься поставкой материалов, взаимодействовать с генподрядчиком, но и решать вопросы размещения людей, их быта и питания. А в мае, когда начали раскапывать котлован под трубу в пойме р. Люскус, в реальность его обещаний трудно верилось. От него и его команды остались самые хорошие впечатления. Ростовчане не только хорошо работали сами, но и бескорыстно делились опытом с инженерами и рабочими «Кемеровоспецстроя», которые две металлические гофрированные арочные трубы построили уже самостоятельно.

Большая стройка – большая школа. Здесь раскрываются способности людей, проявляются потенциальные возможности организации. От ОАО «Кемеровоспецстрой» в строительстве дороги принимали участие несколько управлений. И в первый год меня удивляла их разрозненность. Каждый отвечал только за себя. Потребовались определенные усилия, чтобы на стройке появился Генподрядчик. Всю ответственность за ход строительства взял на себя технический директор ОАО «Кемеровоспецстрой» Александр Васильевич Галушкин. Для него это была первая большая дорога, и хотя он не дорожник по образованию, но уже через год полностью владел ситуацией. Техниче-

ским обеспечением строительства занималась начальник ПТО Галина Николаевна Ивашина, правая рука шефа. В 2009 году на дороге ее сменил Александр Александрович Чернов. Молодой инженер, он окончил в 2005 году Томский государственный архитектурно-строительный университет и пришел в ОАО «Кемеровоспецстрой» из ДСУ-1, уже имея опыт строительства дорог в Горной Шории.

Всегда интересно наблюдать, как в процессе работы меняются люди, складываются их взаимоотношения. И если вначале к Саше Чернову старые кадры относились довольно снисходительно, то в 2010 году его уже называли Сан Санычем и все указания выполняли неукоснительно. За короткое время он смог проявить себя как грамотный инженер и завоевать уважение своих коллег, хотя некоторые по возрасту были вдвое старше. Всегда приятно видеть, как растут и набираются опыта молодые инженеры. Саша Чернов, Миша Турко, Павел Ильин, Андрей Изюков, который сменил в «Плануме» Анжелко, вернувшегося в Сербию. Это вселяет надежду, что у России есть будущее.

Рабочее лето на втором пусковом комплексе в разгаре. В октябре мы должны сдать его в эксплуатацию и открыть автобусное сообщение до Лесной Поляны.

В июне первый раз пытаюсь проехать по трассе первого пускового комплекса. Мимо крайних коттеджей в д. Красной едем по полевой дороге через бор. На окраине бора с противоположной стороны деревни громоздятся разномастные коттеджи. Проезжаем еще немного вперед. Чистое зеленое поле, слева видны крайние дома Рудничного района. На западе между деревьев просматривается д. Красная. По дну лога, что спускается к р. Каменушке, и пойдет дорога. Это территория садового некоммерческого товарищества (СНТ) «Учитель». Тогда я еще не знал, что эти заросшие бурьяном клочки земли обойдутся нам очень дорого как в прямом, так и в переносном смысле. Много раз вместе с сотрудниками «Землянроект» (специализированная организация, которая занималась отводом земель) приходилось собирать «садоводов» и уговаривать оформить документы на участки и провести межевание, отвечать на их жалобы губернатору и в прочие инстанции, искать незаконных жен, умерших родственников и их наследников. Хорошо, хоть никто не оказался подданным другого государства и не жил за границей, как однажды случилось в г. Междуреченске при строительстве моста через р. Улус. Выяснилось, что один из владельцев участка – гражданин США. По согласованию с СНТ «Учитель» устанавливалась выкупная цена 296,67 руб. за м^2 при кадастровой стоимости 5,67 руб. за м^2. Однако, когда началось строительство, аппетиты у наших «землевладельцев» резко выросли. И вот уже появляется новая оценка земельного участка, выполненная, кстати, профессионалами. И там черным по белому написано, что 10 соток поросшей бурьяном земли стоят 680 тыс. руб., т. е. 680 руб. один квадратный метр. И приложен расчет с обоснованием, что якобы на данном садовом участке можно выстроить гостиницу, и она будет действовать 310 дней в году (за деньги что только не насочинишь). Это «творение» мы отправили на экспертизу. Его отклонили, но всё же участки, попавшие под дорогу, нас вынудили выкупать по 450 руб. за м^2.

В июне ведётся расчистка полосы отвода первого пускового комплекса на участке от р. Каменушки до р. Люскус, прокладывается технологическая дорога. «Планум», закончив укладку бетонного основания на втором пусковом комплексе, начинает земляные работы на первом. «Кемеровоспецстрой» сосредотачивает свои усилия на строительстве подъезда. Здесь особую сложность представляет примыкание к автодороге Кемерово – Елыкаево – Старочервово. На месте существующего перекрестка проектом предусмотрено устройство кольцевой транспортной развязки. Для этого приходится реконструировать существующую дорогу на протяжении 840 м с понижением продольного профиля на 3 м. И все это надо выполнить без перерыва автобусного движения. Строится временная объездная дорога с асфальтовым покрытием, весь процесс разбивается на шесть этапов. Как всегда, возникает конфликт с частным капиталом – с владельцем АЗС. Проектом предусмотрено по требованию ГИБДД устройство переходно-скоростных полос к АЗС, но из сметы эти затраты исключены, так как заправка частная. В принципе, можно было вообще перекрыть туда въезд, но идем навстречу и договариваемся с владельцем, что он оплатит подрядчику выполненное. Увы, не оплатил. Таковы уж нравы наших капиталистов.

В июле заканчивается монтаж тела трубы на р. Люскус. За это время ростовчане успели заложить основание, отлить из монолитного бетона два противофильтрационных экрана, в начале и в конце трубы, для того чтобы исключить попадание воды под трубу, смонтировать 142 тонны металлоконструкций и начать устройство армогрунтовой обоймы вокруг тела трубы, предназначенной для восприятия и распределения нагрузок.

В августе монтаж водопропускной трубы полностью заканчивается, и «Кемеровоспецстрой» начинает делать насыпь, а команда М. Турко переходит на р. Каменушку. Здесь труба покороче, всего 105 м, но условия строительства сложнее: неоднородные грунты, болотистые слабые места соседствуют со скалой, которая с трудом поддается разборке.

Середина августа. Рабочий день закончился, и мы с М. Гизатуллиным уже собирались возвращаться в город, как вдруг раздался звонок. Генеральный подрядчик решил провести планерку на ПК 86, в конце трассы. Поворачиваем назад и по технологической дороге едем в Лесную Поляну. Нас уже ждут. На свежеуложенном асфальте развязки стоит десяток джипов и прохаживаются представительные мужчины. За дальним лесом заходит солнце. Останавливаемся, все окружают наш запыленный жигуленок. Начинаем обсуждать сроки сдачи второго пускового комплекса в эксплуатацию. В принципе, участок готов. Уложено покрытие, стоит бортовой камень, заканчивается укрепление обочин, начата установка ограждений, отлаживается освещение, специальная бригада бетонирует кюветы, но многое еще не сделано. Начинаю говорить о проблемах, и так как под рукой ничего нет, для наглядности рисую пальцем на пыльном капоте. И вот солидные мужчины с азартом включаются в это. Капота жигуленка нам хватило, чтобы конструктивно провести планерку.

Всех свободных рабочих подрядчики мобилизуют для посева трав на разделительной полосе и откосах. Это делается вручную. «Мостремонт» заканчивает монтаж ограждений, а «Индорзнак» – установку дорожных знаков.

Вечером 8 сентября еще раз выезжаю на трассу, на завтра назначена рабочая комиссия. На съезде в сторону Елыкаева укладывается верхний слой покрытия. Дальше одинокий экскаватор выправляет бровку земляного полотна. Отмечаю, что на съезде № 2 не покрашено ограждение, а на ПК 60 надо поправить обочину. По пустой дороге доезжаю до Лесной Поляны. Начинает зеленеть травка на разделительной полосе. Проезжает автобус с дорожными рабочими. На обратном пути встречаю подрядчиков – технического директора «Кемеровоспецстроя» А. В. Галушкина и начальника ПТО Г. Н. Ивашину. Они тоже решили проверить дорогу перед завтрашней комиссией.

9 сентября. Пасмурный холодный день. Не везет нам с погодой, хорошо хоть дождя нет. Автобус стоит на кольце со стороны подъезда. Последними приезжают ребята из ГИБДД. Начинаем с дороги Кемерово – Елыкаево – Старочервово. Измеряем ширину покрытия, обочин, расстояние до опор освещения. Спорим, насколько разметка соответствует дорожным знакам. Отмечаем то, что нужно переделать. Садимся в автобус и медленно едем по трассе. Периодически останавливаемся и проводим измерения, отмечаем недоделки и дефекты. Долго спорим на развязке в Лесной Поляне. Начинается дождь. В штабном вагончике оформляем акт рабочей комиссии. Даем подрядчику срок на устранение недоделок до 18 сентября, на 19 сентября назначена приемочная комиссия. В оставшееся до комиссии время готовлю ведомости, расчеты, выезжаю на дорогу со стройнадзором для проведения итоговой проверки, отслеживаю, как идет устранение недоделок. Вместе с А. С. Белокобыльским встречаюсь с сотрудниками ГИБДД.

Накануне еще раз проезжаю по дороге, чтобы убедиться, что все сделано. На подъезде шлагбаум, проезд для посторонних закрыт. Теперь дорога выглядит иначе. Асфальт помыт, отбита бровка обочин, обновлена разметка, установлены все знаки. Никого. Лишь на ПК 54 Мостоотряд № 89 возводит фундамент под опоры путепровода. Доезжаю до Лесной Поляны и ради любопытства заезжаю в поселок. Здесь тихо и пустынно. Ряды нарядных коттеджей под разноцветными крышами. Почему-то вспомнилась зона из фильма «Сталкер».

Хмурое утро 19 сентября. Опять собираемся на кольце, практически в том же составе. На фоне серого неба горят фонари, отражаясь в мокром асфальте. То, что вся дорога освещена, потом будет радовать водителей и страшно раздражать окрестных жителей. Автобус стоит на подъезде рядом со шлагбаумом. Проезжаем по дороге, фиксируем устранение недоделок и дефектов, в штабном вагончике подписываем акт. Все вопросы сняты. Шлагбаум убран, движение открыто. Возвращаемся в город. На тротуаре уже лежат желтые листья.

* * *

Как рано нынче осень наступила.
Осины вдоль дороги пожелтели.
Мы торопились и все-таки успели,
Хоть и непросто это было.

Над нами небо потемнело и остыло,
В тумане утра фонари горели.
В машине стекла запотели,
Так на дороге было холодно и сыро.

Остались на обочинах опоры.
Мы ожидаем на пустом бульваре.
Забыты все волнения и споры.

И вот уж двери открывают в баре.
Спокойные ведем мы разговоры.
И листья желтые лежат на тротуаре.

Потом появилось сообщение, что торжественное открытие дороги будет 3 октября с участием членов правительства. Новые хлопоты.

В восемь утра 3 октября мы уже на дороге. Туман, но пока доезжаем до Лесной Поляны, он рассеивается. Трибуна на обочине, флаги. Собирают-

ся подрядчики. У всех хорошее настроение. Приходит автобус с детьми, в разноцветных курточках и шапочках ребятишки смотрятся очень нарядно. На ребятах постарше голубые футболки с надписью «Единая Россия». Солнечный осенний день, погода как на заказ. Музыка, распорядители начинают репетицию встречи. В начале десятого проходит машина ДПС и за ней большой автобус. Нас выстраивают перед трибуной. Из автобуса выходят Шувалов, Жуков, Орлова, Тулеев, Михайлов и еще дюжина официальных высокопоставленных лиц. Поднимаются на трибуну.

Краткие речи, хвалят дорогу, выступают дети, и автобус двигается в сторону Лесной Поляны, где намечены основные торжества. Рядом с таунхаусами виднеется большой белый шатер. Там будут вручать ключи первым жителям. С нами остается заместитель губернатора А. Н. Наумов. Начинается раздача грамот и премий дорожникам. В одиннадцать часов все кончается. Возвращаемся на работу.

С пуском второй очереди строительный сезон для нас не кончается. Теперь все силы были брошены на первый пусковой комплекс. Ставится задача до Нового года выполнить основную часть земляных работ, а это 1 860 тыс. м^3; смонтировать конструкции путепровода на ПК 54; подготовить площадку для приема металлоконструкций пролетного строения, возвести опоры для путепровода на ул. Терешковой; закончить монтаж водопропускных и арочных труб.

Земляные работы ведут «Планум» и «Кемеровоспецстрой». Начинается разработка резерва № 1 и прилегающей к нему выемки, глубина которой доходит до 14 м. Сегодня откос выемки высится только с правой стороны дороги, слева, где был резерв, ровная площадка. Вскрыв верхние горизонты, строители упёрлись в скалу, которую не берут даже тяжелые бульдозеры. Заключается договор со специализированной организацией на буровзрывные работы.

В начале ноября выезжаем с А. Черновым на трассу. На подъезде нас ждет машина с милиционерами. Готовится взрыв. Нужно определить на месте, где выставлять ограждение, чтобы кто-то случайно не забрел в опасную зону. По технологической дороге едем вдоль выемки, где уже закладывают заряды. Останавливаемся в пойме р. Люскус. Впереди идет отсыпка насыпи, и четырехметровая труба уже не кажется такой большой. Молодой лейтенант удивляется: «А я и не знал, что здесь такая стройка идет». Рассказываю, что здесь будет. «Что-то не верится», – отвечает он. Если честно, мне и самому не очень верится, что в 2010 году мы все закончим.

Первый взрыв состоялся 15 ноября. Зрелище впечатляющее, но результат оказался не таким, как мы ожидали. Во взрывмассе оказалось большое число крупногабаритных обломков, которые не входили ни в один самосвал. Пришлось ставить гидромолоты, чтобы их раздробить. Потом еще несколько взрывов, уже в присутствии телевидения. Общий объем буровзрывных работ на дороге составил 870 тыс. м^3.

«Планум», построив на своем участке ливневую канализацию и заложив дренаж, успевает вывести земляное полотно до проектных отметок. В начале ноября, проложив по дну лога временную дорогу, начинает отсыпку высокой насыпи в пойме р. Каменушки. Бригада М. Турко, закончив устройство основания, за октябрь успевает смонтировать тело трубы. Погода портится, в начале ноября уже падает первый снег, становится холодно, что создает для ростовчан дополнительные сложности. В ноябре они приступают к устройству оголовков и бетонированию противоналедного лотка. В начале декабря температура опускается ниже минус 30 градусов. Выполнив задание и поняв, что такое Сибирь, ростовчане уезжают домой.

Начиная с 2008 года параллельно со строительством дороги Мостоотряд № 89 начал возведение путепроводов. По иронии судьбы это будут последние его объекты. В 2009 году Кемеровский мостоотряд, имеющий полувековую историю, перестанет существовать. Геннадий Иванович Черемисин – директор мостоотряда, Олег Михайлович Трофимов и начальники участков Владимир Алексеевич Какин и Рашид Негомедзянов успеют выполнить основные работы и разойдутся по другим фирмам.

Работы по возведению путепроводов велись практически одновременно, что позволило исключить простои механизмов и за два года построить два капитальных сооружения. И когда агрегат «КАТО» заканчивал бурение скважин под опоры на путепроводе ПК 54, его тут же перегоняли на ул. Терешковой, где начиналось устройство фундаментов. Если путепровод на ПК 54 собирался из типовых сборных элементов и имеет четыре пролета по схеме 18 + 24 + 24 + 12 метров, то путепровод на ПК 0 – уникальное сооружение. Его проект был разработан московской фирмой «Морисот». Неразрезное металлическое пролетное строение длинной 89,5 м, общим весом 386 т, имеющее центральный пролет 42 м, было смонтировано из отдельных секций на площадке со стороны кладбища и выдвигалось в пролет с помощью лебедок, установленных на крайней опоре. Это позволило не прерывать движение по ул. Терешковой.

Конец декабря. Солнечный морозный день. Планерку теперь начинаем на ул. Терешковой, где строится путепровод. Отсюда по заснеженной дороге

спускаемся в пойму р. Каменушки. За ноябрь и декабрь «Планум» успевает поднять высоту насыпи на 6 м. Дорога уже принимает свои естественные очертания. Светлая ровная поверхность насыпи со следами кулачковых катков. Грунт возят практически без перерыва, чтобы он не успевал замерзнуть. От работающей техники и от грунта, который вываливают КамАЗы, поднимается морозный туман. Укрытый белым пушистым снегом лес кажется сказочным. По заснеженному логу, где «Планум» возит грунт из резерва № 1, выезжаем на основную трассу. Здесь высятся горы заготовленного щебня. Дальше едем по технологической дороге. Замерзший грунт накатан тяжелыми самосвалами и по твердости не уступает бетону.

Останавливаемся на ПК 40+80. Здесь СУМ-1 «Кемеровоспецстроя» строит арочную трубу длиной 69 м для прохода лыжников и любителей кататься на снегоходах. Руководит работами Валерий Владимирович Рыбаков. В начале трассы труба длиной 51,5 м для прохода на кладбище из деревни Красной уже построена. Несмотря на мороз, идёт бетонирование фундамента. Свежеуложенный бетон укрывают «тепляками» и ставят тепловые пушки. Лаборатория «КузЦДИ» ведет постоянный контроль за набором прочности. Советы и консультации кандидата технических наук Геннадия Васильевича Савкина неоценимы.

На ПК 54 тяжелые 24-метровые балки (вес крайних почти 40 тонн) монтируют двумя кранами прямо «с колес» и устанавливают на опорные части с точностью до сантиметра.

Возвращаемся в штабной вагончик, который теперь стоит в районе ПК 30. Подрядчики докладывают, что будут делать в январе. «Планум» и Мостоотряд уходят на каникулы до 11 января, а «Кемеровоспецстрой» продолжает земляные операции. Так заканчивается еще один год стройки.

Новый год начинается неспокойно. Прогнозы один мрачнее другого. Грянул кризис, и Россия посчитала своим долгом к нему присоединиться. Правительство, бодро заявив, что беда нас не коснется, в спешном порядке начало спасать банки, которые активно занялись валютными спекуляциями. В разных странах с кризисом боролись поразному. США в своей антикризисной программе записали: «...выделить на строительство дорог и мостов 30 млрд долларов». В других странах также увеличивается финансирование дорожных работ как одна из антикризисных мер. В России дорожные работы, напротив, сворачивают. Цены в наших магазинах в отличие от других стран быстро поползли вверх, видимо, наши предприниматели таким образом решили стимулировать покупательскую способность.

В январе получаем рабочий проект на строительство первого пускового комплекса. Рассматриваем графики производства на 2009 год. Вопрос с финансированием не решен, но подрядчики, несмотря на морозы, на свой страх и риск продолжают трудиться. Стройка не останавливается. Скальные грунты позволяют разрабатывать выемки и отсыпать насыпи при отрицательных температурах. Задача на год: завершить земляные работы (осталось еще 550 тыс. м^3), закончить вынос и переустройство коммуникаций и практически завершить строительство путепровода на ул. Терешковой, чтобы по нему можно было открыть движение технологического транспорта.

В конце апреля – очередная проверка. Едем по сданному в эксплуатацию второму пусковому комплексу, а потом пешком проходим пять километров – весь строящийся участок до ул. Терешковой. В комиссии забавный старик, ко мне он проникся непонятной симпатией и даже доверяет свой фотоаппарат. На трассе разговор все время предваряет одной фразой: «А вы согласны, что это у вас неправильно?». Мы, конечно, не соглашаемся. Споры продолжаются и в кабинете, но, как всегда, прав тот, у кого больше прав, в результате получаем кучу замечаний типа: *«На строительную площадку путепровода на ПК 0 завезены сборочные конструкции стальных пролетных строений и уложены на деревянные подкладки толщиной 50 мм (нарушение п. 7.4 СНиП 3.06.04-91 – подкладки должны быть толщиной не менее 150 мм»)*. Фактически подкладки просто вдавлены в щебенку весом конструкций.

Еще ведутся работы на первой опоре, а у опоры № 4 уже укладываются шпалы, монтируются накаточные пути, по которым будет двигаться пролетное строение, устанавливаются устройства скольжения и лебедки, начинается сборка блоков главных балок. Всего в поперечном сечении пролетное строение имеет четыре главные балки, на которые опирается так называемая ортотропная плита (сплошная металлическая плита, на которой располагается конструкция проезжей части). Особо ответственная операция – её сварка. Этим занимается бригада дипломированных сварщиков из Новосибирска. Для проверки качества сварных швов заключаем договор со специализированной организацией.

В июне минуем третью опору, и теперь аванбек уже нависает над ул. Терешковой. Еще раз даю задание геодезистам ООО «Геоком» проверить высоту подвески контактного провода троллейбуса, чтобы не задеть его пролетным строением.

Очередная неприятная новость: из Москвы приходит указание уменьшить стоимость работ на

105 млн руб. Правительство почему-то решило, что в кризис дорожное строительство должно резко подешеветь, хотя цены в магазинах говорят другое. Теперь подрядчикам платим с коэффициентом 0,84. Они возмущаются, но терпят.

Основные силы мостовиков сосредоточены на ул. Терешковой, где продолжается монтаж и надвижка пролетного строения. В августе аванбек доходит до опоры № 2, и в начале сентября мы впервые пешком переходим на другую сторону ул. Терешковой по путепроводу. Однако дел еще много. Необходимо демонтировать вспомогательные устройства, опустить пролетное строение на опорные части, установить переходные плиты, которые обеспечивают плавный въезд на путепровод, сделать гидроизоляцию и уложить асфальтобетонное покрытие. Только в середине октября через путепровод пошли первые машины с грунтом, и стала возможной разработка выемки на развязке.

В начале октября на две недели попадаю в кардиоцентр. На стройке меня заменяет Надежда Викторовна Дрязгина, опытный и чрезвычайно скрупулезный куратор. В дальнейшем мы вместе будем работать до окончания строительства.

До ноября строители не только заканчивают земляные работы, за исключением участка от ПК 0 до ПК 7+50, но успевают уложить бетонное основание на протяжении 3,8 км и закрыть его одним слоем асфальтобетона. Сезон подходит к концу, снег покрывает полотно дороги, путепроводы, откосы насыпей и выемок. И только в районе р. Каменушки да на ПК 0 до конца ноября продолжаются земляные работы. Подрядчики закрывают водопропускные трубы и начинают заготовку материалов на следующий год. Теперь щебень складируют прямо на дороге. Наступает аномально холодная зима 2010 года. В январе и феврале температура опускается до минус 42. Стройка замирает.

После Нового года открывается финансирование. Всего до конца стройки предстоит выполнить работ на 480 млн руб.

В феврале приезжает с очередной проверкой Росдортехнология.

В марте начинается расчистка дороги и путепроводов от снега и подготовка к пропуску паводковых вод. Особенно сложная обстановка на ул. Терешковой. Вся вода по лоткам проезда, начиная от Соснового бульвара, идет через развязку. Вместе с проектировщиками решаем, какой будет конструкция стенки № 6 вдоль ул. Терешковой, удерживающей откос со стороны кладбища. Останавливаемся на конструкции из габионов. Но если оголовки у труб, выполненные из габионов, имели относительно небольшие размеры, то стенка получилась длиной 200 п. м. Хочется, чтобы стенка эффектно смотрелась, поэтому выбираем для нее темный камень Барзасского карьера. В мае «Кемеровоспецстрой» самостоятельно приступает к сооружению подпорной стенки. Весь откос выше стенки потом затягивают металлической сеткой – так называемая система «Стилгрид».

В апреле с южной стороны на откосах еще лежит снег, но дорога уже подсыхает, и начинается установка бортового камня вдоль разделительной полосы, всего 11 200 п. м. В мае – укладка среднего слоя асфальтобетона и засыпка разделительной полосы.

В июне – новая неожиданность: поступает команда строительство дороги закончить на месяц раньше срока, то есть до конца сентября. Во всех этих досрочных выполнениях нет никакого практического смысла. Но желание отрапортовать, что сделано раньше срока, просто непреодолимо. Начинаем пересматривать графики, которые и так довольно напряженные. Теперь еженедельные планерки, где решаются все технические и организационные вопросы, ведет главный инженер дирекции Алексей Семенович Белокобыльский. Времени катастрофически мало.

Очередная проверка Стройнадзора. Есть время на минуту остановиться и посмотреть, что сделано. Со Светланой Анатольевной Груздевой выезжаю на трассу. На ПК 0 нас ожидает подрядчик. Осматриваем подпорную стенку из габионов. Ровные ряды темного камня, затянутые в металлическую сетку. «Кемеровоспецстрой» освоил и это ремесло. По съезду № 2, где отсыпают щебеночное основание, выезжаем на дорогу. В районе р. Каменушки уже устраивается щебеночный подстилающий слой, дальше едем по практически готовой дороге. На обочинах стоят столбы освещения, большая часть разделительной полосы уже засыпана растительным грунтом. В пойме р. Люскус укладывается бетонное основание по левой полосе. Здесь высота насыпи 23 м, и ей дали постоять зиму, чтобы она осела. По пешеходной трубе проходим на другую сторону насыпи. И хоть труба не очень длинная, 69 п. м, и довольно просторная, по ней свободно пройдет любая легковая машина, все равно внутри довольно неуютно. Откос выемки на подходе к транспортной развязке на ПК 54 уже начинает зеленеть. По третьему съезду заезжаем на путепровод. Отсюда открывается прекрасный вид на дорогу. Справа по готовому участку уже идет движение, а слева далеко виден первый пусковой комплекс и неясный силуэт города. На балках уже положен бетонный выравнивающий слой, который закрывает гидроизоляцию. Здесь еще предстоит большая работа по укреплению конусов, установке лестниц и

лотков для сброса воды. Отсюда едем в штабной вагончик, где подрядчики уже приготовили для проверки исполнительную документацию. В город возвращаемся уже под вечер.

Теперь бываю на стройке практически ежедневно. Проблем здесь хватает. Часть дороги проходит в городской черте, поэтому пришлось переустраивать коммуникации: семь линий электропередачи, восемь линий связи, три водовода, линию освещения и контактную сеть троллейбуса на ул. Терешковой. А тут еще владельцы магистрального канализационного коллектора, что идет из Рудничного района вдоль западной стороны ул. Терешковой на станцию перекачки, требуют проложить новый – на участке транспортной развязки. Приступили еще в мае, но сразу возникли сложности. При таянии снега стало затапливать котлован. А тут ещё технические вопросы: как подсоединить новый участок к действующему коллектору, и, самое смешное, в России не оказалось чугунных труб нужного диаметра. Пришлось везти трубы из Китая.

В июле там, где готова дорожная одежда, начинается монтаж прикромочных лотков, а их 6 000 п. м, и барьерного ограждения, его на трассе 11 830 п. м. Параллельно устраиваются нагорные канавы, быстротоки и прокладывается кабель освещения.

Не успеваем оглянуться, как наступает август. Закончен путепровод на ПК 54. Мостовики переходят на ул. Терешковой. Дорожники укладывают асфальт на съездах транспортной развязки.

Конец августа. Скоро рабочая комиссия. Нет светильников на ул. Терешковой, не готова нагорная канава на ПК 44 и сбросы на ПК 6+50 слева. Не покрашено ограждение, не установлены дорожные знаки. Не рекультивирован полностью резерв № 1. Мостовики никак не доделают лотки на путепроводе. Масса мелочей, о которых нужно помнить. Приходится задерживаться на стройке до вечера. Трудимся весь световой день. Основная тяжесть ложится на молодых инженеров Сашу Лиз и Владимира Дербенева из «Кемеровоспецстроя», Павла Ильина и Андрея Изотова из «Планума», им помогают еще более молодые мастера.

Теплый день, 2 сентября. Мы с А. Черновым стоим на краю бора. На противоположной стороне ул. Терешковой монтажники висят прямо в середине откоса, забивая анкеры, которыми крепится сетка «Стилгрид». Развязка начинает приобретать законченный вид. Спланированы и засыпаны растительным грунтом откосы и внутреннее кольцо. Вместе с мастером решаем, как лучше разместить нагорную канаву, что идет вдоль съезда, поднимающегося на путепровод, и будет перехватывать талые воды из бора. Пешком возвращаемся, садимся в машину и едем по трассе. На ПК 5 «Кемеровоспецстрой» заканчивает устройство быстротока, по которому вода будет сбрасываться в р. Каменушку. Едем до конца трассы. Часть ограждения уже покрашена, зеленеют откосы и разделительная полоса, стоят дорожные знаки, нет только разметки. На свежий асфальт падают первые желтые листья.

Этот день врезался в память еще и потому, что вечером у меня на руках умерла мама. Она прожила долгую и, наверное, не очень счастливую жизнь, как и многие из ее поколения, на чью долю пришлись война, восстановление страны и много обещаний прекрасной жизни, которая так и не наступила.

10 сентября выезжаем на стройку вместе с главным инженером. Алексей Семенович хочет на месте оценить обстановку и решить, насколько реально собрать рабочую комиссию 15 сентября. Со стороны Рудничного района по ул. Терешковой подъезжаем к развязке. На третьем съезде заканчивают устройство водоотводных лотков. На обочинах уже стоят опоры освещения. По четвертому съезду поднимаемся к путепроводу. Откосы уже спланированы, отсыпаны обочины, на светлой щебенке лежат балки ограждения. Специальная машина забивает стойки. Это работает «Мостремонт». Здесь же прораб мостоотряда. Когда будут навешивать балки, их нужно состыковать с ограждением на путепроводе, у них разная конструкция. На путепроводе балки ограждения пока сняты и лежат на асфальте. Тут только что уложили верхний слой покрытия. Бригада мостовиков возится со сбросами на подходах. Едем дальше по дороге. Ограждение уже смонтировано, но покрашено не везде. На первый взгляд дорога готова. Но только на первый взгляд. Не выполнен гаситель на ПК 40+50 справа, не поправлен откос у арочной трубы. Плохо выполнен стык на покрытии, нужно заставить подрядчика снять покрытие и уложить его заново. Доезжаем до ПК 54. Радует взгляд красавец-путепровод. Здесь было решено отказаться от традиционного бетона и укрепить конусы георешеткой. Как и все новое, вначале это вызывает раздражение, но потом дело налаживается. Путепровод с этими конусами смотрится. Обратно возвращаемся по левой полосе. На дороге встречаем заместителя директора «Кемеровоспецстроя» Анатолия Семеновича Частякова. В вагончик не заезжаем, планерку главный инженер проводит прямо на дороге. Договариваемся, что рабочую комиссию проводить можно, и расписываем сроки окончания работ.

Накануне заседания рабочей комиссии еще раз проезжаем по дороге и проводим последнюю планерку. Обговариваем с генеральным подрядчиком

все организационные вопросы. Записываем последние замечания. Надежде Викторовне и Ольге Анатольевне Терентьевой, инженеру «Кемеровоспецстроя», которая все эти годы аккуратно вела исполнительную документацию, поручается подготовить акт рабочей комиссии, а это солидный документ – 23 страницы текста, ведомостей, таблиц и схем.

А. Жуков, А. Тулеев, И. Шувалов, И. Федорова, С. Орлова, В. Михайлов, В. Мазикин и др., 2008 г.

Утро 15 сентября. Проезжаем по пустой дороге до ПК 54, где собираются члены рабочей комиссии. Все оживленно обмениваются впечатлениями, некоторые оказались на дороге впервые. Председатель комиссии – Владимир Арсентьевич Скрыльников, начальник отдела эксплуатации дирекции. Официально в составе комиссии одиннадцать человек: представители городской администрации, ГИБДД, проектировщиков, различных служб, которые будут эксплуатировать дорогу, но фактически участников вдвое больше. По традиции фотографируемся на память. Первые замеры, замечания, которые записывает Надежда Викторовна. Поднимаемся на путепровод. Проверяем высоту ограждения, ширину проезжей части, общую ширину, разметку, крепление балок, качество покраски. Записываем: *выполнить планировку местности на ПК 55+30 слева с засыпкой пониженных мест.* К приемочной комиссии замечание устранили, и на этом месте во время торжественного открытия, куда нас не пригласили, были посажены елочки. С путепровода открывается прекрасный вид на дорогу. В туманной дымке горит освещение. Садимся в автобус и едем дальше. Время от времени по просьбе членов комиссии останавливаемся. Они осматривают искусственные сооружения, сбросы, выходы ливневой канализации, делают замеры, проверяют расстановку дорожных знаков, разметку. На дороге еще продолжаются работы, где-то не докрашено ограждение, не выполнена планировка резервов, не подсыпан растительный грунт на откосы. К полудню доезжаем до ул. Терешковой, останавливаемся на путепроводе. Внизу идет интенсивное движение. Сотрудники ГИБДД замечают, что после устройства переходно-скоростных полос разметка ул. Терешковой, которую выполнили городские дорожники, не соответствует нормам. В акт комиссии записываем: *выполнить демаркировку ул. Терешковой на участке транспортной развязки и восстановить ее по проекту.* Большие споры вызывает и примыкание съезда № 3 к ул. Терешковой, но и тут в конце концов приходим к консенсусу. Возвращаемся в вагончик, и пока комиссия пьет чай, оформляем ведомость недоделок. Дефектов в этот раз комиссия не обнаружила. После подписания акта все разъезжаются по своим делам. Я остаюсь в вагончике, чтобы обсудить с подрядчиками, как будем устранять отмеченные недоделки. В тот момент приемочную комиссию намечали на 20 сентября, позднее срок перенесли на четыре дня.

Накануне проведения приемочной комиссии стоял прекрасный солнечный день. Фотографируем пустую дорогу, которая сверкает на фоне начинающего желтеть леса. Потом эти фотографии будут мелькать в журналах и буклетах, на календарях и стендах. Тридцать восемь месяцев назад здесь были заросшие кустарником лога и пустые поля, а теперь под колесами шуршит черная полоса асфальта. Дорога так вписалась в ландшафт, что стала его украшением. Через месяц я ехал по дороге с незнакомым водителем. Мы молчали, а потом он сказал: хорошая дорога, надо бы везде такие строить, и я с ним согласился.

Вид дороги, сентябрь 2010 г.

P. S. На мой выбор профессии в какой то степени повлиял роман Г. Н. Гарина-Михайловского «Инженеры». Я хочу надеяться, что, может быть, какой-нибудь молодой человек, прочитав эти заметки, так же осознанно выберет свою профессию или, наоборот, не выберет.

г. Кемерово

Анатолий ЯРМОЛЮК

БОИ НА ПОСЛЕДНЕМ РУБЕЖЕ

Как известно, в начале всего было Слово. Именно оно явилось тем созидательным инструментом, с помощью которого Господь сотворил все сущее. Сам Бог именуется Логосом, Словом. Слово – это духоносная сущность. Посредством Слова человек общается с Господом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что если, допустим, в мире имеется некая злобная разрушительная сила, то эта сила все свои стремления направит прежде всего на борьбу со Словом. На разрушение Слова. На его опошление и переиначивание. На его замену неким суррогатом, который можно назвать антисловом. На окончательное его уничтожение. Вышеозначенная злая сила понимает: уничтожив Слово, она победит. Бессловесный мир – это не мир. Бессловесный человек – не человек. Душе, лишенной возможности слушать Слово, нет пути к спасению.

Разрушительная злая сила имеется на земле испокон веку. И, соответственно, этой силой ведется беспрерывная борьба против Слова. Оружие в своей борьбе злая сила избрала хорошо всем известное – сквернословие. Именно сквернословием враг пытается заменить великое созидательное Слово. Это очень опасное и, к прискорбию, действенное оружие. Иначе Святое Писание, а равно святые православные отцы времен минувших и нынешних не ополчались бы против сквернословия и не взывали бы народ к бдительности. Вот лишь несколько таких предостережений.

«От плода уст человека наполняется чрево его; произведением уст своих он насыщается. Смерть и жизнь во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его» (Притчи, 18–21, 22). «Никакое гнилое слово не исходит из уст ваших, а только доброе» (Еф. 4–29). Здесь можно также вспомнить изречение «От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Матф. 12–37), а также предстерегающие слова апостола Павла о том, что «злоречивые Царствия Божия не наследуют». Много подобных предостережений можно отыскать в Священном Писании...

А вот что говорят о грехе сквернословия православные патриархи и современные священники.

«Хочешь ли знать, сколько великое зло – говорить срамное и постыдное? Лучше извергать гнилость изо рта, нежели сквернословное. Ничто так не прогневляет Его, Святейшего и Чистейшего, как дурные слова; ничто не делает людей столь наглыми и бесстыдными, когда они говорят и слушают подобные слова; ничто так не расстраивает нервы целомудрия, как возгорающийся от таких слов злой пламень. Бог вложил в уста твои благовоние, а ты влагаешь в них слова, зловоннее всякого трупа, убиваешь саму душу и соделываешь ее нечувствительною» (Игнатий Брянчанинов).

«Брань загрязняет наши улицы и дома так, как будто пробилась система канализации, и ее содержимое льется под наши ноги... Сквернословие – это попытка низших душ уравнять себя с теми, которые выше их, а с другой стороны, убить в себе собственное духовное достоинство, которое заключается в умении уважать другого человека. Надо отметить, что сквернословие пытается унизить самое святое для человека, оплевать, втоптать в грязь, поэтому в скверной брани часто упоминается имя Бога, а еще чаще имя матери, которое дорого для каждого человека, кроме законченных подонков... Есть вид психического заболевания, когда человек мажет свое лицо собственными нечистотами и пожирает их. Таким видом сумасшествия, например, страдал известный писатель Ги де Мопассан, который от литературной грязи перешел к фекалофагии. Сквернословие чем-то напоминает это психическое заболевание. Человек освобождается от чувства стыда и видит в этом даже свободу... Сквернослов, в сущности, обнажается перед всеми, он как будто говорит: «Посмотрите, какой я герой, во мне не осталось даже капли стыда». В мистическом смысле сквернословие – это вид призывания темной силы. Человек, выругавшись нецензурными словами, чувствует на какое-то время прилив энергии. Это и есть приближение к душе человека демонов. Через некоторое время у человека появляется потребность опять посредством сквернословия включить себя в какую-то «электрическую сеть». Даже когда нет поблизости людей, которых можно оскорбить, он произносит вслух самому себе скверную брань, не соображая, что это – формула призывания адской силы. Скверная брань – это удушение своей собственной совести...» (Архимандрит Рафаил Карелин).

О сквернословии имеется также и целая россыпь народных пословиц. Например, такая: «От гнилого сердца и гнилые слова».

Много говорят о вреде сквернословия и ученые. Вот только один пример. В конце минувшего века сотрудник Института проблем управления РАН, основатель института квантовой генетики биолог

Петр Гаряев с помощью специальной аппаратуры провел ряд исследований, суть которых заключалась в следующем: аппарат переводил человеческие слова в электромагнитные колебания, а затем ученые прослеживали, каким образом слова воздействуют на молекулы наследственности – ДНК. И оказалось: некоторые слова для ДНК страшнее бомб. С их помощью корежатся и рвутся хромосомы. Не рискуя проводить опыты на людях, ученые проэкспериментировали на растениях. Вблизи посеянных в почву семян был включен магнитофон, который периодически произносил записанные на пленку скверные слова. И оказалось: более 75 процентов семян не взошли вообще, остальные же оказались генетическими уродами. Этот факт, кстати говоря, известен всякому опытному огороднику. Если вы приступаете к посеву семян на огороде с добрыми словами и молитвой, то урожай всегда следует отменный. И наоборот: если у вас во время посева наблюдается свара (тем более с произнесением скверных слов), то хорошего урожая не жди.

Еще один интересный и вместе с тем прискорбный факт, обнаруженный учеными. Если, скажем, человек во время произнесения ругательств поминает половые органы, то это влияет на них самым непосредственным и печальным образом. Мужчины становятся импотентами, женщины заболевают множеством сугубо женских болезней.

И последнее. Есть на земле и такие языки, где всяческая матерщина отсутствует напрочь. Так вот, у народов, говорящих на этих языках, никогда не встречаются болезни Дауна и ДЦП.

Все эти познавательные факты почерпнуты мною из самых что ни есть авторитетных научных источников. То есть им вполне можно доверять. И, соответственно, впадать над ними в душеспасительные размышления.

* * *

Но, однако, невзирая на все предостережения и пагубные последствия для души и тела, сквернословие победно шествует по России. Почти не осталось у нас уголка, где нельзя было бы услышать всяческой словесной скверны. Сквернословят все и повсеместно: на работе и в семье, в трамваях и на улицах, магазинах и культурных учреждениях; мужчины, женщины, старики, молодежь и даже – малые дети. Самому приходилось слышать, как изъясняются между собой игравшие в детсадовской песочнице малыши... Даже в любви молодые люди объясняются друг дружке с помощью мата (опять же слышано собственными ушами, а еще больше о том читано). Сквернословие и всяческие иные непотребности (которые, по сути, то же самое сквернословие) прочно поселились на нашем ТВ, в газетах, фильмах, спектаклях, литературе...

Вот о литературе мы и поговорим. Вернее сказать, не столько о литературе как таковой, сколько о некоторых сквернословящих сочинителях. И, еще вернее, даже не о них, а о тех людях, которые, по сути, совершают ежедневный великий подвиг, становясь на пути смрадного вала литературной матерщины. Да-да, именно подвиг. Ибо защищать последние островки, где еще не уничтожено великое и чистое русское Слово, то самое Слово, которое нам даровано Богом, – разве это не подвиг? Подвиг и есть, и в христианском смысле этого понятия, и в человеческом, и в конце концов в профессиональном. В профессиональном – это потому, что на пути сочинителей-сквернословов встают те сочинители, которые помнят еще, для чего им дадено Слово, и Кто им дал это Слово.

С некоторых пор наряду с прозаиками и поэтами, трепетно относящимися к русскому слову, стали появляться сочинители совсем иного плана. Им, в большинстве своем, не дадено никаких маломальских литературных способностей, однако же гордыни и самомнения у этих людей в избытке. Ну вот хочется им прослыть писателями и поэтами – и все тут! И ничто в этом бесплодном стремлении им не указ: ни советы писателей истинных, ни примеры классиков... Да, но как же прослыть за поэта, когда ты даже «любовь – морковь» не умеешь зарифмовать? Ну, тут выход один: не умеешь владеть словом – шокируй публику чем-нибудь иным. Например, изъясняйся в своих сочинениях матерно и сквернословно – глядишь, кто-нибудь и обратит на тебя внимание. Эк, скажут, какой он смелый, этот поэт! Сам Пушкин с его «Гаврилиадой» – сущий младенец по сравнению с ним! Что нам Пушкин! Переплюнем Пушкина! Если, скажем, мы будем писать о любви, то, понятное дело, не о воздыханиях под соловьиные трели, а о половом акте во всех его мыслимых подробностях. А если, к примеру, замыслится нам написать что-нибудь о родимых осинах, то, разумеется, при этом надобно покрыть эти несчастные осины трехэтажной отборной словесностью.

Подобного рода «писатели» в последнее время появились и в Кузбассе, и множеством своих во всех смыслах скверных произведений наполнили редакции региональных альманахов, журналов, газет, телестудий и радиостанций. Однако же в тех редакциях по преимуществу сидели редакторы со «старорежимным взглядом» на действительность и литературу, и эти-то «тормоза прогресса» почти с единодушным упорством не желали иметь дело со всяческой дурно зарифмованной похабелью. Но имеются в Кузбассе и «продвинутые» редакции и СМИ. И, получив отлуп в редакциях старорежимных, наши «новые поэты» понесли свои ублюдочные творения в редакции «продвинутые». Где их, понятное дело, приняли с превеликим удовольствием и, раз-

умеется, тут же стали публиковать на своих страницах в изобилии.

А кроме того, сочинители-сквернословы повадились устраивать массовые читки своих предосудительных творений во всяких молодежных аудиториях, а то и просто в местах массового скопления ни в чем не повинных граждан. Раздобудет, допустим, какой-нибудь «словотворец» громкоговорящее устройство, взберется на какую-нибудь возвышенность – и ну поливать оттуда православный и разный прочий народ зарифмованными словесными нечистотами.

А то еще повадились эти самые сочинители обращаться за сочувствием во всякие столичные редакции и разные прочие литературные инстанции: обижает, дескать, нас дремучая и замшелая литературная провинция, вольного и гениального слова не дает вымолвить! Помогите и посодействуйте, поскольку-де вы – столица, а значит, обязаны быть во главе литературного прогресса! И, надобно с прискорбием заметить, прогрессивная столица и впрямь оказывала и до сей поры оказывает помощь всяким провинциальным литературным пакостникам. То интервью с ними пропечатает (полистайте, если хотите, газету «Литературная Россия»), а то, к примеру, сделает их лауреатами какого-нибудь общероссийского литературного конкурса... Посмотрите, к примеру, во что выродился молодежный литературный конкурс им. Виктора Астафьева! Какие там прозаические и поэтические «перлы»! Обратите, если желаете, внимание на сочинительство некоего «продвинутого» кузбасского литератора Игоря Кузнецова. И – вымойте затем руки с мылом, а души очистите спасительной молитвой. Бедный Астафьев! Бедная русская литература! Бедные мы все!

И вот. Терпела-терпела этакое свинство кузбасская общественность, да и не вытерпела. А надобно сказать, и было той общественности не так много: Кемеровское областное отделение Союза писателей России под водительством поэта Бориса Бурмистрова, затем Кемеровское областное отделение Союза российских писателей во главе Вячеславом Тогулевым, ну и, разумеется, кузбасская Православная церковь. Так вот, значит, эти три почтенные инстанции собрались однажды под общей крышей и задались двумя весьма актуальными вопросами: доколе будет длиться подобное безобразие и, разумеется, что делать? Результатом же подобных размышлений стало беспрецедентное в масштабах, пожалуй, всей страны мероприятие под названием «Заседание областной Общественной палаты «Современный литературный процесс в Кузбассе: моральные пределы свободного творчества»».

Той самой пресловутой последней каплей, подвигшей кузбасских писателей и Православную церковь к подобного рода мероприятиям, явилось творчество и поведение одного из новоявленных кузбасских сочинителей – некоего Евгения Алехина. Уж как только этот самый Алехин не изощрялся в своем ублюдочном стихотворчестве! Щадя читательские души и уши, не стану приводить даже единой строки алехинского «творчества». Скажу только, что Алехин, будучи человеком воистину одержимым, буквально-таки исходил злобной энергией: стремился опубликовать свои сочинения где только можно, раздавал налево и направо интервью, устраивал массовые читки, пел песни на собственные стихи в им же созданных музыкальных группах с одиозными названиями «Макулатура» и «Ночные грузчики»...

И вот алехинское-то творчество первым делом и стало предметом внимания обоих кузбасских писательских союзов и кузбасской Православной церкви. Во-первых, это самое творчество было названо «полнейшим безобразием» и «графоманством»; и первое, и второе по сути вполне верно.

Затем некоторые из заседавших заявили, что не худо было бы подать на Алехина заявления в правоохранительные органы: пускай-де его привлекут за подобное «творчество» к уголовной ответственности – лет этак на пятнадцать! Следует сказать, что и такое заявление, несмотря на всю его горячность, содержало в себе зерна истины. При желании в алехинском «творчестве» можно было бы усмотреть и оскорбления всех и вся, и хулиганство, и, вероятно, много чего еще...

После этого «на ковер» были вызваны редакторы некоторых кузбасских литературных СМИ, публиковавших на своих страницах сочинения господина Алехина и ему подобных сочинителей. Кто-то пришел, а кто-то – нет. Из пришедших всяк вел себя в соответствии, скажем так, с уровнем чистоты своей души. Так, например, редактор портала «А42» Андрей Иванов не пожелал раскаиваться в своем грехе, а, наоборот, принялся чревовещать, что, дескать, мат в современном обществе – дело нормальное, матерятся все и даже – депутаты... А, скажем, редактор другого литературного издания – студенческого журнала «После 12» испугался, потому что его журнал финансируется отчасти из областной казны, и коль упорствовать в своих «прогрессивных» убеждениях, то запросто можно лишиться источника существования...

Затем участники собрания написали гневное письмо в адрес департамента областной кузбасской культуры и, шире, в адрес всего кузбасского правительства с требованием обратить внимание и пресечь, а кроме того, принять областной закон о недопущении в СМИ никакой матерщины, похабщины и богохульства. Или, в крайнем случае, создать специальную комиссию, которая денно и нощно

стояла бы на страже и пресекала словоблудие всяческих так называмых актуальных поэтов Алехиных, Кузнецовых и иже с ними.

«Актуальные» поэты не остались, разумеется, в долгу и подняли несусветный гвалт и вой. В каких только прегрешениях не обвинялись те, кто на последнем рубеже стал в защиту Слова! Защитников обзывали и «стукачами», и «отсталыми личностями», и «ничего не понимающими в литературе», кричали также, что свою борьбу они затеяли для того лишь, чтобы сорвать какой-то куш и прорекламировать самих себя... Отдельным номером досталось Православной церкви. Ее обвинили в том, что она, мол, занимается не своим делом, ничего, само собою, не смыслит в литературе, стоит на пути человеческого права и прогресса и вообще «склонна к мракобесию»... И, мол, если кто-то считает, что он вправе судить «актуальных» сочинителей, то пускай он заодно судит и Пушкина, и Некрасова, и Достоевского, и Джека Лондона, и Лермонтова, не говоря уже о Пелевине, Ерофееве и Татьяне Толстой... Ибо все они – писатели матерящиеся и притом – классики. Из чего следует вывод: чтобы стать писателем талантливым и притом классиком, следует непременно сквернословить. Таков, стало быть, рецепт творческого писательского бессмертия на Руси...

Некоторые «актуальные» сочинители в своем протестном раже дошли до вещей воистину жалких, смехотворных и одновременно – пугающих. Приведу пример. Кузбасский публицист и писатель (имею в виду Василия Попка) заявил, что, несомненно, имеет право изъясняться, как ему заблагорассудится, и вообще, чем больше в сочинении матерщины, тем оно лучше, а кто с ним не согласен – тот никакой не поэт, не писатель, не общественник, не священник и вообще дурак. И чтобы предъявить миру серьезность своих претензий, этот самый Василий Попок стал изъясняться исключительно матерно – как в устном виде, так и в письменном, а кроме того, еще и посредством жестов. Со всеми подряд, включая сюда знакомых и незнакомых женщин. Посетите, если желаете, его живой журнал в Интернете. Уж там вы в полной мере насладитесь попковской «изящной словесностью»! А если вы, чего доброго, возмутитесь таким специфическим обращением с великим русским словом, то очень может статься, что и вы сами удостоитесь классического попковского посыла. А идет этому протестующему субъекту уже седьмой десяток. Как говорится, мудрость всегда приходит с возрастом, но иногда возраст приходит один...

Сей скандал длится и поныне. Можно сказать, что общество в Кузбассе разделилось на две половины: на тех, кто поддерживает истинных писателей и Церковь, и тех, кто им противостоит. Увы, но сторонников похабщины в литературе гораздо больше, чем ее противников. И не указ таким сторонникам ничто на свете: ни то, что Пушкин и Лермонтов, хотя они и допускали в своем творчестве отдельные предосудительные моменты, прославлены все же отнюдь не этим, ни многочисленные запреты и увещевания святых отцов и Самого Господа, ни доводы ученых, ни собственная совесть... Такая вот вырисовывается в Кузбассе печальная картина. Да разве только в одном Кузбассе?..

* * *

На подобные темы можно было бы рассуждать до бесконечности. Да только стоит ли? Проблема зашла так далеко, что, может статься, она приобрела уже необратимый характер. Здесь кто-то может спросить: ну а для чего же тогда все эти мои рассуждения о каких-то провинциальных писателях, вставших на защиту великого и чистого русского Слова? Разве возможно победить цунами вскинутой вверх рукой?

Можно. Слово дал нам Бог. Сам Бог – есть Слово. Кто может победить Бога? И кто может победить того, кто на стороне Бога? И потому блаженны те одиночки, которые со вскинутыми руками поднялись против цунами. Вот и весь вам ответ.

...А все-таки жаль, что сочинителям-словоблудникам хотя бы не присуждают штрафов. Ведь правда же – жаль?..

г. Прокопьевск

Зоя ЕСТАМОНОВА

«ОТЧЕГО ТАК В РОССИИ БЕРЕЗЫ ШУМЯТ?»

I

Природа, одуревшая от пыток,
Под микроскопом выдала свои,
От века сокровеннейшие тайны...

Написавший это поэт, художник, философ XX века Максимилиан Волошин жил в Коктебеле. Он постоянно приглашал коллег погостить у него в Крыму, а затем передал свою усадьбу литфонду СССР.

Перед смертью он просил не сажать вокруг его могилы цветы и деревья. Как будто уйдя из жизни, все еще мог слышать укоризненный голос природы. Наверное, он был суров и к себе, как к человеку вообще, который, бесчинствуя на Земле, «разъял Вселенную на вес и на число, впился, как паразит, в хребет Земли неугасимой болью...».

Герой книги Карлоса Кастанеды Дон Хуан вставал на колени перед цветком.

Японскому поэту Кикаку принадлежат вот эти строки:

Камнем бросьте в меня!
Ветку цветущей вишни
Я сейчас обломал.

Наш гений Федор Тютчев, пожалуй, понимал разлад с природой еще глубже, зная что «все во мне, и я во всем».

Расплата за бесцеремонное отношение к матери-Земле беспощадна.

Экологический кризис набирает обороты. Сильнейший всплеск солнечной активности. Массовая гибель птиц и рыбы.

В начале 2010 года пробудился Исландский вулкан. К берегам США поплыли потоки нефти из прорвавшейся в океане трубы. В канун юбилея Победы грянул взрыв на «Распадской», унося жизни шахтеров. Летом в деревенской России бушевала огненная стихия. К началу Нового года ее сменили зимние ледяные дожди в Подмосковье и наводнение в Австралии и Бразилии. В Японии землетрясение и невиданной силы цунами лишили жизни не одну тысячу людей, возникли тяжкие аварии на энергоблоках АЭС...

Можно без конца вспоминать наши взаимные с Природой беды и страдания.

II

У художников любого ранга чуткость, как у детей.

Именно в канун природных катастроф, в апреле 2010 года, за два дня до Рождества Христова живописец Анатолий Чернов открывает персональную выставку.

...Оранжевые улыбки весенних жарков. Золото света на заснеженных деревенских крышах. Сиреневое полнолуние. Еле уловимая глазом нежность ноябрьского инея. То тихая, то бурная таежная речушка. Грусть крестьянской избы. Роскошь осенней рябины. Многоцветье полян...

Какое счастье, что все это рядом, и не стоит забывать о такой благодати – рассказывали, пели краски живописи. «Солнце выглянуло», «Осенний дух», «Рыбацкие тропы», «Дары тайги», «Половодье», «Черемуховое утро», «Верба цветет», «Ивановка в снегу – наглядеться не могу...»

И мы, посетители выставки, вспомнили наконец-то, что есть на свете скворцы и соловьи, что земля тоже дышит, а цветы улыбаются. И стоит наконец-то поднять глаза к мерцающим тайнам неба, к божественным письмам далеких светил.

Пытаюсь понять парадоксы Анатолия Чернова.

Вспыльчив. Легко обижается, может и матом по-русски.... Но с кистью в руке – тонкий лирик.

Ровесник Победы. Сын фронтовика. И отец художник, и дядя, Павел Афанасьевич Чернов. Учителем считает также Виктора Сергеевича Зевакина. А разве природа – не гениальный художник-воспитатель?

ЕСТАМОНОВА Зоя Николаевна *– член Союза писателей России, член Союза художников России. Родилась в городе Брянске. После окончания Ленинградского государственного университета работала на Кемеровском телевидении редактором художественного вещания. Заслуженный работник культуры. Автор передач, очерков, телефильмов по темам изобразительного искусства, литературы, экологии, православия.*

По благословению святейшего патриарха Алексия II получила диплом «За заслуги в деле духовного просвещения Отечества». Награждена почетным знаком «За охрану природы России» и памятной медалью Всероссийского общества охраны природы. Постоянно публиковалась в газетах, журналах, альманахах («Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс», «Сибирские огни», «Неман»).

Автор книг «Сотворение рябины» (1979), «Судьба художника Ганса-Юргиса Прейсса» (1990), «Здравствуй, художник» (2003), «Просвети мои очи мысленные» (2008).

Одолевало суеверное чувство: может, ушедшие в мир иной живописцы-наставники сообщают Анатолию из неведомых измерений энергию недосказанного, незавершенного? Уж больно прекрасна, глубока и сердечна была эта выставка...

III

Немало нынешних ценителей искусства считают реализм вчерашним днем. Помню слезы Народного художника России Павла Афанасьевича Чернова: «Сейчас реалистов не почитают. Им бельмо в глазу реализм...».

В интервью 1997 года скульптор Эрнст Неизвестный говорил о признаках современности: «Сегодняшняя технология компьютеризации продолжает идеи технического мистицизма, когда информация важнее предмета. Меня считают модернистом, но это не так, мне ближе Возрождение. Война отложила отпечаток на мое отношение к жизни...».

День сегодняшний и день вчерашний, современный и несовременный...

Ученые говорят, что в микромире нельзя противопоставить левое правому, будущее – прошлому. Таковы фундаментальные свойства материи.

Но разве мы не чувствуем рядом тех ушедших, которые «живее всех живых»? По сути, *со*-временник – это тот, кто со временем наравне. Пушкин и Есенин, Суриков и Врубель, Конан Дойль и Александр Грин, Достоевский и Хемингуэй, Моцарт и Чайковский... Да разве их перечислишь!

Вопрос лишь в том, захотят ли они оставаться нашими современниками или, заглянув в нынешние реалии, немедленно отправятся восвояси.

Боюсь, что мне уж очень захочется бежать за ними следом, как Паниковскому за «Антилопой-Гну».

Спор о традиционном – вчерашнем и современном – сегодняшнем порядком надоел.

В 1979 году в издательстве «Иностранная литература» вышел роман Джона Фаулза «Башня из черного дерева», суть которого – известный диалог поколений.

«...– Слишком много корня. Faut couper la racine. Следует обрезать корень.

– Но искусство, лишенное корней, вращающееся по орбите в мертвом космосе, не имеет смысла...»

Если корни обрезать, корни культуры, корни национальной истории, недолго превратиться в свинью из Крыловской басни, которая, «наевшись желудей досыта – до отвала», принялась подрывать корни у дуба, вырастившего плоды, которыми она питается.

Корни – наша погибающая деревня, крестьянская Россия.

Это хорошо понимал Народный художник РСФСР Виктор Зевакин. Уходя из жизни, он оставил нам живописные былины русских деревень и старых городов.

Плач и тоска погибающих русских сел вдруг заставляет родившегося в деревне Юрия Белокриницкого принести на выставку вместо своего космического многоцветья образов природы картину «Последний трактор».

Природа – всечеловеческие корни жизни. Любой художник-пейзажист бросает вызов сумасшедшим урбанистическим ритмам, пытается по мере сил укротить спазмы клипового сознания. И с ним агрессивно спорит цивилизация техногенного времени. Спорит с неподвижными ликами произведений, предлагая взамен иллюзорные эффекты новых форматов, трехмерность живописи и голографическую скульптуру.

IV

Язык искусства подвижен. Он решительно менялся с конца XIX века.

Живопись импрессионистов уже размывала объемы предметного мира, и французский живописец Рене Делоне был убежден: «Пока искусство не освободится от предмета, оно осуждает себя на рабство».

А его соотечественник великий Поль Сезанн все мечтал о возвращении к традиции – «от классицизма через природу...».

К началу XX века продолжал нарастать процесс, который Хосе Ортега-и-Гассет назовет впоследствии дегуманизацией. «От Ренессансного трепета жизни к геометризму форм, – писал испанский философ. – Дегуманизация – отвращение к формам, неприязнь к традициям, возврат к варварской экзотике...».

Казалось бы, поворот искусства к распредмечиванию, к мыслеформам логичен, вполне объясним. Разве исчерпан спор мыслителей всех времен: первична материя или «вначале было Слово»?

Философы и богословы убеждают: материя и сознание разнятся лишь в наших представлениях, на феноменальном уровне. В мире ноуменального, божественного они едины.

Поль Сезанн ушел из жизни в 1906 году, а спустя семь лет миру был явлен знаменитый «Черный квадрат» Малевича, предвестник глобального развоплощения. В научном определении это был путь к мировоззрению, *«выносящему приговор самой природе реальности».* От предмета – к знаку. От знака – к цифре и далее к виртуальному, к тому, о чем говорил Эрнст Неизвестный: «Информация важнее предмета».

Отрекаясь от традиций, первые модернисты были еще далеки от желания «выпрыгнуть из телесной оболочки». Их работы часто вызывали иронию, подобную насмешливой реплике героя из рассказа Александра Грина «Серый автомобиль»: «Я не верю в искренность футуризма. Все это здоровые ребята, нажимающие звонок у наших дверей и убегающие прочь, так как им сказать нечего...»

Однако футуризм был не так уж безобиден и смешон, если вспомнить, что глава итальянских футуристов Маринетти призывал «превозносить агрессивное движение», а в своем манифесте футуристы заявили, что хотят «прославить войну, единственную гигиену мира».

В подшивке бабушкиных журналов «Нива» за 1914 год я видела фотоснимок скульптурного автопортрета Маринетти, скомпонованного из старых деревянных планок и кусков листового железа. Подобного рода артефакт по достоинству оценивал Остап Бендер, давая совет художникам: «Бросьте свои масляные краски, переходите на мозаику из гаек, костылей и винтиков. Портрет из гаек! Замечательная идея...»

V

«Мы реалисты и мечтатели». Не определить точнее духовную природу искусства 60–70-х годов, чем сделал это красноярец Народный художник РСФСР Борис Ряузов.

Новокузнецкий график Александр Бобкин о своих офортах, посвященных Кузнецкстрою, говорил, что ему «хотелось проследить путь формирования личности, переход от утилитарного мышления к социалистическому...».

Окрыленная облаками стройка. Застывшие, как на старинном дагеротипе, фигуры крестьянина, рабочего, интеллигента. Так запечатлел память о строителях Кузнецкстроя Виталий Карманов.

Художники – ясновидцы.

Через несколько лет Виталий, этот рано ушедший из жизни один из самых талантливых живописцев Кузбасса, пишет полотно «Запах волка». *«Образ волка для русского человека – образ смуты, нищеты, невежества, – объяснял он мне свою идею. – Как начинаются катаклизмы, так плодятся волки...».*

В 1987 году на экспериментальной выставке молодых художников еще очень юный Саша Зайцев представил картину «Апокалипсис». *«Идея пришла, когда я плыл по реке: одни плывут по течению, другие против. Сейчас волна несет нас в неизвестность, в страшное будущее...».*

В картине Евгения Корягина мы увидели падающий на головы людей неживой, зловещий ливень из долларов.

В 90-е на смену романтике советского искусства пришел цинизм соцарта, романтика техницизма.

Брат Евгения Рудольф Корягин обратился от образов скульптуры к своеобразной живописной публицистике, изображая «совков»-партократов летящими вниз головой в канализационные люки.

Александр Бобкин забыл о социалистических идеалах, эмигрировал на «утилитарный» Запад. Последнюю работу, созданную в России, он назвал «Околпаченные».

Эффектно! Но околпаченные кем? «Совками»? Ельциноидами?

«Псевдоперестройкой убили надежду», – сказал Юрий Юрасов. Ирония его живописного соцарта превращалась в сомнамбулизм: оцепеневшие прохожие, остановленный полет птицы над безжизненной архитектурой города...

«Не мое время, не мое», – говорил актер Сергей Юрский.

«Если бы я была девочкой в это время, никакого композитора Пахмутовой уже бы не было, – отвечала журналисту в интервью та, чьи гениальные песни остаются современными навсегда. – В лучшем случае я была бы нянькой у какого-нибудь олигарха...».

VI

Бушевал ураган. Ураган 1865 года. Смерч мотал над водами Тихого океана воздушный шар. Лопнула оболочка шара. Пассажиры спаслись на малом отрезке суши. Свой остров спасения они назвали островом Линкольна.

Пятеро американцев: гениальный инженер и его преданный слуга, журналист, моряк и сын его бывшего капитана. Те, кто читал и все еще читает книги, знают героев «Таинственного острова».

Как все дети моего времени, я полюбила роман Жюля Верна. Но почему перечитываю его в преклонном возрасте? Что роднит меня – иначе не могу сказать – с героями книги?

«Будем считать себя не потерпевшими кораблекрушение воздухоплавателями, – говорил инженер Сайрес Смит, – а колонистами, которые прибыли, чтобы основать поселение...».

В образе малой коммуны, братской и дружной колонии Таинственного острова я увидела что-то подобное советскому Острову Надежды.

Пусть не лгут либералы, что гибель советской общины, созданной руками народа, – всего лишь крушение несостоявшегося режима. Что заявлял во всеуслышание один из идеологов перестройки Александр Яковлев? *«Мы ломали хребет советской системе».*

А что сказал бы ты, Аркадий Гайдар, о своем внуке? Ты, придумавший Плохиша, продавшегося буржуинам за сладкую жратву? Вот твои слова: «Счастье – это каждый понимает по-своему...». А дальше? «Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить землю, которая зовется Советской страной...».

Помню, как я, поверившая, как и многие, в реформы горбачевской перестройки, очнулась от иллюзий, когда впервые увидела возле Центрального гастронома нищую старушку, а возле мусорных баков – первых бомжей.

По телевидению пыталась нас образумить Ирина Хакамада: «Бедным быть стыдно, бедным быть унизительно...».

За несколько недель до кровавого 93-го попалась в руки брошюра «Экспериментального творческого центра». «Нынешние процессы в нашей стране вовсе не реформы, – писал автор статьи «Поле ответного действия» Сергей Кургинян. – Это война против России, это деструкция, дезинтеграция и регресс, ведущие к национальной катастрофе... Западная модель навязывается обществу в формулах типа «Каждый сам за себя», «Кто богат, тот и прав»... Необходимо осмысление русской истории, русских традиций духовности...».

Спустя два десятилетия более 90 процентов телезрителей будут поддерживать политолога, президента международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» Сергея Кургиняна, выступающего в программе «Суд времени» активным защитником советской цивилизации.

VII

Как в любом языке, есть и в нашем свои почти непереводимые слова и обороты.

Иностранцу, к примеру, трудно понять то, чем завершается русский разговор по сотовому: «Ну давай...». Что давать? Кому давать?

Нет точного перевода у наших «Да ладно!», «А то!».

Нормам нашего произношения явно чужды все эти «интернейшн», зато придуманные на ходу, пусть даже вульгарные «мент», «непруха», «кошмарить» – свое, родное, потому что подчиняются законам нашей речи.

Чуткий к любым переменам жизни, великий русский подарил нам в перестроечные времена хитроумное, хотя и назойливое в речевом обороте «как бы».

Это словечко засоряет речь, но суть у него ох какая лукавая!

Как бы друг. *Как бы* врач. *Как бы* любовь. *Как бы* элита. *Как бы* власть. *Как бы* правда и т. д.

Есть и *как бы* Россия: наша Раша. Веселенькая страна!

Нет, песен там не поют. Только хиты и шлягеры. И не любят там, а занимаются любовью.

Живут себе рашенцы – поживают, добра наживают. У кого добра побольше, тот и добрее – о нас, грешных россиянах, заботится: надо бы работенки им добавить часов до двенадцати в день, да и пенсионного возраста не пожалеть – додать. А деткам – грамоты поменьше. Российским деткам. Рашенские ребята «за бугром» ума-разума набираются. Туда и добро свое рашенцы вывозят. Там и сами от трудов праведных отдыхают. Там имения ихние, на жен записанные. Да и в Раше у них терема знатные. Один в деревне Грязь замок возвел под Людвига, говорят, Баварского.

У нас в России бедность – не порок, зато у рашенцев – порок-с. У них в карман залез – преступник, а в казну государственную лапу запустил – личность почетная.

Благодетели! Один, нежадный ты наш, работнице зарплату отвалил в шесть кило весом, одними монетами. Увольняться эта беременная не пожелала, вот и получила презент.

Законы у них по понятиям. Кого народ уважает, того они клянут, а кого народ клянет, тому, глядишь, и орден пожалуют...

VIII

Говорят, что судить-рядить – дело нетолерантное, а если уж вы православные, молиться надобно о заблудших-несознательных, прощать...

А может, согласиться с шекспировским героем? «За что прощать того, кто тверд в грехе?»

Простить Кровь 93-го? Беслан? Норд-Ост? Кондапогу? Саяно-Шушенскую? Кущевскую? Домодедово? «Курск» потопленный? Космическую станцию «Мир»? Погибшие заводы? Загубленные села?

Иные философствуют, что все наши несчастья – издержки переходного времени. Может, они и правы. Да только переход-то куда? Камо грядеши?

Имеются и более радикальные рассуждения: перемрут те, кто знает советское время не по наслышке, и будет все в шоколаде. Молодых воспитывают в том же духе: все, о чем «совки» говорят, – мифы. Мифы, что не было у них безработных, нищих, бомжей, беспризорных детей и детей-наркоманов, что не было платной учебы, платной медицины и платных квартир... Все это, дескать, мифы.

Но Интернету рот не заткнешь. Нет-нет, да и зазвучит молодой голос: «Я внук героя войны и правнук героя войны... Ненавижу жирных уродов, присосавшихся к моей Родине...».

Вдруг появится интервью с молодым певцом из «Матрицы»: «Пусть блага в СССР были распределены и понемногу, но они были. Человек работал на страну и понимал, что страна ему отплатит...».

Помнится тот день перестройки, когда популярный попсовец Дмитрий Маликов куражился над гимном Советского Союза. Но вот на сегодняшнем телеэкране хоккеисты юношеской сборной, мальчишки, победившие канадцев единым, как вихрь, порывом, поют наш гимн. Не поют – орут и с такой сумасшедшей гордостью, что слова их тренера кажутся мне собственными: «Я увидел сплоченность, я почувствовал счастье, я почувствовал себя молодым...».

Экипаж канадского лайнера выгнал мальчишек-победителей из самолета за некорректное поведение.

Испокон веков русский максимализм был чужд западникам. Да если бы только им!

Вот не устраивает воспитанного эстетикой Голливуда режиссера Андрона Кончаловского то, что он называет «крестьянским сознанием». Более того, он

призывает власть имущих провести неотложную реформу: *«изменить русскую ментальность».*

Фантастика!

Старики и молодые слушают песни «Любэ» с мелодиями Игоря Матвиенко. Композитор, талант которого расцвел в чудовищные 90-е, вряд ли отдает себе отчет в том, как, из какого кладезя достает он те сокровища мелодий, что становятся народными. Песни его поют успешные и неуспешные, трезвые и поддавшие, опера и десантники, деревенские и городские... Нет, это не хиты, это песни.

«Выйду ночью в поле с конем...». Вытравить из генетической русской природы то, что вызывает в душе эта крестьянская баллада? Перекодировать непостижимое наследие предков?

Почему бы и нет, – считают рашенцы-либералы. Убрать из школьной программы побольше классики, сократить уроки русского языка. В дни именин и дни рождения хэппибездовать и детей, и внуков вместо поздравления старинной деревенской припевкой про каравай. Может, тогда перестанут интересоваться: «Отчего так в России березы шумят?».

IX

«Интеллект победил душу». Написавший эти слова философ Освальд Шпенглер, автор великого труда «Закат Европы», считал культуру прафеноменом прошедшей и будущей истории. И, пожалуй, никто так по-художнически образно не сумел определить тривиальность морали буржуазного общества, построенного на здравом смысле: *«Нисхождение от орлиной перспективы к лягушачьей».*

«Механизирующий интеллект» – еще одно определение немецкого мыслителя.

Вспоминаю свое недоумение при виде фантазий Александра Суслова, художника, далекого от творческих путей традиционалистов.

В холстах и росписях интерьеров Суслов был узнаваем суховатым, жестким почерком, режущими пространство линиями, странной пластикой сращения живых и механических форм, упорным навязыванием мысли: человек – биокомпьютер.

Сам Александр называл свои работы подобного стиля «Путешествие в страну Технологии».

Это было путешествие из 80-х в 90-е, а если продолжить его в XXI век? Тогда увидим человека, изолированного от земного мира, погруженного в виртуальную реальность. А потом как вызов Богу – обретающую плоть электронику и монстров искусственного разума.

Всех своих зрителей, которых смущали и беспокоили умозрительные образы «регенерирующей материи», художник, сам того не осознавая в полной мере, предупреждал о грозной апокалипсической опасности цивилизационного зла, насильственно роднящего Россию с дегуманизацией Запада.

В ноябре 1987 года в газете «Советская культура» было опубликовано интервью с Народным артистом СССР, лауреатом Ленинской премии Иннокентием Смоктуновским. «...Сейчас заговорили о перестройке, инициативе, человеческом факторе. И люди приобрели надежду...».

Что сказал бы ты в наши дни, актер БДТ, МХАТа, любимых фильмов? Как оценил бы инициативу авторов и режиссеров, создающих на сцене и телеэкране бездарные римейки, циничную перелицовку русской классики – все эти ширли-мырли нынешней культуры?

X

Год 1958-й. Ленинград. БДТ.

Мы, студенты филфака, пришли на спектакль по роману Федора Достоевского. Совсем недавно прошла первая серия фильма «Идиот». Чем удивит нас новый режиссер, новый неизвестный актер, исполняющий главную роль?

– Он играет патологию!

– Это не Мышкин!

– Форменный идиот!

– Так искажать Достоевского!

Невзрачная фигура, безвольно опущенные руки и что-то клоунское в волосах, взъерошенных на затылке... Но голос... Тихий, низкий, из каких-то волнующих глубин...

«– Вы думаете, князь, Рогожин готов жениться на Настасье Филипповне?

– Он женится. А через неделю зарежет ее».

Вместе с Ганечкой Иволгиным вздрогнули зрители. Мурашки по коже. Нет больше жалкой фигуры. Приподнял руку... Легкая, худая... Молчит, но рука говорит...

Мы сидим на галерке, но видим взгляд князя Мышкина. Взгляд, беспощадный в своей правде ясновидца и беспомощный в желании облегчить чужую боль...

Строгий критик облегченно откидывается на спинку кресла. Партер притих. А студенческая галерка после занавеса помчится в зал. Будем бешено аплодировать и без конца вызывать этого гениального парня. Гениального!

Потом увижу Смоктуновского, приглашенного в зал публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

Теперь это неяркое подвижное лицо совсем близко...

– У матери я шестой. Жили в нужде. О сцене не мечтал, шутки ради зашли с товарищем на театральный конкурс. Прескверно читали какие-то стихи, но были приняты: после войны не хватало в театре мужчин.

Потом меня выгнали. Зазнаваться стал, бренчал медалями, ходил козырем: фронтовик! Скитался из театра в театр... Эпизодические роли... А я мечтал

сыграть Тиля Уленшпигеля. Вы удивлены? Мне что-то часто говорят о Гамлете, но разве это мое? Я люблю юмор, шутку, комедию... Князь Мышкин? Уж так получилось...

Мы увидели его Гамлета. И услышали неповторимую интонацию: «А на мне иг-рать нель-зя...»

В 1964-м (или в 65-м) Смоктуновский с группой актеров побывал в Кемерове. И, конечно, был приглашен к нам на телестудию.

Телеэкран подобен рентгену души. От него не скрыть и то, о чем молчишь. Крупный план позволяет видеть оттенки мысли.

Камера укрупняет умные, добрые глаза с их проницательным взглядом. И ясно, что загадка неяркого подвижного лица – суть актерского гения. Князь Мышкин, чеховский Иванов, Гамлет, Уленшпигель, любой из нас.

Натянут, как струна. Мгновенно отзывается на реплику и вопрос. И тот же глубокий голос из сердца... Художник!

Театр я полюбила, может быть, благодаря Иннокентию Смоктуновскому.

И какое это было бесконечное удовольствие: видеть двух разных Гамлетов – Смоктуновский и Высоцкий, двух Ивановых – Леонов и Смоктуновский...

Грустно сравнивать этих актеров с теми, что сегодня примелькались в сериалах и рекламах, не брезгуя ни попсой, ни корпоративами. Лишь бы заработать на шикарный коттедж.

Попробуем сравнить Аркадия Райкина с кривозеркальцами, бесконечных телементов с Высоцким-Жегловым. Кого сравним с Ростиславом Пляттом, Мироновым, Папановым, Тихоновым? По масштабу, по глубине таланта, по самоотдаче...

Может быть, я не права. Найдется, наверное, и теперь актер-личность, актер-художник... Дай Бог.

159

XI

Осенью 1996-го на персональной выставке Татьяны Григорьевой под названием «Психографика» я впервые увидела художницу, которая говорила, что руку ее «ведет непонятная сила».

Рисунки, сделанные тушью, представляли гармонию чужеродного мира.

Фантастические глазастые вихри, геометрия, сплетенная с биологическими формами растения и человека, земные лики в плену у механической паутины потусторонних сил... Мутанты? Инопланетные существа? Послание сибирских предков-шаманов? А может быть, как считала сама Татьяна, – личины наших грехов?

Работы отличало безупречное мастерство. Это была импровизация – уникальное свойство любого художника, тем более художника-непрофессионала.

И была заметная смысловая перекличка этих образов с композициями Александра Суслова. Опять пророчество инфернального тупика цивилизации! «Мы не хотим и не будем жить, как вы», – заявят однажды созданные нашими руками монстры технократии. А их агрессия на Земле будет покруче нашей. Хотя и наши, человеческие, злодеяния уже, кажется, на пределе...

В конце 90-х в дни Страстной недели НАТО отметило свой юбилей бомбардировкой беззащитной Сербии. Бомбили гражданские объекты. Бомбили колонну беженцев.

«Живела Сербия! Живела Русия!»

Русия не вмешивалась. Либеральная власть России уже следовала указаниям «Вашингтонского обкома». Институт каких-то там независимых мнений излагал свои взгляды на грядущее расчленение России. МВФ требовал устранить вмешательство государства в судьбу гибнущих неконкурентоспособных предприятий.

Россия молчала. Страдания братьев-славян услышала Природа. Невиданной силы ураган оставил без крова сотни жителей американской Луизианы.

Между тем злокачественное либеральное телевидение заполняло эфир попсой, боевиками, уроками секса, «мыльными операми».

Бабули, месяцами сидевшие без пенсий, сочувствовали богатым, которые «тоже плачут». Когда закончился бесконечный показ «Санта-Барбары», толпа возмущенных зрителей собралась у Останкина с плакатами, требуя продолжения американской стряпни. А ведь еще совсем недавно, в 93-м, у Останкина шел расстрел неподчинявшихся приказам Ельцина.

«...Там они расстреливали людей, сегодня они расстреливают души. Они фальсифицируют историю... – с такой речью 24 апреля 1999 года выступал в Думе режиссер Станислав Говорухин. – Весь народ просит: остановите это телевизионное безумие...».

Свидетель расстрела у Останкина, Станислав Говорухин снял документальный фильм «Час негодяев». Фильм, несмотря на объявленную гласность, был запрещен к показу.

Пройдет еще несколько лет.

Против новой свободы, свободы коммерческого слова выступит «Литературная газета». «Власть должна сказать «цыц» похабному телевидению!» – писал в своем гневном обращении Александр Кондрашов. Бесполезно...

XII

– Корреспонденты, не сдавайтесь!

С этими словами сосед по купе поезда «Кемерово – Москва» протянул мне в качестве презента блокнот и ручку.

Наши зрители уважали свое провинциальное телевидение. А для меня, проработавшей тележурналистом не один десяток лет, телевидение было не

средством массовой информации, а искусством особого рода.

Я возвращалась с Московского Православного семинара с дипломом «За заслуги в деле духовного просвещения Отечества», полученным по благословению Святейшего патриарха Алексия II.

Это был 1995 год. Через полгода мы закончили съемки и монтаж часового телефильма «Спаси, Господи, люди Твоя», посвященного истории строительства Знаменского собора.

Фильм вышел в эфир весной 1996-го, после освящения собора Святейшим, а летом, вернувшись из отпуска, я получила приказ о сокращении. Коллектив заступился, меня оставили, но я смогла проработать только несколько месяцев: телевидение стало чужим. Программа «Дорога к храму», которую я редактировала, не вмещалась в новую сетку передач, а нынешний хозяин не слишком одобрял темы подобного рода.

Знакомясь с коллективом, он, подобно булгаковскому Берлиозу, гордо заявил: «Я – атеист». И можно было ожидать, что в эту минуту к нам пожалует в гости с Патриарших прудов сам Воланд, чтобы напомнить, что Аннушка может разлить свое подсолнечное масло для любого.

В новые времена от каждого из наших журналистов требовалось нечто совсем непривычное, так что готовиться к увольнению по собственному желанию можно было в любой день.

«Что это вы занимаетесь просветительством?» – поставили меня в тупик, познакомившись с планами редакции, представители столичной комиссии.

На ЦТ уже вкалывали «акулы пера». Гласность породила «Взгляд» Александра Любимова, который был счастлив распрощаться с «серой страной».

Мы, провинциалы, еще не успели стать хищниками, но обязаны были учиться либеральным взглядам.

Наш хозяин легко перекрасился из товарища в господина, и тому, кто пытался иметь собственное мнение, мог тут же объяснить: «Я тебя не нанимал». Он запретил выдавать ушедшим на пенсию ветеранам постоянный пропуск: «У нас тут и так все пропадает».

«Просветительские» передачи на нашем экране заменило информационное вещание. Между тем ЦТ все более активно переходило на шоу-бизнес.

XIII

Впервые увидев новую передачу «Поле чудес», я удивилась: разве люди, которые приезжали на «капитал-шоу», не знали детской сказки «Золотой ключик»? Или забыли, что на Поле чудес лиса Алиса и кот Базилио обдурили наивного Буратину?

Со временем и, как мы видим теперь, ежедневно «бабло» становилось главным героем вещания, идеалом и целью жизни.

«Стирай-стирай и настираешь миллион», «Мы вам докажем, что честным быть выгодно». Ради вожделенной суммы человек в ответ на бесстыдные вопросы («Это правда, что вы считаете свою мать плохой?», «Это правда, что вы изменяете жене?») выворачивает на весь честной народ нечистые мысли и грязное белье грехов. Иначе говоря, исповедуется, но не священнику, а зловещей машине, детектору лжи.

За деньги можно, не заканчивая вуз, получить диплом. Можно купить место в Думе. За деньги нанимают киллеров. Психолог-эстет Данилин в радиопередаче «Серебряные нити» заявил: «Деньги честнее идеологии».

Слава Богу, что так думают далеко не все.

В Санкт-Петербурге живет и здравствует гениальный математик, который, несмотря на свою бедность, отказался от миллиона долларов. Григорий Перельман совершил невиданное научное открытие, доказал гипотезу Пуанкаре, над которой целый век бились ученые всего мира. И категорически отказался от денежной премии.

А где-то в Вологодской области проживает еще один чудак. Водитель автобуса с фамилией героя «Войны и мира», Федор Каратаев, находит в пути лежащие на дороге, выпавшие неведомым способом из почтового транспорта инкассаторские мешки с документами и тремя миллионами рублей. Пассажиры предлагают разделить свалившееся из ниоткуда богатство. Ведь не украли. И не узнает никто. Но Федор Каратаев возвращает деньги. Все, до рубля.

XIV

Рынок – необходимый инструмент благополучной экономики. Правда, неуправляемая государством рыночная свобода может завести в тупик, и Россия уже попалась в эту либеральную ловушку.

Есть и еще одна коварная сторона коммерции – рыночная психология.

«Давайте поторгуемся, – предлагают либералы «совкам».

Это берем у вас, это – не берем. Победу вполне можем взять, ваши песни тоже. И заводы-гиганты, и нефтяные скважины, и плотины, и ракеты, и землю...

Лучшую в мире советскую систему образования? Не берем. Дороговато, заменим на образовательные услуги. Юбилей Гагарина? Берем. Даем во всеуслышание голос вашего Левитана. Кроме одной мелочи. «Работают все радиостанции» – оставляем, а «Советского Союза» – убираем.

Пушкина? Вау! Конечно, берем. Кроме одной мелочи. У него там сказка про попа. Некорректно! «Попа» переделываем на «купца». А вот с «Посланием в Сибирь» придется подумать, посоветоваться со знающими людьми. Декабрист в нашей Раше теперь не в моде».

XV

Пушкин оценивал подвиг героев декабрьского восстания как *«дум высокое стремленье»*. И очевидно, это понятие недоступно господам либералам. В программе «Суд времени» мы услышали от них, что декабристы – честолюбцы и злодеи. Самым мягким было сожаление, что они «порушили свои успешные жизни».

А вот понятиями «успешный – неуспешный» в пушкинские времена вроде бы и не пользовались, но высоко ценилось другое: «честь имею».

Вчерашний – сегодняшний, современный – несовременный... Александр Сергеевич куда более современен, чем многие из нас. Ведь можно ошибиться, читая «Скупого рыцаря». Похвалу власти денег произносит какой-то средневековый барон? Да нет, это же наш олигарх с его патологией жадности и высокомерия:

...И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей награды.
Я свисну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство...

Шли съемки в Знаменском соборе. В один из дней Страстной недели я увидела: священник и молящиеся встали на колени, и звучит такой дивный, возвышенный речитатив богослужения, что после службы я подошла к настоятелю собора отцу Владимиру: «Что это?».

Он сказал: «Покаянная молитва Святого Ефрема Сирина. Разве вы не знаете, что Пушкин переложил ее на стихи?»

Я не знала. И нашла те строки, в которых поэт признается, что его именно эта молитва «крепит неведомою силой». И следовал перевод молитвы в стихотворный вариант.

Пушкин молился. И сегодня молится вместе с нами о главном:

Владыка дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Пушкин молился о смирении. Легко ли прощать?.. В январе 1837 года он вызвал на дуэль своего обидчика. И погиб. Спустя четыре года Лермонтов простит, выстрелит в воздух. И погибнет.

Великий и трудный урок прощения по-своему понимал в XIX веке митрополит Московский Филарет: *«Прощайте врагов своих, сокрушайте врагов Отечества и гнушайтесь врагами Божьими»*.

XVI

Данилке четыре года.

Дедушка решил отвлечь его от компьютерных мультиков и берет книгу Пушкина.

Разве может такой малыш понять «Сказку о царе Салтане»? Конечно, не понимает. Но слушает Даня с удовольствием. И вдруг начинает повторять строки поэмы. Он почти напевает их! Он слышит музыку пушкинских стихов! Невероятно...

Прав Антуан де Сент-Экзюпери: дети – маленькие волшебники, детство – иная планета.

Счастливы взрослые, сумевшие сохранить в себе хотя бы частицу сокровищ детской природы, того врожденного художнического дара, когда проснувшись, каждый раз открываешь мир заново. У-див-ляться: видеть диво. Дети это знают. Из-умляться: выглядывать из скорлупы прагматичного рассудка, как умеют это делать дети, поэты, художники.

«Не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». И ведь это слова Спасителя.

XVII

Завершая затеянную «Литературной газетой» дискуссию о «детскости русской души», Андрей Столяров сравнивает Россию и Запад. Он далеко не первый из тех, кто понимает эту великую разницу: жизнь сердца и жизнь рассудка.

Но главное в том, что качества, отличающие цивилизацию России от западной, входят в генетические коды. И уже никак, господин Кончаловский, не изменить русскую ментальность. Андрей Столяров напоминает слова Анны Ахматовой о Пастернаке: «Он полон весь каким-то давним детством». И делает замечательно правильный вывод: детскость – это вообще качество, присущее гениям, «умение видеть вечность во времени».

Казалось, было бы небесполезно исследовать саму природу гениальности. Может быть, именно с этой целью проводил свое широко разрекламированное «научное исследование» известный журналист НТВ Павел Лобков?

Как бы не так! Он суетился в лабораториях, где шли опыты на крысах, в студенческих аудиториях, на конкурсах самого «успешного», чтобы доказать всем нам существование *«гена всевластия»*, который на антропологическом уровне делит людей на лидеров и подчиненных, проще говоря – господ и рабов.

Признаки врожденного превосходства и врожденной ущербности... Что-то подобное изыскивалось в лабораториях Третьего Рейха.

С экрана звучат слова «запах власти». Девушки нюхают майки спортсменов, интуитивно выделяя самого мощного самца. Испытуемые хохочут.

Но, пожалуй, все это не так смешно. Ведь с вашей помощью, ребята, доказывают непреложность «закона джунглей» в человеческом социуме.

Павел Лобков все спешит опереться на авторитеты. И Достоевского вспомнил, эрудит ты наш. Как это у него Раскольников рассуждал? «Тварь я дрожащая или право имею?» Наверное, тварь, если запросто уличен в убийстве старушки-ростовщицы. У нас в XXI веке преступники научились выкручиваться и откупаться.

Может быть, лобковское «научное» из разряда телешоу?

Да нет, уж больно по-рашенски звучит вывод «исследования»: *«Так умирают мечты о равенстве и братстве»*.

Не знаю, какой он там, этот «запах власти», но «научное исследование» Павла Лобкова пахнет идеями известной нордической расы, тех, кто уничтожал в концлагерях и ваших предков, господа из НТВ, а ведь это они, наши отцы и деды, писали в детстве мелом на доске: «Рабы – не мы, мы – не рабы».

XVIII

Весной 2011 года наш Музей изобразительных искусств предложил посетителям богатый выбор, на любой вкус и цвет.

Стою, как витязь на распутье. Направо пойдешь – живопись Ильи Глазунова, налево – фотохудожество, а прямо – юбилейная выставка скульптора Валерия Трески.

Илья Глазунов... В 1988 году он в газете «Советская культура» радовался: «Тому, что называется перестройкой, я отдал жизнь». В 2006 году в «Аргументах и фактах» заявил: «Мы все ближе к центру ада. Новая тоталитарная система демократии – чем она отличается от сталинского строя?! Для меня – ничем. Бордели, игорные дома сияют, а нищие роются в помойках...».

Правда, в сталинские времена не было нищих, борделей и казино, но это неважно: теперь на сталинистов и «совков» принято сваливать все грехи. А для Народного художника СССР Ильи Глазунова, как теперь выясняется, советское знамя было всего лишь «красной тряпкой с серпом и молотом».

Поклонники творчества Ильи Глазунова – это все, кого объединяет только лишь ностальгия по дореволюционной, православно-монархической России.

В студенческие годы мне нравилась живопись ранних работ Глазунова, но потом... Загляну я лучше налево, в залы «актуального искусства». Здесь неискушенный в фокусах поп-арта посетитель остолбенел перед большой панорамой фотокартин, каждая из которых изображает искусно скомпонованные предметы мусорной свалки. О чем хотел поведать автор, можно гадать и так и эдак. Может, образное размышление на тему «Наша Раша»?

Я иду на выставку Валерия Трески.

XIX

Постоянно прикасаясь к первозданному материалу своего творчества – к глине, камню, дереву, скульптор, наверное, задает себе вопрос, подобный тому, который много веков назад волновал Святого Григория Богослова: *«Кто отделял друг от друга то, чего не отделила природа, но свела воедино»?*

Великий богослов, конечно же, знал ответ: *«Помыслил многохудожный родитель всяческих – Божий Ум, и произошла материя, облеченная в формы»...*

То, что мы видели в зале этой выставки из «материи, облеченной в формы», начиналось с мысли, схваченной карандашом.

Набросок надо перевести в материал. С материалом нередко бывают проблемы.

Вот под рукой обычный гипс. И, разводя его малыми порциями, Валерий быстро, пока он не успел отвердеть, лепит. Так в 1978 году он, будучи выпускником Строгановского художественно-промышленного училища, лепил «Ликбез» – фигуру комсомольца в буденовке с книгой в руках. Работа замечательна следами живого почерка – энергичных прикосновений руки. Импровизация!

Судя по книге отзывов, зрителям больше всего нравится на выставке запечатленная в мраморе, известняке, тонированном гипсе улыбка художника.

Чувством юмора Валерий не обделен.

Вот бытовые композиции: «Соседи», «Сплетни», сценка, изображающая мальчика с собакой, справляющей нужду. Иронический, а может, и горький юмор – голова страдальца-алкаша, похожая на обмятое руками тесто. «Зимний лев», укрывающий морду лапами от непривычного жителю прерий холода, – явно фантазия.

Есть еще и «Зимний ворон». Чтобы хоть немного сохранить тепло меленького тела, птица свернулась в комок и стала похожа на темный камень. Застывшее, грустное одиночество жалкого существа. Возможно, глядя на страдающую от зимнего холода птицу, кто-то из нас вспомнит спящего в морозный день в подъезде бомжа и даже подумает о том, что подобная судьба в нынешнем мире может коснуться любого. Жестокость и бездушие страшнее холода.

Любой художник рассчитывает на ассоциации зрителя, на диалог с нами, на соучастие в его творческих раздумьях и эмоциях.

Вот, к примеру, рассеченная надвое, но все же единая структура, выполненная, как и «Зимний ворон», в материале тонированного гипса – «Коммунальная квартира». Это образ, скорее, даже символ вынужденного совместного проживания: дружба или неприязнь, помощь или враждебное настроение. Сугубо бытовая тема. А разве не единое человеческое общежитие наша планета?

Мифический скульптор Древней Греции Пигмалион оживил созданную им Галатею. Вернуть трепет

жизни мрамору женского тела – эту фантазию можно себе представить. Но нельзя сделать плотью философские мысли, отношение к человеку или явлению. И приходит условный образ решения.

Если скульптор хочет одухотворить женскую красоту, он создает в мраморе портрет лица и даже портрет тела, подобный обтекаемому плоду целомудрия. Но женщина может быть, увы, товаром. И он создает беспощадный символ: разорванная красота тела.

Пластическая образность может быть интровертивной, замкнутой на себя, как «Зимний ворон», или как олицетворение затаенной душевной боли человека, изувеченного войной.

Но есть состояние, противоположное замкнутости. Гражданское настроение передает экспрессия – порыв мужской фигуры в работе «Крик в завтрашний день», колокольный набат в композиции «Звонарь». И, конечно, этот падающий наземь и все же стремящийся ввысь воин в памятнике кузбассовцам, погибшим в локальных войнах, который мы видим на Пионерском бульваре Кемерова.

Валерий Треска – монументалист по природе художественного дара.

Вполне можно представить на городском бульваре или в парке его условно решенный образ семейной троицы – отец, мать, ребенок. Эта «Композиция на светлую тему», выполненная из древесины кедра, богатой фактурой и цветом, – мысль о гармонии жизнетворения, о создающей и оберегающей потомство родительской миссии.

Хочется думать, что еще одна работа могла и должна бы выйти из выставочного интерьера в большое пространство любого из кузбасских городов.

«Прометей Кузбасса». Своего шахтера, названного в честь героя греческой мифологии, Валерий изобразил рожденным из земного чрева. И как не вспомнить Григория Богослова... «Кто отделил друг от друга то, чего не отделила природа, но свела воедино?»

XX

О том, что герой Федора Достоевского Митя Карамазов прав и каждый в ответе за всех, мы рассуждали с Киото Итакавой, профессором, приехавшим в 1996 году на научную конференцию в честь 175-летия со дня рождения Достоевского из Японии в наш Новокузнецк.

Разговаривали без переводчика. Наш гость великолепно владел русским языком. О России, судя по всему, он знал больше, чем я о его родной стране.

Я могла бы похвалиться только тем, что любила и знала наизусть некоторые хокку. Эти стихотворные шедевры изумляли емкостью формы, и в них, как в любом истинном произведении, отражалось духовное благородство нации.

За ночь вьюнок обвился
Вкруг бадьи моего колодца,
У соседа воды возьму!

Япония – фантастическая страна. Миниатюра хокку, нежность икебаны и – гениальность высоких технологий.

Народ трудолюбивый и мудрый, мужественно переживший трагедию Хиросимы и Нагасаки и с достоинством встречающий новые испытания 2011 года – землетрясение, чудовищное цунами, техногенную катастрофу.

Япония – маленькая страна в сейсмоопасной зоне. Но японское бедствие – еще одно грозное предупреждение всему человечеству, одержимому потребительскими идеалами.

А природные катаклизмы непредсказуемы. Не спасут ни убежища, ни самолеты-яхты, ни банковские счета, пока вершится на Земле «пир во время чумы».

И ведь именно в эти дни, когда японский народ насчитывает тысячи жертв и борется с последствиями чудовищной стихии, американские хищники руками своих союзников уничтожают под очередным предлогом защиты демократии мирное население маленькой Ливии, владеющей на свою беду большими нефтяными богатствами.

Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия... Кто дальше? Аппетит приходит во время еды. Лицемерие двойных стандартов не знает предела.

Но рев стервятников-истребителей и взрывы ракет, посылаемых НАТО, не сильнее тихого голоса японского хокку, адресованного в том числе и агрессорам всех времен:

О беспощадный рок!
Под этим славным шлемом
Сейчас сверчок звенит.

Март 2011 г., Кемерово

Поздравление автора с юбилеем (подробнее см. стр. 171)

Юрий ПЕРШИН

ХОМУТОВСКИЕ ПОРОГИ

В один из тёплых дней середины июня 1954 года я сидел на крылечке своего дома и с увлечением читал книгу Каверина «Два капитана», которую недавно взял на время у своего товарища. Трудная судьба немого мальчика Сани Григорьева настолько заинтересовала, что я даже не услышал, как меня из-за ограды окликнул мой закадычный друг Анатолий Шелихов. Мы с ним только что успешно окончили девятый класс средней школы № 30 Прокопьевска и находились на летних каникулах.

Видя, что я сильно увлёкся чтением, он открыл калитку в ограде, подошёл ко мне и спросил:

– Ты знаешь новость?

– Что это ещё за новость такая? – недовольно откликнулся я, с трудом отрываясь от книги.

– Я сегодня утром видел нашу учительницу географии Татьяну Васильевну, и она сказала, что профком шахты выделил школе бесплатную туристическую путёвку и деньги для похода учащихся по родному краю, – ответил Анатолий.

– Ух ты, вот это новость! – сразу же позабыв про книгу, обрадовался я.

На другой день, утром, мы все собрались в актовом зале школы, и Татьяна Васильевна объявила нам, что её назначили руководителем школьного похода по заповедным местам юга области. Она также объяснила, что мы пойдём по маршруту: город Сталинск (нынешный Новокузнецк) – Таштагол – рабочий посёлок Усть-Кабырза, а оттуда сплавимся на плотах или на лодках по горной реке Мрассу до рабочего посёлка Мыски и завершим путешествие на городском речном вокзале в Сталинске.

Скоры были наши сборы в этот увлекательный поход. С запасом необходимых вещей и продуктов питания наша группа из 15 человек приехала на пригородном поезде в Сталинск, а оттуда вечером на другом уже поезде отправилась в Таштагол. Прибыв туда ранним утром, мы попросили пожилых женщин, которые торговали колбой возле здания железнодорожного вокзала, указать дорогу в посёлок Усть-Кабырза. Услышав этот разговор, к нам подошёл мужчина с совершенно седой бородой и поинтересовался, откуда мы приехали и зачем. Татьяна Васильевна объяснила. Старик, которого звали Андреем Ивановичем, сказал, что он живёт недалеко от нужной нам дороги и проводит до неё. Мы двинулись следом за ним с тяжёлыми рюкзаками за плечами. Остановился он примерно на середине пути.

– Ну что, устали, наверное, с непривычки?

– Да нет, – хором ответили мы.

– Вот вы, ребята, доехали до Таштагола по железной дороге всего-то за несколько часов, а я, как говорили тогда, за «язык» попав в «Шорлаг», вместе с другими заключёнными строил её несколько лет. Всё бы ничего, да кормёжка в лагере была сильно плохая: щи пустые да перловая каша и пайка хлеба, а работа очень тяжёлая. Приходилось всё делать вручную, а из инструмента – только кирка да лопата. Лекарства для лечения больных в лагере практически отсутствовали, и зэки мёрли, как мухи, от недоедания и простуды. А попробуй только не выполнить дневную норму выработки, начальство со свету сживёт. Случались побеги, но куда убежишь – кругом тайга непроходимая. Ловили этих беглецов и пускали в расход. А я так и остался навсегда в этих краях, когда срок закончился. А куда ехать после десятилетнего заключения? Да и привык очень к здешним местам. Устроился путевым обходчиком, а потом, когда обзавёлся семьёй, построил дом и живу в нём до сих пор....

Так незаметно за разговором мы вышли на дорогу в Усть-Кабырзу. Сердечно поблагодарив Андрея Ивановича, мы простились с ним, а он пожелал нам счастливого пути.

Путь от Таштагола всё время то поднимался в горы, то спускался в небольшие долины, где иной раз текли ручьи такой кристальной чистоты, что мы безо всякой опаски набирали воду для питья и приготовления пищи. По обеим сторонам стояли высокие пихты или мохнатые ели вперемежку с осинами и берёзами, а также обильно росло разнотравье иногда высотой до 2,5 метра. В небольших ложбинах встречалось много ягодных кустарников: чёрной смородины, кислицы, малины, шиповника, целые заросли колбы, такой сочной и вкусной, что мы не только ели её с большим удовольствием, но и заготовляли впрок.

Последний привал перед посёлком Усть-Кабырза устроили на небольшой возвышенности, покрытой густой порослью деревьев и кустарников. После долгого перехода никто из нас не стал утруждать себя сооружением шалашей для ночлега из мохнатых веток елей. Легли спать прямо у гаснущего костра, за что жестоко и поплатились.

Глубокой ночью всех неожиданно разбудил гул приближавшейся грозы. Звуки грома усилились, и пронёсся сильный порыв ветра, от которого сразу

же жутко зашумели окружающие нас деревья. Чтобы укрыться от дождя, мы сразу же бросились под их защиту, совсем не думая о том, что в них могут попасть молнии. Из-под ветвей деревьев было очень удобно наблюдать за грозой. Яркие молнии вспыхивали одна за другой. И сразу же вслед раздавались такие оглушительные раскаты грома, что нам казалось, будто бы там, наверху, прямо над нашими головами, сразу же одновременно бросились в атаку тысячи боевых машин, извергая множество огненных ударов на неведомого противника.

И вдруг после умопомрачительной канонады на землю обрушился такой сплошной поток воды, что мы сразу же промокли с головы до ног. Такой ужасной бури и ливня я больше никогда не видал, хотя потом не один раз пришлось побывать в горах Кавказа, Закарпатья и Средней Азии.

Только почти под самое утро прекратилась эта поразительная по своей мощи гроза.

Когда на небе появилось ласковое солнце, мы с трудом разожгли костёр и немного обсушились. К обеду дошли до речки Пызас и по небольшому мостику перебрались на другую сторону. Перекусив, поспешили дальше, чтобы дойти засветло до реки Мрассу (Акмрас) и переправиться.

Поздним вечером мы добрались до неё. На правом берегу, возле самого устья речки Кабырзы, раскинулся рабочий посёлок Усть-Кабырза. Этот населённый пункт был тогда одним из самых крупных центров лесозаготовки в Кемеровской области.

Через Мрассу всю нашу группу перевёз пожилой лодочник в несколько заходов. Татьяна Васильевна, несмотря на довольно позднее время, разыскала председателя сельского совета и получила от него разрешение временно разместиться на отдых в одном из классов двухэтажной школы.

За те три дня передышки мы успели сделать многое. Закупили продукты в сельпо, а также картофель у местных жителей. Ну, а самое главное – у нас появились плот и лодка. Вот на них-то нам предстояло сплавиться вниз по реке до самого Сталинска. Я сейчас, уже по прошествии многих лет, и не помню, каким образом достались нам плавсредства. Скорее всего, их нам по доброте душевной подарили местные лесозаготовители.

На другой день, рано утром, почти перед самым отплытием, к нашей группе подошёл средних лет мужчина и предложил сопроводить нас по воде вплоть до рабочего посёлка Мыски. За свои услуги запросил три тысячи рублей, по тем временам довольно приличную сумму. Кто-то из наших ребят ответил ему, что за такие-то деньги мы и сами хоть куда доплывём, только бы стояла хорошая погода. В ответ незнакомец промолчал и лишь недобро усмехнулся. Мы вскоре забыли про этот разговор и, как потом выяснилось, зря.

Наконец-то наступил долгожданный момент, когда наши лодка и плот отчалили от берега и, выбравшись на середину реки, стали постепенно удаляться от Усть-Кабырзы. Наш флотик неторопливо плыл то мимо сплошной цепи крутых гор, то мимо густой сумрачной тайги. Кое-где встречались длинные-предлинные плёсы. Там скорость плота и лодки падала почти до минимума, и наши рыбаки забрасывали удочки в воду и ловили на обед рыбу.

Иногда приходилось видеть, как к реке подходили на водопой пугливые сибирские косули. Они долго наблюдали за нами, прежде чем осмеливались приблизиться к воде. Животные в это время года мигрировали в верховья реки, где им меньше досаждали слепни, комары и оводы. Однажды на берегу появился топтыгин. Стоя на задних ногах, он провожал нас внимательным взглядом. Медведи в этот период были сыты и поэтому не бросались вплавь за нами в погоню. Они хорошие рыбаки, таймень, щука и хариус утоляли их нешуточный аппетит.

Когда проплыли небольшую деревушку Усть-Анзас, километрах в восьми от неё заметили зависшую над рекой большую скалу, в средине которой хорошо просматривался полукруглый свод. Замечательное творение природы, как мы узнали позже, называется Царскими воротами.

В том районе, где таёжная речка Ортон впадает в Мрассу, мы вечером остановились на отдых. И, чтобы добыть рыбы на уху, наши заядлые рыбаки поднялись вверх по Ортону. От местного населения мы слышали, что тут очень хорошо ловится хариус и попадается иногда таймень. Они из отряда лососевидных и считаются ценной добычей. Рыбаки вернулись с большим уловом. Большую часть составлял хариус. Его хватило не только для ужина, но ещё и вдоволь осталось на засолку.

Проснувшись рано утром, ребята сразу же разожгли костёр, и когда он прогорел, наши девчонки испекли в горячей золе выпотрошенных хариусов, завёрнутых в листья лопухов. Печёная рыба оказалась настолько вкусной, что мы единодушно выразили нашим поварихам искреннее восхищение и благодарность за такой замечательный завтрак.

Распрощавшись с гостеприимным Ортоном, поплыли дальше вниз по Мрассу. С утра у всех было отличное настроение, и мы пели песни или же смеялись до слёз над чьей-нибудь шуткой. А то и просто восхищённо созерцали окружающую нас великолепную природу.

К обеду причалили возле большого плёса. Погода превосходная. На небе ни облачка, и яркое солнце почти в самом зените. Вода тёплая, и мы с удовольствием искупались, а затем стали загорать на берегу. А к вечеру наловили рыбы, и девчата приготовили из неё уху.

Хорошо отдохнув, наутро продолжили путешествие, совершенно не подозревая о том, какие ужасные испытания ждут всех нас там, впереди.

Проплыв по Мрассу около трёх часов, заметили, что течение убыстрилось и послышался отдалённый гул. Но никто не обратил на это внимания. Но после того как плот и лодка миновали впадающую в Мрассу слева от нас какую-то небольшую речушку, началось что-то невообразимое. Кипящая стена бурунов плотно обступила нас со всех сторон, и раздался такой грозный гул, что мы без всякой на то команды, не раздумывая, попрыгали в воду, и это спасло всю нашу группу от неминуемой гибели. Помогая друг другу, ребята и девчата с трудом выбрались на берег и оттуда в каком-то отупении стали безучастно смотреть на бушующую реку.

Но когда до нас дошло, что одежда, обувь, продукты и рыболовные снасти остались на плоту и в лодке, которые, видно, разбились о пороги, мы приуныли не на шутку.

Одна только Татьяна Васильевна да ещё некоторые девочки спрыгнули с плота в лёгких платьицах, а остальные школьники, загоравшие на плоту, кинулись в воду в одних трусах и купальниках. Никто не успел прихватить ничего из вещей, потому что каждая секунда промедления грозила непоправимой бедой. Только наша руководительница в самый последний момент сумела спасти свою сумочку с документами и туристической путёвкой, выданной профкомом шахты.

Не знаю, сколько бы мы ещё уныло разглядывали пороги, ширина которых доходила почти до 60 метров, если бы к нам не подошёл пожилой шорец. Познакомившись с ним, мы узнали, что зовут его Павлом Ананьевичем Тонаковым. Он долгие годы живет здесь, помогая людям проводить по бушующей реке плоты и лодки.

В этом месте, возле самого начала порогов, находилась когда-то деревня Хомутовка, но население покинуло её, и в настоящее время здесь, кроме старой избушки Павла Ананьевича, ничего не осталось. Всё заросло бурьяном и молодой порослью, в основном осиновой и берёзовой, а также кустами малины и смородины.

Семья Павла Ананьевича жила в двух километрах ниже Хомутовских порогов в деревне, которая называлась Усть-Ташъелга. А ещё примерно в 10 километрах от неё – лагерь для заключённых. Вот для них-то Тонаков и сплавлял различные грузы по порогам в тяжёлых «карбузах». Да ещё геологи, не говоря уж о туристах, также часто пользовались его услугами.

Павел Ананьевич, вникнув в наше бедственное положение, предложил нам пойти к нему домой в деревню Усть-Ташъелга. Мы сразу же согласились, потому что деваться нам было некуда, и двинулись следом за ним по правому берегу.

Многие из нас обратили внимание на то, что вершина горы, которая располагалась на правой стороне Мрассу, полностью снесена каким-то невероятным по своей мощи гигантским взрывом. В результате громадные глыбы породы упали вниз к подошве, а часть её оказалась тогда в самой реке, делая невозможным плавание по ней.

Тропинка была с одной стороны зажата горой, а с другой – ограничена бушующими порогами. Гул от реки такой, что мы почти не слышали друг друга. По-моему, даже рёв стартующих ракет ничто по сравнению с шумом беснующейся здесь воды. Да и неудивительно, потому что у реки в этом районе разность отметок между началом порогов и их концом почти 21 метр.

На протяжении семи километров рядом с ревущей как огромный зверь рекой мы ступали очень осторожно, боясь поранить босые ноги об острые камни. Миновав эти пороги, прошли ещё около двух километров, и перед нашим взором предстала небольшая таёжная деревушка приблизительно с десятком жилых дворов.

Возле ограды небольшого дома нас встретила жена Павла Ананьевича и их сын-подросток, на вид около четырнадцати лет. Мы поздоровались с ними и прошествовали через распахнутую калитку. Узнав, что мы чуть не погибли на порогах, женщина горестно покачала головой, растопила печку, расположенную здесь же, во дворе под небольшим навесом, и начала готовить с нашей помощью обед. Вскоре возле жилища начали собираться деревенские. Одни несли с собой продукты, другие – лёгкую одежду. Особенно в ней нуждались наши девчонки, которые почти все остались только в купальниках.

Ранним утром после лёгкого завтрака Павел Ананьевич сказал своему сыну, что покажет ему единственную протоку, по которой можно проплыть на лодке через Хомутовские пороги. После они спустились к реке, зашагали по берегу к знакомой нам избушке.

Большинство наших ребят и девчат последовали за ними. Интересно, как Павел Ананьевич с сыном будут преодолевать неистовые пороги. Подойдя к своему старому домику, старший Тонаков открыл дверной замок, зашёл в сени и вынес лодочные весла, после чего они спустились вместе с сыном к реке и сели в лодку, стоявшую на приколе. Быстрое течение сразу же понесло их в сторону порогов. Я невольно обратил внимание на то, что солнце не било им в глаза, а светило в спину, не мешая управлять лодкой. Нужно сказать, что зрелище было не для слабонервных. Лодка, управляемая Тонаковым, вошла в известную лишь ему одному протоку, и кипящие буруны скрыли её от нас. Все мы бросились бежать по берегу, чтобы узнать, куда исчезли греб-

цы в бушующем потоке. Лодка вдруг стремительно выскочила из клокочущей воды и резко задрала нос. Но Павел Ананьевич, очень быстро работая вёслами, умело держал её курс как раз посередине протоки. Его сын находился на заднем сиденье, сильно наклонившись к днищу. Он, по всей видимости, ничего не чувствовал, кроме ужаса, охватившего его во время сумасшедшего спуска по бушующей реке. Но вот лодка снова скрылась среди громадных валунов, окружённых бурлящей водой. А вокруг нас стоял такой оглушительный гул, какой, наверное, бывает только в аду. Но через мгновенье лодка с Павлом Анананьевичем и сыном снова выбралась из безумного водоворота и устремилась к пологой водной террасе... а затем опять скрылась в бурунах. И этот кошмар повторился еще несколько раз. Но всё же в конце концов их лодка, преодолев ещё несколько таких же почти непреодолимых перекатов, вышла на водную гладь. А неистовые пороги остались далеко позади сплавщиков. Павел Ананьевич не успел ещё толком причалить лодку к берегу, как из неё стремительно выскочил его сын и вскоре исчез в зарослях тайги. «Ничего, – спокойно сказал нам Павел Ананьевич, – побегает немного по тайге, а как проголодается, так сразу прибежит домой, однако».

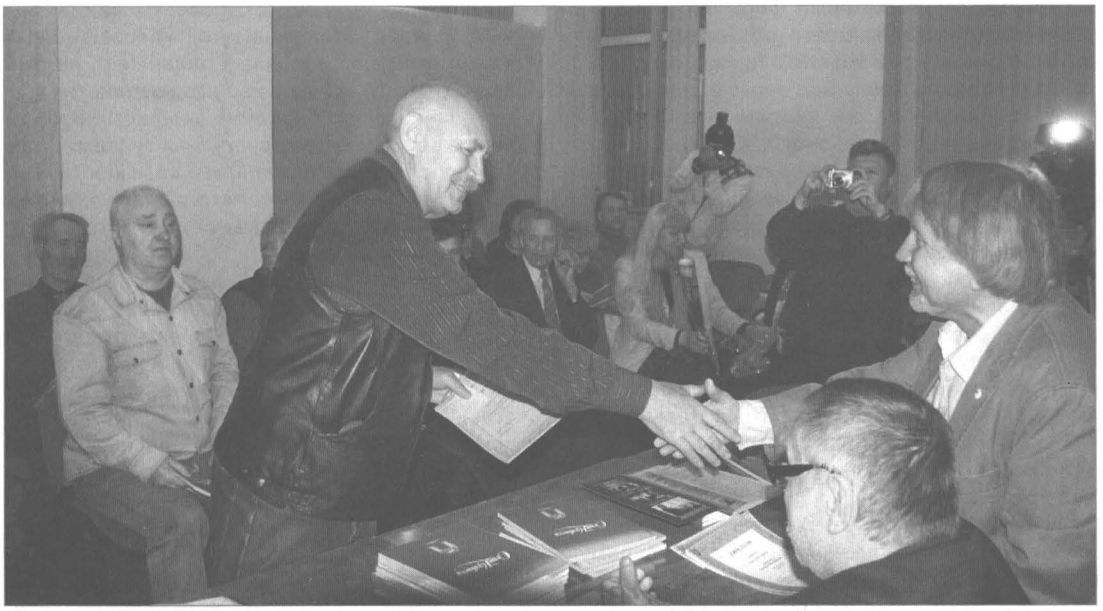
На другой день рано утром Тонаков повёл всех нас в лагерь заключённых, находившийся примерно в 10 километрах вниз по реке от деревни Усть-Ташъелга. Мы отдыхали в этом лагере три дня, и за это время заключённые сделали нам новый плот. Вот на нём-то мы и доплыли до речного вокзала Сталинска.

А позже я узнал, что после того, как на Хомутовских порогах разбились школьники из Осинников, пороги были взорваны. На правом берегу Мрассу установили памятник погибшим: лицом к реке скорбящая женщина с ребёнком на руках.

Неудачи туристического похода быстро забылись, зато в памяти на всю жизнь осталась первозданная природа Горной Шории, наедине с которой мы провели три недели, незабываемые до сих пор.

пос. Малиновка

Литературная жизнь

Вручение писателю Виктору Арнаутову диплома и премии лауреата журнала «Огни Кузбасса» за 2011 год

К ПРОЗЕ МЕНЯ ПРИВЕЛА ЛЮБОВЬ...

Так написал в «Автобиографии», предпосланной прозаической книге «Воспитание кривых бревен», что издана кемеровским издательством «Сибирский писатель» в 2011 году тиражом 500 экземпляров, самобытный сибирский поэт Виталий Креков.

Писатель ещё и продолжил: «Любовь к своему городу, который хорошеет год от года. Любовь к родному краю, которого нет красивей на всей земле. Любовь к людям, которые бывают прекрасными и очень хрупкими».

О людях, отрабатывающих свой индивидуальный грех нелегкой жизнью, эта поэтическая проза. С самых первых фраз она вызывает изумление: оказывается, и так можно писать и разговаривать. Язык Крекова и его героев – исконно народный, каким уж совсем редко кто изъясняется ныне, разве что старушки глубокие да старики древние, а лет пятьдесят тому говорили по-крековски многие, особенно в деревне.

Книга, имеющая подзаголовок «Повести и рассказы» (так на титульном листе, хотя на обложке наоборот – нередкая небрежность периферийных изданий), на самом деле выстроена как единый текст жизненного пути главного героя, альтер эго автора, пусть и носящего различные имена в разных историях. Всё растет, как и положено, от начала появления на свет главного героя, который формулирует фатальное: «С самого начала моего осознания, что я живу на белом свете – это практика наказания. Да и белый свет, в котором я начинал первые шаги, был не белым, а черно-белым, землистым, пасмурным, где до конца ничего не разглядишь». Сплошной мибемоль минор, тем более что герой любит классическую музыку, которая все его годы земного обитания не только гладит чувства, но и западает в память, сначала из радиопередач, а потом и до филармонических концертов сподобился дорасти.

Эпизод за эпизодом жизненная линия ведет через голодное и босоногое детство к возмужанию и заканчивается, опять-таки как и должно, старостью, подмораживанием ощущений и чувств, как в рассказике «Воробьев», подвижками к избавительнице-смерти в завершающем «Царствии Божием», где благостно умирает баба Тася и племянник отмаливает для неё райскую жизнь.

Виталий Креков – по большому счету, бытописатель, мелочи жизни под его внимательным взглядом удивляют подробностями, иногда умиляют, а может, кого-то и раздражают. Он пишет простую жизнь простых людей, коих зачастую нынешние сильные и богатые мира сего называют «людишками». «Маленький человек» – вот главный герой писателя. Можно сказать, классики описали такового от и до, но у нашего автора он именно наш – простой человек советского времени во всей своей красе, если использовать литштампы, а здесь – во всей неприкаянности, вопиющей бедности (Креков замечательно написал когда-то в стихах: «Наша бедность граничила с Богом!»), бестолковости и напрасных поисках счастья. Страдание – вот его основа основ, когда, согласно Крекову, даже «подарки не дают просто так. Их нужно отстрадать».

Это было послевоенное неустроенное время. Мало кто помнит голод тех лет, заслоненный в памяти великой Победой в великой войне. Однако автор вынянчил воспоминания о еде и даже в сегодняшние сытые времена довольно часто склоняется в написанном к подробному перечислению того, что выставлено на столе. «Как бы неплохо ни кормили, есть всегда хотелось», – рассудительно заявляет детсадовец из рассказа, который «...верил, что в мире нет неправды, а есть одна только правда». Опять его же умиление: «Я поедал ласковые травы, головки стеблей подорожника, семена трав, маленькие шампиньоны, молодые побеги тальника, вершинки лопухов». Совсем не случайны у главного героя-подростка слова о зарабатывании «копеечки». Именно «копеечка», дающаяся в поте нелегкого труда, кормила тело, а значит, помогала рождению мыслей. Потому-то дитя по фамилии Креков навсегда врезал в память, что и сколько стоило в то время. Сегодня редко кто из читателей сориентируется в ценовых масштабах, когда, например, «...дед купил матери (главного героя. – *В. П.*) пальто за 550 рублей». Что бы ему в стоимости этой одежки для матери, однако же...

В рассказе, а может, повести «Воспитание кривых бревен» (название-то каково!) нарисована жизнь, увиденная глазами пацаненка, не взрослеющего, навсегда сохраняющего восприятие маленького человечка, что блестяще демонстрирует писатель своим особым индивидуальным стилем.

Любопытны родственные связи юного героя, разветвленные, кустистые, патриархально важные и ответственные, может быть, сакральные, все эти разнофамильные деды с бабками, дяди и тетки, свекрови и тещи, многочисленное потомство племянников, ставящее читателя часто в тупик при попытках разобраться, кто для кого кто есть. Главное, для автора ясно и безоблачно сие родство.

Как будто бред, всё в куче: персонажи и родственники, события, наплывающие одно на другое, рвущие последовательность времени, возвращающие действие вспять, чтобы затем, перепрыгивая через годовые кольца, раскрыть волшебным образом через мелочи быта таранный, все сметающий ход бытия, за которым – эпоха. «Там был рай», – восклицает герой, и ему веришь.

Хороший плюс писателя Крекова – его красочные самобытные метафоры, корень которых опять-таки в народном языке, в поэзии. Вот, например, настоящая языковая изюминка при описании верховой езды, которая есть попытка полета, а может, и сам полет, и даже руки всадника, как крылья... А вот

«...самогон, воспитанный под коньяк». И таких сравнений, метафор, всего богатства языкового у Крекова много – пей, не хочу. Такую прозу можно сравнить с тем, что делал в литературе русский гений Андрей Платонов: у нашего писателя и классика корневище единое – в народе-богоносце; стебли, конечно, разные, как уровень таланта разный. Платонов – это вершины философского постижения мира, Космоса, у Крекова – в основном быт, лишь иногда втекающий в бытие, стремление подняться над повседневностью, которое часто остается не реализованным. Ну и мастер языковой вязи и метафорической вышивки Владимир Личутин, безусловно, в учителях у нашего писателя-сибиряка, хотя при живом общении, разговоре он может в том и не признаться.

Вот автор зачем-то живописует лето – пик сельской жизни в деревне Сухая Речка; на протяжении рассказа то один земляк «приземлятся» в повествование, то другой, озадачивая читателя внезапностью появления. Впрочем, так ведь и в жизни происходит-бывает. Но отчего-то любопытно при чтении, у кого и как плодятся куры, а гуси почему-то никак, у Козицыных (кто бы знал, кто такие!) по первой капели отелилась корова, но тут главное не отел, а поглощение молозива – первого молока, вареного или, как делала когда-то моя мама, жареного на сковороде. Автор тем временем продолжает разворачивать свиток жизни Ульяны Козицыной, «уже немолодой женщины», и не поймешь, зачем она тебе, но её немудреная жизнь оказывается интересной и поучительной.

А за ней вслед вступит в прозу узник концлагерей Вощилин, мастер на все руки и добрый человек, судя по делам его. Так и движется путь писателя, а за ним и читателя, от дома к дому со всеми их обитателями: кто на ком женился, кто с кем сошелся и детей «настрогал» (мальчик, от лица которого ведется рассказ, так и воспринимает выстругивание ребятишек на манер папы Карло, сделавшего ножом Буратино), кто и как выстраивает свой путь.

А какая тяга сельчан к искусству! Готовы слушать и стихи, и пение героя, которого непременно обильно угощают после импровизированного концерта «салом, сметаной, молоком, вареной молодой картошкой» – в поглощаемой пище Креков точен и обстоятелен всякий раз. Поэзия!..

Вообще-то в летописях не так и важны плавные переходы при описании. Так и у Крекова: «К Горифулиным, что жили ближе всех к Бурцевым, придешь, там голые стены, едят одну картошку, запивая водой, и целый базар непонятной речи, что-то: «Сюк, сюк, сюк». И сразу в следующем абзаце, без перерыва: «Той же зимой на выборах была драка в клубе». Вот такая стихийная «драка» – почти вся проза поэта.

А ещё и религиозность корневая, народная. Моя бабушка радовалась бы этим местам в повествовании; больший кусок жизни провела в деревне, где никаких священников, а молились даже в самые антирелигиозные гонения коллективно – сойдутся несколько человек и читают молитвы и Псалтырь, единственную священную книгу, какая была и которую берегли как зеницу ока. Вот так случайно, но и предопределенно нашел Бога уже в раннем детстве крековский герой и сохранил в душе своей.

Ещё одна тема этой своеобразной прозы – поиски своего дома. Землянки, халупы, комнатки, наконец отдельная благоустроенная квартира, дачки – всё их мелькание вкусно проговорено и красочно нарисовано словом. Человеку нельзя без дома, вот и мечутся персонажи по необъятной стране, не могут обрести покоя в душе и своего места на земле. И симптоматично, что в «Воспитании кривых бревен» один из продолжателей семейного дела и смысла, увидев свою разграбленную вороватыми селянами дачу, собственными руками сжигает эту мечту о доме, как будто руководствуясь апокалипсическим: «А не доставайся ты никому!» И выбирает, по причине горящей души после импровизированного аутодафе, обратную проселочную дорогу – «путь, где сильно било и трясло». Прозрение писательское в «огненной» метафоре, которую легко толковать после гениальной сцены сжигания собственного дома в фильме Андрея Тарковского «Жертвоприношение»: для всех нас дорога впереди терниста, где будет сильно бить и трясти. Ещё и неизвестно, выберемся ли на нормальный путь?..

А теперь о недостатках книги. Уж слишком много у писателя «внезапных» персонажей (помнит ли их всех сам повествователь?), читателю, конечно, не разложить их по полочкам вовек: выпрыгивают, как чертики из табакерки, чтобы быстренько слинять в неизвестность. О «рваности» повествования уже говорилось: хороший редактор, заинтересованный не в причесывании под привычное, смог бы помочь прозаику. Кстати, львиная доля явленного в книге опубликована в разное время на страницах журнала «Огни Кузбасса». Почему автор не взял в книгу очень даже неплохо отредактированные произведения, понять невозможно.

Хуже Виталию Крекову удаются большие формы, рассказы цельнее, да и ударнее, чем повести, которые рыхловаты, требуют серьезной работы над каждой фразой, чтобы не было провисания текста, ухода сюжета «огородами и к Котовскому», что, по-моему, имеет место.

Наконец, количество грамматических ошибок и опечаток в книжке просто зашкаливает. Эти дебри запросто могут отпугнуть читателей. А привести текст в грамматическое чувство легко помог бы корректор, коего, судя по выходным данным, просто не было.

И последнее, в чем, наверное, вины автора совсем чуть: уж слишком провинциален стандарт, которым руководствовались издатели, провинциализм так и прет из внешнего вида книги.

Валерий ПЛЮЩЕВ,
г. Кемерово

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

25 ноября в КузГТУ прошел заключительный этап конференции-конкурса творческих работ обучающихся образовательных учреждений Кемеровской области, посвященный Году космонавтики в России. На конкурсе были заслушаны и оценены в двух секциях 24 работы учащихся из Кемерова, Анжеро-Судженска, Ленинска-Кузнецкого, Прокопьевска, Юрги, Полысаева, Тяжина. В работе жюри от Союза писателей Кузбасса приняли участие А. Иленко и В. Арнаутов, которые в качестве дополнительных поощрений подписали свои книги юным конкурсантам.

25 ноября в Доме-музее на Красной Горке состоялось представление 12-го номера альманаха с одноименным названием, с тематическим подзаголовком «Огонь, объединивший нас». Провели мероприятие работники музея и главный редактор альманаха Г. Е. Юров. Среди авторов номера писатели Геннадий Юров, Василий Попок, Виктор Арнаутов и поэты Виктор Баянов, Валентин Махалов, Евгений Буравлёв.

8 декабря в классическом лицее г. Кемерово, в Литературной гостиной «Изюм», состоялся вечер вопросов «Поэзия или рифмованный текст. Поэт или графоман». Вечер организовала Людмила Чидилян. На вопросы отвечал Д. Мурзин. Вечер закончился поэтическими чтениями.

11 декабря г. Юргу посетили поэт Андрей Правда и писательница Вера Лаврина. Они читали стихи, рассказывали о своём творческом поиске, отвечали на многочисленные вопросы, представляли свои книги, выпущенные в разные годы, в том числе и новую книгу «Вдвоём», изданную в 2011 году к 55-летнему юбилею Веры Лавриной. Встречу организовали юргинцы – постоянные участники литературной студии «Свеча»: супруги Дмитрий и Татьяна Нестерук, поэтессы Татьяна Колач и Наталья Сенн. Творческая активность авторов, с одной стороны, дружелюбие и гостеприимство хозяев – с другой, – всё это придало поэтическому празднику особый незабываемый колорит.

12 декабря в Зале областной научной библиотеки им. В. Фёдорова состоялся творческий вечер поэта Б. Бурмистрова, чья книга «Сквозь сумерки времён» отмечена высокой наградой – Большой литературной премией России. К тому же минувший год для поэта был юбилейным – ему исполнилось 65 лет. Гостями вечера стали работники городских библиотек и почитатели литературного мастерства Б. Бурмистрова. Их вниманию были представлены видеоролики, освещающие наиболее значимые моменты творческой судьбы поэта. Звучала музыка – как добрый подарок уважаемому автору и гостям вечера. Барды Алексей Кузин и Виктор Егоров исполняли под гитару песни на стихи поэта. В зале царила лирическая атмосфера.

16 декабря, в канун Дня энергетика, в зале Дома литераторов Кузбасса состоялось торжественное вручение премий за 2011 год традиционного конкурса «Энергия творчества», учреждённого ОАО «Кузбассэнерго» и Союзом писателей Кузбасса. На официальной церемонии награждения руководитель аппарата ОАО «Кузбассэнерго» Дмитрий Голофаст подчеркнул, что «говорить о моменте состязательности, когда речь идёт о литературных произведениях, пожалуй, не совсем уместно. Каждый автор хотел сказать что-то своё, ночей не спал, обдумывая идею своего произведения. Так что оценивать это по принципу «лучше» или «хуже» нельзя. Но тем не менее конкурсная комиссия всё же сделала свой выбор. Причём стоит отметить, что выбор этот был непростым». Жюри выделило 13 авторов, чьи работы показались наиболее талантливыми и отвечающими задачам конкурса.

Проза:

I премия – Павлов Сергей Михайлович (г. Кемерово) за роман «Кузбасская сага» (журнал «Огни Кузбасса», № 4, 5, 6 за 2011 год).

II премия – Естамонов Геннадий Акепсимович за книгу «Дом у шахты».

Поэзия:

I премия – Бурмистров Борис Васильевич за книгу стихов «Сквозь сумерки времён» и поэтическую подборку (ОК № 4).

II премия – Коврижных Виктор Анатольевич (г. Белово) за сборник стихов «Избранное время» и поэтическую подборку «Стала Родина часто сниться» (ОК № 1).

Дебют:

Рыжова Агата Юрьевна за повесть «Однажды и навсегда» (ОК № 2).

Публицистика:

Власов Валерий Григорьевич за материал «И воспрянет душа» (ОК № 4).

Специальная премия:

Донбай Сергей Лаврентьевич за совокупность литературных заслуг.

Поощрительные премии:

1. Тудегешева Таяна Васильевна (г. Новокузнецк) за поэтическую подборку «В сговоре с веками» (ОК № 3).
2. Максимов Олег Ефимович (г. Таштагол) за книгу стихов «Плот судьбы».
3. Подгорнов Сергей Елизарович (г. Анжеро-Судженск) за приключенческую повесть-притчу «Салим» (ОК № 3) и поэтическую подборку «Над терриконом, парком, лугом?» (ОК № 4).
4. Мурзина Наталья Петровна за публицистический материал «Держись, последняя крепость!» (ОК № 3).
5. Естамонова Зоя Николаевна за публицистический материал «Страницы Ивановского дневника» (ОК № 1).
6. Иленко Анатолий Павлович за книгу стихов «Рассудит время» и поэтическую подборку «Сердцу время подошло» (ОК № 5).

21 декабря поэт Д. Мурзин выступил в исправительной колонии № 22. Встречу организовали сотрудники городской библиотеки им. Н. В. Гоголя.

27 декабря в зале Дома литераторов состоялось отчётное собрание за 2011 год. Председатель Союза писателей Кузбасса Борис Бурмистров сердечно поздравил с 75-летним юбилеем писательницу Зою Естамонову, много сил и энергии отдающую литературе, всю свою жизнь посвятившую искусству. Зоя Николаевна много публикуется в периодической печати, создавая очерки, документальные повести, жизнеописания. С искренней теплотой Зою Николаевну поздравили представители Союза художников, отмечая большое значение её творческого труда в области искусствоведения. Юбиляру вручили Почётную грамоту администрации города Кемерово, пожелали здоровья, благополучия, вдохновения и новых удач. В подарок к юбилею по инициативе мужа и Союза писателей была издана книга стихов Зои Николаевны Естамоновой «Фантазия».

В продолжение вечера Борис Бурмистров выступил с отчётом о работе, проделанной писательской организацией в уходящем году. Звучала критика, предложения и пожелания по организации деятельности творческого союза на будущий год.

Ещё одним событием вечера стали также награждения: общественную деятельность поэта Бориса Бурмистрова отметила областная профсоюзная организация работников культуры. Её председатель В. Кабин вручил ему Нагрудный знак Федерации профсоюзов и почётную грамоту. А поэтесса Ирина Малкова из Новокузнецка решением Исполкома МСПС получила медаль им. Шолохова.

По итогам голосования собрание писателей рекомендовало к приёму в Союз писателей поэтессу Анастасию Куприк (Русских) из города Новокузнецка и детскую писательницу Нину Глушкову из города Полысаево.

11 января в Доме литераторов в начале представления шестого номера журнала «Огни Кузбасса» были торжественно объявлены имена лауреатов журнала за 2011 год и вручены дипломы и премии: Виктору Арнаутову (роман «Велимир», ОК № 1), Валерию Баранову (повесть в стиле ретро «Скорпионовая мазь», ОК № 3), Алексею Бельмасову (поэтическая подборка «Человек состоит из солнца!», ОК № 1), Леониду Гержидовичу (поэтическая подборка «По-новому сердце забилось», ОК № 2), Вячеславу Лопушному (эссе «Перекрестье судеб» и другие материалы, ОК № 1), Сергею Филатову (повесть-миф «Сердцевина», ОК № 3).

Вечер продолжился представлением журнальных публикаций шестого номера. Среди авторов, рассказавших о своих произведениях, – прозаики Сергей Павлов (роман «Кузбасская сага»), Виктор Коняев (рассказ «Ромка, Димыч и печаль») и Ирина Тюнина (рассказ «Мой» ожидает»). Поэзию номера представил Дмитрий Мурзин. На волне всеобщего интереса выступил по поводу своего эссе «Случайные записки нехорошего человека» актёр Олег Кухарев. Наталья Мурзина рассказала о своём публицистическом материале из рубрики «Православные чтения». Со стихами выступила Таня Распопова – юный автор рубрики «Светлица». Всеобщее оживление вызвала Любовь Скорик, высказав остроумные замечания в адрес работы редакции. Провёл вечер редактор журнала Сергей Донбай.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В московском журнале поэзии «Арион» (№ 4, 2011) опубликованы стихотворения Д. Мурзина.

В красноярском литературном журнале «День и ночь» (№ 6, 2011) опубликована поэтическая подборка Владимира Каганова.

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Естамонова Зоя. Фантазия: стихи / З. Н. Естамонова. Кемерово: РПА «Ректаймс», 2011. – 98 с.

Курочкин Олег. Осень в хрустале: стихи, проза / О. Курочкин. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – 59 с.

Гольцман Эдуард. Постой, дорожка!: весёлые стихи детям / Э. Гольцман. – Новокузнецк, 2011. – 46 с.

Каганов Владимир. Философия магического реализма. Диалектика творческих процессов в природе, обществе и культуре. Издатель: LAP LAMBERT Academic Pablishing Gmbg & C°. KG dudweiler Landstr. 99, 66123 Saarbrucken, Germany.

Подготовила
Наталья МУРЗИНА

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Всерусский Соборъ» и **«Родная Ладога»** (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» и **«Новый енисейский литератор»** (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай», «Барнаул» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь», «Зеленая лампа» (Иркутск).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, которую они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флэшки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: **sp_kuzbass@mail.ru**

Наш сайт: **www.ognikuzbassa.ru**

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, пр. Советский, 40. В Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Металлургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован
Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением

Свидетельство № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

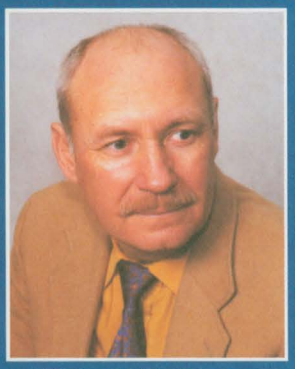
Технический редактор *В. И. Труханова*
Корректоры: *Т. Э. Панибратова, Т. А. Козяева*
Компьютерная верстка *Л. А. Астанковой*

Подписано к печати 02.02.2012. Формат 60×84 ⅛. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1100 экз. Заказ № 424.
Цена свободная

Адрес редакции: 650000, г. Кемерово, пр-т Советский, 40.
Адрес изд-ва и типографии: ООО «Издательство «Кузбассвузиздат». 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-29-34. www.kvi.bip.ru

ЛАУРЕАТЫ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» ЗА 2011 ГОД

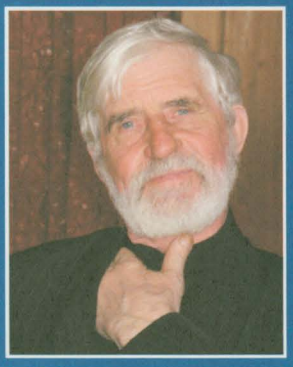
Подробнее читайте на стр. 171

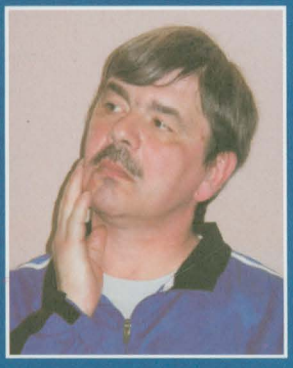
Виктор Арнаутов, проза

Валерий Баранов, проза

Леонид Гержидович, поэзия

Алексей Бельмасов, поэзия

Сергей Филатов, публицистика

Вячеслав Лопушной, поэзия

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА «ЭНЕРГИЯ ТВОРЧЕСТВА»

Слева направо: Д. Голофаст, руководитель аппарата ОАО «Кузбассэнерго», В. Зубарев, Г. Естамонов, Н. Мурзина, С. Павлов, З. Естамонова, С. Подгорнов, Б. Бурмистров, В. Плющев, А. Рыжова, С. Донбай, В. Коврижных, А. Иленко, В. Власов, О. Максимов

Подробнее читайте на стр. 170

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписка на журнал «Огни Кузбасса»
на первое полугодие 2012 года
оформляется в любом отделении
почтовой связи Кемеровской области
по каталогу «ПОЧТА РОССИИ»

ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС 12234

Периодичность выхода – раз в два месяца
(6 номеров в год)

Подписная цена за полугодие 180 руб.